ПАНТЕОНЪ

№ 6. — Іюнь.

1851.

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТОЙ КНИЖКИ.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

А.) ОТДѢЛЪ ДРАМАТИЧЕСКІЙ.

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА. Историческія сцены, въ пяти дѣйствіяхъ, соч. *Ив. Ни — ова.*

В.) ОТДѢЛЪ ПОВѢСТВОВАТЕЛЬНЫЙ.

КРАСНАЯ ФЕСКА. Повѣсть *В. Савинова.*

II. ИСТОРІЯ ИСКУССТВА.

НАЧАЛО И РАЗВИТІЕ ОПЕРЫ ВЪ ЕВРОПѢ.

III. ЮМОРИСТИКА.

ДВѢ СДАЧИ ВЪ ПРЕФЕРАНСЪ. Разсказъ *А. Бутовскаго.*

V. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

1. **Чудакъ математикъ.** Оригинальная комедія въ одномъ дѣйствіи и въ трехъ картинахъ.

2. **Прерванный ужинъ или лишняя дверь въ квартирѣ холостяка.** Шутка-водевиль, въ одномъ дѣйствіи, соч. *Н. Я. Яковлевскаго.*

3. **Огородъ и дача на Петергофской дорогѣ или несчастный день Тихона Сидоровича.** Шутка водевиль въ одномъ дѣйствіи.

4. Сцены изъ трагедіи Озерова «Димитрій Донской.»

5. **Цыганка.** Оригинальный водевиль, въ одномъ дѣйствіи соч. *Г***.*

6. **Картина степной жизни цыганъ,** поставленная г. *Артемовскимъ.*

(Бенефисъ г. режиссера Цирка Краюшкина.)

7. **Черная немочь.** Оригинальная драма, въ трехъ дѣйствіяхъ и трехъ картинахъ, соч. *г. Славина* — съ пѣснями и плясками. (?)

8. **Не бывать воронѣ соколомъ, а курицѣ пѣтухомъ.** Комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. *г. Славина.*

9. **Дѣвичьи клятвы или вся бѣда отъ романовъ.** Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Перев. съ французскаго *г. Соловьева.*

(Бенефисъ актера-пансіонера Радина.)

Содержание : **Пантеон и репертуар русской сцены. – 1851. – Т. 3. – Кн. 6 (июнь).** [Продолжение].

Панорама иностранных театров.

Франция. (Письмо из Парижа). – Театр Большой Оперы. – Ночной демон, опера, либретто Баяра, музыка Розенгайна. – Сафо, опера, либретто Омилия Ожье, музыка Гуно. – Новые пьесы, приготовленные театром Большой оперы. – Комическая опера. – Конец сезона итальянской оперы. – Три свадьбы, опера, либретто Береттони, музыка Алари. – Французский театр. – Христиан и Маргарита, комедия в одном действии, в стихах, Поля Мерсье и Эдуарда Фурнье. – Дамское сражение, или Состязание в любви, комедия Э. Скриба и Лугуве. – Отпуск г-жи Рашель. – Театр Одеона. – Гофмановы сказки, фантастичесая драма в четырех частях с прологом и эпилогом, соч. Жюля Барбье и Мишеля Карре. – Театр Драматической гимназии. – Манон Леско, драма соч. Марка Фурнье и Барьера. – Midi á quatorze heures, комедия-водевиль Теодора Барьера. Новые пьесы Театра Разнообразия. – Доктор Пыреи, водевиль Варена. – Ключница, водевиль в одном действии Мишеля Делапорта. – Другой муж, моей жены, водевиль гг. Мельсвиля и Ксавье. – Театр Монтансье. – Зубы прорезаются, водевиль Марка Мишеля и Лабища. – Мадам Бертрам и мамзель Ратон, комедия Дюмануара и Лагранжа. – Любовь на слепой глаз, комедия Мелесвиля и Ксавье. – Марсиаль, завоеватель сердец, комедия-водевиль Малесвиля. – Театр Развлечений. – Маша, идиллия г-жи Реньоде-Пребуа. – Театр Амбигю. – Граф де Марсерф, драма А. Дюма. – Национальный театр. – Клишийская застава, историческая драма А. Дюма. – Театр Сен-Мартенских ворот. – Дорожники, драма Латур де Сент-Ибара. – Немой, драма в семи действиях гг. Анисе-Буржуа и Массона.

Смесь.

Два года в плену у горцев, В. И. Савинова. – Петр Великий в Казани. – Два отца – два гордеца, рассказ из времен Людовика XIV.

Балагур.

Тотоло и Россини. – Волшебная флейта. – Странности Керубини. – Странные идеи мономанов. – Странности Генделя. – Анекдоты.

Репертуар русской сцены № 6.

Всякий шут Иван Иваныч! Шутка-поговорка в двух действиях Ф. А. Кони.

ПАНТЕОНЪ

И РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Ѳ. КОНИ.

ТОМЪ III.

ІЮНЬ — КНИЖКА ШЕСТАЯ.

1851.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 26-го Іюня 1851 г.

Цензоръ *П. Пейкеръ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. К. КРАЙЯ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I.

ОТДѢЛЪ ДРАМАТИЧЕСКІЙ.

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ, ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ,

Соч. Ив. Ни — ова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Димитрій Іоанновичъ, Великій Князь Московскій.
Князь Иванъ Васильевичъ Смоленскій.
Князь Ѳедоръ Романовичъ Бѣлозерскій.
Князь Андрей Ѳедоровичъ Ростовскій.
Князь Андрей Ѳедоровичъ Стародубскій.
Князь Василій Васильевичъ Ярославскій.
Князь Ѳедоръ Михайловичъ Моложскій.
Князь Владиміръ Андреевичъ, двоюродный братъ Великаго Князя.
Князь Симеонъ Константиновичъ Оболенскій, начальникъ сторожеваго полка.
Романъ Михайловичъ Брянскій.
Василій Михайловичъ Кашинскій.
Димитрій Михайловичъ Волынскій.
Андрей Серкизъ, помощникъ Оболенскаго.
Бояринъ Левъ Морозовъ.
Бояринъ Ѳедоръ Грунка.

Князь Андрей
Князь Димитрій } Ольгердовичи.
Бояринъ Иванъ Родіоновичъ Квашня.
Михаилъ Брянокъ.
Князь Іоаннъ Торусскій, братъ Оболенскаго.
Сабуръ, оруженосецъ Владиміра Андреевича.
Григорій Холопищевъ, оруженосецъ Оболенскаго.
Олегъ, Князь Рязанскій.
Епифанъ Кореевъ, его старшій бояринъ и посланникъ.
Змѣевъ
Шишкинъ
Михайловъ
Мельниковъ } Рязанскіе бояре.
Андрей Кореевъ, племянникъ Епифана, служащій при Князѣ въ качествѣ рынды, лѣтъ 18-ти.
Темникъ - Мамай, татарскій ханъ.
Мурза Бегичъ, военачальникъ, разбитый въ дѣлѣ при Вожѣ.
Мурза Бутакъ, посолъ ханскій.
Бырдяй, главный письмоводитель хана.
Девлетъ - Кильдей
Князь Османъ Карача
Князь Акай
Мурза Салехъ - Рамзай
Князь Бахтеяръ
Мурза Колояръ } полководцы Мамая.
Ицкій - Яницкій, посолъ Ягайлы.
Корейка, стремянный.
Абдулъ-Мулла, старикъ лѣтъ 60-ти.

—

Воины русскаго войска, татары и народъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ВЕЛИКОКНЯЖЕСКІЙ ДВОРЕЦЪ ВЪ РЯЗАНИ.

Олегъ, сидитъ у окна, въ которое видна рѣка, осіяваемая мѣсяцемъ.

Притихло все на берегахъ Оки,
Замолкъ народъ, потухъ огонь рыбачій;
Въ водахъ рѣки играетъ новый мѣсяцъ
И въ хижинѣ спокойно всякій спитъ,

А мнѣ и здѣсь, въ моихъ палатахъ пышныхъ,
Не достаетъ на мягкомъ ложѣ сна.
Я не могу рѣшить моихъ вопросовъ:
Правъ или нѣтъ? Который путь избрать?
Отъ Вышняго всѣ власти происходятъ,
Его рука послала этотъ крестъ,
И долженъ я властямъ повиноваться,
Руководясь смиреньемъ христіанскимъ.
Я властвую въ моемъ княженьи, правда;
Но между тѣмъ Мамаю подчиненъ;
Посаженъ имъ на княжескомъ престолѣ,
Ему плачу условленную дань.
За чѣмъ-же я насильно сброшу крестъ,
Когда его нести судилъ Всевышній?
Владѣтелемъ назначено мнѣ быть
И долженъ я отцемъ служить народу.
За чѣмъ же мнѣ судьбой дѣтей играть:
Однихъ вести на вѣрную погибель,
А остальныхъ подвергнуть разоренью?
На счастьѣ ихъ основано мое,
За души ихъ я Богу отвѣчаю.
Сомнителенъ успѣхъ кровавой битвы,
А слѣдствія ужасны могутъ быть.

(Помолчавъ.)

Течетъ Ока, въ Москву она бѣжитъ —
За нею въ слѣдъ мои влекутся мысли.
Какъ будто-бы утѣшилъ я себя;
Но, между тѣмъ, за чѣмъ же я терзаюсь?
За чѣмъ же такъ томитъ меня тоска?
Охъ, тяжелы обманчивыя мысли!
На тайный судъ себя я призываю
И вижу то, что затемнить хочу,
Завидую я участи другихъ,
Завидую Димитріевой славѣ!

КОРЕЕВЪ, ВХОДЯ.

Да ниспошлетъ тебѣ, мой добрый князь,
Господь, съ небесъ, свое благословенье!

ОЛЕГЪ.

Благодарю; ну, что привезъ ты мнѣ?

КОРЕЕВЪ.

Отъ всѣхъ князей россійскихъ челобитье.

ОЛЕГЪ.

Спасибо, вновь, а что-же на Москвѣ?

КОРЕЕВЪ.

Ужасное волненіе въ народѣ,
Оружій громъ, стекаются полки
И тысячи стремятся отовсюду;
Не городъ въ ней, а просто ратный станъ;
Кругомъ шатры, князей собралось много,
Бояръ, дѣтей боярскихъ не сочтешь;
Готово все съ Димитріемъ идти,
У всѣхъ пропалъ къ татарамъ страхъ и ужасъ,
Всѣ говорятъ лишь о побѣдѣ Вожской
И вновь хотятъ удачи попытать,
Но слышалъ я....

ОЛЕГЪ, быстро.

Что слышалъ ты такое?

КОРЕЕВЪ.

Что и татаръ несмѣтное число,
И что они давно уже въ походѣ,
Лишь только ждутъ Ягайловы полки.

ОЛЕГЪ.

Что-жъ обо мнѣ?

КОРЕЕВЪ.

И вѣрятъ и не вѣрятъ;
Но договоръ съ Ягайлой и Мамаемъ
Не грезился имъ даже и во снѣ.

ОЛЕГЪ.

Что-жъ думаетъ Димитрій?

КОРЕЕВЪ.

Онъ въ сомнѣньи.
Когда вручилъ я грамоту ему,
Онъ покачалъ печально головою
И мнѣ сказалъ: послушай Епифанъ,
Намъ измѣнить вы можете легко,

А провести всѣхъ насъ довольно трудно:
Хитрѣе многихъ очень можно быть, —
Хитрѣе всѣхъ родиться не возможно.

ОЛЕГЪ.

Ты видѣлъ все, ты все сообразилъ,
Скажи же мнѣ свое теперь ты мнѣнье.

КОРЕЕВЪ.

Отъ стараго я, князь, не отстаю
И болѣе, чѣмъ прежде, убѣждаюсь,
Что перевѣсъ на сторонѣ татаръ,
Хотя бы къ нимъ полякъ и не явился.
Судьбина битвъ вѣдь у Небесъ въ рукахъ....
Проигранъ бой, пропало все тогда —
И счастливъ тотъ, кто въ ссоры не мѣшался.
На Вожѣ, такъ, пусть выиграли мы;
Но этимъ то и раздражили хана.
Сильнѣе насъ количествомъ они
И мщеніемъ влекутся и корыстью.

ОЛЕГЪ, со вздохомъ.

Сильнѣй всего къ отечеству любовь!

КОРЕЕВЪ.

Согласенъ я, но скажутъ-ли спасибо
Соотчичи и все потомство намъ,
Когда сверхъ силъ мы будемъ состязаться?
Не все-ли тутъ въ игру князья пускаютъ?
Вѣдь этотъ бой судьба Россіи всей....
Они умрутъ, а что же остальные?

ОЛЕГЪ.

Завидовать они судьбѣ ихъ будутъ.

(Помолчавъ.)

Нѣтъ, Епифанъ, напрасный трудъ, мой другъ;
Не увѣряй меня въ предположеньяхъ,
Которымъ ты едва-ли вѣришь самъ;
А примири во мнѣ Россіи сына
Съ Рязанскимъ княземъ, ссорятся они;
У нихъ вражда такая происходитъ,
Какъ у чужихъ и не смотря на то,
Что оба здѣсь сливаются въ одно.

Отъ дерева другое возрастаетъ,
Вблизи стоятъ и корень ихъ одинъ;
Но вѣтръ завылъ, деревья расшатались
И вѣтвями вотъ хлыщутся они;
Такъ и во мнѣ, — я на два раздѣлился
И внутренно враждую самъ съ собой.
Согласенъ я, что я зашелъ далеко,
Мнѣ отступить уже нельзя никакъ:
Въ сношеньяхъ я съ Ягайлой и съ Мамаемъ —
И Ханъ притомъ такъ обѣщаетъ много;
А между тѣмъ страдаю я, мой другъ,
Ахъ! Епифанъ, утѣшь Олега ты
И примири его съ самимъ собою!
Завидую я участи другихъ,
Готовъ идти я за родную землю.
Безсильны мы количествомъ, согласенъ,
Къ отечеству-жъ любовью сильны мы;
А главное, надеждою на Бога,
И мщеніемъ и правотою дѣла;
Но что-жъ еще скажу я, наконецъ,
Мы сильны всѣ безсиліемъ своимъ.
Отчаянье родитъ подчасъ рѣшимость:
У насъ въ виду отечество спасти,
А у татаръ корысть и расхищенье,
Разбойника отверженнаго цѣль!

КОРЕЕВЪ, соображая.

Все это такъ, но правое-ли дѣло?
Мы хана власть доселѣ признавали.

ОЛЕГЪ.

Нѣтъ, эта власть насильственная, другъ.
Когда-нибудь должны-жъ мы сбросить иго:
Само собой не рушится оно,
И сверхъ того, мы оба христіане;
Пустынникъ нашъ, митрополитъ святой,
Не приняли-бъ участья въ этомъ дѣлѣ,
Когда бъ оно неправедное было.

(Послѣ нѣкотораго молчанія.)

Вчерашній день ходилъ я надъ рѣкою;
Кругомъ меня блуждали пастухи,
Работники съ сохами проѣзжали,
А на Окѣ трудились рыбаки.
Взоръ каждаго, казалось, говорилъ:
Зачѣмъ ты здѣсь, какъ отчужденный, ходишь?
Ты русскій князь, такой-же сынъ отчизны?
Не родина-ль твоя тебя зоветъ?
Лишь кликни кличъ и мы на бой готовы,
Оставимъ плугъ, стада свои и сѣти....

КОРЕЕВЪ.

Такъ, государь, ты самъ себя увѣрилъ;
Все думаешь одно и тоже ты —
И вотъ тебѣ мерещатся упреки,
Какіе намъ и въ голову не входятъ.
Нѣтъ, государь, я самъ хозяинъ сельскій,
Трудолюбивъ и знаю по себѣ,
Какъ горестны для бѣдныхъ земледѣльцевъ
Неурожай, и грады, и пожары;
Но каково-жъ нашествіе враговъ?
Что пощадитъ явленіе моголовъ?
И какъ же намъ желать невѣрной битвы,
Послѣдствіемъ которой можетъ быть
Всеобщее Россіи разоренье?
Нѣтъ, государь, не вѣрь обману чувствъ:
Умомъ твоимъ ограждено княженье
И слѣдствіе сомнительнаго боя,
Нашъ добрый князь, благодаря тебѣ,
Для насъ грозой мимоидущей будетъ.

ОЛЕГЪ.

Хозяйственный вопросъ я предложу:
Ты вѣришь-ли хлѣбовъ перерожденью?

КОРЕЕВЪ.

Что за вопросъ? бываетъ, говорятъ,
Что изъ овса родится рожь — овсянка.

ОЛЕГЪ.

И въ нравственномъ посѣвѣ тоже есть.
Гдѣ вспыльчивость посѣетъ оскорбленье,

Тамъ выростетъ досада на себя;
Посѣемъ грѣхъ, раскаянье родится,
А совѣсти упрекъ — обмана плодъ;
Но что родятъ измѣны сѣмяна? —
Презрѣніе, проклятье, отвращенье,
Не современныхъ лишь, но и потомства.

КОРЕЕВЪ.

Пророчества даровъ мы лишены,
Но будущность отчасти намъ открыта:
Ея мы тайнъ едваль не разглядимъ,
Сквозь тусклое стекло соображеній.
Положимъ такъ, виновны мы во всемъ;
Но если ханъ исполнитъ обѣщанья,
Вручитъ тебѣ великое княженье?
Какой предметъ для твоего ума!
Для дѣйствій тутъ обширнѣйшее поле!
Гдѣ можешь ты добра посѣять больше?
Признательность заставитъ все забыть,
И что теперь зовешь ты самъ измѣной,
То лѣтопись, конечно, назоветъ,
Ничѣмъ другимъ, какъ мудрости плодомъ
И осторожностью благоразумной.

ОЛЕГЪ.

Но если ихъ побѣда увѣнчаетъ?

КОРЕЕВЪ.

Вѣдь это, если — русское авось?

ОЛЕГЪ.

Авось — порой намъ русскимъ удается;
Отъ дѣдовъ намъ пословица пришла
И вѣримъ мы, что смѣлымъ Богъ владѣетъ.

(Слышны шаги многихъ людей.)

Узнай, что тамъ? и донеси потомъ.

(Кореевъ уходитъ.)

ОЛЕГЪ (одинъ.)

Онъ впрочемъ правъ, въ виду худаго мало:
Сомнителенъ Димитрія успѣхъ,
А если вдругъ онъ дѣло проиграетъ,
Такъ я въ Москвѣ, и я глава собратій!

И я бразды правленія приму,
Его отца исполню начинанья:
Соединю въ одну державу все.
Тамъ Новгородъ падетъ передо мною,
Тамъ гордый Псковъ и всѣ ручьи славянъ
Въ одно солью я море, и потомъ
Мечтать себѣ дозволю о татарахъ;
Ихъ трепетать заставлю передъ Русью,
Поссорю ихъ сперва между собой
И смутами воспользуюсь строптивыхъ....

(Съ величіемъ встаетъ.)

И слава, честь главу мою вѣнчаютъ,
И лѣтопись гласитъ изъ рода въ родъ
О дѣйствіяхъ премудраго Олега!
Онъ все связалъ, что рушили вѣка;
Низвергнулъ то, что полтораста лѣтъ
Надъ бѣдною страною тяготѣло;
Онъ счастіе, блаженство водворилъ;
Онъ начерталъ премудрые законы;
Источникъ онъ всѣхъ благъ и счастья Руси!
И имя я великаго усвою,
И, загремѣвъ въ листахъ бытописаній,
Въ сказаніяхъ народовъ не умру!
О, сладкая великому награда!

(Слышитъ шумъ за дверьми.)

Ну, а ему, изъ милости я дамъ
Какой-нибудь удѣлъ, — положимъ Муромъ,
Что, милый другъ, ему я говорю,
Насильно ты въ великіе стремился?
Нѣтъ, у судьбы вездѣ границы есть,
За нихъ никакъ, а смѣлостью одною
Немного у нее пріобрѣтешь.
Тутъ нуженъ умъ и умъ конечно гибкій,
Познанія людей, страны и жизни,
Соображенье многихъ обстоятельствъ,
И проницательность, и дальновидность;
Но мало ли, что я наговорю:

Величіе придастъ мнѣ больше силы.
Онъ съ трепетомъ внимаетъ, онъ согласенъ,
Что понялъ я вѣрнѣе русскій духъ,
то я въ моихъ расчетахъ не ошибся.

ГОЛОСА (за дверью.)

Пустите насъ, хотимъ мы князя видѣть!

ГОЛОСЪ КОРЕЕВА.

Нельзя теперь, придите завтра днемъ;
Идите спать.

ГОЛОСА.

Но намъ постель жестка,
Не спится намъ.

ГОЛОСЪ КОРЕЕВА.

Князь легъ опочивать

ОЛЕГЪ, въ двери.

За чѣмъ ты лжешь? пусти ихъ, что такое?

КОРЕЕВЪ, ВХОДЯ.

Пустой народъ! все просятся въ Москву,
Хотятъ идти съ Димитріемъ на битву.
Вишь говорятъ, ихъ трусами зовутъ:
Послушай ихъ, они тебѣ наскажутъ!

ОЛЕГЪ.

Не гнѣвайся; обязанность моя
Выслушивать прошенья подчиненныхъ.
Ну, видишь-ли, что не ошибся я?

(Отворяетъ двери; четверо бояръ входятъ.)

ОЛЕГЪ, садясь.

Ну, что, друзья, приносите вы мнѣ?
Что, Шишкинъ, ты? я выслушать готовъ.

ШИШКИНЪ.

Я съ жалобой являюсь, государь.

ОЛЕГЪ.

Обязаны творить мы судъ и правду;
Но на кого ты жалобу приносишь?

ШИШКИНЪ.

Да на сынковъ и вотъ причины, князь:
Повелѣно стараться намъ о томъ,
Чтобъ устранять московскія затѣи;

Причины есть на это у тебя,
Которыя, намъ прочимъ, недоступны.
И вѣримъ мы, что это не безъ цѣли,
И слушать мы готовы твой приказъ;
Но молодежь, въ которой кровь бушуетъ,
Которой брань, какъ пиръ веселый нуженъ,
Насъ стариковъ за это все коритъ,
Измѣнниками Руси величаетъ.
То какъ намъ быть? чѣмъ ихъ угомонить?
Недавно сынъ просился на Москву:
«Пусти, кричитъ, не то уйду безъ спросу;
«Изъ русскихъ я, хочу идти на битву!»
Напрасно я и спорилъ, и стращалъ,
Всѣмъ дѣйствовалъ и строгостью, и лаской,
И наконецъ сказалъ ему, чтобъ впредь
Не смѣлъ онъ мнѣ и говорить объ этомъ.
Казалось мнѣ, что парень унялся,
Такъ что-же, нѣтъ, онъ взялся за обманы,
Отправился съ братаничемъ въ Коломну;
Я ждать пождать — и слѣдъ его простылъ.
Теперь же вотъ сноха ко мнѣ явилась
И говоритъ, что изъ Коломны онъ
Съ братаничемъ пѣшкомъ ушелъ въ Москву.
Самъ посуди, ну какъ ты ихъ удержишь?
У нихъ въ рукахъ какъ будто-бы свербежъ:
Имъ хочется съ татарами подраться.
Вонъ сватовы, Васюткины, ребята,

(Указывая на Змѣева.)

Захарьиныхъ, Собакиныхъ, да много,
Не перечтешь, что убѣжало ихъ.
Да-даже вотъ, укажемъ не далеко,

(Указывая на Кореева.)

И у него племянникъ убѣжалъ.

КОРЕЕВЪ.

Какъ у меня?

ШИШКИНЪ.

Да, ты вѣдь былъ въ Москвѣ?
Аль не призналъ? онъ слѣдомъ за тобой

На мельницу поѣхалъ изъ поселка,
А съ мельницы на лодочкѣ рѣкой,
И слышали, въ Кремлѣ давно пируетъ.

ОЛЕГЪ.

Что молодежь уходитъ драться въ войско,
Насъ обвинить предъ ханомъ въ томъ нельзя:
Лишь только-бы Рязанское Княженье
Не путалось въ затѣи поголовно;
А это вздоръ! кому въ догадъ придетъ,
Что были тутъ и наши забіяки?
На лбу у нихъ вѣдь нѣтъ клейма — *рязанецъ*.

ШИШКИНЪ.

Такъ, государь, конечно правъ твой судъ;
Но мы за тѣмъ вѣдь только и явились,
Чтобы въ твою немилость не попасть.

ОЛЕГЪ.

Старайтесь вы, опять я повторяю,
Чтобъ юношей, какъ можно, удержать;
Но если кто уйдетъ безъ спросу, жаль;
А дѣлать что?

ЗМѢЕВЪ.

Но это лишь услышатъ,
Такъ въ городѣ вся молодежь и схлынетъ;
Вѣдь это ей — что дрожди для медовъ,
Все зашумитъ, запѣнится, уйдетъ;
Мы старики останемся, какъ гуща.

ОЛЕГЪ.

Но дѣлать что?

КОРЕЕВЪ.

Чтобъ медъ угомонился,
Такъ пробкой мы закупоримъ его.

ОЛЕГЪ

Какою-же?

КОРЕЕВЪ.

Не положить-ли пеню,
И строгую, я первый заплачу.
Повѣрь мнѣ, князь, что всякое взысканье,
Сильнѣй всего подѣйствуетъ на всѣхъ.

Сынъ не пойдетъ, когда отецъ въ отвѣтѣ,
Да — и отецъ усугубитъ присмотръ.

ОЛЕГЪ.

Да будетъ такъ, согласенъ я на это.

МИХАЙЛОВЪ, съ презрѣніемъ глядя на Кореева.

А пени что?

КОРЕЕВЪ.

Утроенную подать
За каждаго, кто выбылъ изъ семейства.

МИХАЙЛОВЪ, указывая на Мельникова.

Такъ получай и съ кума и съ меня.

КОРЕЕВЪ.

Но за кого-жъ ты платишь, безтолковый?
Онъ не женатъ, а у тебя три дѣвки.

МИХАЙЛОВЪ.

Ты получай, а насъ пусти въ Москву.

КОРЕЕВЪ, съ досадою.

На это я ужъ власти не имѣю.
Вотъ здѣсь самъ князь, его проси объ этомъ;
А если я могу подать совѣтъ,
Такъ отпустить васъ можно-бы обоихъ,
Немного мы подобныхъ наберемъ.

МЕЛЬНИКОВЪ.

Увѣренъ-ли за-подлинно ты въ этомъ?
Мы знаемъ всѣ, что князю ты доносишь,
Что будто-бы согласны всѣ съ тобой,
Что о Москвѣ никто не помышляетъ.
А вотъ скажи, что выѣздъ молъ, за деньги...
Такъ сундуки приготовляй побольше:
Не скоро ты всю сумму перечтешь,
А въ области людей не досчитаешь.

КОРЕЕВЪ.

Вѣдь ты охочь и на кулачки драться;
Ты на Окѣ колотишься зимой,
Когда на льду сбираются бойцы.

МЕЛЬНИКОВЪ.

Вѣдь не твои бока тутъ отвѣчаютъ?

КОРЕЕВЪ.

Вѣстимо такъ, я къ слову лишь сказалъ.

МЕЛЬНИКОВЪ.

Нѣтъ, ты хотѣлъ отъ правды уклониться,
Что правдою тебѣ всѣ колятъ глазъ;
Ты трусами не выставляй рязанцевъ,
А говори, что видишь и что слышишь;
На это ты и набольшій у насъ.
Всѣ русскіе теперь соединились,
Стремится все противу басурмановъ,
А мы то что? чужіе что-ли мы?
На печкахъ намъ прикажешь, что-ль, лежать,
Завидуя московскимъ ополченьямъ?
Ты говорилъ, что кто заплатитъ подать
Такъ пусть идетъ.... бери мою ты долю....

ОЛЕГЪ.

Что-жъ, Епифанъ?

КОРЕЕВЪ.

Дозволь мнѣ получить.
У нихъ въ словахъ я вижу хвастовство....
Немного здѣсь такихъ-же пустозвоновъ.

ОЛЕГЪ.

Пора намъ спать, обсудимъ это мы;
Но до утра рѣшеніе отложимъ.
Всѣ говорятъ, что ночь приноситъ разумъ.

(Кланяется боярамъ, они всѣ уходятъ, выключая Кореева.)

КОРЕЕВЪ.

Мнѣ, государь, прикажешь отойти?

ОЛЕГЪ.

Нѣтъ, подожди. Что дѣлать мнѣ, Кореевъ?
Въ обманѣ я тебя не упрекаю,
Старался ты утѣшить тѣмъ меня,
А, можетъ-быть, и самъ ты заблуждался.
Но, между тѣмъ, ты видишь, что выходитъ?

КОРЕЕВЪ.

Положимъ мы за бѣглеца взысканье....

ОЛЕГЪ.

А коли ханъ увѣдаетъ приказъ?

Онъ хитростью сочтетъ распоряженье!

КОРЕЕВЪ.

Такъ въ четверо иль въ пятеро положимъ.
Пять гривенъ взять — не есть уже потворство.
Я думаю, извѣстно и татарамъ,
Что до Москвы не дальній переходъ.
Какое-же употребимъ мы средство,
Что-бъ удержать желающихъ уйти?
Велѣть стеречь проѣзжую дорогу?
Но пробѣгутъ окольными путями;
Обманами границу перейдутъ;
Кто по дѣламъ, кто будто по торговлѣ:
Нарядятся молебцомъ аль купцомъ;
Нѣтъ, государь, взысканье по полтинѣ
И польза намъ и крѣпкая узда.

ОЛЕГЪ.

Но надобно намъ взять предосторожность.

КОРЕЕВЪ.

Какую-же?

ОЛЕГЪ.

Чтобъ ханъ объ этомъ зналъ.

КОРЕЕВЪ.

Что-жъ? тайно мы увѣдомимъ Мамая,
Гонца къ нему.

ОЛЕГЪ.

Стоитъ онъ за Непрядвой;
Ягайлу ждетъ: я вѣсти получилъ.
Посолъ его къ Димитрію отправленъ.

(Помолчавъ.)

Ну, а какъ вдругъ побѣда имъ удастся?
Со злобою нахлынетъ къ намъ Москва!
И мщеніе готовится Рязани!
Я лѣтопись заранѣе читаю:
Проклятіе она готовитъ намъ,
Измѣнникомъ Олега называетъ,
Измѣнникомъ всеобщему союзу,
Условіямъ, и братству, и кресту,
Который мы на съѣздѣ цѣловали.

Хитримъ мы здѣсь, а въ кельѣ тамъ монахъ,
Бесѣдуетъ съ потомствомъ въ тихомолку.
Что пишетъ онъ? — О! выслушай, Кореевъ!
Еще Рязань намъ можно оправдать:
Рѣшимъ теперь: идти или остаться?

КОРЕЕВЪ.

Сообразивъ сношенія съ Мамаемъ,
Съ Ягайлою и данный имъ обѣтъ,
Мы уступить не можемъ ни полпяди.

ОЛЕГЪ.

О перестань! съ Москвой соединясь,
Передъ людьми оправданы мы будемъ.
Мы скажемъ имъ, что эти отношенья,
Лишь хитрости заманчивыя были.
Димитрію откроемъ все тогда,
И ханскую объявимъ переписку;
Мамая мы оставимъ въ дуракахъ.
Но пусть его, какъ хочетъ такъ и злится,
А слава та, что вѣрный князь Олегъ
Ни почестью, ни златомъ не увлекся
И, вывѣдавъ всѣ таинства враговъ,
Собратіямъ ихъ замыслы повѣдалъ,—
Вотъ хитрости дѣйствительная цѣль.
А честь? а долгъ? а мнѣніе своихъ?
А мнѣніе потомства? нѣтъ рѣшимъ,
Рѣшимъ теперь, идти или остаться?

КОРЕЕВЪ.

Но если, князь, побѣда не удастся,
То мщеніе тогда постигнетъ Русь;
А на Руси, кто болѣе потерпитъ,
Когда не тотъ, кто много обѣщалъ.
Я дружества личиной прикрывался,
А между-тѣмъ возсталъ и измѣнилъ?

ОЛЕГЪ.

Страданье здѣсь, на небѣ воздаянье.

КОРЕЕВЪ.

Сообрази, что будущность готовитъ?
Великое княженіе въ Москвѣ,

А можетъ-быть.... (О сладкая награда!)
Что небеса тебѣ судили, князь,
Великое свершить освобожденье,
Котораго...

ОЛЕГЪ.

Постой, не продолжай.
Мечта, мой другъ, есть самый вредный льстецъ;
Она всегда любимое намъ сулитъ.
А потому откинемъ эти грезы,
Не сладкій сонъ, существенность нужна....
И грубую существенность теперь
Передъ собой, являя безъ обмана,
Не вижу я, чтобъ льстила мнѣ она.
Замѣтилъ ты, какъ хладнокровно я
Бояръ моихъ прошенья переслушалъ,
Хотя они и не по мнѣ сказали.
А почему? Я самъ подобно имъ,
Не иначе порою разсуждаю —
И хочется мнѣ осѣдлать коня,
Взять въ руки мечъ и за Непрядвой въ полѣ
Попробовать съ врагами крѣпкой силы.
Сомнителенъ вопросъ, что лучше будетъ:
Тамъ смерть найти, иль здѣсь влачить мнѣ жизнь,
Передъ собой и предъ людьми краснѣя?
Нѣтъ, разрѣшимъ сегодня мы вопросъ:
Идти туда или остаться здѣсь?

КОРЕЕВЪ.

Побѣда намъ частицу броситъ славы,
А цѣлое Димитрію отдастъ,
На насъ отсвѣтъ сіянія его;
Но ежели онъ проиграетъ дѣло,
Тогда весь свѣтъ Олегу одному —
И даже все, что замышлялъ Димитрій,
Исполнитъ то, со временемъ, Олегъ.

ОЛЕГЪ.

Кореевъ ты — какъ демонъ соблазнитель....

КОРЕЕВЪ.

Теперь о томъ, возможенъ-ли успѣхъ?
Сильнѣе насъ количествомъ татары,
Ягайло ихъ усугубитъ толпы,
Разъ проигравъ сраженье, мы погибли,
И долго вновь не воскресимъ мы Русь....

(Открывая окно)

А это что, взгляни на небо, князь!
Звѣзда съ хвостомъ намъ что предвозвѣщаетъ?
Когда она пророчила успѣхъ?
Не бѣдствія-ль за нею въ слѣдъ идутъ?

ОЛЕГЪ.

Звѣзду съ хвостомъ татаринъ также видитъ,
Такъ если намъ она бѣду готовитъ,
То вмѣстѣ съ тѣмъ успѣхъ пророчитъ имъ.

КОРЕЕВЪ.

Нѣтъ, помететъ она святую Русь!

ОЛЕГЪ.

Но почему-жъ не помететъ ордынцевъ?
Что-жъ развѣ съ ней условился Мамай?

КОРЕЕВЪ.

Но басурманъ того не замѣчаетъ
И знаменья небесъ имъ непонятны.
А эти всѣ засухи и пожары,
И этотъ снѣгъ, лежавшій до Егорья,
Къ чему-нибудь все это насъ ведетъ?
А что еще кричатъ ворожеи?
Что говорятъ въ народѣ наши старцы?

ОЛЕГЪ, съ усмѣшкою.

Что милый мой Кореевъ истощился,
Сомнѣнія разсудкомъ не сразилъ,
И вотъ теперь сбираетъ бабьи сказки,
Ничтожныя для княжескихъ палатъ.
Но время спать, прости, по утру завтра
Навѣрное услышишь отъ меня,
Какъ я рѣшилъ, идти иль оставаться?

КОРЕЕВЪ, выходя.

Да снизойдетъ на княжію главу

Великая премудрость Соломона.

ОЛЕГЪ, одинъ.

Вотъ я одинъ, а сонъ меня бѣжитъ:
Да или нѣтъ? свѣтъ или тьма? задача!
Когда-бы я увѣриться возмогъ,
Что эта тьма предтечей свѣта будетъ.
Положимъ такъ: Димитрій торжествуетъ,
Разбитый ханъ съ собой уноситъ стыдъ;
Измѣнника я званье не приму:
Я извинюсь любовію къ народу,
Боялся я не лично, а за нихъ.
Однако-жъ все въ опасную игру,
Товарищи, собратія играютъ?
Будь неуспѣхъ, что скажетъ лѣтописецъ?
Что всѣхъ они причина были бѣдъ,
Которыя святая Русь терпѣла:
На нихъ тогда обрушится упрекъ
За бѣдствіе, за кровь, за разоренья:
Всѣму вѣнецъ успѣхъ, одинъ успѣхъ....

(Помолчавъ.)

Да, точно такъ; однакожъ отчего
Все съ разумомъ не ладитъ ретивое?
Все я ему утѣхи не найду
И не могу унять его біеній?
Ни лестные Мамаевы обѣты,
Ни лестныя Кореева слова,
Ни собственныхъ усиліе сужденій,
Спокойствія на сердце не кладутъ!
Я не могу рѣшить моей задачи,
Задачи той: идти или остаться?

(Уходитъ.)

АНДРЕЙ КОРЕЕВЪ, выглядывая въ дверь.

Ушелъ-ли князь? да, кажется ушелъ.

(Входитъ.)

Я выспался, а онъ и не ложился.
Пора, пора, уже давно за полночь;
А дядюшка хотѣлъ сюда придти.

(Глядитъ къ окно.)

Ба! вонъ заря являться начинаетъ,
Чу! пѣтухи запѣли по дворамъ....
И скрыпъ колесъ, знать двинулись обозы;
Вонъ стукъ бадьи, тамъ лошадей поятъ,
Чай по избамъ трещатъ уже лучины;
А вонъ блеститъ въ свѣтлицѣ огонекъ.
Такъ, такъ, заря, и скоро будетъ свѣтъ.

(Отходитъ отъ окна.)

Вѣтръ изъ Москвы безсонницу приноситъ,
Какъ говорятъ, въ Рязани, старики.

ЕПИФАНЪ, ВХОДЯ.

Ну что, Андрей, къ ворожеѣ ты бѣгалъ?

АНДРЕЙ.

Ходилъ?

ЕПИФАНЪ.

Ну, что?

АНДРЕЙ.

Раскинула бобы,
Туда сюда руками размахнула
И говоритъ: послушай, молодецъ,
Не отъ себя ты ворожить приходишь.

ЕПИФАНЪ.

Вѣдь экая отгадчица, старуха!

АНДРЕЙ.

Да это что-жъ и я бы отгадалъ:
О чемъ гадать мальчишкѣ молодому?

ЕПИФАНЪ.

Ну, дальше, продолжай

АНДРЕЙ.

Я говорю, отъ дядюшки я присланъ,
И вотъ она ковшемъ воды взяла,
Посыпала туда песку съ золою;
Нахмурилась, ворчала надъ ковшемъ
И говоритъ: твой дядюшка родимый,
Все разъѣзжалъ, трудовъ довольно, да,
Онъ въ Польшѣ былъ и тоже у татаръ.

ЕПИФАНЪ.

Ну, это же откуда ей извѣстно?

АНДРЕЙ.

Чай вся Рязань объ этомъ говоритъ....

ЕПИФАНЪ.

Ну, что еще?

АНДРЕЙ.

Вотъ, на воду подула,
И говоритъ: конечно, такъ оно,
Твой дядя плутъ, въ обманъ онъ вводитъ князя,
И мыслитъ такъ : лишь былъ бы мнѣ барышъ,
Съ обоихъ я зашибъ себѣ копѣйку....

ЕПИФАНЪ, испугавшись.

Потише ты! что ты кричишь, злодѣй?
Услышитъ князь!

АНДРЕЙ.

Далеко, не услышитъ.
Чрезъ сѣни тамъ его опочивальня.

ЕПИФАНЪ.

Ну, а потомъ?

АНДРЕЙ.

Съ Ягайлы, говоритъ,
Съ Мамаевыхъословъ, и съ самого,
Вездѣ ему кой-что перепадаетъ.
Тутъ я сказалъ, что не объ этомъ рѣчь,
А будетъ-ли успѣхъ въ предположеньи?

ЕПИФАНЪ, быстро.

Ну, что-жъ она?

АНДРЕЙ.

Наврядъ-ли, говоритъ.

ЕПИФАНЪ.

Проклятая!

АНДРЕЙ.

Никакъ, что ошибется,
А князь Олегъ одумается завтра
И иначе дѣла онъ поведетъ,
А твоему тутъ дядюшкѣ неладно.

ЕПИФАНЪ, про себя.

Что за напасть! что будешь дѣлать тутъ?
Все прошлое узнала эта вѣдьма!

Такъ видно ей и будущность извѣстна,
(съ досадою).
Зловѣщая! хоть утопиться стать!

(Въ окна блещетъ свѣтъ утренней зари и слышно щебетаніе птицъ. Епифанъ долго стоитъ, задумавшись.)

Проснулось все, и князь нашъ скоро встанетъ,
Сюда придутъ Михайловы, Змѣевы,
И мой позоръ съ собою принесутъ!
Ужели всѣ труды мои напрасны?
Что сдѣлаю? и какъ я оправдаюсь?
За что-же я подарки получалъ?
Я обѣщалъ Ягайлѣ и Мамаю,
Ручался я за вѣрную Рязань,
И мнѣ еще обѣщаны награды,
Когда князей поссорить я смогу
И удержу отъ общаго союза.
Но что-жъ теперь? Я долженъ буду самъ
Сѣсть на коня и въ поле отправляться?
Послѣдовать я долженъ же за княземъ:
О чемъ-же мы такъ много хлопотали?
Что хитростей, обмана и заботъ?
Что крови въ насъ испортилось отъ страха!
И лучше бы ужъ намъ не начинать.

(Разсвѣтаетъ.)

Какъ не хитри и какъ не притворяйся —
Со временемъ узнаютъ люди все;
Всѣ тайныя пружины разгадаютъ,
Какъ хочешь прячь, потомство все найдетъ....
Ты шепчешь здѣсь, а тамъ, какъ въ пустотѣ,
Чѣмъ далѣе, тѣмъ отзывы сильнѣе.
Но онъ идетъ, знать князю худо спится....
Ступай, Андрей, оставь насъ съ нимъ однихъ.

(Андрей уходитъ. Въ противуположныя двери, входитъ Олегъ.)

ОЛЕГЪ, входя.

Кореевъ ты? Что рано такъ явился?

КОРЕЕВЪ.

Да я не спалъ.

ОЛЕГЪ.

Мнѣ также все не спится:
Все дума та-жъ, дочь мыслей безпокойныхъ:
Тотъ худо спитъ, въ комъ совѣсть нечиста.
Но обратимъ мы наши разсужденья
На то, чтобъ намъ боярамъ дать отвѣтъ.

КОРЕЕВЪ.

Я все сказалъ, что мнѣ внушала совѣсть.
Рѣшеніе ты самъ имъ обѣщалъ.
Какъ повелишь?

ОЛЕГЪ.

Лишь только слабый заяцъ
Мѣняется, съ природой соглашаясь;
А мы съ тобой должны быть неизмѣнны.
Пусть будущимъ завѣдуетъ судьба:
Для насъ оно покрыто темнотою;
Мы справимся однако-жъ съ настоящимъ,
Сберемъ войска.

КОРЕЕВЪ, встророну.

Ворожея не вретъ.

ОЛЕГЪ.

Сберемъ войска, мы только для защиты
И будемъ видъ показывать такой,
Что будто-бы мы время выжидаемъ,
Когда пройдутъ московскіе полки
И думаемъ соединиться съ ними.
Они уже готовы выступать,
А мы еще промедлимъ наши сборы.
Кто нашу цѣль съумѣетъ разгадать?
И сверхъ того, пусть слухъ въ Москву несется,
Что и Рязань свою готовитъ рать;
Они пройдутъ, мы скажемъ, что догонимъ
И пусть насъ ждутъ; — а слухъ о сборѣ войскъ
И безъ того побѣги обуздаетъ....
Не правда-ли?

КОРЕЕВЪ, встророну.

Такъ вретъ ворожея.

(Князю.)

Такъ государь, но вѣдь меня, я знаю,
Вопросами засыплетъ любопытство,
Что отвѣчать?

ОЛЕГЪ.

Ссылайся на меня,
Что я одинъ лишь эту знаю тайну;
А я запрусь и притворюсь больнымъ,
Ко мнѣ лишь ты одинъ являться можешь.
Что-жъ, такъ-ли?

КОРЕЕВЪ.

Я молился, уходя,
Чтобъ низошла премудрость Соломона
И, кажется, желаніе сбылось.

(Слышны шаги людей).

Они идутъ.

ОЛЕГЪ, уходя въ противуположныя двери.

Такъ слышишь, боленъ я.

(Входятъ: Змѣевъ, Шишкинъ, Мельниковъ, Михайловъ.)

АНДРЕЙ, предварительно входя.

Къ тебѣ пришли бояре городскіе.

КОРЕЕВЪ.

Ну, не ко мнѣ, а къ князю можетъ-быть....
Зови сюда.

АНДРЕЙ, отворяя дверь.

Сюда, прошу покорно.

(Бояра входятъ.)

ЗМѢЕВЪ, ВХОДЯ.

А гдѣ-же князь?

КОРЕЕВЪ.

Въ своей опочивальнѣ,
Всю ночь не спалъ; до сна-ль ему теперь?
А потому разстроился ужасно.
Мы сладко спимъ, онъ бодрствуетъ за насъ
И мы жъ его приходимъ безпокоить.
Все утро онъ терпѣлъ ознобъ и жаръ,
Чтобы вспотѣть, сварилъ ему я взварецъ....
Богъ милостивъ, авось пройдетъ недугъ.

МЕЛЬНИКОВЪ.

Мы за себя лишь только разсуждаемъ,
А онъ за всѣхъ; но чѣмъ-же награжденъ?
Недугамъ онъ подверженъ точно тѣмъ-же,
Все общее, и горе и печаль,
И тѣжъ души и сердца безпокойства;
Вотъ хоть теперь: не будь онъ князь рязанскій,
Подобно намъ будь частный человѣкъ
И всѣ его разстроившія думы
Его тогда могли-бы миновать,
Теперь-же князь за княжество страдаетъ.

КОРЕЕВЪ.

Что такъ, то такъ. — Ну, господа бояре,
Святлѣйшій князь Олегъ велѣлъ вамъ объявить,
Что мы войскамъ прикажемъ собираться;
Но, между-тѣмъ, чтобъ не было побѣговъ,
То слѣдуетъ и пеню положить.

ЗМѢЕВЪ.

Но явное тутъ есть противорѣчье:
Кому-жъ изъ насъ охота удаляться,
Когда войска мы будемъ собирать?

МЕЛЬНИКОВЪ.

Тутъ есть вопросъ еще инаго рода.
Куда войскамъ назначено идти?

КОРЕЕВЪ.

Коль вѣрить намъ своимъ соображеньямъ,
То отгадать совсѣмъ немудрено:
Конечно, князь, другими увлекаясь,
Рѣшилъ принять участье въ общемъ дѣлѣ;
Но намъ зачѣмъ объ этомъ разсуждать?
Пойдемъ туда, куда велятъ идти.
Болѣзнь его не можетъ продолжиться
И скоро мы узнаемъ обо всемъ;
Но, между-тѣмъ, нельзя-же безпокоить.

ШИШКИНЪ.

И такъ друзья?

КОРЕЕВЪ.

Въ совѣтъ мы соберемся,

По городамъ приказы разошлемъ,
И будемъ ждать отъ князя приказаній.

МЕЛЬНИКОВЪ.

Московскіе войска ужъ выступаютъ
И скоро мы увидимъ ихъ въ Коломнѣ....

КОРЕЕВЪ.

Что-жъ до того, пускай себѣ идутъ.
Догонимъ ихъ.

МИХАЙЛОВЪ.

А если кто захочетъ
Пристать къ войскамъ московскимъ.

КОРЕЕВЪ.

Приставай,
Но заплативъ положенную пеню.

МИХАЙЛОВЪ.

А пени что?

КОРЕЕВЪ.

Пять гривенъ.

МИХАЙЛОВЪ, вынимая кошелекъ.

Получай.

КОРЕЕВЪ.

Но развѣ ты не вѣришь мнѣ на слово?
Какой-нибудь обманъ подозрѣваешь?

МИХАЙЛОВЪ.

Нисколько, нѣтъ; но то уже готово,
А это все, быть можетъ, позамедлитъ:
Невѣрное нельзя-же промѣнять
На вѣрное, въ томъ всякій согласится?
Притомъ-же ты недавно говорилъ,
Что забіякъ, подобныхъ мнѣ и куму,
Въ Рязани здѣсь немного наберется.

КОРЕЕВЪ.

Конечно такъ.

МИХАЙЛОВЪ.

Возьми-же, получай.

КОРЕЕВЪ, беретъ деньги.

Пять гривенъ есть.

МЕЛЬНИКОВЪ, отдавая.

А вотъ еще пять гривенъ.

КОРЕЕВЪ.

И цѣлый рубль.

ШИШКИНЪ, отдавая.

Съ полтиною сочти.

КОРЕЕВЪ.

Ты за кого?

ШИШКИНЪ.

За сына я плачу.

КОРЕЕВЪ.

Да, онъ ушелъ; такъ я-же прилагаю
За Якова племянника полтину.

АНДРЕЙ.

Ахъ! дядюшка возьми еще съ меня.

КОРЕЕВЪ, грозитъ ему пальцемъ.

Вотъ я тебя, молокососъ негодный!

АНДРЕЙ.

Но что-жъ тебѣ, кому-бъ товаръ не сбыть,
Ты продаешь, я покупаю битву.

КОРЕЕВЪ.

Ну, полно врать, мнѣ вовсе не до шутокъ...

(Бояре раскланиваясь, уходятъ.)

Ты грамотный, такъ приходи-ка въ думу,
Тамъ кое-что намъ нужно написать.

АНДРЕЙ.

Приказы, что-ль, къ рязанскимъ воеводамъ?

КОРЕЕВЪ.

Ну, что велятъ, то и напишешь ты;
Но видишь-ли, ворожея вѣдь права.

АНДРЕЙ.

Не думаю, ты что-то очень веселъ.

КОРЕЕВЪ.

А сборы войскъ, вѣдь это не по мнѣ;
Князь точно все по утру передумалъ.

АНДРЕЙ.

Желалъ-бы я, чтобъ все перемѣнилось.

КОРЕЕВЪ.

Тебѣ на что?

АНДРЕЙ.

Но князь пойдетъ въ походъ,

А съ нимъ и я, все это перемѣна:
А здѣсь у насъ такъ все однообразно.
Все то-жъ, да то-жъ, и скука, и тоска!
Хоть чѣмъ-нибудь прославить-бы княженье,
А мы его прославили однимъ:
Печеныя мы яблоки морозимъ
И ихъ зовутъ Рязанью на базарахъ.

КОРЕЕВЪ.

Ты, негодяй, насмѣшникомъ рожденъ.

(Встороиу.)

Вѣдь экая, подумаешь, зараза!
Московскія военныя затѣи
Волнуютъ здѣсь, въ Рязани, и ребятъ...
Но думаю, что эти разсужденья,
Ученику учитель сообщалъ.

(Андрею.)

Ты боленъ, другъ, тебѣ лечиться надо.

АНДРЕЙ.

Я говорилъ, что здѣсь мнѣ воздухъ вреденъ;
Благослови отправиться въ Москву.

КОРЕЕВЪ.

Не отъ меня, отъ князя все зависитъ?
Какъ-скоро онъ отправится въ походъ,
То ты за нимъ послѣдуешь, конечно.

(Уходитъ.)

АНДРЕЙ, одинъ.

Хитро, хитро! но трудъ напрасенъ твой!
Не вредны мнѣ людей лукавыхъ стрѣлы:
Такъ твердъ во мнѣ признательности панцырь.
И пастырь нашъ Софроній такъ училъ,
Онъ сердце мнѣ и разумъ просвѣтилъ,
И правъ онъ, правъ, мы думаемъ одно.
Отечество не есть предметъ торговли;
А здѣсь его Кореевъ продаетъ!
Все знаю я, не скроется словечка:
Чуланчикъ мой мнѣ все передаетъ,
Труба идетъ въ отдушину печную

И слышу я, что говорятъ вверху;
Софроній все устроилъ для меня,
Все слышу я, служу Москвѣ ушами ...
Но вотъ идутъ.

МЕЛЬНИКОВЪ, ВХОДЯ.

Ты здѣсь одинъ?

АНДРЕЙ.

Одинъ.

МЕЛЬНИКОВЪ.

А князь ушелъ?

АНДРЕЙ.

Въ своей опочивальнѣ.

МЕЛЬНИКОВЪ.

Я на пути.

АНДРЕЙ.

И вотъ тебѣ писанье
(Отдаетъ бумагу, зашитую въ тряпку.)

МЕЛЬНИКОВЪ, прячетъ ее за пазуху.

Отвѣтъ куда-жъ?

АНДРЕЙ.

Въ Коломну передать;
Но, впрочемъ, тутъ отвѣтъ едва-ли нуженъ.
Но князь идетъ, проворнѣй уходи.

МЕЛЬНИКОВЪ, цѣлуетъ его.

И такъ прости, увидимся быть-можетъ.
(Мельниковъ уходитъ въ одну сторону, съ другой выходитъ Олегъ.)

ОЛЕГЪ.

А кто здѣсь былъ?

АНДРЕЙ.

Да Мельниковъ Генадій
Онъ посланнымъ отъ общества бояръ:
Болѣзнь твоя ихъ сильно безпокоитъ.

ОЛЕГЪ.

Твой дядя гдѣ?

АНДРЕЙ.

Онъ въ думѣ долженъ быть,
Велѣлъ и мнѣ явиться непремѣнно.

ОЛЕГЪ.

И такъ ступай; Богъ въ помощь людямъ думнымъ!

(Андрей уходитъ.)

ОЛЕГЪ, одинъ.

И такъ вопросъ рѣшенъ: я остаюсь.
Что-жъ будущность готовитъ для Олега?
Невѣрно то, что въ настоящемъ видимъ,
Невѣрно то, что кажется вдали;
Но кто-жъ съ судьбой навѣрное играетъ?
Когда авось произведетъ успѣхъ,
То средства всѣ, какъ прошлый путь, забыты.
И люди насъ съ успѣхомъ поздравляютъ.
Не справяся, какой дорогой шелъ?
Имъ до того-ль; но небо, вотъ задача....
За весь тотъ путь, за каждый шагъ отчетъ....
А небеса съ моей-ли стороны?
Но черныя отстаньте мысли прочь!
Димитрій добръ, — вотъ мой расчетъ послѣдній.

(Уходитъ.)

—

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

МАМАЕВЪ СТАНЪ.

(Лунная ночь освѣщаетъ татарскій станъ, на небѣ блестятъ звѣзды, между ними видна комета. Напереди шатеръ хана, отличающійся отъ прочихъ разноцвѣтными коврами; полы шатра раздвинуты, въ немъ находятся Мамай и Мурза Бегичъ.)

—

I.

МАМАЙ сидитъ на тубуретѣ; передъ нимъ БЕГИЧЪ, опершись на саблю.

БЕГИЧЪ.

Миръ, государь, сомнителенъ теперь,
Сомнительны и вѣсти отъ Олега:
Онъ говоритъ, что битвы быть не можетъ,

Что русскіе не выйдутъ изъ Москвы
И не дерзнутъ съ тобою состязаться;
А между-тѣмъ, они уже идутъ
И скоро я опять увижу тѣхъ,
Съ которыми на Вожѣ повозился,
Гдѣ счастье мнѣ впервые измѣнило,
Гдѣ вѣрный твой слуга, Мурза-Бегичъ,
Едва унесъ израненное тѣло,
Чтобы къ твоимъ повергнуться стопамъ.

МАМАЙ.

Къ отмщенію пришелъ я на Непрядву —
И вотъ тебѣ есть случай отплатить.

БЕГИЧЪ.

Одной теперь я милости прошу,
Что ежели отвергнутъ предложенье
И битвою должны покончить мы;
То повели ты всѣмъ, кто былъ на Вожѣ,
Въ передовыхъ со мной отрядахъ быть;
Мы всѣ должны очистить свой позоръ
И заплатить за дерзкую обиду.

МАМАЙ.

Согласенъ я и утверждаю это;
Но, можетъ-быть, еще надѣюсь я,
Строптивость ихъ въ покорность обратится
И нашъ посолъ намъ радость принесетъ.
Я нынѣ жду посланниковъ возврата.
Поди-же ты въ шатеръ къ Девлетъ-Кильдею,
Зови его и прочихъ вмѣстѣ съ нимъ;
А ежели посланники явились —
То ихъ ко мнѣ тотчасъ-же привести;
Но между-тѣмъ пошли ко мнѣ Бырдяя.

БЕГИЧЪ, УХОДИТЪ.

МАМАЙ, ОДИНЪ.

Проснулися строптивые сыны.
Имъ долгій сонъ конечно придалъ силы.
Бывало рѣчь, что «*такъ угодно хану*»,
Считали всѣ велѣніемъ судьбы,
А вотъ теперь осмѣлились заспорить.

Увидимъ мы, чѣмъ разрѣшится споръ?
Но долженъ я однако-же сознаться,
Что этотъ бой невѣренъ для обоихъ.
Но если я побѣду одержу,
То горе имъ! какъ вихрь пройду по Руси
И все предамъ огню и разоренью;
Гдѣ города Владиміръ и Москва —
Однѣ потомъ пустыя степи будутъ.
Такъ, рѣшено, клянусь главой пророка,
Не удержу карающую руку,
Не сдѣлаю пощады никакой...

БЫРДЯЙ, входя съ видомъ рабскаго подобострастія.

Великій ханъ! ты повелѣлъ явиться
И предъ тобой твой ревностный слуга,
Не стоющій подошвы сапоговъ,
Которыми ты землю попираешь.
Что повелитъ твое высокомочье?

МАМАЙ.

Писалъ-ли ты къ Олегу на Рязань.

БЫРДЯЙ.

Великій ханъ! я тотчасъ все исполнилъ;
Но прочитать письмо тебѣ не могъ,
За тѣмъ, что ты опочивать изволилъ.

МАМАЙ.

Такъ разскажи, что ты писалъ къ нему?

БЫРДЯЙ.

Что свѣтъ отъ дѣлъ великаго Мамая
Давно уже свѣтъ солнца помрачилъ,
Что нынѣ онъ, какъ туча громовая,
Сбирается надъ бѣдственной Москвой,
Готовъ разить и молніею гнѣва
И вмѣстѣ съ тѣмъ дождь милости излить.
Что если вихрь онъ ярости возбудитъ,
То въ бурѣ той, которая дохнетъ,
Погубится корабль высокомѣрья,
Останутся-жъ раскаянья щепы;
Чтобы Олегъ, поборникъ вѣрный мира,

Попробовалъ собратій убѣдить
И предъ стопы великаго Мамая
Послать коверъ покорности Москвы;
Что ханъ готовъ на разные щедроты
И, получивъ назначенную дань,
Какъ всѣхъ владыкъ свѣтлѣйшее святило,
Разгонитъ онъ негодованья тучи
И имъ пошлетъ благотвореній лучъ.

МАМАЙ.

Ты истинно рожденъ красноречивымъ:
Твое перо — орлиное перо...
И ты его мокаешь въ облака,
Когда они отъ солнца золотятся.
Доволенъ я письмомъ твоимъ къ Олегу,
И заплачу за трудъ тебѣ сторицей;
Полушкою съ рубля изъ русской дани.
Они теперь монету завели
И свѣжими намъ деньгами заплатятъ;
Но можетъ-быть, и заблуждаюсь я,
Мечи они и стрѣлы намъ готовятъ.

БЫРДЯЙ, указывая на небо.

Но могутъ-ли герои цѣлой Руси
Съ свѣтиломъ дня, Мамаемъ состязаться?
Медвѣдь и волкъ, шакалы, барсы, тигры,
Дерзнутъ-ли всѣ идти противъ слона,
Особенно когда онъ раздраженъ?
Ты милостивъ, что ихъ казнить не хочешь,
Щадишь ихъ жизнь и, увеличивъ дань,
Своихъ рабовъ слегка лишь наказуешь.

(Входитъ Бутакъ.)

МАМАЙ, входящему послу.

Ну, что принесъ мнѣ новаго, Бутакъ,
Изъ ввѣренной намъ области Московской?

БУТАКЪ.

Великій Ханъ, я не былъ на Москвѣ,
Съ Димитріемъ увидѣвшись въ Коломнѣ;
Тамъ онъ и всѣ князья, и войско съ нимъ.

МАМАЙ.

А много-ли?

БУТАКЪ.

Да, кажется, не мало.
И дорого придется намъ побѣда.

МАМАЙ.

А чтожъ отвѣтъ?

БУТАКЪ.

Онъ выслушалъ вопросъ
И отвѣчалъ: условились мы въ дани
И если ту хотите получить,
Въ которой мы уговорились прежде,
То я готовъ, мнѣ жаль моихъ людей;
Но какъ теперь вы слишкомъ стали жадны,
То вотъ вамъ дань, онъ указалъ на мечъ.
Тутъ вечеромъ составили совѣтъ
И поутру я снова къ нимъ явился,
Надѣяся, что новое услышу;
Но получилъ опять одинъ отвѣтъ.

МАМАЙ.

Чтожъ дѣлать тутъ? Я передъ ними правъ;
Хотѣлъ-ли я покончить дѣло мирно?
А не хотятъ, пусть мечъ разсудитъ насъ.

БУТАКЪ.

Они кипятъ желаніемъ сразиться.

МАМАЙ.

Готовы мы и не отступимъ прочь.
А что Олегъ?

БУТАКЪ.

Изъ мѣста скачетъ въ мѣсто,
Насилу я успѣлъ его найти:
Онъ мечется, какъ будто угорѣлый.
Велѣлъ тебѣ свой передать поклонъ
И говоритъ, что просто обманулся:
Не ожидалъ такого ополченья,
Едва своихъ онъ можетъ удержать.
Со мною здѣсь Кореевъ Епифанъ,
И прибылъ тожъ посланникъ отъ Ягайлы,

Прикажешь-ли явиться имъ?

МАМАЙ.

Зови!

(Бутакъ уходитъ).

МАМАЙ, послѣ нѣкоторыхъ соображеній.

Что думаешь?

БЫРДЯЙ.

Казнятъ они себя,
Судьба имъ въ насъ готовитъ наказанье:
Такъ рокъ судилъ, на все опредѣленье.

(Многіе входятъ въ палатку хана.)

БЕГИЧЪ, ДЕВЛЕТЪ-КИЛЬДЕЙ, князь **АКАЙ,** князь **ОСМАНЪ КАРАЧА, МУРЗА САЛЕХЪ-ДАМЗАЙ,** князь **БАХТЕЯРЪ, МУРЗА КОЛОЯРЪ, ЕПИФАНЪ КОРЕЕВЪ,** полякъ **ИЦКІЙ-ЯНИЦКІЙ.** (Всѣ, при входѣ, раскланиваются по своему, татары отирая лицо ладонями, Кореевъ и полякъ кланяются хану, сидящему на табуретѣ.)

МАМАЙ, наклоняя голову, сидя.

Привѣтствую Мамаевыхъ друзей

(Обращаясь къ Корееву и Поляку.)

Вы гости мнѣ, по чести, дорогіе,
И я вамъ радъ, какъ будто-бы роднымъ,
Вѣстей отъ васъ я жду пріятныхъ сердцу.

КОРЕЕВЪ.

Нашъ князь Олегъ читалъ твое послапье;
Но убѣдить собратій онъ не можетъ:
Они кипятъ желаніемъ войны.
Онъ за тебя страдаетъ ежечасно:
Измѣнникомъ князья его зовутъ
И если онъ не вступитъ въ ополченье,
То мести ихъ онъ долженъ ожидать.

(Помолчавъ и преклоняя колѣно.)

Великій ханъ, побѣдой увѣнчавшись,
Не позабудь покорности Олега,
И отомсти врагамъ его за все:
Тебѣ судьба карать судила гордыхъ.

(Мамай дѣлаетъ знакъ рукой, Кореевъ встаетъ.)

МАМАЙ, (указывая на небо.)

Луной клянусь, звѣздою хвостоватой,

Что я одной побѣдой не рѣшу,
Я вашу Русь, какъ пламень обойду,
И все отдамъ, какъ прежде обѣщалъ я,
Съ Ягайлою Олегу пополамъ.

(Обращаясь къ поляку.)

Ты скажешь что?

ИЦКІЙ.

Мнѣ велѣно Ягайлой,
Яснѣйшіе твои увидѣть очи
И вѣрное извѣстье сообщить,
Что польскіе наѣздники готовы
Съ усердіемъ тебѣ служить булатомъ:
Лишь повели, гдѣ встрѣтиться съ тобой?

МАМАЙ.

Я здѣсь васъ ждалъ и завтра выхожу:
Ты видишь самъ, мнѣ время драгоцѣнно;
Идите вы ужъ прямо на Москву
И встрѣтимся, гдѣ самъ пророкъ укажетъ.
Ты скоро въ путь?

ИЦКІЙ.

Тотчасъ же, въ эту ночь;
Мнѣ велѣно скорѣе возвратиться.

МАМАЙ, (Кореєву.

А ты, мой другъ?

КОРЕЕВЪ.

Поторопиться нужно....

МАМАЙ.

Друзей моихъ я такъ не отпускаю,
Получите вы должную награду

(Указывая на Бегича.)

Вотъ отъ него. — Прошу васъ подождать.

(Обращаясь къ прочимъ.)

А васъ, друзья, призвалъ я на совѣтъ
А въ чемъ вопросъ, Бырдяй вамъ сообщитъ,
Какъ главный мой глашатай и совѣтникъ;
Прислушайте. Разсказывай, Бырдяй!

БЫРДЯЙ.

Извѣстно всѣмъ, что области Москвы

И прочихъ всѣхъ, судьбой земель намъ данныхъ,
Какъ слѣдуетъ повиновались ханамъ,
Условную всегда платили дань
И отъ татаръ княженья получали,
Но нынѣ вѣтръ на нихъ навѣялъ спѣсь
И ихъ влечетъ въ пучину заблужденья;
Великій ханъ, по чувству снисхожденья,
Имъ повелѣлъ прощенье объявить,
Когда они въ покорность обратятся;
Но ни щедротъ пролитые лучи,
Ни милостей обѣщанная сладость,
Ни грозная опалы ханской буря,
Ихъ не могли доселѣ усмирить;
А потому, чувствительность отринувъ,
И потушивъ огонь любви и ласки,
Мы средствъ другихъ вернѣйшихъ не находимъ,
Какъ мечъ извлечь и ихъ заставить тѣмъ
Покорствовать велѣньямъ мудрымъ хана.

МАМАЙ.

Вы слышали? теперь скажите мнѣ,
Что думаетъ изъ васъ объ этомъ каждый?

ДЕВЛЕТЪ-КИЛЬДЕЙ.

Исполнивъ все, что требовали чувства,
Предъ русскими ты совершенно правъ:
Они твои отвергнули щедроты,
То пусть же ихъ постигнетъ злая казнь,
Въ нихъ гордость мы давно ужъ замѣчаемъ
Да не въ князьяхъ, но даже и въ боярахъ:
Они твердятъ, что будто-бы ихъ Русь
Не можетъ насъ князьями величать,
Что мы ничто предъ княжескимъ ихъ родомъ,
Что всякъ изъ насъ то званье получалъ
По мѣрѣ зла, чинимаго Россіи.
А слѣдственно, такъ говорятъ они,
Какъ зло съ добромъ различіе имѣетъ,
Такъ разнится и русскій князь съ татарскимъ.

КНЯЗЬ АКАЙ.

Я потерялъ двухъ сыновей на Вожѣ,
И нужно мнѣ себя вознаградить:
Великій ханъ, веди насъ поскорѣе,
А то у насъ на берегахъ Непрядвы
Заржавѣютъ и копья, и мечи,
Скорѣй, скорѣй, къ врагамъ моимъ на встрѣчу!...

КАРАЧА.

Вездѣ у васъ все личныя дѣла:
Одинъ сердитъ за княжеское званье,
Другой сыновъ отмщеніемъ горитъ;
Но мы ввиду имѣемъ не обиды:
Намъ хочется обогатить орду;
Отъ гордости Россію отучить;
Мы, наказавъ, уймемъ ее на долго
И эта дань, доходъ нашъ ежегодный,
Упрочится еще на сотни лѣтъ.

РАМЗАЙ.

И хана мы унизить не дозволимъ,
Пусть видятъ всѣ, что если ханъ во гнѣвѣ,
То этотъ гнѣвъ и всѣ мы раздѣляемъ;
Что всѣ идемъ, когда возсталъ одинъ,
Обижены, когда обиженъ онъ,
И наказать умѣемъ сопротивныхъ.

БАХТЕЯРЪ.

И должно такъ, сообразите вы,
Какъ Вожская, ничтожная побѣда,
Которая имъ какъ-то удалась,
Внезапно всѣхъ исполнила ихъ спѣсью!
Что-жъ ежели еще теперь удастся?
Тогда прости и дань, и хана власть,
И вѣчная Россіи подчиненность,

КОЛОЯРЪ.

Теперь они соединились вмѣстѣ;
Но должно знать, что въ этой общей кучѣ
Всѣ силы ихъ, за ними — ничего,
Ихъ разобьемъ и намъ прогулка будетъ,
Въ которой мы изрядно поживемъ....

А что въ Москвѣ каменьевъ драгоцѣнныхъ?
Что у бояръ завѣтныхъ стопъ и кубковъ?
О нѣтъ, веди скорѣе насъ въ Москву,
Великій ханъ, тебя мы умоляемъ!

МАМАЙ.

Сокровища, какія попадутся,
Всѣ будутъ вамъ наградой за труды.
Готовьте-же мечи свои и копья;
Мы завтра-же поутру двинемъ рать.
Ты, мой Бегичъ, въ полки передовые,
Какъ прежде мы съ тобою положили;
Ты, Бахтеяръ, охотникъ наѣзжать
Дозволю я тебѣ единоборство,
Ты, князь Акай, мнѣ правая рука
Я правое крыло тебѣ ввѣряю;
Карача ты, съ Девлетъ-Кильдеемъ вмѣстѣ,
Срединою завѣдуете въ полѣ....
Рамзай, Бутакъ, въ моей дружинѣ будутъ,
Чтобъ замѣщать прорывы по рядамъ,
А ты, Бырдяй, ты не знакомъ съ войною,
Ты на верху, на холмѣ помѣстись
И замѣчай отличье полководцевъ,
Чтобъ описать ихъ подвиги и храбрость;
Ты можешь намъ и пѣсенку сложить;
А пѣсенки хоть кажется и вздоръ,
Но между тѣмъ людей переживаютъ.

(Бегичу указывая на Ицкаго и Кореева.)

А вотъ посламъ ты въ пятеро заплатишь
И камки имъ, и разноцвѣтныхъ тканей;
Что намъ купецъ изъ Азіи привезъ,
Чтобъ было имъ и дѣтямъ ихъ на память.

(Бегичъ отвѣчаетъ поклономъ. Ицкій и Кореевъ низко кланяются.)

Теперь идти, въ походъ приготовляться,
И завтра-же съ зарею въ добрый путь.

(Всѣ, выключая Бырдяя, которому онъ дѣлаетъ знакъ, уходятъ.)

МАМАЙ.

Ну, что сказалъ премудрый нашъ мулла?

Что эта намъ звѣзда съ хвостомъ пророчитъ?

БЫРДЯЙ.

Недавно онъ былъ въ Меккѣ и Мединѣ,
Аравіей, Египтомъ проходилъ;
Бесѣдовалъ со всѣми мудрецами,
Халдейскую премудрость изучилъ;
Какую-то принесъ оттуда книгу
И въ ней, я самъ смотрѣлъ, рисунки есть,
Рисунки тѣ изображаютъ звѣзды
И все, какъ есть на небѣ, вотъ теперь;
А писана та книга по-арабски,
И значится, какъ движутся онѣ.
Всякъ человѣкъ родится со звѣздой
И чѣмъ звѣзда сіяетъ больше въ небѣ,
Тѣмъ человѣкъ счастливѣй на землѣ.
Когда ему есть важное занятье,
То долженъ онъ испытывать звѣзду:
Когда она заблещетъ яркимъ блескомъ,
Тогда ему удача будетъ въ дѣлѣ;
А если-же тускла его звѣзда,
То долженъ онъ намѣренье оставить:
Удачи тутъ ему не можетъ быть.

МАМАЙ.

Ну что-же онъ мою звѣзду нашелъ-ли?

БЫРДЯЙ.

И мнѣ казалъ, такъ какъ алмазъ блеститъ.

МАМАЙ.

Такъ что-жъ она, удачу мнѣ пророчитъ?

БЫРДЯЙ.

Навѣрное, и мнѣ онъ толковалъ,
Что русскіе разбиты будутъ нами.
Димитрія показывалъ звѣзду:
Претусклая, чуть-чуть на небѣ блещетъ.

МАМАЙ (указывая на комету.)

А это что?

БЫРДЯЙ.

Особая звѣзда,
Которую пророкъ въ затворѣ держитъ

И выпуститъ, когда нужда случится.
Вотъ сколько въ ней на верхъ идетъ лучей,
Такъ столько царствъ Мамаю покорится.

МАМАЙ, вскакивая.

Давай сочтемъ!

БЫРДЯЙ.

Считали мы вчера:
Семнадцать царствъ и десять мелкихъ княжествъ.

МАМАЙ, садится.

А русскіе не вѣруютъ звѣздамъ?

БЫРДЯЙ.

Нѣтъ, вѣруютъ, вотъ мнѣ вчера Кореевъ
Звѣзду съ хвостомъ на небѣ указалъ
И говоритъ: она бѣду пророчитъ.
Кому жъ бѣда? Спросилъ я у него,
Онъ отвѣчалъ: все намъ-же, грѣшнымъ людямъ.

МАМАЙ.

Невѣрные! За чѣмъ-же лѣзутъ въ споръ?
Вотъ-то ихъ хвостъ! мы выметемъ Россію.
И дань возьмемъ, вотъ что на небѣ звѣздъ.
Ты видишь самъ Мамая назначенье,
Противъ небесъ строптиво не пойдешь.
Поклонъ скажи муллѣ ты отъ Мамая.

(Бырдяй уходитъ.)

Кто тамъ идетъ?

КОРЕЙКА, входя.

Великій ханъ, къ тебѣ
Является мурза Бегичъ съ докладомъ.

МАМАЙ.

Пускай войдетъ! (*Корейка уходитъ.*)
Ну, что ты скажешь намъ?

БЕГИЧЪ, входя.

Разъѣзжіе недавно возвратились
И донесли, что русскія войска
Черезъ рѣку при нихъ переправлялись
И ужъ теперь должны быть не далеко.

МАМАЙ.

Я очень радъ и чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше

Аллахъ великъ! они идутъ на казнь.

БЕГИЧЪ.

Но что-бъ они внезапно не напали.

МАМАЙ.

А полкъ на что сторожевой у насъ?
Онъ, какъ журавль, на сторожѣ не дремлетъ,
Но долженъ я напомнить воеводамъ,
Что я пришелъ, не съ тою только цѣлью,
Чтобы одну побѣду одержать;
Нѣтъ, цѣль моя совсѣмъ другаго рода;
Мнѣ хочется, чтобъ это посѣщенье
На сотни лѣтъ не забывала Русь,
Чтобъ правнуки ихъ внуковъ вспоминали,
Какъ наказать умѣемъ мы враговъ
И удержать людей въ повиновеньи;
А потому, вотъ мой приказъ войскамъ,
Который ты объявишь всенародно:
Въ побѣдѣ я увѣренъ напередъ;
Но въ слѣдъ за ней Москва насъ ожидаетъ,
Владиміръ, Тверь и Нижній мы пройдемъ
И мелкія княженья по дорогѣ;
Но не щадить ни старыхъ, ни младенцевъ,
Ни женщины, ни дѣвы, никого,
И выжигать и села и деревни,
Перетоптать посѣвы на поляхъ,
Уничтожать и скотъ, и лошадей;
Чтобы вездѣ слѣды опустошенья,
Какъ неба гнѣвъ кидался имъ въ глаза;
Чтобъ русскій зналъ Мамая озлобленье
И трепеща при имени его,
Не допускалъ и въ мысляхъ непокорность.
Ты понялъ все?

БЕГИЧЪ.

Нельзя мнѣ не понять?
Я за одно съ тобою размышляю:
Такой урокъ необходимъ для нихъ,
Жестокостью ихъ лучше убѣдить

И навсегда упрочить подчиненность;
Наслѣдники, потомство наше все,
На вѣкъ вѣковъ намъ будутъ благодарны
За то, что мы все это утвердили —
И имъ одно осталось — поддержать,
Что мудростью устроено Мамая.

МАМАЙ.

Ты понялъ все, я вижу, но прибавь,
Товарищамъ, мое ты повелѣнье:
Все убивать, до тла все жечь огнемъ,
Щадить одно рязанское княженье
За преданность Олегову ко мнѣ.
Потомъ ему великое княженье
И будетъ онъ покорнымъ мнѣ слугой.

БЕГИЧЪ.

Великій ханъ, прости мнѣ возраженье,
Но въ этомъ я не соглашусь съ тобой.

МАМАЙ.

А почему?

БЕГИЧЪ.

Положимъ, что Олегъ
Не измѣнитъ; но какъ его потомки?
За чѣмъ всю Русь въ одно соединять?
Ихъ по частямъ немудрено разбить
Въ союзѣ же они довольно сильны,
А можетъ быть усилятся еще....
Порядокъ дѣлъ являетъ настоящихъ,
Что именно усилилъ ихъ союзъ.
Раздоры же князей между собою
Приносятъ намъ существенную пользу,
А дружба ихъ намъ причиняетъ вредъ.

МАМАЙ.

Ты въ этомъ правъ, но я храню обѣты....
Я слово далъ, ужели измѣню?

БЕГИЧЪ.

Пускай Олегъ московскимъ княземъ будетъ —
Названіе не значитъ ничего;
Но надобно мѣшать ему стараться,

Чтобы къ рукамъ онъ прочихъ не прибралъ.
А онъ хитеръ, его на это станетъ;
Но ежели усилится Олегъ,
Тогда, повѣрь, личину онъ отброситъ,
Не будетъ онъ покорнымъ, какъ теперь,
Онъ гордостью не меньше преисполненъ,
Какъ и умомъ. Соединивъ княженья,
Противникомъ онъ можетъ быть Ордѣ
И будешь ты раскаяньемъ терзаться,
Что далъ ему оружье на себя.

МАМАЙ.

Да, это такъ, на мѣсто власти злата
Мы мишуру названія дадимъ;
Поддѣланнымъ алмазъ замѣнимъ камнемъ.

БЕГИЧЪ.

Иду къ вождямъ, знакомить съ ханской волей
Свирѣпость мирзъ и злоба противъ русскихъ
Мамаево желаніе пойметъ
И учинитъ, какъ должно, исполненье. (*Уходитъ.*)

МАМАЙ, одинъ.

Семнадцать царствъ и сколько бишь княженій?
Но что считать! цыплятъ считаютъ въ осень.
Откуда же ихъ столько наберемъ?
Пророкъ великъ! онъ все устроилъ самъ.
Сольются всѣ, какъ рѣки въ океанъ,
И будетъ имъ владыкою Мамай,
И сядетъ онъ на тронѣ властелиномъ,
И всѣ побѣждены кругомъ его,
И рабски все цѣлуетъ край одежды —
И падаетъ на землю передъ нимъ!
И слава дѣлъ гремитъ во всей вселенной!
Вѣщаетъ все: непобѣдимъ Мамай!
Великъ Мамай! кто противу Мамая!
И грозенъ онъ: движеніе перста —
И головы слетаютъ непокорныхъ;
Нахмурилъ бровь — трепещетъ все кругомъ,

Смѣется онъ — и всѣ за нимъ смѣются.

КОРЕЙКА, ВХОДЯ.

Къ тебѣ, великій ханъ,
Абдулъ-Мулла идетъ съ Бырдяемъ вмѣстѣ.

(Корейка распахиваетъ полы шатра, входятъ Абдулъ-Мулла и Бырдяй.)

МАМАЙ.

Я гостю радъ, теперь же ты пришелъ,
Какъ истинный посланникъ Магомета.

АБДУЛЪ.

Великій ханъ, которому пророкъ
Невидимо премудрость посылаетъ,
Которому судили небеса
Возвыситься превыше звѣздъ небесныхъ
И просіять свѣтлѣе солнца въ мірѣ;
Твою судьбу на звѣздахъ я читалъ
И чтенье то доступно для немногихъ,
Лишь избранныхъ поклонниковъ пророка.
Звѣзда Эскирь, звѣзда Челучирей
И куча звѣздъ подъ именемъ: Мирзычъ,
Рамзакъ, Карьянъ, Бирюдюбекъ и Крафткри....

(Ханъ хмурится.)

Названья ихъ изсѣчены давно
На каменныхъ созданіяхъ Египтянъ,
Пирамидасъ, тѣ зданія зовутъ.
И такъ онѣ сказали мнѣ, что скоро
Мы встрѣтимся съ врагами на поляхъ,
Что будетъ бой у насъ кровопролитный.
Въ началѣ насъ, какъ будто одолѣютъ;
Но послѣ ихъ постигнетъ злая казнь:
Не многіе спасутся отъ меча,
Чтобъ извѣстить оставшихся согражданъ
О томъ, какъ ханъ, великій ханъ татарскій,
Своихъ враговъ умѣетъ наказать.
Въ послѣдствіи кровавая звѣзда,
Какъ маковъ цвѣтъ на небѣ заблистала
И понялъ я, что Русь въ крови утонетъ,
Что кары ей готовятся тобой.

МАМАЙ, про себя.

Не чудно ли? онъ мысли проникаетъ?

БЫРДЯЙ, тихо Абдулу.

Кореева подарки не забудь.

АБДУЛЪ.

Еще читалъ я въ небѣ, ханъ великій,
Что на душѣ смущенья у тебя,
Что князь Олегъ твое волнуетъ сердце,
Что люди есть у трона твоего,
Которые тебя въ сомнѣнье вводятъ.

(Ханъ изумляется, Бырдяй и Абдулъ перемигиваются.)

Не вѣрь имъ, ханъ: рязанскій князь Олегъ
Тебя отцомъ и другомъ почитаетъ.
Когда свершишь ты эту злую казнь,
Которой Русь по истинѣ достойна:
На триста лѣтъ въ нихъ утвердится страхъ,
А въ сердцѣ всѣхъ рязанцевъ благодарность
И князь Олегъ потомству завѣщаетъ,
Чтобы всегда покорнымъ хану было.
Всѣ мудрыя твои предположенья
Тебѣ самимъ пророкомъ внушены....
Исполни ихъ и всѣ твои обѣты;
За Русью вслѣдъ падутъ передъ тобой
Тогда еще — невѣдомыя царства,
Ихъ имяна не могъ я прочитать;
Пророкъ ихъ всѣ еще содержитъ втайнѣ.

МАМАЙ, долго соображаетъ.

Такъ, такъ, Абдулъ, передъ открытымъ небомъ,
Предъ вѣчными звѣздами, я клянусь,
Что ханскi я вознагражу Олега
И накажу Димитрія, какъ ханъ.

АБДУЛЪ.

И должно такъ, чтобъ русскіе узрѣли,
Что ты карать и наградить умѣлъ.

(Тихо Бырдяю.)

Ну, что еще?

БЫРДЯЙ, тихо Абдулу.

Чего-же больше нужно?

Онъ поклялся.

АБДУЛЪ, тихо Бырдяю.

И проигралъ Бегичъ.

Разбитъ онъ здѣсь, такъ точно, какъ на Вожѣ.

КОРЕЙКА, входя.

Девлетъ-Кильдей идетъ къ тебѣ съ докладомъ.
Какъ повелишь, прикажешь допустить?

МАМАЙ.

Пускай войдетъ!

(Абдулу и Бырдяю.)

Друзья покойной ночи.

АБДУЛЪ, уходя.

Да наградитъ тебя пророкъ великій.

БЫРДЯЙ, слѣдуя за нимъ.

И счастливый успѣхъ да ниспошлетъ.

МАМАЙ, Корейкѣ.

Готовы-ль всѣ доспѣхи боевые?

КОРЕЙКА.

Булатный мечъ, подарокъ Солимана,
На воздухѣ волосья разсѣчетъ;
Твое копье, какъ острая игла;
Горитъ, какъ жаръ, дамасская кольчуга.

МАМАЙ.

Ну хорошо. Зови Девлетъ-Кильдея.

ДЕВЛЕТЪ-КИЛЬДЕЙ, входя.

Салямъ алейкумъ, нашъ великій ханъ.

МАМАЙ.

Алейкумъ эсалямъ! Что ты мнѣ скажешь?

ДЕВЛЕТЪ-КИЛЬДЕЙ.

Мой посланный извѣстье мнѣ принесъ,
Что русскіе ужъ перешли за Донъ
И идутъ къ намъ на берега Непрядвы;
Сообразивъ взаимный переходъ
Мы встрѣтимъ ихъ на полѣ Куликовскомъ.

МАМАЙ.

А много-ль ихъ?

ДЕВЛЕТЪ-КИЛЬДЕЙ.

Да тысячъ будетъ сто,

А можетъ быть, и больше наберется.
Вчерашній день, какъ сказывали мнѣ,
Отряды ихъ на берегу явились
И съ нашими немножко посчитались.
Оттуда князь Битюгъ одинъ явился.
Отрядъ его погибъ.

МАМАЙ.

И по дѣломъ.
Кто имъ велѣлъ отрядами сражаться?
Ну, что еще?

ДЕВЛЕТЪ-КИЛЬДЕЙ.

Важнѣйшее сказалъ я,
А кое-что....

МАМАЙ.

Ну что-же? говори.

ДЕВЛЕТЪ-КИЛЬДЕЙ.

Ты помнишь-ли, какъ въ Золотой Ордѣ,
Что русскіе Сарайской называютъ,
Мы взяли въ плѣнъ какого-то Сальгича,
Который намъ успѣхи предсказалъ
И также то, что дань получимъ мы,
И что въ ордѣ Димитрія увидимъ.

МАМАЙ.

Все помню я, но что же тотъ Сальгичъ?

ДЕВЛЕТЪ-КИЛЬДЕЙ.

Онъ предсказалъ и эту ссору съ Русью.

МАМАЙ.

Все знаю я, но что онъ говоритъ.

ДЕВЛЕТЪ-КИЛЬДЕЙ.

Такъ какъ Абдулъ на небѣ все читаетъ,
Онъ точно тожъ читаетъ на землѣ.

МАМАЙ, смотритъ на землю.

А что на ней написано такое?

ДЕВЛЕТЪ-КИЛЬДЕЙ.

Онъ узнаетъ и по полету птицъ,
И по росѣ, туманамъ и дождямъ....

МАМАЙ.

Ну, что же онъ о битвѣ говоритъ?

ДЕВЛЕТЪ-КИЛЬДЕЙ.

Сначала насъ немножко одолѣютъ,
А послѣ мы надъ ними верхъ возьмемъ
И всѣхъ побьемъ отъ мала до велика.
Потомъ пойдемъ мы прямо на Москву
И тамъ себѣ добудемъ много злата.

МАМАЙ, про себя.

Вотъ чудеса, какъ будто согласились!

ДЕВЛЕТЪ-КИЛЬДЕЙ, внимательно наблюдая хана.

Онъ говоритъ, что еслибъ князь Олегъ
На мѣстѣ былъ Димитрія въ Россіи,
То никогда войнѣ и не бывать бы,
Что любитъ онъ Мамая отъ души,
Что если бы исполнилъ ты обѣты....

МАМАЙ.

О перестань! я въ этомъ клятву далъ
И вновь клянусь я именемъ пророка,
Что все отдамъ Олегу одному,
Особенно когда на эту битву
Ягайла къ намъ на помощь поспѣшитъ....

ДЕВЛЕТЪ-КИЛЬДЕЙ

Едва ли онъ участье приметъ въ битвѣ:

МАМАЙ.

Посмотримъ.... что-жъ? тѣмъ лучше для Олега.
Кореевъ гдѣ?

ДЕВЛЕТЪ-КИЛЬДЕЙ.

Не знаю я о немъ;
Мнѣ кажется, что также онъ уѣхалъ.

(Про себя.)

Какъ кажется пора ему придти:
Дѣла его улажены порядкомъ.

(Даетъ знакъ показавшемуся Корейкѣ.)

КОРЕЙКА, входя.

Великій ханъ, къ тебѣ посолъ Олега,
Откланяться пришелъ.

МАМАЙ.

Зови сюда.

(Девлетъ-Кильдей и Корейка уходятъ.)

КОРЕЕВЪ, ВХОДЯ.

Являясь вновь къ тебѣ, великій ханъ,
Я приношу признательности чувства.

МАМАЙ.

Доволенъ-ли?

КОРЕЕВЪ.

О, всѣмъ доволенъ я,
Я награжденъ совсѣмъ не по заслугамъ:
Щедротъ твоихъ излишнее богатство,
Меня одно могло такъ надѣлить.

МАМАЙ.

Такъ кланяйся Олегу отъ меня.
Я на Окѣ его надѣюсь видѣть,
Гдѣ долженъ онъ стеречь тѣхъ бѣглецовъ,
Которые, отъ кары убѣгая,
Навѣрное къ вамъ въ руки попадутъ.
Ты сообщи Олегу только то,
Что ханъ Мамай всегда въ обѣтахъ вѣренъ;
Но нынѣ я два раза въ этомъ клялся
И въ третій разъ клянусь передъ тобой.

КОРЕЕВЪ, про себя.

Онъ мой теперь и цѣли я добился.

МАМАЙ, даетъ горсть денегъ.

Возьми на путь.

КОРЕЕВЪ, низко кланяясь.

Еще ль твоя рука
Не устаетъ, награды разсыпая....

(Беретъ деньги и цѣлуетъ полу ханскаго платья.)

Отправлюсь я, прощенія прошу!

(Про себя.)

Но какъ бы мнѣ московскимъ не попасться.

(Уходитъ.)

МАМАЙ, одинъ.

Энглысенъ сиръ, за чѣмъ ты лжешь, Мамай?
Зови себя на собственный ты судъ
И разбери, что въ сердцѣ ты скрываешь?
Съ Димитріемъ въ Ордѣ я былъ знакомъ
И видѣлся съ Олегомъ я нерѣдко.

Абдулъ-мулла меня увѣрилъ въ томъ,
Что преданъ онъ не изъ корыстныхъ видовъ;
Другой же князь мнѣ явный непріятель,
Возстановилъ онъ всѣхъ противъ меня.
И сколько разъ ослушивался онъ?
То дѣлалъ зло владѣніямъ Олега,
То ни во что считая мой ярлыкъ,
Тѣснилъ и гналъ онъ князя Михаила;
То въ Нижнемъ Бегича онъ поразилъ,
И лично съ нимъ мы встрѣтимся теперь,
Чтобъ испытать еще судьбину боя.
И сколько ни обязанъ я Олегу;
Но между-тѣмъ, коль въ сердце загляну,
То признаюсь, Олега презираю,
Димитрія невольно я люблю.
Какъ разрѣшить причину, почему?
Олегъ мнѣ другъ, я не люблю Олега,
Димитрій врагъ, а я его люблю?
Но между-тѣмъ, я сердцемъ трепещу
И ежели признаться откровенно:

(Оглядываясь и тихимъ голосомъ.)

Я, кажется, Димитрія боюсь.

(Долго молчитъ и глядя на небо.)

А это что? Кровавая звѣзда,
Звѣзда съ хвостомъ, Абдула предсказанья?
Напрасно ты такъ сердце неспокойно,
Нѣтъ, нѣтъ Мамай, побѣда за тобой...
Съ Мамаемъ все и сила обстоятельствъ,
И сила войскъ, и сила убѣжденій;
А между-тѣмъ бѣжитъ меня покой.
Сомнѣнія?...

(Соображая.)

Но можно-ль сомнѣваться?
Нѣтъ, нѣтъ Мамай, побѣда за тобой!

(Быстро уходитъ въ шатеръ и закрываетъ полы.)

=

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

МОСКОВСКІЙ СТАНЪ НА КУЛИКОВСКОМЪ ПОЛѢ.

(Напереди Великокняжескій шатеръ, за нимъ видно множество палатокъ. Далѣе, за шатрами, рѣка, освѣщаемая лучами заходящаго солнца, которое въ послѣдствіи смѣняется вечернею зарею, сумерками и луною, съ нѣкоторыми звѣздами, посреди которыхъ блещетъ и комета. Полы занавѣса Димитріевой ставки задернуты.)

АНДРЕЙ СЕРКИЗЪ, сидя на травѣ, точитъ мечъ.

А! милый другъ, немного затупился;
Но впрочемъ ты доволенъ долженъ быть:
Накушался ты крови бусурманской!
Досадно мнѣ, что тотъ ушелъ мурза,
Однако-жъ онъ увезъ мои подарки,
Его рубнулъ я раза два иль три;
Пускай-же онъ Мамая извѣщаетъ,
Что изо всѣхъ одинъ остаться могъ.
Такъ вотъ, друзья, вамъ это предисловье,
А завтра мы и книгу развернемъ.

(Любуясь на остріе меча, вкладываетъ его въ ножны.)

Опять готовъ, какъ бритву наточилъ;
Споемъ теперь, на сердцѣ будетъ легче.

(Поетъ.)

Вышли тучи бѣлоснѣжныя
Съ разныхъ сѣвера сторонъ:
Гнали вѣтры перебѣжные
Ихъ на дальній небосклонъ.
Въ каждомъ облакѣ таилася
Грозной молніи змѣя
И въ одно совокупилася
Тучъ разбросанныхъ семья.
Облачку лишь легкокрылому
Разсудилось поотстать;
Не пришлось бы другу милому
Слезный дождикъ проливать!
Но не туча подымается

На лазури голубой:
Войско русское является
Передъ матушкой Москвой.
Улыбнись, золотоглавая,
Полюбуйся на сыновъ:
Ихъ раздѣлка ждетъ кровавая,
Смерти пиръ для нихъ готовъ;
Пусть ватага мусульманская
Злобно имъ готовитъ месть:
За отчизну, люди русскіе —
Все готовы перенесть.

БОЯРИНЪ ГРУНКА и **ЛЕВЪ МОРОЗОВЪ**, выходятъ съ разныхъ сторонъ.

ГРУНКА.

Что у тебя?

МОРОЗОВЪ.

Поютъ и веселятся.
Я трусости не замѣчаю въ нихъ
За утра бой, а имъ и горя мало.

ГРУНКА.

Да — что тужить! иль панъ или пропалъ!
Вѣдь умирать не легче на постели?
А этотъ бой, для насъ священный бой.

МОРОЗОВЪ.

Вѣстимо такъ. — Гдѣ наши воеводы?
Ты не видалъ кого-нибудь изъ нихъ?

ГРУНКА.

Они теперь гуляютъ за шатрами:
Иной уснулъ, на берегу другой;
Но скоро всѣ должны сюда собраться,
Вѣдь надобно жъ составить имъ совѣтъ?

МОРОЗОВЪ, указывая вдаль.

Вечоръ мы тамъ ложились на землѣ,
Вдругъ слышится, какъ-будто конскій топотъ....
(Обращаясь къ Серкизу.)
А ты, дружокъ, ты съ ними ужъ знакомъ?

СЕРКИЗЪ, вставая.

Вчера въ кустахъ раскланялись другъ другу
Съ почтеніемъ такимъ, что вмѣсто шляпъ

И головы татары поскидали.

МОРОЗОВЪ.

А многихъ-ли тамъ угостили вы?

СЕРКИЗЪ.

Да эти всѣ накушались до сыта,
И улеглись на вѣки отдохнуть.
Одинъ ушелъ, но также безъ обиды,
Онъ, кажется, немножко закусилъ,
А впрочемъ, все на лошади шатался
Небережно, какъ видно, перепилъ.

ГРУНКА.

Но шутки прочь, какъ вамъ они попались?

СЕРКИЗЪ.

Вѣдь это такъ лишь дружеская сдѣлка.
Объѣзжіе замѣтили людей,
Которые скрывались за кустами.
Мнѣ донесли. Я догадался тотчасъ,
Что это быть лазутчики должны.
Извѣстно всѣмъ: татаринъ любопытенъ.
Лишь только мы кустарникъ окружили,
Какъ изъ кустовъ и бросились они:
Гдѣ изо всѣхъ одинъ лишь уцѣлѣлъ:
Коню степей обязанъ избавленьемъ.

МИХАИЛЪ БРЯНОКЪ и КАШИНСКІЙ, входятъ.

БРЯНОКЪ.

Объѣзжіе недавно возвратились
И говорятъ, что видѣли татаръ.

МОРОЗОВЪ.

Давно пора, на то мы заждалися.

КАШИНСКІЙ.

Вонъ тамъ заря вечерняя блеститъ,
А солнышко на облакахъ играетъ;
Какъ знать, въ тотъ часъ увидимся-ли завтра?

СЕРКИЗЪ.

Я думаю, что кто убитымъ будетъ,
Тотъ завтра къ намъ ужъ увѣрно не придетъ.

МОРОЗОВЪ, указывая на Серкиза.

Мнѣ кажется, что этотъ нашъ пріятель,

Шутя живетъ, да и умретъ шутя.

СЕРКИЗЪ.

Не мудрено; но знаешь-ли, Морозовъ,
Что въ правотѣ я дѣла такъ увѣренъ,
Такъ убѣжденъ, что это бой святой,
Что есть на насъ небесъ благословенье,
Что наконецъ, кто и погибнетъ въ немъ
Отъ Господа получитъ воздаянье, —
Что лучшей я, ни другу, ни себѣ,
Повѣрь ты мнѣ, кончины не желаю.

МОРОЗОВЪ.

Ты точно правъ и умъ согласенъ мой,
Но съ сердцемъ мнѣ, что ты прикажешь дѣлать?

СЕРКИЗЪ.

Вотъ видишь-ли, умъ съ сердцемъ иногда
Согласны въ насъ, а иногда напротивъ.
Порой его разсудокъ увлечетъ,
Въ другой же разъ уступитъ по неволѣ:
Точнехонько какъ мужъ съ женой живутъ;
Но надо знать, что мужъ глава жены.

МОРОЗОВЪ.

Такъ, другъ мой, такъ; а утѣшенья мало....
Но впрочемъ что-жъ? — умремъ за Русь святую!

КАШИНСКІЙ.

А что, друзья, меды еще остались?

СЕРКИЗЪ.

Я разрѣшу твой сладостный вопросъ.

(Указывая на Морозова.)

Есть у него и у меня довольно;
Но пить нельзя, покуда насъ совѣтъ
Не разрѣшилъ на счетъ распоряженій.

КАШИНСКІЙ.

Такъ вечеромъ?

СЕРКИЗЪ.

Сбирайтесь всѣ ко мнѣ....

ИВАНЪ КВАШНЯ, МОЛОЖСКІЙ, РОМАНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ БРЯНСКІЙ,

ВХОДЯТЪ.

КВАШНЯ, осматривая всѣхъ.

Какъ кажется пора-бы и собраться,

А между-тѣмъ, не вижу я князей,
Замѣшкались.

БРЯНСКІЙ.

Но вѣдь еще не поздно.
(Глядя на шатеръ Димитрія.)
Великій князь, не знаю тутъ иль нѣтъ?

СЕРКИЗЪ.

Я раньше всѣхъ пришелъ на это мѣсто,
Но видѣлъ все опущенныя полы.
Не спитъ-ли онъ?

МОЛОЖСКІЙ.

Не молится-ль скорѣе?
До сна ль ему, особенно теперь?
Вы знаете, что онъ когда свободенъ,
То у него занятіе одно:
Къ Подателю побѣды обращаться.
Вчера, когда устроивали станъ
И по полю палатки разбивали,
Стоялъ я съ нимъ, на горкѣ небольшой,
Предъ нами все какъ на ладони было:
И всѣ войска, обозы и шатры,
А тамъ и сямъ хоругви развѣвались.
Окинувъ все и видя войскъ ряды,
Любуясь всѣмъ, что предъ глазами было,
Конечно онъ былъ тронутъ этой мыслью,
Что многіе изъ насъ падутъ въ бою,
Что многихъ онъ ужъ больше не увидитъ.
Вы знаете Димитріевы чувства,
Изъ глазъ его тутъ слезы полилися,
И тихо онъ колѣна преклонилъ,
Лицомъ своимъ къ хоругвямъ обращаясь.
Казалось онъ для внѣшняго уснулъ,
Всѣмъ существомъ въ молитву обратился.
И видѣлъ я, какъ на его щекахъ
Молитвы жаръ румянцемъ разгорался
И какъ блисталъ его слезящій взоръ.
Подумалъ я: онъ молится за насъ;
За ближнихъ онъ, не за себя слезился,

За ввѣренныхъ дѣтей своихъ просилъ;
Отецъ земной небесному молился,
И вѣрно Богъ его не презритъ слезъ —
Чистѣйшую любови къ ближнимъ жертву!

БРЯНСКІЙ.

Но вотъ князья. Они идутъ сюда.

Входятъ князья — **СМОЛЕНСКІЙ, БѢЛОЗЕРСКІЙ, РОСТОВСКІЙ, СТАРОДУБСКІЙ, ЯРОСЛАВСКІЙ, ОБОЛЕНСКІЙ, АНДРЕЙ** и **ДИМИТРІЙ ОЛЬГЕРДОВИЧИ**, князь **ВЛАДИМІРЪ АНДРЕЕВИЧЪ, ДИМИТРІЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ВОЛЫНСКІЙ** и потомъ Великій Князь **ДИМИТРІЙ.**

ОБОЛЕНСКІЙ, ВХОДЯ

Мнѣ донесли войска сторожевыя,
Что станъ татаръ на часъ одинъ ѣзды,
Что поле все усѣяно толпами.
Ихъ больше насъ, но — силенъ русскій Богъ!

ВЛАДИМІРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Вотъ наконецъ потѣха боевая!
Я нахожу, чего давно искалъ.
Картины битвъ, которыя мнѣ снились
И грезились такъ часто наяву,
Ужъ не въ мечтахъ, а въ сущности увижу!
О если-бъ всѣ пылали тѣмъ огнемъ,
Которымъ я невольно пламенѣю,
Не стали-бы считать числа враговъ —
А только-бы спросили: гдѣ найти ихъ!

ВОЛЫНСКІЙ, Владиміру Андреевичу.

Я помню, князь, ты жаловался горько,
Что этотъ мечъ заржавѣлъ на стѣнѣ;
Такъ вотъ ему пришла теперь работа.

ВЛАДИМІРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Вотъ это-то и радуетъ меня.
Когда прочелъ я братнино посланье,
То самъ не зналъ, что сдѣлалось со мной!
Какъ будто-бы отъ сна я пробудился,
Кругомъ меня блисталъ какой-то свѣтъ
Невѣдомый, предметы измѣнились,
И вещи всѣ бездушныя, казалось,

Въ веселіи сочувствовали мнѣ.
Свѣтлѣй игралъ и мѣсяцъ надо мною,
И солнышко привѣтливѣй смотрѣло,
И кучи звѣздъ ; и самыя деревья,
Съ которыхъ листъ ужъ началъ опадать,
Казалось мнѣ, зазеленѣли вновь :
Мракъ сентября исчезъ въ моихъ глазахъ
И осень вдругъ какъ-бы весною стала !
Какъ думаешь, какая тутъ причина ?

ВОЛЫНСКІЙ.

Я думаю къ отечеству любовь,
Къ тому-жъ еще и ненависть къ татарамъ,
Которые такъ долго насъ терзали,
Къ которымъ....

ВЛАДИМІРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Такъ, все это знаю я ;
Но вмѣстѣ съ тѣмъ, покаюсь откровенно,
Что просто я — люблю кровавый бой ;
Мнѣ это пиръ — что дѣлать, это страсть ;
А тутъ еще святое дѣло брани,
За нами тамъ — отчизна, жены, дѣти,
Святые храмы, — мы всего стѣна
И будемъ мы стѣною для Мамая !

АНДРЕЙ ОЛЬГЕРДОВИЧЪ.

Послушай-ка, я чту твои восторги,
Не меньше ихъ я раздѣляю самъ ;
Но вотъ вопросъ, онъ требуетъ сужденья :
Что дѣлать намъ съ Димитріемъ самимъ ?

(Темно, луна и звѣзды являются.)

ВЛАДИМІРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Какъ дѣлать что ?

АНДРЕЙ ОЛЬГЕРДОВИЧЪ.

Вчера объѣхавъ поле,
На холмѣ онъ не-подалеку сталъ
И разсуждалъ о предстоящей битвѣ.
Онъ говорилъ, что бой начнется имъ,
Что онъ пойдетъ въ полки передовые
И станетъ въ нихъ, съ другими наряду,

Что-бы служить примѣромъ подчиненнымъ.

ВЛАДИМІРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Какъ, лично самъ?

КНЯЗЬ СМОЛЕНСКІЙ.

Но кто-жъ его допуститъ?
Возможно-ли?

КНЯЗЬ РОСТОВСКІЙ.

Онъ полководецъ нашъ:
Ему смотрѣть....

КНЯЗЬ СТАРОДУБСКІЙ.

Ходъ битвы наблюдать.

КНЯЗЬ ЯРОСЛАВСКІЙ.

И награждать заслуги подчиненныхъ.

ОБОЛЕНСКІЙ.

Онъ дорогъ намъ.

ДИМИТРІЙ ОЛЬГЕРДОВИЧЪ.

И Русь родная наша
Лишь въ немъ одномъ.

СЕРКИЗЪ.

Пусть государь любимый
Живетъ для насъ.

КВАШНЯ.

Для счастія народа;
Пусть мы умремъ и память нашу онъ
Благословитъ и передастъ потомству.

МОЛОЖСКІЙ.

Но безъ него какой-же ждать побѣды?

КАШИНСКІЙ.

Мы требуемъ его распоряженій,
Но въ личный бой какъ можно допустить?..
Нѣтъ, мы его заслонимъ всѣ собою!...

МОРОЗОВЪ.

Пусть общее онъ дѣло наблюдаетъ:
Мы впереди....

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ДИМИТРІЙ, быстро выходя изъ палатки.

Гдѣ вы, тамъ буду я!
Но ежели я назади сокроюсь,

То буду-ли имѣть я послѣ право,
И вамъ сказать: умремте за отчизну?
Какъ скоро я начальникъ вашъ и вождь,
То долженъ я служить другимъ примѣромъ.
Пусть голову за Русь я положу:
Я зависти тогда достоинъ буду.

(Осматривая всѣхъ).

На лицахъ я читаю вашу скорбь.
Благодарю стократно за любовь,
Я въ ней всегда увѣренъ былъ и прежде;
Но долгъ отца не жертвовать дѣтьми,
А раздѣлять опасности всѣ съ ними.
Чего-жъ притомъ лишенъ природой я?
Я духомъ бодръ и твердъ, и крѣпокъ тѣломъ,
На помощь я Владыки силъ надѣюсь;
Вручите-же меня Его покрову.
Мнѣ слѣдуетъ быть съ вами наряду
И въ этомъ я останусь непреклоненъ!
Часъ Божія суда ужъ наступаетъ
Вы знаете, товарищи и братья,
За нами Русь, въ насъ весь ея оплотъ,
Разбиты мы — отечество погибло,
Побѣдой мы Россію воскресимъ.
Мы всѣ пришли на смерть или побѣду.
За гробомъ насъ Отецъ небесный ждетъ,
Въ рукѣ Его нетлѣнные вѣнцы;
А на землѣ, покуда существуетъ
Святая Русь, и память не умретъ
О воинахъ погибшихъ въ этой битвѣ.
И такъ, друзья?

ВСѢ.

Побѣда или смерть!

Ждемъ одного — твоихъ распоряженій?

ДМИТРІЙ, Бѣлозерскому.

Въ срединѣ ты, князь Ѳедоръ, и съ тобой

(указывая на Ольгердовичей).

Князья Андрей съ Димитріемъ; за вами

Я буду самъ, съ бояриномъ и княземъ,
(Указывая на Смоленскаго и Квашню).
Моимъ полкомъ поддерживая васъ;
Михаилъ Брянокъ также съ нами будетъ.
Князья Ростовскій, Стародубскій, вы
На правое крыло и съ вами Грунка;
На лѣвое пойдетъ Морозовъ Левъ
И съ нимъ князья Моложскій, Ярославскій.
Князь Оболенскій и Андрей Серкизъ,
Начальники полка сторожеваго,
Поддерживать вамъ должно два крыла;
А вы, друзья, мой милый братъ Владиміръ,
Волынскій, Брянскій, Кашинскій, съ толпою,
До времени въ засадѣ удержитесь.
Ты не сердись за это, милый братъ,
Что я тебя, любя, препоручаю
(Указывая на Волынскаго).
Вотъ этому сѣдому мужу брани:
Ты слишкомъ смѣлъ и слишкомъ любишь бой;
А онъ тебя немножко обуздаетъ.
Мы въ опытѣ ему уступимъ всѣ.
Не сердишься?

(Является воинъ и знакомъ вызываетъ Серкиза, который уходитъ.)

КНЯЗЬ ВЛАДИМІРЪ.

Напротивъ, благодаренъ.
Волынскій былъ Олега побѣдитель,
Болгаровъ тожъ и намъ придется съ нимъ
Хотя скучать сначала, но потомъ....

ДИМИТРІЙ.

Потомъ отъ васъ зависитъ участь битвы.

КНЯЗЬ ВЛАДИМІРЪ, обнимая Димитрія.

Благодарю, мой милый другъ и братъ;
Но если ты меня остерегаешь,
Дозволь-же мнѣ просить тебя о томъ,
Не отъ себя, но именемъ всей Руси:
Побереги Димитрія для насъ,
Напрасно ты личину здѣсь надѣлъ,

Какъ будто-бы холодности какой-то;
Димитрія я знаю коротко,
Онъ пылкостью съ Владиміромъ поспоритъ.
Внимая звукъ мечей и звуки трубъ,
Димитрій нашъ не зритель хладнокровный....

ДИМИТРІЙ.

Даю обѣтъ Владиміра послушать;
Но не принять участья въ этой битвѣ!...

ВЛАДИМІРЪ.

О! этого мнѣ и просить нельзя:
Могу-ли я потребовать того,
Чего и самъ не въ состояньи сдѣлать?
Желаемъ мы лишь только одного,
Чтобъ, сердца ты порывы удержавъ,
Въ излишнюю опасность не вдавался.

ДИМИТРІЙ.

Я слово далъ.

ВЛАДИМІРЪ, прочимъ.

Дай Богъ чтобы исполнилъ!
Его словамъ я вѣрилъ завсегда
И въ первый разъ осмѣлюсь не повѣрить.

БѢЛОЗЕРСКІЙ.

Всѣ сдѣланы тобой распоряженья,
Прикажешь намъ на отдыхъ удалиться?

(Слышенъ шумъ; многіе оглядываются.)

ДИМИТРІЙ.

Съ миромъ, братья! — Узнайте, что за шумъ?

(Серкизъ тащитъ за воротъ Епифана Кореева, который блѣденъ и трясется всѣмъ тѣломъ. Любопытные окружаютъ его и многіе, указывая пальцами, смѣются.)

СЕРКИЗЪ, съ насмѣшкою.

Вотъ вамъ представлю друга.
Прошу принять въ свое расположенье.
Олега другъ, наставникъ и слуга!
Онъ отъ татаръ.

КОРЕЕВЪ, бросаясь въ ноги Димитрію.

Помилуй, государь!
Повинную главу и мечъ не рубитъ!

ДИМИТРІЙ.

Откуда ты?

КОРЕЕВЪ.

Посланъ былъ къ Мамаю

ДИМИТРІЙ.

Зачѣмъ?

СЕРКИЗЪ, подавая письмо.

А вотъ письмо разскажетъ намъ,
Его нашли пришитымъ къ шапкѣ друга.

ДИМИТРІЙ, развертывая, читаетъ.

«Великій ханъ, Россіи повелитель,
«Татарскихъ ордъ могучій властелинъ,
«Рязанскому Олегу посылаетъ
«Поклонъ и вѣсть для свѣдѣнья его.
«Иду карать строптивыхъ я рабовъ.
«Мнѣ небеса заранѣе сказали,
«Благодаря наукѣ звѣздочетства,
«Что всѣ враги Мамая и твои
«Подвергнутся неумолимой казни.
«Пощады имъ не будетъ никакой
«Казнимъ мы ихъ. — Но кто-жъ пощады проситъ? —
«Когда-жъ Аллахъ даруетъ намъ побѣду,
«Въ которой я увѣренъ напередъ;
«То я клялся и небомъ и землею
«Исполнить все, что обѣщалъ тебѣ;
«Ихъ утопивъ въ болотѣ злостраданій,
«Какъ ярый вихрь я Русью пронесусь
«И гнѣва огнь испепелитъ виновныхъ,
«И мщенія пожретъ ихъ крокодилъ.
«Ты-жъ торжествуй, тебѣ вручу правленье
«Россіи всей, какъ другу моему.
«На берегахъ Оки ты подождешь,
«Бѣгущихъ тамъ крамольниковъ изловишь,
«Которые, отъ гибели спасаясь,
«Пойдутъ въ твою разставленную сѣть.
«Благодарю за дружбу и любовь,
«За преданность и вѣрныя услуги, —
»Щедротъ моихъ великое свѣтило

«Свои лучи Олегу ниспошлетъ.
«Такъ отписать велѣлъ тебѣ Мамай.»
Подписано: Бырдяй.

(Отдавая Корееву).

Возьми назадъ. Письмо доставь Олегу.
Но разскажи, за чѣмъ ты ѣхалъ здѣсь?
Ты могъ другой дорогою пробраться.

КОРЕЕВЪ, продолжая трястись.

Великій Князь, мнѣ велѣно узнать....

ДИМИТРІЙ.

О! понялъ я! узнать рѣшенье битвы?
Такъ подожди ты здѣсь до завтра, другъ.
Чтобъ путь твой былъ къ Рязани безопаснымъ,
То я тебя и проводить велю.
А между-тѣмъ, ты можешь услужить
И небесамъ, тутъ раненые будутъ,
Собратія твои по христіанству
И русскіе, какъ ты, — такъ можешь имъ
Помочь. На счетъ себя не безпокойся,
Никто тебя здѣсь въ станѣ не обидитъ....
Сюда пришли мы только для татаръ.
Не болѣнъ ты?

СЕРКИЗЪ.

Коробитъ лихоманка,
Она у нихъ повѣтріемъ бываетъ,
Чай въ ночь пройдетъ....

ДИМИТРІЙ.

Благодарю, Серкизъ.

(Оболенскому.)

Тебя я, князь, благодарю покорно:
Объѣзжіе полка сторожеваго
Такъ дѣйствуютъ, какъ лучше ждать нельзя,
Мышь не пройдетъ и ужъ не проползетъ;
Теперь прошу усугубить вниманье,
Ты знаешь самъ — татары недалеко.

(Многіе удаляются.)

—

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ДИМИТРІЙ, БОЯРИНЪ КВАШНЯ, ВОЛЫНСКІЙ.

КВАШНЯ.

Великій князь, я получилъ приказъ,
Чтобъ наблюдать за духомъ войскъ.

ДИМИТРІЙ.

Такъ что-же?

КВАШНЯ.

Къ отечеству они горятъ любовью,
Готовы всѣ за вѣру умереть
И духъ вождя, усердно раздѣляютъ;
Но между-тѣмъ пугаетъ нѣчто ихъ.

ДИМИТРІЙ.

А именно?

КВАШНЯ, указывая на небо.

Да вонъ звѣзда съ хвостомъ.

ДИМИТРІЙ.

Сегодня мы молились всенародно,
И такъ, прося Создателя щедротъ,
Не стыдно-ли примѣтъ бояться намъ?
Надѣюсь я, Богъ не оставитъ Русь,
И если мы съ тобою живы будемъ,
Такъ завтра вновь появится звѣзда
И вмѣстѣ мы надъ нею посмѣемся.

КВАШНЯ, смотря на комету.

Охъ, дай-то Богъ!

ДИМИТРІЙ, улыбаясь.

Ты самъ ее боишься?

КВАШНЯ.

Признаться, князь, не хладнокровенъ я.
За чѣмъ бы ей явиться передъ битвой?

ВОЛЫНСКІЙ.

Свѣтить пришла.

КВАШНЯ.

А хвостъ зачѣмъ у ней?

ВОЛЫНСКІЙ.

За тѣмъ, что есть.

КВАШНЯ.

Да ты, поди, не вѣришь?

ВОЛЫНСКІЙ.

Вѣстимо нѣтъ. Она созданье Бога,
А Богъ ничто на зло не создаетъ.

КВАШНЯ.

Она не зла, а зло пророчитъ людямъ.

ВОЛЫНСКІЙ.

Ты слышалъ, что Мамай къ Олегу пишетъ,
Такъ распроси Кореева еще
И онъ тебѣ разскажетъ про гаданья,
Которыя, какой-то тамъ Абдулъ
Мамаю вретъ. Вотъ завтра мы увидимъ,
Какъ вѣрны всѣ науки звѣздочетства.
Не кстати намъ примѣтамъ довѣрять,
Намъ русскій Богъ, да русскій духъ помогутъ.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ДИМИТРІЙ.

О! если бы вы всѣ судили такъ!
Я объ одномъ лишь только и забочусь,
Чтобъ въ васъ вселить довѣріе къ Творцу:
Безъ помощи Его, я въ томъ увѣренъ,
Ни смѣлость намъ, ни сила не помогутъ:
Грядущій день докажетъ это вамъ.
Сообразимъ: татары насъ сильнѣе,
Озлоблены они, какъ львы степные,
И, алчностью корысти побуждаясь,
Съ отчаяньемъ, конечно, драться будутъ;
Но между-тѣмъ духъ русскій не унылъ:
Намъ Богъ одинъ прибѣжище и сила.
Вотъ тѣ слова, съ которыми пойду
И буду я съ врагами состязаться.
Желалъ бы ихъ на мечъ мой написать.

ВОЛЫНСКІЙ.

За чѣмъ на мечъ, когда они на сердцѣ?
Но, государь, мы просимъ.... (*Хочетъ стать на колѣна.*)

ДИМИТРІЙ, удерживая его.

Перестань!
Ужъ я сказалъ, препоручите Богу —
Димитрія, онъ лучше защититъ.

ВОЛЫНСКІЙ, въ сторону.

Неумолимъ, что съ нимъ ты будешь дѣлать?

(Уходятъ вмѣстѣ.)

ДИМИТРІЙ, одинъ, послѣ молчанія.

Поддержано все помощью небесной.
Подумаешь, какъ все собралось вдругъ
На вызовъ мой, какъ возбудился духъ,
Духъ смѣлости противъ столѣтней злобы;
Какъ съ самаго исхода изъ Москвы
Я замѣчалъ одно желанье въ нихъ:
Чтобъ побѣдить иль умереть со славой!
И вотъ теперь канунъ кровавой брани,
А въ нихъ еще духъ мужества возросъ,
И все кипитъ желаніемъ сразиться!
Такъ тягостна татаровъ ига цѣпь... (*Помолчавъ.*)
Какой-то есть таинственный законъ,
Связующій съ отчизной гражданина,
Родства союзъ, подарокъ Божества,
Врожденный намъ, его расторгнуть трудно.
Какъ сынъ и мать, такъ каждый изъ людей
Съ отечествомъ связуется любовью.
И въ случаѣ измѣны, отторженья,
Хотя-бъ молчалъ законъ и мнѣнье ближнихъ,
Накажется преступникъ самъ собой.
Нѣтъ, жребій твой Олегъ мнѣ не завиденъ —
Ни въ будущемъ, ни въ настоящемъ вѣкѣ.

(Уходитъ въ шатеръ.)

БѢЛОЗЕРСКІЙ, РОСТОВСКІЙ и БРЯНОКЪ, выходятъ вмѣстѣ.

БѢЛОЗЕРСКІЙ.

Ужасныя однако-жъ намъ слова
Поразсказалъ Кореевъ о Мамаѣ.

БРЯНОКЪ.

А что еще?

БѢЛОЗЕРСКІЙ.

Что онъ готовитъ Руси.

БРЯНОКЪ.

Но иначе нельзя и ожидать:

Въ Мамаѣ что-жъ найдется, кромѣ злобы.
Не въ томъ бѣда, а мы разсмотримъ цѣль,
Съ которою разсказывалъ Кореевъ:
Хотѣлось тѣмъ ему насъ испугать;
Но между-тѣмъ ошибся другъ въ расчетѣ,
Лишь месть и злость онъ въ войскѣ возбудилъ;
Еще сильнѣй, мы чувствуемъ теперь,
Что мы стѣной отечественной служимъ
И варвары не иначе пройдутъ
Въ святую Русь, какъ чрезъ тѣла всѣхъ русскихъ.

РОСТОВСКІЙ.

Онъ большее усердье произвелъ,
А вмѣстѣ съ тѣмъ вселилъ и мысль такую,
Что все-равно намъ будетъ умирать,
Что здѣсь, что тамъ; притомъ-же мысль, что сзади
Стоитъ Олегъ, домашній непріятель,
Удержитъ всѣхъ и даже малодушныхъ.

БѢЛОЗЕРСКІЙ.

Его легко заставить замолчать.

БРЯНОКЪ.

Но для чего, онъ намъ-же помогаетъ?

РОСТОВСКІЙ.

Конечно такъ, онъ хочетъ вреднымъ быть,
А вышло — нѣтъ, Кореевъ намъ полезенъ.

БѢЛОЗЕРСКІЙ.

И этотъ вздоръ о звѣздной ворожбѣ.

ЯРОСЛАВСКІЙ, СТАРОДУБСКІЙ, СМОЛЕНСКІЙ,

СТАРОДУБСКІЙ.

Кореевъ ей вѣдь вѣритъ отъ души.

СМОЛЕНСКІЙ.

Не вѣритъ онъ, а лишь людей морочитъ,
Бросаетъ пыль въ глаза.

ЯРОСЛАВСКІЙ.

О, вовсе нѣтъ.
Они себя съ Олегомъ убѣдили,
Что нашъ успѣхъ не можетъ вѣренъ быть;
А если мы чего когда желаемъ

И если мы притомъ же суевѣрны,
То въ пользу все толкуемъ для себя.

СТАРОДУБСКІЙ.

Какъ хорошо нашъ князь распорядился,
Что этого оставилъ негодяя,
Пусть зрителемъ онъ будетъ нашихъ дѣлъ.

СМОЛЕНСКІЙ.

И обо всемъ Олега извѣщаетъ.
Теперь онъ ждетъ, какъ воронъ нашей крови.

(Проходятъ далѣе, ихъ замѣняютъ.)

МОЛОЖСКІЙ, БРЯНСКІЙ, КАШИНСКІЙ.

МОЛОЖСКІЙ.

Нѣтъ, это въ немъ врожденная привычка,
Вы помните, что дѣдушка его
По городу ходилъ всегда съ мѣшкомъ.

БРЯНСКІЙ.

И отъ того былъ прозванъ Калитою.

КАШИНСКІЙ.

Что-жъ изъ того?

МОЛОЖСКІЙ.

Разъ, на Дѣвичьемъ полѣ
Гуляли мы, не помню какъ, весной,
Но что я вру? на самый день Николы;
Товарищи мои ушли впередъ,
А я отсталъ и завернулъ въ избенку:
Пить захотѣлъ; но что же я нашелъ?
Больная тамъ лежала старушонка,
Димитрій же на лавкѣ при больной
Ухаживалъ за ней, какъ за родною,
Укладывалъ подъ голову подушки,
Которыя, конечно, ей принесъ.
Другая же тутъ женщина, лѣтъ въ сорокъ,
Сказала мнѣ, что этотъ человѣкъ,
(Онѣ его и имени не знали),
Избавилъ ихъ отъ жалкой нищеты
И каждый день старуху навѣщаетъ.
Димитрій былъ одѣтъ въ простое платье

И сдѣлалъ знакъ, потомъ шепнулъ тихонько:
«Не говори, кто я» и тотчасъ скрылся.
Нѣтъ, это въ немъ врожденная черта!

(Проходятъ.)

АНДРЕЙ и ДИМИТРІЙ ОЛЬГЕРДОВИЧИ замѣняютъ предъидущихъ.

АНДРЕЙ.

Владиміръ правъ, не можетъ онъ стерпѣть,
Чтобъ не принять участье лично въ боѣ.

ДИМИТРІЙ.

Да, это такъ, но должно намъ стараться,
Чтобъ наблюдать и слѣдовать за нимъ.

АНДРЕЙ.

Онъ вихрь въ бою, его не услѣдишь,
Но впрочемъ, такъ условились бояре,
Андрей Серкизъ, Морозовъ и Квашня,
Чтобъ наблюдать за нимъ попеременно.
Пусть небеса разсудятъ участь нашу
Что каждому и всѣмъ намъ суждено.

ДИМИТРІЙ.

О, еслибъ я судьбой распоряжался,
То вѣришь ли, готовъ я умереть,
Чтобъ сохранить Димитрія для Руси.

АНДРЕЙ.

Я самъ не прочь, онъ больше всѣхъ насъ нуженъ.

(Проходятъ далѣе.)

АНДРЕЙ СЕРКИЗЪ, смѣняетъ ихъ.

Мнѣ тошно здѣсь и что бы за причина?
Все веселъ былъ и вдругъ пришла тоска....
А, впрочемъ, что жъ, убьютъ? Ну такъ и быть:
Жилъ былъ Серкизъ и поминай, какъ звали!
Такъ скучно мнѣ, такъ пѣсню затяну
И вѣтеръ грусть по рѣчкѣ разнесетъ.

(Поетъ.)

Что такъ бьешься, ретивое,
И тоскуешь?
Али что-либо ты злое
Сердце чуешь?

Вѣтеръ свищетъ, навѣваетъ
Непогоду;
Сердце ноетъ, предвѣщаетъ
Намъ невзгоду.
Но бываетъ, что и мимо
Туча мчится:
Сердце тожъ необъяснимо
Оживится.
Лишь забралось, поселилось
Въ сердцѣ горе,
Точно рыба погрузилась
Въ сине морѣ:
Не извлечь тоски – злодѣйки
Вонъ изъ груди;
Противъ этой лиходѣйки
Слабы люди.
Избираетъ такъ глубоко
Новоселье,
Гонитъ радости далеко
И веселье.
Горе скроешь, горе больше
Разгорится:
Вѣдь огонь подъ пепломъ дольше
Затаится.

(Глядя всторону.)

Кто такъ спѣшитъ.

ОБОЛЕНСКІЙ, идетъ быстро.

Еще была потѣха!
Тотчасъ лишь я извѣстье получилъ
Торусскій князь отправился верхомъ,
Чтобъ осмотрѣть все поле Куликово.
Татаръ толпа, конечно съ той же цѣлью,
Пожаловать изволила туда.
Извѣстно всѣмъ, левъ съ тигромъ не встрѣчайся:
Лишь только всѣ завидѣли другъ друга —
Мечъ наголо и бросились рубить.
Сначала бой, какъ говорятъ, былъ равенъ,

Но подоспѣлъ бояринъ Михаилъ,
Акинѳовъ внукъ, татары всѣ легли,
Одинъ ушелъ.

СЕРКИЗЪ.

Опять одинъ?

ОБОЛЕНСКІЙ.

Такъ должно,
Чтобъ извѣстить Мамая обо всемъ.
Порадовать отеческое сердце.
Что, государь въ шатрѣ?

СЕРКИЗЪ.

Не знаю вѣрно;
Но думаю; я станомъ всѣмъ прошелъ,
А не встрѣчалъ Димитрія.

ОБОЛЕНСКІЙ.

Мнѣ нужно
Къ нему войти и доложить объ этомъ.
(Подходя къ шатру.)
Не молится-ль? Не помѣшать бы мнѣ?
(Входитъ въ шатеръ, Серкизъ уходитъ.)

ХОЛОПИЩЕВЪ и САБУРЪ, выходятъ съ разныхъ сторонъ.

САБУРЪ.

Григорій?

ХОЛОПИЩЕВЪ.

Что?

САБУРЪ.

Никакъ ты пощелкался?

ХОЛОПИЩЕВЪ, показывая свой шлемъ, котораго часть отрублена.

Вотъ видишь ли, подарокъ получилъ.
Вѣдь экія свиныя эти уши,
Чѣмъ голову рубить бы человѣку,
Они шишакъ испортили ему.

САБУРЪ.

Ну, голову оставили до завтра.
Вѣдь такъ всегда: въ канунѣ шапки рубятъ,
А на бояхъ и головы летятъ.
(Они уходятъ, князь Оболенскій выходитъ изъ шатра Великаго князя.)

ОБОЛЕНСКІЙ.

Обрадованъ и огорченъ онъ вмѣстѣ;
Но бой когда жъ бываетъ безъ урона?
Идти пора, велѣть трубить въ рога....
Молитва, сонъ, послѣдній сонъ для многихъ;
И можетъ быть, для самого меня.

(Соображая.)

Къ объѣзжимъ я еще прибавлю стражу,
Литовскій путь велю обозрѣвать.
Не явится-ль Ягайло этой ночью?
Но впрочемъ, нѣтъ, поспѣть ему нельзя.
Не лишнее, однако-жъ, осторожность.

(Уходитъ.)

ТОРУССКІЙ и МОРОЗОВЪ, выходятъ вмѣстѣ.

МОРОЗОВЪ.

Давно ли князь?

ТОРУССКІЙ.

Лишь только возвратился,
Весь этотъ день съ коня я не сходилъ.

МОРОЗОВЪ.

Но слышалъ ли его распоряженья?

ТОРУССКІЙ.

Все слышалъ я, мнѣ сказывалъ Серкизъ.
Димитрій что?

МОРОЗОВЪ.

Покоенъ совершенно
Такъ кажется по-крайней-мѣрѣ, онъ,
А что враги?

ТОРУССКІЙ.

Довольно ихъ числомъ.
Съ той стороны, за Куликовскимъ полемъ,
Есть холмъ одинъ, съ него какъ на ладони
Весь видѣнъ станъ; телѣги, юрты ихъ,
Я видѣлъ самъ, незваныхъ провожая,
Которыхъ мы недавно угостили.

МОРОЗОВЪ.

Начало намъ довольно удалось.

ТОРУССКІЙ.

Надѣемся, что и конецъ удастся —
Богъ милостью своею не оставитъ....

(Слышны трубы, которыхъ звуки постепенно слабѣютъ по мѣрѣ отдаленія, Морозовъ уходитъ.)

ТОРУССКІЙ, одинъ.

Молитвы часъ и часъ отдохновенья.
А завтра бой и завтра эти трубы,
Сонъ вѣковой тиранства разогнавъ,
Намъ прозвучатъ отчизны пробужденье.
Какъ сладокъ онъ, призывный этотъ гласъ,
Темницы онъ намъ растворяетъ двери,
Въ которой мы ужъ вѣка полтора
Удручены цѣпями рабства были!
О если бы онъ завтра въ этотъ часъ
Намъ послужилъ и вѣстникомъ побѣды
И отзывомъ отчизны торжества,
Ликующей Россіи отголоскомъ.

(Уходитъ.)

ДИМИТРІЙ, выходитъ изъ шатра и долго смотритъ на лагерь. Вдали, время отъ времени, перекликается стража, подавая голосъ, который ослабѣваетъ постепенно, по мѣрѣ отдаленія.

ДИМИТРІЙ.

Утихло все. Молчаніе природы
Является всегда передъ грозой.
Враждебные пришли сюда народы
Рѣшать вопросъ вѣковъ между собой.
И между тѣмъ, какъ слѣдствіе раздора
Тревожитъ насъ сомнѣніемъ въ сердцахъ,
Предложенный вопросъ земнаго спора
Давнымъ давно рѣшенъ на небесахъ.
Надежда *тамъ* — на силу грозной рати,
Корыстію влекомыхъ къ намъ татаръ;
А здѣсь летятъ къ престолу благодати
Усердныя моленія сыновъ.

(Становится на колѣна.)

Смиряемъ мы себя предъ Богомъ брани,
Подателемъ и силы и побѣдъ;

Возносимъ мы просительныя длани
Къ Тебѣ, души незаходимый Свѣтъ!
Молюсь Твоей священной благостынѣ,
Пошли мнѣ Твой непобѣдимый щитъ....
О Боже мой! услышь меня Ты нынѣ,
Какъ нѣкогда услышанъ былъ Давидъ.
Насъ не лиши священнаго покрова
И намъ дозволь кичливость ихъ попрать,
Таковъ обѣтъ Божественнаго слова:
Смиренію даешь Ты благодать;
Но ежели судьбы Твои благія
Еще велятъ носить намъ этотъ крестъ:
Дозволь узрѣть селенія святыя
Завѣтное жилище горнихъ мѣстъ;
Дозволь идти мнѣ въ мирную обитель,
Гдѣ Ты живешь, о Богъ моихъ отцевъ!
Я не могу быть равнодушный зритель
Отчизны бѣдъ и торжества враговъ!
Строенію кладу я основанье,
Его другой владѣтель довершитъ;
Надѣюсь я, что то начало зданья
Всемощная рука благословитъ.
И ниспошлетъ отъ горняго чертога
Свои дары на вѣрныхъ христіанъ
И процвѣтетъ подъ благодатью Бога
Могущество грядущихъ россіянъ! (*Встаетъ.*)

(Послѣ нѣкотораго молчанія.)

Съ зарею я пойду на мѣсто встрѣчи,
Кровавый пиръ, урокъ моимъ врагамъ;
А вмѣстѣ съ тѣмъ урокъ и для потомства,
Которое изъ этого увидитъ
Россіи мощь, когда она въ связи.
Что если-бы мы съ этими войсками
Оставшихся могли соединить?
Когда-бы всѣ разрозненныя части
Зависѣли отъ воли одного?
Давно-ли дѣдъ, отецъ и я, отчасти,

Заботиться мы начали объ этомъ?
И вотъ уже насильственная власть
Трепещетъ насъ; предпринимать мы смѣемъ,
Что прежде намъ и въ мысли не являлось.
День завтрашній готовитъ мой завѣтъ,
Завѣтъ моимъ наслѣдникамъ грядущимъ
И если-бъ я, чего избави Боже,
Могъ проиграть предположенный бой;
То и тогда завѣтомъ будетъ онъ
Идущему за нами поколѣнью.

(*Уходитъ въ шатеръ. Клики стражи раздаются вновь.*)

—

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КУЛИКОВО ПОЛЕ.

Въ глубинѣ высокій холмъ и на немъ нѣсколько деревъ; за нимъ слышны звуки мечей, крикъ сражающихся.—Отъ времени до времени раздаются трубы. Волынскій и Владиміръ Андреевичъ стоятъ на холмѣ, наблюдая битву, потомъ оба выходятъ на средину.

КНЯЗЬ ВЛАДИМІРЪ.

Не терпится! мы право слишкомъ медлимъ,
Готовъ-бы я одинъ пойти туда.

ВОЛЫНСКІЙ.

Кто слово далъ, не слишкомъ горячиться
И слушаться?

ВЛАДИМІРЪ.

Согласенъ въ этомъ я,
Я обѣщалъ и, видишь, повинуюсь;
Но признаюсь, что трудно обуздать
Порывы мнѣ вотъ этого кусочка,
Что сердцемъ мы по-русски величаемъ!
Особенно когда на томъ крылѣ
Едва они хоругви не отбили,

Не знаю самъ, какъ удержаться могъ.

ВОЛЫНСКІЙ.

Я говорилъ, что справятся и сами —
И вышло такъ. Тутъ нечего бояться,
Дѣла идутъ, какъ видно, хорошо.

ВЛАДИМІРЪ.

Боюсь того, чтобъ намъ не позамедлить,
Устали всѣ, какъ кажется, войска.

ВОЛЫНСКІЙ.

Усталые такъ бодро не дерутся;
Пойдемъ еще посмотримъ съ тѣхъ холмовъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Тиранишь ты меня, какъ злой татаринъ.

ВОЛЫНСКІЙ.

Пусть горькое лекарство, въ томъ согласенъ;
Но сладостно за то выздоровленье,
Идемъ!

ВЛАДИМІРЪ.

Идемъ—завидовать другимъ.

(Оба уходятъ.)

Андрей Серкизъ является на высотѣ холма, шишакъ его разрубленъ, голова, рука и нога перевязаны, онъ идетъ медленно, опираясь на окровавленный мечъ. Глаза его блуждаютъ, онъ шатается.

СЕРКИЗЪ, выходя на средину, говоритъ слабымъ голосомъ.

Предчувствіе меня не обмануло;
Не раненъ я, а кажется убитъ.
Я въ этотъ день довольно поработалъ:
Съ десятокъ ихъ на тотъ отправилъ свѣтъ,
Увидимся; я на дорогѣ къ смерти....
Фу!... жаръ какой!... ужасно пить хочу....

(Глядитъ кругомъ.)

Нѣтъ никого.... Ахъ! голова кружится!... (*Шатается.*)
Слабѣю я.... (*Падая.*)
Прости, святая Русь.... (*Умираетъ.*)

ВЛАДИМІРЪ АНДРЕЕВИЧЪ вбѣгая.

Еще одинъ! о Боже! другъ! Серкизъ!
Взгляни сюда! обрадуй друга взоромъ!

Ты раненъ? что? (*Бросается на тѣло.*)
Его ужъ больше нѣтъ!
О! милый другъ, безцѣнны эти раны!
(Цѣлуетъ раны умершаго.)
Завидна смерть: — ты умеръ за отчизну!
Къ престолу ты Предвѣчнаго придешь,
Какъ мученикъ за вѣру и за Русь!
Молись за насъ, моли чтобы часы
Желѣзные скорѣе пролетѣли,
Чтобы туда, гдѣ смерть нашелъ мой другъ,
Я могъ летѣть и отомстить за падшихъ!

ВОЛЫНСКІЙ, ВХОДЯ.

На лѣвомъ тамъ крылѣ позамѣшались,
Но подоспѣлъ къ нимъ скоро Михаилъ,
Акиѳовъ внукъ и снова закипѣло....
Но это кто! Серкизъ? ужель убитъ?

ВЛАДИМІРЪ.

Убитъ.

ВОЛЫНСКІЙ.

Всѣхъ жертвъ не перечтешь,
Два брата тожъ Ольгердовичи пали.

ВЛАДИМІРЪ.

Какъ, оба?

ВОЛЫНСКІЙ.

Ихъ несли обоихъ вмѣстѣ;
Они лежатъ не подалеку, тамъ
Гдѣ я стоялъ; но нужно наблюдать,
Пойдемъ теперь на правое крыло.
Внимательно смотря на эту битву,
Глазами я Димитрія искалъ;
Но не нашелъ; знать онъ опять вмѣшался.
Пойдемъ теперь на лѣвое крыло,
Посмотримъ тамъ.

(Идутъ въ противную сторону и встрѣчаютъ Кореева.)

ВЛАДИМІРЪ Кореву, уходя за Волынскимъ.

Порадуйся, Кореевъ,
Твой врагъ убитъ.

КОРЕЕВЪ, одинъ.

Какой-же это врагъ?

(Подходитъ къ убитому.)

Что вижу я? Серкизъ? и ты убитъ!
О нынѣ мы съ тобою примирились.
Предметъ я былъ твоихъ насмѣшекъ
Меня разилъ ты колкостью своей;
Но смерть твоя досаднѣе всего.
Меня ты ей сильнѣе поражаешь.
Отчизны сынъ — ты умеръ за нее;
А я влачу свое существованье!
Какъ Каинъ я блуждаю, самъ не свой
И все меня и сердитъ, и тревожитъ!
Въ душѣ весь адъ: терзаюсь за себя,
Терзаюсь тожъ и за моихъ собратій
Въ пучину золъ, которыхъ я увлекъ.
Я дѣйствовалъ, лукавствомъ увлекаясь
И гордости приманкой ослѣпленъ.
Но вотъ упрекъ: онъ умеръ за отчизну,
А я, какъ врагъ отечествомъ отринутъ
И проклятъ я, я проклялъ самъ себя!

(На холмѣ показывается воинъ, лицо котораго закрыто забраломъ шлема, рука его перевязана, онъ идетъ, опираясь на копье.)

ВОИНЪ, на холмѣ.

Я ослабѣлъ! товарищъ дай напиться!
Ротъ запекся, ужасно жажда мучитъ.

(Кореевъ бѣжитъ и тотчасъ приноситъ воду въ шишакѣ.)

КОРЕЕВЪ, подавая воду.

Ты раненъ, другъ?

ВОИНЪ, отступая.

О Боже! что за случай?

КОРЕЕВЪ.

Но что меня такъ испугался ты,
Вѣдь я не врагъ?

ВОИНЪ, указывая на рану лѣвой руки.

Татаръ я видѣлъ близко,
Но не робѣлъ и вотъ подарокъ ихъ....

КОРЕЕВЪ.

Подарокъ? да, конечно, другъ сердечный,

И признаюсь завиденъ твой подарокъ.

ВОИНЪ.

Завиденъ? какъ? тебѣ завиденъ онъ?
Ужели такъ?

КОРЕЕВЪ.

Но развѣ я не русскій?
Ужель во мнѣ не таже кровь кипитъ?
Не тою я любовію пылаю?

ВОИНЪ.

За чѣмъ-же ты не съ прочими въ ряду?
За чѣмъ ты здѣсь, когда сыны отчизны
Свою любовь доказываютъ тамъ?

(Указывая на холмъ.)

КОРЕЕВЪ.

За чѣмъ я здѣсь? вопросъ не легокъ этотъ.
О вѣрь мнѣ, другъ, когда-бъ порывамъ сердца
Мнѣ волю дать, я тоже-бъ не отсталъ,
Но связанъ я....

ВОИНЪ.

Ты, кажется, свободенъ.

КОРЕЕВЪ.

Нѣтъ, связанъ я.... Разсудка заблужденье
Меня влекло въ погибель, а со мной —
Ахъ, горе мнѣ! другіе увлеклись.

ВОИНЪ.

А многихъ-ли вовлекъ ты въ заблужденье?
Съ чего ты взялъ, чтобъ слушались тебя?
Копѣечный твой сборъ и убѣжденья
На многихъ ли подѣйствовать могли?

КОРЕЕВЪ.

Какъ вижу я, ты долженъ быть рязанецъ?

ВОИНЪ, беретъ воду.

Быть можетъ такъ, вотъ разсмотри черты,
Онѣ тебѣ знакомы можетъ быть.... (*Поднимаетъ забрало.*)

КОРЕЕВЪ.

Что вижу я? Андрей!

АНДРЕЙ, пьетъ.

Мое почтенье!

Что я ушелъ, чему дивиться тутъ?
Я не безъ ногъ; притомъ-же я и честенъ,
Полтину внесъ; но вотъ въ чемъ извиняюсь:
Въ Мамаевыхъ войскахъ душъ пять иль шесть
Отправилъ я, туда имъ и дорога;
Но у тебя пріятели тамъ есть,
Быть можетъ, я изъ нихъ не угостилъ-ли,
Прошу простить. (*Пьетъ.*)

КОРЕЕВЪ.

Вѣдь, этакой повѣса!
Вѣдь экой плутъ! — ну, что мнѣ скажетъ князь?
Но, въ сторону все это, покажи,
Какъ раненъ ты? водою не смочить-ли?

АНДРЕЙ.

Нѣтъ, обними сперва и поцѣлуй....
Не сердишься?

КОРЕЕВЪ.

Ну что, пустое, вздоръ.
(Обнимаетъ племянника.)
Повѣса ты и сорванецъ!

АНДРЕЙ.

Согласенъ.
Иначе вѣдь и быть того не можетъ;
Чтобъ заслужить названье сорванца,
Такъ надо быть повѣшеннымъ сначала.
Однакоже я ослабѣлъ немного,
Пойдемъ въ обозъ; но унесемъ его.... (*Указывая на Серкиза.*)
Намъ храбраго остатки драгоцѣнны.
Бери, тащи, Олегъ бранить не станетъ,
Я не скажу.

КОРЕЕВЪ.

Повѣса изъ повѣсъ!
Все шутишь ты, а о своихъ не думалъ?

АНДРЕЙ.

Заботился о матушкѣ родной:
Твоей, моей — ее зовутъ Россія.
(Уносятъ тѣло убитаго.)

КНЯЗЬ ВЛАДИМІРЪ, ВОЛЫНСКІЙ входятъ вмѣстѣ.

КНЯЗЬ ВЛАДИМІРЪ.

Еще ли намъ не время?

ВОЛЫНСКІЙ.

Рано, князь.
Пускай еще тамъ пиво перебродитъ.

КНЯЗЬ ВЛАДИМІРЪ.

Горятъ войска отъ нетерпѣнья всѣ.

ВОЛЫНСКІЙ.

Я очень радъ, тѣмъ лучше будутъ драться.
Двѣ выгоды: татары поустанутъ,
А наши всѣ усилятъ свой ударъ
Пойду на холмъ, ты отдохни покуда....

(Всходитъ на холмъ.)

ВЛАДИМІРЪ.

Ужасное для сердца испытанье:
Оно влечетъ, а разума законъ
Обуздывать его повелѣваетъ;
Мнѣ кажется не только люди всѣ,
Но лошади храпятъ отъ нетерпѣнья;
Мнѣ кажется, что эти дерева,
Которыя растутъ на этомъ холмѣ,
Желали бы искорениться вдругъ
И броситься сражаться за Россію.
А мы стоять и наблюдать должны,
Какъ будто-бы мы здѣсь укоренились!
Отечество! когда же позовешь?
На праздникъ твой, когда же я отправлюсь?
Я поздній гость; но поздній иногда,
Чтобъ возвратить потерянное время,
Гостей въ пиру и раннихъ превосходитъ.

ВОЛЫНСКІЙ, наблюдая битву.

Димитрія не вижу я нигдѣ.
Вонъ Михаилъ, вонъ Оболенскій скачетъ,
Смоленскій князь, вонъ Кашинскій и Брянскій
Его же нѣтъ, вѣдь я не близорукъ.
Съ той стороны гораздо даже дальше
Толпа людей на холмъ, полагаю,

Что это самъ Мамай съ своею свитой.

ВЛАДИМІРЪ.

Мамай, Мамай! о какъ бы я желалъ
Туда пройти, достигнуть до него,
Чтобъ угостить пріятеля по-русски.
Какъ тошно здѣсь! я будто птица въ клѣткѣ.
Бывало часъ летитъ, какъ легкій пухъ,
Теперь они какъ гири пудовыя!
Ужель еще....

ВОЛЫНСКІЙ.

Князь, князь за мной скорѣе!
Мечъ на голо! теперь ужъ наше время.

(Обнажаетъ мечъ и скрывается.)

КНЯЗЬ ВЛАДИМІРЪ, обнажая мечъ.

Уфъ! наконецъ часъ праздника насталъ!

(Бѣжитъ вслѣдъ за Волынскимъ.)

АНДРЕЙ, вбѣгая на холмъ.

Пойдемъ на холмъ, посмотримъ, что тамъ будетъ.

ЕПИФАНЪ, спѣшитъ за нимъ.

Поберегись! не раздражить-бы раны.

АНДРЕЙ.

Что рана, вздоръ, царапина, иди.

(Звукъ мечей и крикъ усиливается.)

Смотри какой поднялся шумъ и крикъ.
Какъ ободрились наши новой силой.
Вонъ правое крыло вдругъ замѣшалось,
Вонъ посреди сумятица какая!
А лѣвое еще немного споритъ,
Напрасный трудъ! Вотъ зашатался строй.
Колеблются — ужасное волненье!

(Слышенъ крикъ многихъ голосовъ.)

Все сломано, все рушилось — бѣгутъ,
Вотъ это такъ! — Вотъ это угощенье!

(Изъ-за куста выставляется голова лошади.)

О небеса! что вижу?

ЭПИФАНЪ.

Что такое?

АНДРЕЙ, хватая узду.

Димитріевъ! такъ точно.... Конь его,

Узда и сбруя — Гдѣ же твой сѣдокъ?
Куда дѣвалъ ты князя? — Ты не знаешь?
Гдѣ ты его оставилъ? онъ убитъ?
Убитъ иль раненъ?

ЭПИФАНЪ.

Полно, сумасшедшій!
Что можешь ты отъ лошади узнать,
Но Боже мой! ужели эта битва,
Такъ дорого Россіи будетъ стоить?
Увѣренъ-ли, что точно это конь
Димитріевъ?

АНДРЕЙ.

Но какъ же мнѣ не знать.
Его держалъ я подъ уздцы въ то время,
Какъ на него садился государь....
Увѣренъ я. — (*Съ горестью.*) О дерзкая рука,
Которая съ коня его сразила!
Могла-ль ты знать всю важность той минуты,
Когда ударъ ты наносила свой?

(Плачетъ.)

Могла-ли знать всю цѣну той потери,
Которую ты причиняешь Руси?

ЭПИФАНЪ.

Не трать слова и время по пустому,
Быть можетъ, князь еще и живъ.
Пойдемъ блуждать мы по слѣду коня,
Замѣтенъ онъ.

АНДРЕЙ.

Замѣтенъ здѣсь конечно;
Но тамъ земля копытами изрыта.
Что мы найдемъ?

ЭПИФАНЪ.

Къ чему-нибудь придемъ.
А между-тѣмъ возьми коня съ собою,
Чтобы другой, увидѣвши его,
Не напугалъ извѣстіемъ печальнымъ
Товарищей. — Быть можетъ, все пустое.

Онъ раненъ, иль усталъ, сошелъ съ коня;
А конь ушелъ и въ руки къ намъ попался.

(Оба уходятъ.)

ДРУГАЯ ЧАСТЬ КУЛИКОВСКАГО ПОЛЯ.

Въ срединѣ холмъ, на немъ стоитъ Мамай, наблюдая битву и окруженный свитою. Внизу холма, Корейка держитъ за узду лошадь. На холмѣ, около Мамая, Бырдяй, Абдулъ-Мулла, Рамзай, раненый и съ перевязками сидятъ на травѣ. — Всѣ стоящіе обращены лицомъ въ одну сторону.— Слышны крики и шумъ сѣчи.

АБДУЛЪ.

Конечно такъ, сопротивленье сильно;
Но я тебѣ, великій ханъ, сказалъ,
Что подъ конецъ побѣда будетъ наша....
Но ежели у нихъ засада скрыта
И явятся вдругъ свѣжія войска?

БЫРДЯЙ.

Не можетъ быть, я съ русскими знакомъ,
У нихъ давно пословица ведется:
Что есть въ печи, то и на столъ мечи.
На Вожѣ тожъ, что было, то и вышло.

АБДУЛЪ.

Насъ больше ихъ, а бой какъ-будто равенъ.

РАМЗАЙ.

Озлоблены, какъ тигры, всѣ они,
Израненъ весь иной, еще дерется.

АБДУЛЪ.

Посмотримъ, другъ, конецъ вѣнчаетъ дѣло.

ВЫРДЯЙ.

Кто тамъ идетъ?

АБДУЛЪ.

Какъ кажется, Бегичъ.

БЫРДЯЙ.

Израненъ онъ?

АБДУЛЪ.

Иначе не ушелъ-бы

(Машетъ рукой.)

Сюда, Бегичъ, сюда иди скорѣе.

БЕГИЧЪ, весь въ перевязкахъ; слабымъ голосомъ.

Великій ханъ! дошелъ я наконецъ,
Чтобы тебѣ отдать поклонъ послѣдній.

(Падаетъ у подножія холма.)

МАМАЙ.

Помочь ему!

(Бырдяй и мулла бросаются).

Пересмотрите все.
И свѣжею водою намочите,
Потомъ травы, ты знаешь все, Абдулъ.

АБДУЛЪ, ощупывая Бегича.

Все знаю я, и вылечить я могъ-бы,
Но воскресить изъ мертвыхъ не могу.

МАМАЙ.

Какъ! умеръ онъ?

АБДУЛЪ.

Пророкъ его пріялъ.

А бой кипитъ. Кровавую звѣзду,
Какъ вижу я, оправдываютъ войска.

МАМАЙ.

Когда-бы такъ; но вижу я притомъ,
Что дорого побѣда будетъ стоить..

(Напрягая зрѣніе, смотритъ изъ подъ руки.)

Смотри, Бырдяй, ты съ зоркими глазами.
Что это тамъ, вдали, за холмомъ тѣмъ,
Вонъ близъ кустовъ, какъ-будто люди ходятъ?

БЫРДЯЙ, всматриваясь.

Что-жъ, можетъ-быть, обозы тамъ остались.

МАМАЙ.

Обозы! да, положимъ, что обозъ;
Но тамъ въ кустахъ на право, что-же блещетъ?
Поверхъ кустовъ, не копья-ли?

БЫРДЯЙ.

О нѣтъ!
Тамъ солнышко въ листахъ деревъ играетъ.

(Тихо Абдулу.)

А подлинно похоже вѣдь на копья.

(Корейкѣ, указывая на дерево.)

Послушай ты, на дерево залѣзь
И посмотри, что тамъ въ кустахъ мелькаетъ.

(Корейка влѣзаетъ.)

Ну, что-же тамъ?

КОРЕЙКА, съ дерева.

Мнѣ трудно разсмотрѣть;
Но будто-что стальное, словно копья
Или мечи.

ВЫРДЯЙ.

А тамъ кого несутъ?

КОРЕЙКА.

Какъ кажется Девлетъ – Кильдея, тамъ
Еще несутъ Акая, ихъ узнать
Не мудрено по ихъ одеждѣ.

МАМАЙ

Вотъ
Что стоитъ мнѣ весь этотъ бой проклятый.
Бегичъ убитъ, Рамзай израненъ тоже,
Не видишь-ли Карачу ты въ рядахъ?

КОРЕЙКА.

Вонъ ѣдетъ онъ, его я вижу ясно.
Вотъ бросился опять, исчезъ въ толпѣ.

(Слѣзаетъ съ дерева.)

МАМАЙ.

Вѣдь экіе задорные какіе,
Не отстаютъ, не отдохнутъ нисколько.

РАМЗАЙ.

Нѣтъ отдыху, покуда силы есть,
Но отдохнуть придется по неволѣ,
Когда проткнутъ копьемъ тебя насквозь.

(Слабымъ голосомъ.)

Желѣзо, сталь, кровавая звѣзда,
Звѣзда съ хвостомъ, она какъ будто лошадь.
Я на нее верхомъ надѣюсь сѣсть,
А что-жъ Бырдяй?... Бырдяй.... Абдулъ-мулла ...
Все врутъ они, копье совсѣмъ невкусно,
Имъ угощать невѣрные умѣютъ.
Насквозь, и вотъ, какъ буравомъ, потомъ

И то и се, мозоль въ желудкѣ, вредно!

(Судорожно хохочетъ.)

МАМАЙ, МУЛЛѢ.

Онъ мелетъ вздоръ... Онъ страждетъ.... помогите....

РАМЗАЙ.

Да, русское копье ужасно ѣдко....
Трава муллы, кобылье молоко,
И просвирнякъ, сѣнной трухи припарки,
Все это вздоръ. А звѣзды не помогутъ,
Изъ нихъ для ранъ нельзя-же сдѣлать мазь....

(Падаетъ на землю.)

МАМАЙ.

Что, умеръ онъ?

БЫРДЯЙ.

Пророкъ позвалъ — онъ умеръ.

МАМАЙ.

И этотъ палъ, всѣхъ не сочтешь убитыхъ,
Нѣтъ дорого достанется побѣда!
У ногъ моихъ здѣсь двое воеводъ,
А тамъ еще ихъ сколько уложили?
О если-бъ мнѣ окончить только битву.
Я отомщу, жестоко расчитаюсь.
За падшихъ всѣхъ вознагражу себя,
За каждую взыщу я каплю крови;
Не люди, нѣтъ, природа содрогнется
И буду я неумолимъ, какъ смерть.

(Наблюдаетъ битву.)

АБДУЛЪ и БЫРДЯЙ, выходятъ впередъ.

БЫРДЯЙ.

Ну, ежели у нихъ еще есть войско?

АБДУЛЪ.

Тогда прощай побѣда. Посмотри
На лѣво тамъ, подальше изъ-за холма,

БЫРДЯЙ.

Мнѣ кажется, что тамъ у нихъ засада
И если есть хоть мало свѣжихъ войскъ,

Тогда простись и съ битвой, и побѣдой.

АБДУЛЪ.

Еще-жъ прости вліяніе Абдула:
Звѣздамъ моимъ не будетъ вѣрить онъ.

БЫРДЯЙ.

А ежели Муллу не будутъ слушать,
То и Бырдяй съ нимъ вмѣстѣ упадетъ.

ТѢЖЕ и БАХТЕЯРЪ, въ перевязкахъ, потомъ Мурза Бутакъ.

БАХТЕЯРЪ, ВХОДЯ.

Тутъ двое есть, я третій къ нимъ прилягу.

МАМАЙ.

Израненъ ты?

БАХТЕЯРЪ.

Рука повреждена,
Но правая, иначе я бы дрался.
Семь лошадей убито подо-мной;
Мурза-Бутакъ за мною вслѣдъ идетъ,
Порядочно отпотчиваны оба.
Нѣтъ бой сердитъ, признаться должно въ этомъ,
Никакъ того не ожидали мы.

МУЛЛА.

Но, кажется, еще дерутся сильно?

БАХТЕЯРЪ.

Изъ заднихъ мы пополнили ряды,
Да, ужъ и тѣ порядочно устали.

МУРЗА БУТАКЪ, съ рубцемъ на лицѣ.

Я русскаго подарка не забуду,
Во все лицо проклятый полоснулъ.
Пусть видятъ всѣ, а для себя, вотъ здѣсь

(Указывая на лѣвое плечо.)

Поклонъ тебѣ, великій ханъ.

МАМАЙ.

Присядьте,
Благодарю за храбрость и за все.
Награды-же, конечно не замедлятъ.

(Раненые садятся у подножія холма)

О, мщеніе! когда-жъ моя звѣзда
Заблещетъ здѣсь? Когда Мамая злоба
Найдетъ себѣ обѣщанную пищу?
Гей! ты, Мулла, когда рѣшится битва,
Не можешь-ли ты это прочитать
Надъ тучами?

МУЛЛА.

Теперь не видны звѣзды;
А потому, я не могу сказать.

МАМАЙ.

Я помню все, что мнѣ ты говорилъ.
Ты говорилъ, что при началѣ битвы
Насъ русскіе, какъ-будто одолѣютъ;
Но подъ конецъ все уничтожимъ мы.
И вотъ уже конецъ быть долженъ близокъ.

МУЛЛА.

Пророкъ всѣхъ насъ желаетъ испытать.

МАМАЙ.

Быть можетъ такъ; но посмотри впередъ,
Что это тамъ кусты засеребрились....
(Всѣ молчатъ и переглядываются между собою въ испугѣ.)
Смотрите тамъ, но это ясно, копья!
Вонъ изъ кустовъ на-право и на-лѣво
И посреди блистаетъ на холмахъ....
Вонъ пыль столбомъ, изъ-за дубравы скачутъ!
Ужасный крикъ! (*Слышенъ крикъ и звукъ мечей.*)
Летятъ сюда, еще,
Еще толпа, вонъ третья выѣзжаетъ!
Ударились, колеблятся ряды!
(Звукп мечей усиливаются.)
Еще толпа, бѣгутъ! пропало все!
Коня скорѣй! Великъ Богъ Христіанскій!
(Убѣгаетъ, Корейка слѣдуетъ за нимъ, раненные также.)

МУЛЛА, въ изумленіи.

Пропало все!

БЫРДЯЙ.

И мы съ тобой пропали!

МУЛЛА.

Что дѣлать намъ?

БЫРДЯЙ.

Уйти куда-нибудь.

(Шумъ и крикъ сильнѣе.)

МУЛЛА.

Сюда бѣгутъ! Куда идти? Въ кусты....

БЫРДЯЙ.

Вѣдь мы пѣшкомъ, за коннымъ не поспѣемъ.

(Хватаютъ тѣла убитыхъ и увлекаютъ въ кустарникъ.)

(Перемѣна.)

Средина Куликовскаго поля. Вдали видно множество раскиданныхъ тѣлъ въ татарскихъ и русскихъ костюмахъ, множество лошадей, тамъ и сямъ валяется оружіе разнаго рода, шишаки, брошенныя латы. Шумъ, крикъ и звуки мечей еще слышатся и ослабѣваютъ, мало-по-малу, Сабуръ и Холопищевъ выходятъ съ разныхъ сторонъ.

САБУРЪ.

Здорово, другъ, съ побѣдой поздравляю.
Ты цѣлъ?

ХОЛОПИЩЕВЪ.

Какъ видишь. Но откуда ты?

САБУРЪ.

Послалъ бояринъ въ станъ.

ХОЛОПИЩЕВЪ.

Онъ тамъ еще?

САБУРЪ.

Послѣднихъ дорубаютъ.
Ты былъ-ли тутъ, какъ бросилась засада?

ХОЛОПИЩЕВЪ.

Ну, какъ не быть! жаль руку отмоталъ
А признаюсь, была, дружокъ, потѣха!
Ну, точно мы капусту вотъ рубили.

САБУРЪ.

Бояринъ твой?

ХОЛОПИЩЕВЪ.

И цѣлъ, и живъ, и здравъ.
Немножко бокъ ушибъ: съ коня свалился;
Ну, не бѣда, а твой?

САБУРЪ.

Онъ былъ здоровъ....
Теперь, все тамъ, еще не возвращался.
Но знаешь-ли, что я тебѣ скажу?

ХОЛОПИЩЕВЪ.

А что, дружокъ?

САБУРЪ.

Но чуръ молчать покуда.
Великаго вѣдь князя не найдутъ.

ХОЛОПИЩЕВЪ.

Какъ, не найдутъ?

САБУРЪ.

Мнѣ сказывалъ Кореевъ.

ХОЛОПИЩЕВЪ.

Э! братецъ, вздоръ, что скажетъ, то солжетъ....
Всѣ хвастуны, когда имъ въ важномъ дѣлѣ
Удачи нѣтъ, придумаютъ всегда
Ничтожный вздоръ себѣ на утѣшенье,
Чтобы людей той выдумкой мутить
И тѣмъ себя порадовать обманомъ....
Не вѣрь ему.

САБУРЪ.

Нельзя-же мнѣ не вѣрить.
Мнѣ сказывалъ не дядя, а племянникъ.
Онъ въ полѣ здѣсь случайно мнѣ попался,
А у него въ рукахъ свидѣтель былъ....
Безмолвный хоть, да говорилъ то ясно.

ХОЛОПИЩЕВЪ.

Но кто жъ такой?

САБУРЪ.

Димитріева лошадь.

ХОЛОПИЩЕВЪ.

О, Господи!

САБУРЪ.

Какъ тутъ ты не повѣришь?

ХОЛОПИЩЕВЪ.

И вѣсти нѣтъ?

САБУРЪ.

Да, всѣ поразбрелись

Искать его; но видно не находятъ.

ХОЛОПИЩЕВЪ.

Что-жъ, мы съ тобой теряемъ время даромъ?
Пойдемъ и мы, быть можетъ, и найдемъ.
Вѣдь, гдѣ-жъ нибудь онъ долженъ обрѣстись —
Живой ли онъ, аль раненый, аль мертвый.

САБУРЪ, слѣдуя за нимъ.

Вѣстимо такъ; авось Господь поможетъ.

КНЯЗЬ ОБОЛЕНСКІЙ, БОЯРИНЪ КВАШНЯ, потомъ КНЯЗЬЯ СМОЛЕНСКІЙ И ЯРОСЛАВСКІЙ.

КВАШНЯ, Оболенскому, входя.

Вотъ видишь, князь, звѣзда не даромъ свѣтитъ.
Что если мы Димитрія лишились,
Такъ это тожъ, что въ пухъ бы насъ разбили.

ОБОЛЕНСКІЙ.

Э! полно ты, какъ воронъ зло пророчить....

СМОЛЕНСКІЙ, входя.

Всѣ горестны, что за печаль такая?

ЯРОСЛАВСКІЙ, входя за нимъ.

Намъ слѣдуетъ и пѣть и веселиться.

ОБОЛЕНСКІЙ.

Виновника побѣды не найдутъ.

СМОЛЕНСКІЙ.

Димитрія?

ЯРОСЛАВСКІЙ.

Но можетъ быть подъѣдетъ.

ОБОЛЕНСКІЙ.

Едва-ли такъ, вѣдь конь его у насъ.

СМОЛЕНСКІЙ.

Что говоришь!

ЯРОСЛАВСКІЙ.

Вотъ истинно несчастье!
Какъ безъ него мы явимся въ Москву?

(Звукъ трубъ раздается вновь.)

РОСТОВСКІЙ, входя.

Здѣсь нѣтъ его? я поле все объѣхалъ;
Но не нашелъ

СТАРОДУБСКІЙ.

Но многихъ нѣтъ еще,
Ужели насъ такъ небо наказало?

РОСТОВСКІЙ.

Ты знаешь, князь, какъ онъ любимъ народомъ.
На лицахъ всѣхъ прискорбіе читаемъ,
Какъ-будто-бы мы битву проиграли.

СТАРОДУБСКІЙ

Онъ началъ бой. Я близъ него стоялъ
Когда слова псалма произнеся,
Слова «намъ Богъ прибѣжище и сила,»
Какъ ярый левъ онъ ринулся на битву.
И сколько разъ потомъ опять бросался.
Гдѣ ни былъ онъ, тамъ больше бой кипѣлъ;
А наконецъ....

КВАШНЯ.

Ужели мы погибли?

Входятъ **КНЯЗЬ ВЛАДИМІРЪ, ВОЛЫНСКІЙ, МОЛОЖСКІЙ, БРЯНСКІЙ и КАШИНСКІЙ.**

МОЛОЖСКІЙ.

Всѣ поиски доселѣ были тщетны.

КНЯЗЬ ВЛАДИМІРЪ.

Я, кажется, все поле проскакалъ —
Напрасный трудъ: но живъ онъ или мертвъ,
Все нуженъ намъ источникъ нашей славы,
Пойдемте же, всѣ трупы пересмотримъ,
Во всѣхъ кустахъ обшаримъ; можетъ-быть,
Не легъ-ли гдѣ, уставъ отъ битвы?

ВОЛЫНСКІЙ.

Нѣтъ,
Все поле мы раздѣлимъ по частямъ
И къ вечеру всѣ съѣдимся сюда,
Чтобъ извѣстить о новостяхъ другъ-друга.

СТАРОДУБСКІЙ.

Согласны мы.

ЯРОСЛАВСКІЙ.

Да будетъ такъ.

РОСТОВСКІЙ.

Идемъ...

Отправлюсь я на правое крыло.

СМОЛЕНСКІЙ.

Я за оврагъ.

ОБОЛЕНСКІЙ.

Я къ рѣчкѣ.

КВАШНЯ.

Я за холмы.

ЯРОСЛАВСКІЙ.

Въ кустарникъ я.

МОЛОЖСКІЙ.

Я за лѣсъ на поляну.

КНЯЗЬ ВЛАДИМІРЪ.

А я къ ручью, что посреди течетъ:
Онъ тутъ скакалъ.

КВАШНЯ.

Близъ середины, точно.

КНЯЗЬ ВЛАДИМІРЪ.

Изъѣздимъ мы все поле Куликово.

МОЛОЖСКІЙ.

Идемъ, идемъ!

ГРУНКА, ВХОДЯ.

Немножко удержитесь:
Слухъ носится, Димитрія нашли.

ВСѢ.

Но живъ-ли онъ?

ГРУНКА.

Ну, этого не знаю
За мною вслѣдъ два воина идутъ;
Они нашли, спросите ихъ о томъ.

КНЯЗЬ ВЛАДИМІРЪ.

Но гдѣ они? пойдемте имъ на встрѣчу;
Ихъ слѣдуетъ за это наградить:
Я ихъ должникъ.

ВСѢ.

Мы всѣ ихъ должники.

ОБОЛЕНСКІЙ, глядя вдаль.

Да это мой идетъ оруженосецъ.

(Волынскому.)

А съ нимъ и твой.

ВОЛЫНСКІЙ.

Ужъ не они-ль нашли.

ХОЛОПИЩЕВЪ и САБУРЪ, входя быстро.

-Димитрія нашли мы.

КНЯЗЬ ВЛАДИМІРЪ.

Живъ-ли онъ?

САБУРЪ.

Подъ тѣнію онъ дерева лежитъ
И будто спитъ; не смѣя безпокоить,
Мы бросились скорѣе къ вамъ сюда.
Изсѣчены шишакъ его и латы...

КНЯЗЬ ВЛАДИМІРЪ.

Ведите поскорѣй.
Далеко-ли?

ХОЛОПИЩЕВЪ.

Близехонько отсюда.

(Они идутъ, за ними всѣ уходятъ, смѣняясь Кореевыми.)

АНДРЕЙ.

Вотъ наконецъ Димитрія нашли!

ЕПИФАНЪ.

Я сяду здѣсь, измучилъ ты меня
И подъ собой я вовсе ногъ не слышу.

АНДРЕЙ.

Ну, дядюшка, садись! А вотъ пенекъ.
Руками ты работать не хотѣлъ —
Такъ услужилъ Россіи хоть ногами.

(Смѣется.)

ЕПИФАНЪ, садясь.

Уфъ! какъ усталъ! ты затерзалъ меня.

АНДРЕЙ.

Усталость вздоръ, усердіе намъ важно:
Къ Димитрію ты такъ расположенъ,
Святую Русь такъ пламенно ты любишь,

Что не щадилъ племянниковъ своихъ,
Пустилъ ихъ въ бой....

ЕПИФАНЪ, съ досадою.

Пожалуй замолчи.

АНДРЕЙ.

Изъ скромности похвалъ ты убѣгаешь;
Но выслушай. Вѣдь ты къ Мамаю ѣздилъ,
Чтобы его конечно убѣдить
Не дѣйствовать противъ твоей отчизны,
Увѣренъ былъ, что много насъ падетъ
И цѣль твоя любовь къ отчизнѣ, къ ближнимъ.
Бырдяя тамъ и прочихъ ты дарилъ,
Чтобъ вывѣдать ихъ тайны и потомъ
Насъ отъ войны невѣрной уклонить,
Въ побѣдѣ ты увѣренъ былъ сперва;
Но все хитрилъ, искусно притворялся,
Про звѣзды вралъ, чтобъ вывѣдать людей,
Духъ смѣлости, господствовавшій въ войскѣ.
Нарочно ты попался русскимъ въ плѣнъ;
Израненнымъ оказывалъ ты помощь;
Димитрію доставлено тобой
Письмо и въ немъ всѣ замыслы Мамая.

ЕПИФАНЪ.

Но замолчи!...

АНДРЕЙ.

И какъ ты притворился!
Но вотъ постой: лишь возвращусь въ Рязань —
Всѣмъ сообщу я дядины заслуги, —
И загремитъ Кореевъ Епифанъ,
Въ сказаніяхъ, какъ сынъ отчизны вѣрный,
Но скромности покровомъ одѣвавшій
Свои дѣла, великія дѣла!

ЕПИФАНЪ.

Вѣдь экой злой языкъ!

АНДРЕЙ.

Хвала не злость.

Ужели ты отчизнѣ измѣнялъ?
Съ той цѣлью былъ посланникомъ къ Мамаю,
Чтобъ сдѣлать зло соотчичамъ своимъ?
Ужель, въ виду одну корысть имѣя,
Олегомъ ты по волѣ управлялъ
И заставлялъ прославиться измѣной?
Не можетъ-быть, не вѣрю я тому,
Да и никто въ потомствѣ не повѣритъ
Одно рекутъ: великъ рязанскій князь,
А вмѣстѣ съ нимъ и Епифанъ Кореевъ!

(Становится на колѣна.)

Отбросьте мнѣ хоть капельку вы славы,
Ничтожному Андрею сорванцу

ЕПИФАНЪ.

Головорѣзъ, но пощади, пожалуй.

АНДРЕЙ.

Головорѣзъ? всего двѣ, три отрѣзалъ,
Ничтожныя; за что тутъ упрекать?
Нѣтъ, знаю я, тебѣ одно досадно:
Зачѣмъ твои я хитрости проникъ?
О!... все-равно.... Какъ скромности покровомъ
Не одѣвай своихъ ты добрыхъ дѣлъ, —
Но всѣ они откроются потомству.
Ахъ! кстати я скажу, боюсь забыть,
Вѣдь братъ Семенъ убитъ, ты это знаешь?

ЕПИФАНЪ.

Туда ему повѣсѣ и дорога!

АНДРЕЙ.

Вотъ истинно великая душа!
Ты, радуясь побѣдѣ, торжеству,
Отечества и славѣ, и свободѣ:
Родство забылъ и ближнихъ не щадишь!
Одна любовь и самоотверженье
Господствуютъ въ душѣ твоей великой!

ЕПИФАНЪ.

Димитрія нашли; но живъ-ли онъ?

АНДРЕЙ.

О, не тоскуй! Утѣшься, мужъ великій;

Онъ вѣрно живъ, Господь его хранитъ.
Молились мы? — Но что за шумъ такой?

(Входятъ князья Стародубскій, Смоленскій, Ярославскій, Моложскій, Оболенскій, Ростовскій, Брянскій, Каиншскій, Волынскій, Ѳедоръ Грунка и Квашня.)

СМОЛЕНСКІЙ, ВХОДЯ.

Онъ живъ и здравъ! возрадуйся Россія.

КВАШНЯ.

Едва-ли здравъ, не раненъ-ли?

СТАРОДУБСКІЙ.

О нѣтъ!
Былъ оглушенъ тяжелымъ онъ ударомъ,
А потому и память потерялъ:
На шишакѣ замѣтенъ слѣдъ меча.

СМОЛЕНСКІЙ.

Я въ этомъ вновь судьбы велѣнье вижу:
Димитрія никто-бъ не удержалъ,
Онъ большей-бы опасности подвергся;
Но тотъ ударъ его, быть-можетъ, спасъ
И удержалъ отъ гибели и бѣдъ,
Которымъ онъ всѣхъ больше подвергался.

ЯРОСЛАВСКІЙ.

Онъ говорилъ, оставьте вы меня
И одному препоручите Богу,
И Богъ его чудесно сохранилъ.

МОЛОЖСКІЙ.

Въ день сумрачный намъ солнце просіяло.

КАШИНСКІЙ

Прославлено ты, поле Куликово,
И прогремишь побѣдою вѣкамъ!

ГРУНКА.

А съ нимъ и мы въ потомствѣ просіяемъ —
И такъ, друзья!

ВСѢ.

Да здравствуетъ Димитрій!

ГРУНКА.

Но гдѣ-же онъ?

КВАШНЯ.

Онъ снова на конѣ,

Вновь поскакалъ взглянуть на падшихъ братій
И ихъ почтить молитвой и слезой.

СМОЛЕНСКІЙ.

Вездѣ любовь къ отечеству и ближнимъ.

РОСТОВСКІЙ.

Еще сильнѣй признательность къ Творцу,
Вы видѣли, лишь только онъ очнулся,
Какъ тотчасъ-же колѣна преклонилъ,
Чтобъ небесамъ принесть благодаренье.
Оно созвалъ насъ; онъ пробудилъ Россію,
Противъ Татаръ онъ первый поднялъ мечъ,
Союзомъ онъ соединилъ княженья;
Сюда привелъ, устроивалъ войска,
Самъ больше всѣхъ участья принялъ въ битвѣ;
Примѣромъ онъ для каждаго служилъ...
Все сдѣлалъ онъ, ему и честь и слава.

АНДРЕЙ, ТИХО ДЯДѢ.

Утѣшимся, все это сдѣлалъ ты;
Но такова людей неблагодарность!
Потомство все, какъ должно разберетъ
И всѣ труды Кореева оцѣнитъ.

ЕПИФАНЪ, СЪ ДОСАДОЮ.

Да перестань.

АНДРЕЙ.

Великихъ никогда
Достоинства не цѣнятся при жизни;
Все зависть тутъ и собственные виды,
Утѣха имъ одно: — молва потомства.

Входятъ: **ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ДИМИТРІЙ, КНЯЗЬ ВЛАДИМІРЪ И ВОЛЫНСКІЙ.**

ДИМИТРІЙ.

Благодарю, сподвижники и братья,
Отъ имени отечества всего:
Еще я разъ благодарю васъ нынѣ!
Увѣренъ въ томъ, что каждый здѣсь изъ насъ,
Ужъ награжденъ и собственно собою.
Насъ наградятъ святая Русь и Богъ,
Податель благъ, и счастья, и побѣды.

А падшихъ память сохранятъ
Наслѣдію — листы бытописаній;
О нихъ всегда молиться будемъ мы,
Въ день памяти, въ день Дмитровской субботы.
Теперь вопросъ я предлагаю вамъ:
Что дѣлать намъ? преслѣдовать Мамая,
Или идти торжествовать въ Москву?

КНЯЗЬ ВЛАДИМІРЪ.

Я думаю преслѣдовать не худо,
Чтобъ истребить злодѣевъ до конца.

ОБОЛЕНСКІЙ.

Но можно-ли и нужно-ли идти
За ними въ слѣдъ?

ВОЛЫНСКІЙ.

Я думаю не нужно.
Они бѣгутъ; но тамъ, въ предѣлахъ волжскихъ,
Легко себѣ помощниковъ найдутъ.
У насъ войска, не малыя числомъ,
Чѣмъ будемъ мы кормить ихъ по пустынямъ?
За осенью послѣдуетъ зима —
Чѣмъ лошадей, скажите, мы прокормимъ?

КВАШНЯ.

А раненныхъ собратій сколько здѣсь:
Куда дѣвать и кто займется ими?
Тамъ ихъ число все будетъ возрастать.

ОБОЛЕНСКІЙ.

Притомъ войскамъ не нуженъ-ли и отдыхъ.

ДИМИТРІЙ.

И такъ, друзья?

МНОГІЕ.

Пойдемъ назадъ въ Москву!

ДИМИТРІЙ.

Да будетъ такъ. Что скажешь, Оболенскій,
Ягайло намъ не встрѣтится-ль еще?
Что донесли тебѣ сторожевые?

ОБОЛЕНСКІЙ.

Ягайло былъ едва за сорокъ верстъ;
Но вдругъ исчезъ и такъ исчезъ, что чудо:

Мы бѣглеца и слѣда не найдемъ,
Диковина, вѣдь съ нимъ была пѣхота!

ДИМИТРІЙ.

И такъ мы здѣсь палатки разобьемъ
Всѣхъ приберемъ, погибшихъ за отчизну;
Другихъ съ собой въ колодахъ повеземъ;
Отслужимъ здѣсь впервые панихиду
И Богу силъ молебенъ благодарный. (*Квашнѣ.*)
Взгляни на верхъ звѣзда явилась.

КВАШНЯ.

По пустякамъ народъ она пугала,
Напрасно ей повѣрилъ и Мамай.

ДИМИТРІЙ.

И князь Олегъ.... (*Кореву.*) Ты здѣсь еще, Кореевъ?
Такъ вотъ тебѣ что новостей, вези
И кланяйся Олегу отъ собратій.
Я обѣщалъ дать проводы тебѣ
И мой обѣтъ исполнить постараюсь.
Упрековъ я съ тобой не посылаю:
Онъ въ совѣсти своей найдетъ упреки;
Притомъ Олегъ наказанъ неудачей
Всѣхъ замысловъ и нашимъ торжествомъ
Низверженъ онъ; ты знаешь тотъ обычай,
Что на Руси лежачаго не бьютъ.

(Всѣ удаляются вслѣдъ за Великимъ Княземъ, выключая Кореева. Ночь, луна всходитъ.)

ЕПИФАНЪ.

На рубежѣ стою недоумѣнья:
Что привезу въ несчастную Рязань?
Предвѣстникомъ чего отчизнѣ буду!
Такъ рѣшено: они идутъ назадъ
И, проходя Рязанское княженье,
Имѣютъ всю возможность отомстить.
Димитрій добръ, не мстителенъ, я знаю,
Но прочіе?... Несчастная Рязань!
Нѣтъ, не уйдешь отъ злобы ты своихъ,
Ты за меня потерпишь наказанье,
Котораго лишь я одинъ достоинъ.

Ахъ! лучше-бы ужъ отъ татаръ терпѣть,
А тутъ и казнь, и общее проклятье,
Безславіе и нынѣ, и въ потомствѣ!
Теперь я всѣмъ и каждому въ отвѣтѣ:
Князьямъ, друзьямъ, семейнымъ, постороннимъ,
И самъ себѣ, и совѣсти, и Богу!

(Слышны звуки пѣсенъ и ликованья.)

Чу! торжество! О торжествуйте, братья!
Но я одинъ, отверженный, проклятый
Отчизны врагъ, я не имѣю права
Торжествовать и удалюсь отъ васъ,
Я не могу при вашихъ ликованьяхъ
Спокойнымъ быть; мнѣ эти голоса:
Кинжалы въ грудь! змѣй укушенье, да...
Но легче-бы мнѣ и кинжалы даже:
Они конецъ мученью принесутъ;
А это что? терзанье и мученье,
Задатокъ онъ, быть-можетъ, адскихъ мукъ....

(Бѣжитъ въ одну сторону, съ противуположной выходитъ Димитрій въ Великокняжеской одеждѣ.)

ДИМИТРІЙ.

Окончилось кровавое сраженье,
Пируетъ станъ, повсюду торжество;
А я ищу себѣ уединенья:
Благодарить святое Божество.

(Преклоняетъ колѣна)

Не возношусь побѣдою счастливой,
Ея успѣхъ — Всесильнаго покровъ;
Смиряюсь я предъ волей терпѣливой,
Не по грѣхамъ судящею рабовъ.
Ты мнѣ помогъ, рукой Твоей державной
Враговъ моихъ строптивость удержалъ;
Ты ихъ казнилъ и Руси православной
Веселіе и славу даровалъ.
Насъ наградилъ Господь и Вседержитель,
Побѣдъ вѣнцы ниспосылая намъ;
Да возлетитъ въ священную обитель
Его сыновъ сердечный ѳиміамъ!

А вы, друзья, погибшіе со славой,
Вы жертвами отечества легли;
Молитесь тамъ, чтобъ битвы той кровавой,
Желанный плодъ созрѣлъ-бы на земли.
Да мощное небесъ благословенье
Благоволитъ Всевышній ниспослать
И скорое отъ ига избавленье
Его щедротъ даруетъ благодать!

—

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ПЛОЩАДЬ ВЪ КРЕМЛѢ.

Народъ сбирается; постоянно являются новыя лица. Всѣ они въ праздничной одеждѣ. Вдали Фроловскія ворота, на которыя обращено вниманіе присутствующихъ.

ОДНА ГОРОЖАНКА, другой.

Вотъ, кумушка, ужъ точно русскій праздникъ!
Смотри-ка, мы какъ разрядились всѣ;
Точнехонько вѣдь на Святой недѣлѣ,
Аль Рождествѣ.

ДРУГАЯ.

И все кругомъ смѣется,
Угрюмаго лица тутъ не увидишь.
И какъ вѣдь всѣ раздобрились мужья:
Скупяга мой прослышалъ только новость,
Купилъ тотчасъ кумачный сарафанъ;
Вѣдь какъ давно мнѣ краснаго хотѣлось.
Просила я, и злилась, и бранилась,
Ну нѣтъ, какъ нѣтъ, ни гроша не даетъ;
А тутъ гляжу, приноситъ самъ ко мнѣ:
На, говоритъ, для общаго гулянья.

ПЕРВАЯ.

Ну, кумушка, ты знаешь вѣдь меня,
Что грѣхъ таить, люблю принарядиться;

А тутъ, повѣрь, не будь наряда вовсе;
Ну въ старомъ бы, изорванномъ, пошла,
Лишь только бы взглянуть на государя
И на бояръ, соратниковъ его.

ДРУГАЯ.

Вѣстимот-ко, ты слышала-ли вѣсти:
Вѣдь самъ дрался и раненъ....

ПЕРВАЯ.

Нѣтъ не раненъ,
А только былъ ударомъ оглушенъ
И, слышь, его не скоро отыскали.

ДРУГАЯ.

Господь его для Руси сохранилъ....
Ахъ, кумушка, какой-же стыдъ рязанцамъ!

ТРЕТЬЯ, подходя.

И подлинно изъ нихъ тамъ было мало?

ПЕРВАЯ.

Ни одного.

ТРЕТЬЯ.

Нѣтъ, были.

ПЕРВАЯ.

Да не спорь;
Мой братъ тамъ былъ.

ТРЕТЬЯ.

Нѣтъ, вѣрно знаю я,
Мнѣ сказывалъ вобья сестры Прасковьи;
Литейщикъ онъ, дѣлъ колокольныхъ мастеръ.

ПЕРВАЯ.

Ой, кумушка, взгляни-ка ты на лѣво.

ВТОРАЯ.

Старикъ сѣдой, никакъ за сотню лѣтъ.

СТАРИКЪ, пробиваясь сквозь толпу.

Ой, дѣтушки, пустите старичишку.

МОЛОДОЙ, выводя его изъ толпы.

Ты, дѣдушка, зачѣмъ сюда пришелъ?
Того смотри въ толпѣ тебя задавятъ.

СТАРИКЪ.

Спасибо, другъ; ну какъ зачѣмъ пришелъ?

На батюшку, вотъ хоть глазкомъ взглянуть
А тамъ ужъ я умру себѣ покойно.
Да точно-ли онъ близко отъ Москвы?

МОЛОДОЙ.

Вечоръ мой братъ явился изъ Коломны,
Такъ сказывалъ, что обогналъ ихъ тутъ,
Не вдалекѣ они, слышь, ночевали;
Съ нимъ даже князь Владиміръ говорилъ.
Еще же къ намъ два воина явились,
Ты знаешь, чай, Холопищева....

СТАРИКЪ.

Сватъ мой.
Ну, какъ не знать: при князѣ Оболенскомъ.

МОЛОДОЙ.

Вотъ, дѣдушка, когда его увидишь,
Такъ распроси,—какія чудеса
Про битву онъ съ татарами разскажетъ.

СТАРИКЪ.

А что еще?

МОЛОДОЙ.

Аль разсказать?

СТАРИКЪ.

Ну, да.

(Старикъ садится на землѣ, горожанки и толпа любопытныхъ собираются вокругъ разсказчика.)

МОЛОДОЙ.

Вотъ видишь-ли, слышь наканунѣ битвы,
Когда уснулъ военный русскій станъ,
Великій князь поѣхалъ ночью въ полѣ,
Владиміра онъ брата взялъ съ собой,
Волынца взялъ, да двухъ князей Литовскихъ..
И вотъ пошли на поле Куликово.
Волынецъ тутъ Димитрію сказалъ:
Повѣдать мнѣ хотѣлось вамъ примѣту
Искусную, и сталъ онъ посреди,
Съ одной страны все русскія войска,
И слышалось со стороны татарской
И стукъ, и кличъ, какъ будто торгъ снимался,

Иль зиждѣли вновь заводимый градъ;
То будто бы тамъ трубы раздавались,
То будто бы какъ завываетъ волкъ.
На право-же все каркали вороны,
И слышались тамъ птичьи голоса,
И вороны, и лебеди, и гуси,
Играли тамъ на рѣчкѣ, на Непрядвѣ.
И лебеди все крыльями плескали,
Какъ будто-бы предчувствуя грозу.
Тутъ тишина великая настала
И лишь *огни снималися съ зарей* *.

ГОРОЖАНКА.

Охъ, кумушка, куда какъ хорошо!

ДРУГАЯ.

Вотъ чудеса?

ТРЕТЬЯ.

Диковины какія!

ПЕРВАЯ.

Подвинемся, чтобъ словъ не проронить.

СТАРИКЪ.

Всѣ слушаютъ, а женщины не могутъ
Не перебить.

МОЛОДОЙ.

Не въ моготу для нихъ.

РАЗСКАЩИКЪ.

Волынецъ тутъ съ коня сошелъ на землю
И ухомъ онъ къ сырой землѣ приникъ;
На долгій часъ прислушивался, лежа;
Потомъ возсталъ, поникнувши очами,
И воздохнулъ, а князь его спросилъ:
«*Что, брате, есть?*» и отвѣчалъ Волынецъ:
«Одно на пользу видно, а другое
Не въ пользу намъ. Я слышалъ, какъ земля
Двоякими вопила голосами;
Единая страна, какъ-бы вдова
Еллинскимъ языкомъ о дѣтяхъ плачетъ,

* Подлинныя слова автора Слова о побоищѣ Дим. Донскаго.

Другая-же, какъ дѣва, какъ свирѣль
Плачевный гласъ и стоны просопѣла....
Побѣду я навѣрное предвижу;
Но многіе падутъ изъ братій тутъ.»
Великій князь невольно прослезился....
И вотъ имъ всѣмъ Волынецъ далъ запретъ,
Чтобы въ полкахъ примѣту не повѣдать,
Унынiе въ войскахъ не произвесть.
Не чудно-ли?

МОЛОДОЙ.

Ну вотъ, не вѣрь примѣтамъ!
Вѣдь подлинно такъ и случилось все.

ПЕРВЫЙ.

А слышали-ль, какъ битва началась?
Какъ пораженъ былъ богатырь татарскій?
По имени; но какъ бишь? — Телебей.
Онъ былъ сраженъ вначалѣ Пересвѣтомъ.
Какъ, батюшка, великій князь Димитрій
Бросался самъ съ другими на ряду.

СТАРИКЪ.

Все слышали. Вотъ это, братцы, битва!
Ужъ точно тутъ, отъ первыхъ до послѣднихъ,
Стояли всѣ за мать святую Русь.
Что воинства легло на этомъ полѣ!
Я самъ изъ трехъ внучатъ лишился двухъ;
Но мнѣ не жаль, Господь ихъ наградитъ:
За родину легли они....

ОДИНЪ, ИЗЪ ТОЛПЫ.

Дорогу!
Изъ воиновъ идетъ одинъ сюда.

(Толпа раздается, Андрей Кореевъ выходитъ на средину.)

АНДРЕЙ, кланяясь.

Богъ помочь всѣмъ!

СТАРИКЪ.

Спасибо, милый другъ.
Отколь пришелъ? Ба! да никакъ пораненъ?

АНДРЕЙ.

Слегка, старикъ. Пріѣхалъ я вчера.

СТАРИКЪ.

А прочіе?

АНДРЕЙ.

Должны бы скоро быть:
Оставилъ ихъ отсюда недалеко.

СТАРИКЪ.

Ты изъ какихъ?

АНДРЕЙ.

Владимірецъ, почтенный.

(Про себя.)

Вѣдь совѣстно сказать, что я рязанскій.
Вездѣ бранятъ, вездѣ клянутъ Рязань.

СТАРИКЪ.

Мы все о васъ судили, молодцы,
Какъ вы за Русь святую постояли;
Какъ вамъ сгубить поганыхъ удалось.
Сядь, разскажи намъ все, вѣдь любопытно.

АНДРЕЙ.

Что-жъ разсказать?

ЮНОША.

Нѣтъ, дѣдушка, постой,
Онъ пѣть гораздъ, вечоръ его я слышалъ,
На кружечномъ дворѣ онъ пѣсню пѣлъ.

СТАРИКЪ.

Ахъ, молодецъ, потѣшь сѣдаго старца;
Коль знаешь ты, пропой намъ что-нибудь;
Присядь, дружокъ.

АНДРЕЙ.

Я не усталъ нисколько,
Какую-бы?

ЮНОША.

Вотъ что вечоръ ты пѣлъ,
Какъ на Окѣ войска переходили.

АНДРЕЙ.

Ну, хорошо теперь оно и кстати.
Пусть слышитъ весь честной народъ ее.

(Поетъ.)

Что не стукъ-то стучитъ, что не громъ-ли гремитъ,
Вдоль по берегу;

На зарѣ то стучатъ, на румяной гремятъ
Войны русскіе.
Не орелъ поднялся, не крылатый взвился
По поднебесью:
Черезъ рѣку идетъ, черезъ быстру плыветъ
Володиміръ-князь.
А за нимъ молодцы, русаки удальцы
Перевозятся;
Что на томъ-ли лугу, на крутомъ берегу,
Возлѣ Боровска,
По доламъ, по холмамъ, по зеленымъ лугамъ
Рать устроилась.
Не ясенъ-то соколъ, вслѣдъ за нимъ перешелъ,
А Димитрій князь.
На сыпучемъ пескѣ, на струистой рѣкѣ,
Что на Сѣверкѣ,
Ратныхъ много людей, воеводъ и князей
Его встрѣтили.
Во тимпаны стучитъ, въ трубы звонки звучитъ
Рать могучая;
Какъ отъ сна поднялась и туда собралась
Вся святая Русь.
Не свиститъ соловей, во дубравѣ полей
Пѣснью звонкою;
Но къ войскамъ обратясь, намъ возговорилъ князь
Рѣчью сладкою.
Словесами отца, встрепенулись сердца
Молодецкія;
Грудь отвагой зажглась, его рѣчь разлилась
Масломъ по сердцу,
И съ отвагою той, во походъ боевой
Войско двинулось.
Тамъ гдѣ Донъ-то шумитъ, гдѣ Непрявда бѣжитъ —
Мы сразилися;
Мы играли мечемъ и булатнымъ копьемъ,
Каленой стрѣлой.
Какъ отъ буйныхъ вѣтровъ, пылъ засохшихъ луговъ

Развѣвается,
Такъ отъ нашихъ мечей, улетѣла съ полей
Сила вражія.
Честь и слава войскамъ, воеводамъ, князьямъ,
И Димитрію!
Онъ начало всѣму, чести больше ему
Противъ всѣхъ другихъ:
Такъ какъ всякъ отдаетъ, предъ звѣздами почетъ
Солнцу красному!

Доволенъ-ли, старинушка почтенный?

СТАРИКЪ.

Спасибо, другъ. Я въ молодости тожъ
Бывалъ охочъ на пѣсни и на пляски,
И нынѣ вотъ, хоть голосу и нѣтъ;
А иногда мурлычу въ тихомолку,
Какъ старый котъ, согрѣвшійся на печькѣ...
Но это прочь, вотъ дѣло въ чемъ, дружокъ:
Когда вы тамъ на Куликовскомъ полѣ
Дрались за насъ, что было толковъ здѣсь!
Пугали насъ звѣздою хвостоватой
И разныя тутъ были предсказанья;
Ужасно какъ народъ попріунылъ.
Мы только лишь во храмахъ слезы лили;
Но вдругъ гонецъ отъ князя прискакалъ:
Привезъ намъ вѣсть о битвѣ Куликовской,
Такъ вѣришь-ли, какъ все перемѣнилось!
Забыли всѣ и горе, и печаль,
Пропали всѣ людскія предсказанья;
Кипучій медъ повсюду зашумѣлъ;
На улицахъ былъ настоящій праздникъ.
Ужъ я на что и старъ, и дряхлъ, и хилъ —
Помолодѣлъ, лѣтъ двадцать съ плечъ свалилось!
Спасибо вамъ! все это ваше дѣло.

АНДРЕЙ.

Господь помогъ. Послушай-ка, старикъ,
Ты здѣсь одинъ, толпа растетъ все больше;
Боюсь, чтобы тебя не задавили;

А потому, я буду при тебѣ.

СТАРИКЪ.

Ахъ! да какой ты добрый, мой голубчикъ!
Не бось, дружокъ, въ толпу я не пойду
Мнѣ хочется взглянутъ на князя только;
Димитрія видалъ я очень близко,
Вотъ видишь какъ: съ сумою я ходилъ,
Жена больна, а дѣти были малы;
Что дѣлатъ тутъ? что наберу, бывало,
Такъ тѣмъ и сытъ. Однажды я иду
По улицѣ, — когда, бишь, это было?
Да, точно такъ, близъ вешняго Николы,
И вотъ онъ мнѣ попался. Я не зналъ,
Кто онъ такой, а попросилъ случайно.
Князь подалъ мнѣ, потомъ пошелъ за мной,
А у меня избенка на боку,
Стара, дряхла и ни крошинки хлѣба.
Онъ видѣлъ все. Вотъ съ тѣхъ то, милый, поръ
Сталъ навѣщать и вылечилъ больную,
И избу мнѣ съ анбарами построилъ,
Тамъ лошадь далъ, корову; а потомъ,
Благодаря ему, я завелся
Всѣмъ, что для насъ необходимо было.
Тутъ сыновья повыросли мои,
Работали, и нынѣ, слава Богу, (*со слезами.*)
На старости живу себѣ покойно,
Благодаря Димитрія — отца!

ОДИНЪ ИЗЪ ТОЛПЫ.

Не первый имъ ты, дѣдушка, избавленъ
Отъ нищеты. Мой батька говорилъ,
Что чрезъ него и торговать онъ началъ

ДРУГОЙ.

Придетъ пора и лѣтописцы скажутъ,
Что для слѣпыхъ служилъ Димитрій окомъ,
Ногой хромымъ и подлинно трубой,
Въ опасности уснувшимъ....

СТАРИКЪ.

Точно такъ.
Да-хоть теперь, вотъ въ этой самой брани
Не эта ли труба все разбудила?
Ахъ, дѣтушки, вы слышали-ли то,
Что на Москвѣ боярскій нашъ совѣтъ
Димитрію прозванье далъ Донскаго?

ПЕРВЫЙ.

Донскаго?

СТАРИКЪ.

Да, за подвигъ на Дону;
И вотъ теперь, какъ онъ прибудетъ къ намъ,
Ему его и поднесетъ Ѳеодоръ
Андреевичъ, тотъ, что Москвою правитъ,
Отъ имени всѣхъ нашихъ воеводъ. (*Слышенъ шумъ.*)
Ахъ! дѣтушки, что тамъ еще такое?
Не ѣдетъ-ли нашъ батюшка?

ПЕРВЫЙ.

О нѣтъ.
Купцы идутъ поднесть ему хлѣбъ-соль;
А вмѣстѣ съ тѣмъ и разныя поминки.

(Толпа купцовъ выходитъ вмѣстѣ; впереди идетъ одинъ, несущій серебряное блюдо. На немъ коровай и солонка. Другой держитъ корзину, покрытую покрываломъ и наполненную разнаго рода чарами, жбанами и стопами серебряными.)

1-й КУПЕЦЪ.

Замѣшкались, знать очень тихо идутъ.
А можетъ быть, не терпится и намъ,
Такъ потому и кажется, что долго.

2-й КУПЕЦЪ.

Какъ кстати насъ нашъ Новгородъ Великій
Ганзейскими товарами снабдилъ.

3-й КУПЕЦЪ.

Нѣмецкая, чудесная работа.
Какъ филограмъ хорошъ кругомъ подноса
И съ греческой поспоритъ онъ чеканью.
А Ларіонъ Васильевъ сынъ.... (*Старику.*) Здорово!

И ты пришелъ?

СТАРИКЪ.

На батюшку взглянуть.

1-й КУПЕЦЪ.

А сыновья?

СТАРИКЪ.

Да двое воротились.

1-й КУПЕЦЪ.

Ты слышалъ-ли, рязанскіе послы
Въ Москву пришли?

СТАРИКЪ.

За чѣмъ же, неизвѣстно

1-й КУПЕЦЪ.

Чтобъ принялъ ихъ подъ свой покровъ Димитрій
И пріобщилъ къ московскому княженью.

СТАРИКЪ.

Умнѣе бы Рязанцы поступили,
Когда-бъ о томъ до битвы хлопотали:
По осени не ходятъ за малиной.

1-й КУПЕЦЪ.

Вѣстимо такъ; но впрочемъ хорошо:
Рязанцы намъ напредки пригодятся;
Вѣдь не они виновны, а Кореевъ.

МИХАЙЛОВЪ, подходя.

Олега мы ни въ чемъ не обвиняемъ;
Все выдумалъ Кореевъ Эпифанъ.

СТАРИКЪ.

А ты отколь?

МИХАЙЛОВЪ.

Я изъ рязанскихъ....

Въ Рязани князь былъ истинно любимъ
И ежели къ Ягайлѣ онъ уѣхалъ;
То всѣ о немъ сердечно пожалѣемъ.

СТАРИКЪ.

Вотъ нашъ отецъ, ужъ есть чѣмъ похвалиться!
Ужъ истинно, что надъ князьями князь.
Самъ посуди, семейство онъ оставилъ,
Сражался самъ съ другими на ряду!

Вотъ какъ любить отечество намъ должно.

ГОРОЖАНИНЪ, подходя.

И Богъ его такъ очевидно спасъ!
И на главѣ его благословенной,
Такъ видимо почіетъ благодать!

СТАРИКЪ.

Ты долженъ быть, любезный, изъ ученыхъ,
Ты говоришь не нашимъ языкомъ?

ГОРОЖАНИНЪ.

Изъ школы я, учитель краснорѣчья.
Я истину вамъ чистую изрекъ,
И вновь скажу, что много я читалъ
Древнѣйшихъ книгъ, на языкѣ эллинскомъ,
О храбрости различныхъ полководцевъ
И витязяхъ въ Омировыхъ стихахъ;
О доблести читалъ и Александра,
И Цезаря, и Аннибала также;
Но всѣ они лишь славой увлекались,
А истинный къ отечеству любви,
Подобно той, которую мы видимъ
Въ Димитріи, нигдѣ не находилъ.

СТАРИКЪ.

Въ какое мы живемъ, ребята, время!
Какого намъ Господь послалъ отца,
Что даже вотъ, подобнаго ему
Ученые и въ книгахъ не находятъ!

(Толпа рязанскихъ гражданъ выходитъ.)

ОДИНЪ ИЗЪ РЯЗАНСКИХЪ.

Я говорю, не лучше-ль подождать
Въ палатахъ намъ! Здѣсь, кажется, не мѣсто.

СТАРИКЪ.

А вы отколь пожаловали къ намъ?

РЯЗАНЕЦЪ.

Рязанскіе.

СТАРИКЪ.

А! гости дорогіе!
Что поздно такъ? пораньше бы пришли.

РЯЗАНЕЦЪ.

Мы ради бы; но вѣдь не наша воля.

СТАРИКЪ.

Вѣстимо такъ, а что за молодцы!
Одинъ изъ васъ пошолъ бы на десятокъ.
Слухъ носится, вы на Окѣ стояли;
Но много ли попалось вамъ изъ нашихъ!

РЯЗАНЕЦЪ.

Ни одного, назадъ не ходятъ ваши.

СТАРИКЪ.

Охъ, горькіе вы дѣтки безъ отца!
Утѣшьтесь вы однако-жъ, я увѣренъ,
Нашъ батюшка не въ гнѣвѣ на Рязань,
И вѣрно онъ васъ приметъ благосклонно.

РЯЗАНЕЦЪ.

Кого же онъ иначе принималъ?
Намъ и теперь случилось испытать
Какую онъ имѣетъ добродѣтель;
Самъ разсуди, вѣдь точно мы виновны,
Другой бы намъ жестоко отомстилъ;
Но онъ войскамъ строжайше запретилъ,
Чтобъ проходя рязанское княженье,
Чего либо касаться, и войска
Исполнили буквально приказанье:
Туда прошли и вотъ опять оттуда,
Не тронувши ни волоса у насъ.

2-й РЯЗАНЕЦЪ.

Казнить Рязань онъ поручаетъ небу;
Но мы пришли съ повинной головой,
Виновны мы — и въ этомъ сознаемся.

СТАРИКЪ.

Съ чего же вамъ явилась эта мысль?
Кто вамъ внушилъ? Ужъ вѣрно не Кореевъ?

1-й РЯЗАНЕЦЪ.

Нѣтъ, спорилъ онъ. Когда уѣхалъ князь,
Народъ тотчасъ узналъ свое несчастье
И собралась на площади толпа;
Кореевъ тутъ явился передъ нами

И убѣждалъ не горевать о томъ,
Сказавъ, что князь воротится назадъ.
Дней шесть прошло, мы князя не видали....
Толпа опять, какъ прежде, собралась,
Кореева бранили громогласно,
Боясь грозы, онъ на площадь не вышелъ;
На этотъ разъ нашъ іерей Софроній
Явился къ намъ и слово произнесъ.
И вотъ онъ насъ уговорилъ идти,
И вотъ мы здѣсь, въ одеждѣ покаянья,
Чтобы припасть, какъ блудные сыны,
Къ отеческимъ Димитрія стопамъ.

СТАРИКЪ.

Напрасно васъ врагами называли:
Вы истинно заблудшіе сыны
И вашъ возвратъ есть праздникъ для отца. (*Входитъ Кореевъ.*)
Безъ пастыря онъ не оставитъ стада;
Коль князя нѣтъ, кому-же вами править?

2-й РЯЗАНЕЦЪ, увидя Кореева.

Ба! ты отколь?

КОРЕЕВЪ.

Изъ одного мы мѣста.

РЯЗАНЕЦЪ.

Зачѣмъ пришелъ?

КОРЕЕВЪ.

Затѣмъ? зачѣмъ и ты,
И прочіе съ тобою.

РЯЗАНЕЦЪ.

Невозможно,
Чтобъ ты желалъ съ Москвой соединиться.
Ужели мы не помнимъ тѣ слова,
Которыя намъ говорилъ въ Рязани?

КОРЕЕВЪ.

Я васъ хотѣлъ лишь только испытать;
Но съ вами въ томъ душою соглашался.

РЯЗАНЕЦЪ.

Ну, а когда сбиралось ополченье
Противъ татаръ, въ Москвѣ, во всѣхъ мѣстахъ,

Зачѣмъ-же ты у насъ иначе дѣлалъ
И говорилъ?

КОРЕЕВЪ.

Я подчиненный былъ,
Лишь въ томъ теперь и есть моя вина,
Что исполнялъ усердно приказанья.
Напрасно вы винить меня хотите,
Я чистъ и правъ передъ своимъ судомъ.

РЯЗАНЕЦЪ.

Передъ своимъ, но не судомъ другихъ:
Ты людямъ всѣмъ въ глаза не бросишь пыль.

КОРЕЕВЪ.

Я этого и дѣлать не желаю —
Вѣдь говорилъ нерѣдко я Олегу
Наединѣ, свидѣтелей тутъ нѣтъ;
Я говорилъ, что хитрость и лукавство
Не могутъ насъ въ дѣлахъ руководить,
Что нужны тутъ лишь дѣйствія прямыя,
Храненіе обѣтовъ и родства;
Что сладкое отъ ига избавленье
Не иначе мы можемъ совершить,
Какъ дружески въ одно совокупляясь.
Но дѣлать что-жъ, когда мои слова,
Какъ звукъ пустой на воздухъ улетали?
Притомъ еще, замѣтилъ я, что князь
И гнѣвался, и раздражался этимъ, —
А потому, какъ подданный его,
Невольно я повиновался власти,
Владѣтелю стараясь угождать.
Ахъ! многое скрѣпя я сердце дѣлалъ!

АНДРЕЙ, выходя изъ толпы.

Вотъ видишь-ли, я разгадалъ тебя,
Великій мужъ! — Загадка лѣтописцевъ!
Отчизны сынъ, непонятый людьми!
Изъ зависти чернимый клеветою,
Я разгадалъ....

КОРЕЕВЪ, въ смущеніи.

Откуда ты явился?

Зачѣмъ ты здѣсь?

АНДРЕЙ.

Я разгадалъ тебя!
Ты наконецъ отъ скрытности избавленъ:
Самъ разсказалъ великія дѣла;
Но вѣдь иной, пожалуй, не повѣритъ
И, что зовешь, ты долгомъ послушанья,
Ничѣмъ инымъ насмѣшникъ назоветъ,
Какъ нравственнымъ, лукавымъ святотатствомъ.

ЕПИФАНЪ, про себя.

Попался я....

АНДРЕЙ, тихо ему.

Я вижу ты смущенъ;
Но удержусь, не буду я хвалить
Такъ, какъ хвалилъ на Куликовскомъ полѣ!

СТАРИКЪ.

Вонъ, дѣтушки, толпа зашевелилась....
Не ѣдетъ-ли?

РАЗНОЩИКЪ.

И подлинно, ребята,
Пойдемъ туда поближе къ воротамъ.

СТАРИКЪ.

Я очень радъ, что я пришелъ не даромъ;
Боялся все, что можетъ не увижу;
Но, чу! кричатъ!

НАРОДЪ, за воротами.

Да здравствуетъ Димитрій!

(Во Фроловскихъ воротахъ является Димитрій верхомъ, въ латахъ и шишакѣ. Останавливаясь въ воротахъ, онъ раскланивается съ народомъ, сходитъ съ лошади и вмѣстѣ съ князьями выходитъ напередъ. Народъ между-тѣмъ кричитъ.)

Да здравствуетъ Великій Князь Московскій!
Да здравствуетъ, отецъ и благодѣтель!
Защитникъ нашъ, хранитель-ангелъ Руси!
Да наградитъ тебя Отецъ Небесный!
Съ побѣдою и славой поздравляемъ!
Да здравствуетъ, Великій Князь Димитрій!
Да здравствуетъ, князь Володиміръ храбрый!

ДИМИТРІЙ, народу.

Вновь вижу васъ, и это я свиданье
Наградою считаю Божества.
Благодарю, вы за меня молились
И этимъ вы содѣйствовали намъ.
Отсутствуя, вы вмѣстѣ съ нами были;
Всѣ наши вы дѣлили опасенья
И въ бѣдствіяхъ и нуждахъ сострадали.
Раздѣлимъ-же мы вмѣстѣ нашу радость,
И общее моленье принесемъ
Всесильному подателю побѣды.

КУПЕЦЪ, поднося блюдо.

Прими отъ насъ хлѣбъ-соль и поздравленье.

ПРОЧІЕ КУПЦЫ.

Мы, государь, пришли тебя поздравить
И вотъ тебѣ отъ общества купцевъ,
Отъ сурожанъ и прочихъ всѣхъ, поминки.
Благоволи принять.

ДИМИТРІЙ.

Благодарю.
Не дороги мнѣ вещи, но усердье;
А болѣе всего, что вашъ приносъ
Всеобщую мнѣ радость выражаетъ
И вещи тѣ, дѣйствительно, для насъ
Предметами напоминанья будутъ;
Я раздѣлю ихъ воеводамъ всѣмъ,
Чтобъ каждому мнѣ памятникъ оставить
Усердія московскихъ жителей.

1-й КУПЕЦЪ.

Мы многія купили, а другія
Искусники свершили на заказъ,
И съ надписью приличною, смотри
Вотъ напримѣръ....

(Вынимаетъ стопу.)

Димитію Донскому.

(Вынимаетъ другую.)

Вотъ храброму Владиміру.

ВЛАДИМІРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Постой;
Но почему-же я храбрѣе прочихъ?

СТАРИКЪ, ПОДХОДЯ.

Изъ скромности ты, князь, противорѣчишь;
Но ужъ народъ тебѣ названье далъ.
Прозваніе твое Владиміръ храбрый,
Какъ государь прозваніемъ Донской.
Народа гласъ есть иногда гласъ Бога,
Что-жъ дѣлать тутъ?

ДИМИТРІЙ.

Согласенъ я, старикъ:
Онъ этого прозванія достоинъ.

НАРОДЪ.

Да здравствуетъ, великій князь Димитрій!
Да здравствуетъ, князь Володиміръ храбрый!

(Кореевъ и рязанцы подходятъ.)

КОРЕЕВЪ, преклоняя колѣна.

Великій князь, тебѣ мы бьемъ челомъ
И молимся, прими подъ свой покровъ
Несчастное Рязанское княженье.

ДИМИТРІЙ.

А князь вашъ гдѣ?

КОРЕЕВЪ.

Онъ совѣстью гонимъ.

ДИМИТРІЙ.

И эту рѣчь Кореевъ мнѣ приноситъ?!

КОРЕЕВЪ, плачетъ.

Я, государь, въ Рязани и въ Москвѣ
Терплю за все невинно обвиненье;
Тогда, какъ я лишь исполнитель былъ
Того, что мнѣ приказывалъ властитель.
Усердіе....

ДИМИТРІЙ.

Я повторю слова,
Которыя сказалъ тебѣ недавно:
Что можно быть хитрѣе многихъ намъ;
Но всѣхъ хитрѣй родиться невозможно.

(Рязанцамъ.)

Вы вечеромъ сберетесь всѣ ко мнѣ,
Я буду ждать васъ въ *бережныя сѣни;*
Но чудно какъ устройство Провидѣнья:
Враги мои падутъ къ моимъ ногамъ!

КОРЕЕВЪ, низко кланяясь.

Оружіемъ Мамая побѣдивъ,
Ты побѣдилъ Рязань великодушьемъ.

КНЯЗЬ ВЛАДИМІРЪ.

Мой милый братъ, тутъ дѣти безъ отца,
Какъ сироты, усыновленья просятъ.

ДИМИТРІЙ.

Кто противъ насъ надмѣнно возстаетъ,
Ты видѣлъ самъ, мы наказать умѣемъ;
Но кто идетъ съ покорностью, того,
Увѣренъ будь, Димитрій не отвергнетъ.

СТАРОДУБСКІЙ.

Князь Ѳедоръ мнѣ, правитель городской,
Препоручилъ узнать распоряженья
На счетъ торжествъ?

ДИМИТРІЙ.

Сперва мы Богу силъ
Всѣ принесемъ благодаренье вмѣстѣ;
Для бѣдныхъ я потомъ даю обѣдъ

КНЯЗЬЯ.

Мы всѣ на тожъ готовы.

ДИМИТРІЙ.

Потомъ прошу я каждаго и всѣхъ
Къ Дѣвичьему идти монастырю,
Гдѣ воинство устроивалось къ битвѣ;
Всѣ вообще и бѣдный, и богатый,
Димитрію равно желанный гость,
Онъ всѣхъ зоветъ.

НАРОДЪ.

Да здравствуетъ, Димитрій

СМОЛЕНСКІЙ.

Вотъ наконецъ свершенъ тяжелый путь
И мы въ Москвѣ, благодаренье Богу!

ЯРОСЛАВСКІЙ.

И предковъ мы поклонимся гробамъ:

Они за насъ на небесахъ молились....

РОСТОВСКІЙ.

Намъ въ радости сочувствуютъ они —
И души ихъ ликуютъ вмѣстѣ съ нами.

КАШИНСКІЙ.

Отъ самаго исхода изъ Москвы,
Союзъ любви ничто не нарушало:

(Указывая на Димитрія.)

Онъ все связалъ, онъ узелъ этой связи.

ОБОЛЕНСКІЙ.

Едва огонь раздора возникалъ,
Великій князь тушилъ малютку искру
И, съ самаго начала до конца,
Въ пути онъ насъ руководилъ тернистомъ.

ВОЛЫНСКІЙ.

И насъ довелъ къ желанной всѣми цѣли.

КВАШНЯ.

И дружества союзъ, и нашъ успѣхъ
Димитрію Донскому надлежитъ.

КНЯЗЬ ВЛАДИМІРЪ.

Да, возвратясь на родину свою,
Любезный братъ, отъ имени князей,
Отъ имени всей Руси, мы должны
За все тебя благодарить сердечно:
Источникомъ Димитрій намъ служилъ
И наконецъ, всему вѣнецъ — Димитрій.

(Обращаясь къ народу.)

Да здравствуетъ!

НАРОДЪ.

Да здравствуетъ, Димитрій!

ДИМИТРІЙ.

Безъ васъ, друзья, сподвижники и братья,
Вашъ вождь не могъ свой подвигъ совершить,
И славу, честь побѣды знаменитой
Все раздѣлить обязанъ съ вами я.
И здѣсь въ Москвѣ, въ срединѣ, въ сердцѣ Руси,
Вновь повторить я долженъ благодарность
Россіи всей сотрудникамъ моимъ.
Грядущее за нами поколѣнье
Димитрія, конечно, не забудетъ;

Ленинградская Театральная
БИБЛИОТЕКА
имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

Но вмѣстѣ съ тѣмъ и васъ, моихъ друзей,
Безсмертіе въ потомствѣ ожидаетъ.

(Послѣ нѣкотораго молчанія.)

Отъ самыхъ мѣстъ, гдѣ грянулъ бой кровавый,
Ликуетъ градъ, и весь, и вся земля —
И мы прошли торжественно, со славой
До самыхъ стѣнъ московскаго Кремля.
Вездѣ хвала, восторги, ликованья,
На встрѣчу мнѣ народные неслись;
Ужасное для сердца испытанье,
Ему одно твержу: не возгордись!
Побѣда та не плодъ земной юдоли,
Принадлежитъ она Царей-Царю,
Орудіемъ я былъ всемощной воли, —
И за успѣхъ Его благодарю.

(Становится на колѣна.)

Глубокихъ ранъ отрадою цѣлебной
Намъ послужилъ священный этотъ бой,
И пѣснію признательность хвалебной
Всевѣдущій гремитъ передъ тобой!
Не мнѣ, не мнѣ побѣды той чудесной,
Народами сплетаемый вѣнецъ;
Свершителемъ я воли былъ Небесной
Тебѣ хвала и ѳиміамъ сердецъ.
Благослови плоды минувшей брани,
Испепели раздоровъ сѣмяна
И, силою твоей всемощной длани,
Соедини Россіи племена.
Владѣтелямъ грядущимъ поколѣній,
Ты повели исполнить мой завѣтъ;
Димитрія достичь предположеній,
Избавить Русь отъ настоящихъ бѣдъ.
Да осѣнить покровъ Твой чудотворный
Отечество мое, Господь и Богъ,
И да паритъ, дочь вѣры благотворной,
Признательность, въ божественный чертогъ!
Хвала тебѣ, о Боже всемогущій!

=

II.

ОТДѢЛЪ ПОВѢСТВОВАТЕЛЬНЫЙ.

=

КРАСНАЯ ФЕСКА.

=

ПОВѢСТЬ.

=

До пріобрѣтенія Россіею сѣверовосточныхъ береговъ Чернаго моря — берега эти находились во владѣніи, или-лучше сказать, подъ покровительствомъ Порты.... Только крѣпости и замки, построенные на прибрежныхъ скалахъ, составляли собственность Турціи, которая не имѣла никакого положительнаго вліянія на жителей горъ и никакой власти надъ ними, особенно надъ адигами и абхазами. Для наказанія своеволія и дерзости этихъ послѣднихъ — начальники турецкихъ гарнизоновъ не смѣли посылать въ горы малые отряды, не имѣя въ распоряженіи большихъ, а для набора войскъ изъ горцевъ или для снисканія ихъ дружбы— должны были дѣйствовать деньгами и подарками, что вмѣстѣ съ поправками укрѣпленій и съ содержаніемъ гарнизоновъ составляло значительную сумму издержекъ для Оттоманской Порты. Очевидно, что эти пожертвованія, не приносившія ей никакой матеріальной пользы, стремились къ распространенію магометанства въ горахъ, къ способамъ про-

тивудѣйствовать власти русскихъ на Кавказѣ и, наконецъ, къ торговлѣ плѣнными, — къ торговлѣ, которая сдѣлалась для турокъ необходимою по образу ихъ жизни.... Въ то время, до благодѣтельнаго вліянія Россіи на Кавказъ, его аулы, селенія и горныя тропинки представляли страшную картину варварства и грабежей.... Матери продавали дѣтей, братья сестеръ.... Цѣлыми толпами хищники вторгались въ Грузію, Мингрелію и Имеретію ; жгли аулы, рѣзали старыхъ и забирали молодыхъ, сбывая ихъ персамъ и туркамъ въ мѣстечкѣ Эндери, Аксаевской области, откуда цѣлые караваны несчастныхъ жертвъ отвратительной торговли и хищничества тянулись на рынки Анапы, Кодоса, Сухума, Поти и Батума.

Въ 1791 году, когда распространился на береговой линіи слухъ о приближеніи русскихъ войскъ къ Анапѣ, гдѣ былъ главный сбытъ ясырей, — турецкія кочермы, съ грузомъ пороху, оружія, суконъ и шелку, стали плавать только къ сѣвернымъ берегамъ — между Геленджикомъ и Сухумомъ, особенно при впаденіи рѣчекъ, пробѣгающихъ равнины и балки не въ дальнемъ разстояніи отъ перваго.... Дорога, однажды проложенная караванами въ Анапу, представляла тутъ болѣе удобства для схода съ горныхъ тропинокъ къ морю. Вся суета, вся торговая жизнь перешла тогда изъ Анапы къ Геленджикской бухтѣ. Съ первою весною караваны скрипучихъ арбъ, палатки и временныя лавки покрыли берегъ ; горцы всѣхъ племенъ, вмѣстѣ съ правовѣрными, наполнили гостепріимныя сакли прибрежныхъ шапсуговъ.... Но скоро груды золота, толпы красивыхъ плѣнницъ, богатства, привозимыя изъ-за моря — все это вызвало природную жажду къ грабежу и алчность черкесовъ, лишенныхъ средствъ брать съ ножа добычу въ горахъ или въ дальней Мингреліи. Не прошло и двухъ недѣль, какъ начались морскіе грабежи въ виду береговъ. Темною ночью шапсуги кидались въ легкія лодки, ждали на веслахъ оплошныхъ купцовъ, отчаянно бросались на бортъ судна и въ нѣсколько минутъ грузъ переходилъ на лодки хищниковъ, а кочерма съ владѣльцами отправлялась ко дну.... Купцы взялись за оружіе, встрѣчая силу силою ; гарнизонъ укрѣпленія, въ минуту схватки на морѣ, разсыпался по берегу, устроивалъ засады и хищники съ добычею нерѣдко попадались въ ловушку. Казалось, эти попытки къ морскому грабежу и должны были кончиться однѣми попытками, — если-бы

вдругъ не появился врагъ болѣе сильный, опытный, смѣлый и отважный, который навелъ страхъ и ужасъ на всѣхъ промышленниковъ. Никто не могъ сказать: кто онъ и откуда. Его смѣлость, отчаянная удаль и удача, которыя сопровождали каждый поискъ пирата, изумляли всѣхъ; казалось какой-то злой духъ распоряжалъ всѣми его дѣйствіями. Если купеческая кочерма рѣшалась одна выдти изъ Трапезонда въ море, то она непремѣнно гибла на половинѣ перевала; съ нею пропадали грузъ и люди.... Если купцы пускались цѣлою флотиліею, при конвоѣ, — то замѣчали нѣсколько дней сряду преслѣдующую ихъ издали щегольскую шкуну, прекрасно вооруженную.... И едва только берегъ Абхазіи обозначался на горизонтѣ далекою туманною лентою, какъ шкуна быстро оставляла за собою купцовъ, а чрезъ нѣсколько часовъ толпы любопытныхъ появлялись на стѣнахъ укрѣпленія, слѣдя глазами за легкимъ, какъ чайка, судномъ, которое ложилось въ дрейфъ, едва не подъ пушками Гилинджика, или пройдя его траверзъ, выкидывало на кормѣ черный вымпелъ.... За тѣмъ громкій раскатъ выстрѣла, разсыпавшись въ скалахъ далекимъ эхомъ, служилъ отвѣтнымъ сигналомъ на сигналъ шкуны. — Ночью, таинственное судно можно было узнать по двумъ фонарямъ, мелькавшимъ по концамъ его марса-реи.... Едва только эти яркія точки огня вспыхивали на морѣ, какъ на скалистой вершинѣ Кюэфеза загорался яркій свѣтъ кроваваго пламени и, спустя нѣсколько часовъ, легкія лодки пиратовъ быстро неслись въ открытое море — на встрѣчу купцамъ — изъ мелкихъ береговъ рѣчекъ: Пшады, Тугопси, Вулана и Джубуа.... Какъ стадо испуганныхъ утокъ, кочермы разсыпались въ морѣ, уходя подъ парусомъ и веслами на отмели, или, застигнутыя далеко отъ берега, тѣсно соединялись и громкимъ воплемъ и картечью встрѣчали отчаянныхъ враговъ.... Лодки пиратовъ, не смотря на губительный огонь купцовъ — смѣло, дружно и быстро неслись на нихъ.... «Сдайся!» всегда былъ слышенъ окликъ съ передовой лодки и вслѣдъ за тѣмъ суда пиратовъ, одѣвшись яркою лентою ружейнаго огня, сцѣплялись съ кочермами. Въ минуту отчаянной и страшной схватки, передовая лодка являлась вездѣ, гдѣ только слабѣла горсть смѣлыхъ хищниковъ.... Довольно было одного появленія на ней молодаго грека въ красной фескѣ, чтобы привести въ ужасъ купцовъ и ободрить пиратовъ.... Красная Феска, являлся всюду, былъ невредимъ подъ пулями и ятаганами

турокъ.... Если съ берега гарнизонъ спѣшилъ на помощь друзьямъ, шкуна тотчасъ-же являлась ему на встрѣчу и залпомъ цѣлаго борта топила его ветхіе барказы.... Напрасно ждали на берегу хищниковъ — шкуна принимала ихъ на палубу, потомъ подымала по бортамъ лодки и исчезала въ море....

Не было никакого сомнѣнія, что Красная Феска скрывается въ скалахъ Кюэфеза и что приморскіе шапсуги помогаютъ ему припрятывая до сигнала лодки въ камышахъ рѣкъ и въ надрѣчныхъ землянкахъ, — но допытаться истины отъ пойманнаго на дѣлѣ шапсуга или узнать что-нибудь о Красной Фескѣ и его сообщникахъ — было невозможно. Въ тайныхъ и страшныхъ пыткахъ допрашиваемый Кара-Мустафою, геленджикскимъ комендантомъ, — хищникъ умиралъ безъ стона и вопля, не вымолвивъ ни одного слова.... Сотни наемныхъ и тайныхъ убійцъ были подсылаемы комендантомъ къ кюэфезскому тигру, но смѣльчаки уже не возвращались назадъ.... Красная Феска зналъ каждое распоряженіе Кара-Мустафы, каждый его замыселъ, и какъ-бы смѣясь надъ его безсиліемъ, чрезъ полтора мѣсяца послѣ своего появленія, ввиду береговъ, ограбилъ и сжегъ четыре кочермы, принадлежавшія самому коменданту.... Но съ этого дня недѣли на двѣ прекратились разбои страшнаго пирата. Говорили, что онъ убитъ при абордажѣ въ послѣднемъ дѣлѣ.... И черный флагъ таинственной шкуны только однажды, въ эти двѣ недѣли, мелькнулъ на морѣ, не получивъ съ Кюэфеза отвѣтнаго сигнала.

—

Въ первыхъ числахъ іюня въ Гелинджикѣ было получено офиціальное извѣстіе, что сильный отрядъ русскихъ, подъ начальствомъ графа Гудовича, переправился у прочнаго окопа и, чрезъ нѣсколько дней, явится подъ стѣнами Анапы. Это обстоятельство сильно встревожило стараго коменданта, не потому, что на немъ лежала обязанность приготовиться къ защитѣ укрѣпленія.... Нѣтъ! Кара-Мустафа спалъ и видѣлъ, что не сегодня — завтра его позовутъ въ Константинополь, тѣмъ болѣе, что онъ не могъ оставаться начальникомъ крѣпости.... Шапсуги, не любя стараго шакала, какъ они называли его, отказались-бы при немъ обнажить кинжалъ, или разрядить винтовку въ защиту укрѣпленія.... Старикъ былъ почти радъ своей смѣнѣ, но мысль о Красной Фескѣ сосала его сердце. Онъ не былъ убѣжденъ въ гибели пирата,

и оставляя Геленджикъ страшился за свои сокровища, которыя, въ его глазахъ, могли быть ограблены ужаснымъ врагомъ.... Кромѣ того другая еще бѣда лежала на душѣ Кара-Мустафы. Анапскій паша подозрѣвалъ его въ связяхъ съ Красною Феской — и только развѣ смерть этого пирата могла оправдать сколько-нибудь старика.

День былъ чрезвычайно жаркій. Въ крѣпости нельзя было встрѣтить ни одной живой души, кромѣ часовыхъ, лѣниво расхаживавшихъ на валу и съ завистью посматривавшихъ на закрытыя ставни саклей, за которыми, въ пріятной прохладѣ, кейфовали ихъ товарищи.... Не смотря однакоже на сильный зной, пестрая шелковая шапочка коменданта не однажды мелькнула въ окнѣ, — при чемъ маленькіе глаза его, палимые солнцемъ, съ какимъ-то выраженіемъ нетерпѣнія и досады устремлялись каждый разъ къ западнымъ воротамъ укрѣпленія...

— Какъ сквозь землю провалился, нечестивый жидъ! — прошепталъ наконецъ Кара-Мустафа, громко захлопнувъ рѣшетчатую ставню окна.... Нахмуривъ брови, старый комендантъ сдѣлалъ нѣсколько лѣнивыхъ шаговъ по диванной, убранной роскошными коврами и богатымъ оружіемъ, принялъ трубку отъ маленькаго негра и растянулся на коврѣ.... Пріятный полумракъ комнаты, освѣщенной розовымъ стекляннымъ шаромъ, въ которомъ горѣло благовонное масло; журчанье маленькаго марморнаго фонтана, помѣщеннаго въ срединѣ комнаты; неподвижная фигура арабченка съ бѣлыми оскаленными зубами — все это навѣяло дремоту на стараго Кара-Мустафу; дыханіе его сдѣлалось ровно и легко; струя табачнаго дыма чуть-чуть пробѣгала голубенькой ниткой въ сѣдыхъ усахъ его и наконецъ жасминный чубукъ упалъ на згибъ руки коменданта — онъ задремалъ окончательно... Мальчикъ готовъ былъ уже послѣдовать соблазнительному примѣру господина, какъ чьи-то легкіе и осторожные шаги въ сосѣдней комнатѣ, заставили его сильно вздрогнуть. Онъ боязливо осмотрѣлся кругомъ, потомъ приподнявъ коверъ, заглянулъ въ отверзтіе и кивнувъ кому-то курчавою головою, сдѣлалъ быстрое движеніе къ коменданту.

— Ага! — сказалъ нерѣшительно негръ. Кара-Мустафа устремилъ на него полуоткрытые глаза свои, медленно приподнялся и подбросилъ на огонь еще не совсѣмъ потухшей трубки смолистую лепешечку.

— Ну, что тебѣ? — спросилъ онъ.

— Мейсе.... проситъ....

— Мейсе пришелъ !—вскричалъ старикъ, глаза его сверкнули минутнымъ удовольствіемъ ; быстрымъ движеніемъ руки онъ указалъ на входъ въ диванную, какъ-бы говоря этимъ : сюда !

Чрезъ минуту худой, блѣдный и оборванный еврей Мейсе почтительно подошелъ къ старому турку и, съ благоговѣніемъ поцѣловавъ мишурную кисточку его куртки, отступилъ на нѣсколько шаговъ съ ковра.

— Гдѣ ты пропадалъ такъ долго, нечестивый ? — Жидъ поклонился и еще сдѣлалъ шагъ назадъ....

— Ну, что-же ты узналъ?... Говори....

— Узналъ, великодушный ага.... узналъ... живъ.... совершенно живъ....

— Живъ ! предатель ! Какъ - же ты говорилъ , что онъ убитъ !... А ! знаешь-ли ты, стриженая лисица, что если-бы я тебѣ повѣрилъ, да выслалъ-бы свои кочермы въ море.... Да я тебѣ языкъ отрѣжу ! распилить тебя велю.... Понимаешь, понимаешь-ли ты....

— Понимаю, великодушный ага, очень понимаю... вы такъ хорошо говорите !—отвѣчалъ жидъ, измѣнившись въ лицѣ.— Но благородный, великодушный ага, солнце глазъ моихъ.... ты, напрасно разсыпаешь жемчугъ рѣчей твоихъ для меня, недостойнаго пса.... Я не виноватъ. Первую вѣсть, которую я тебѣ принесъ о смерти Красной Фески, мнѣ удалось подслушать въ духанѣ на берегу Инога — отъ проѣзжаго шапсуга, котораго я часто встрѣчалъ на скалахъ Кюэфеза — и увѣренъ, что онъ слуга пирата. Стало-быть, благородный ага, и сообщники-то его не знали, живъ онъ или убитъ.... Наконецъ я нѣсколько разъ, въ послѣднее время, являлся на Кюэфезъ, какъ будто-бы съ вѣстями о разныхъ разностяхъ; самъ знаешь, меня допускаютъ туда, думая, что я имъ служу, а не тебѣ, благородный ага. Ну, и каждый разъ, какъ только покажусь у колодца, сію минуту, разумѣется, сотня винтовокъ заблеститъ на скалахъ и въ пещерахъ.... Скажу свое имя, а мнѣ въ отвѣтъ : провались ты, нечестивый, капитана нѣтъ !...

— Такъ онъ живъ !... Не убитъ !—повторилъ Кара-Мустафа въ раздумьи и какъ-бы говоря самъ съ собою.

— Живъ, — отозвался Мейсе, — но только опасно боленъ.... онъ получилъ три раны въ послѣднемъ дѣлѣ....

— Три раны — и живъ! — Но гдѣ-же онъ теперь, если нѣтъ его на Кюэфезѣ?

— И это мы знаемъ, благородный ага....

— Знаешь!... Гдѣ-же.... гдѣ?... Да говори, скорѣе!

— Онъ въ твоихъ рукахъ....

— Что ты врешь тамъ, дуракъ!....

Жидъ поклонился.

— Да, — продолжалъ онъ въ полголоса и боязливо озираясь, — его можно схватить.... и....

— Какъ.... схватить, Мейсе! — При этомъ Кара-Мустафа въ одинъ прыжокъ всталъ подлѣ еврея. — За каждое радостное слово по червонцу.... ну, говори.... нетерпѣливо добавилъ комендантъ.

— Красная Феска верстахъ въ двадцати отсюда.... у шапсуга Тучи, который лечитъ его.... Кажется, девять червонцевъ, благородный ага, съ низкимъ поклономъ добавилъ еврей....

— Въ двадцати верстахъ! въ саклѣ этаго стараго волка.... одинъ.... безъ людей! Но вѣрно-ли это, Мейсе?

— Вѣрно.... два часа назадъ, какъ я видѣлъ пирата у окна его сакли.... и не теряя ни одной минуты, бросился сюда.... загналъ даже лошадь.... пятьдесятъ абазовъ стоила.... жеребчикъ, благородный ага, сильный такой былъ....

Кара-Мустафа нетерпѣливо махнулъ рукою, прерывая жалобы еврея — и обратился къ негру:

— Гуссейнъ! — сказалъ онъ, — позови ко мнѣ скорѣе арнаута....

Негръ почтительно поклонился, положилъ на сердце руку и вышелъ.

— О, Кицо самъ травленный звѣрь и вѣрно не выпуститъ изъ рукъ морской чайки.... продолжалъ Кара-Мустафа, не скрывая своего удовольствія; — моего арнаута не купишъ, да и одинъ на одинъ — хоть будь въ самомъ дѣлѣ очарованъ — отъ него не отдѣлаешься.... Нѣтъ!... Знаешь-ли, Мейсе, что если мы заарканимъ этого звѣря — я могу вызолотить тогда твои зюльфы, ротъ и карманы набить серебромъ.... мы-бы его въ пытку.... сказалъ-бы, гдѣ его сокровище!... Да!... Придумай, жидъ, придумай самую страшную пытку.... ну!...

Мейсе двусмысленно улыбнулся и, опустивъ глаза, началъ ощипывать шерсть своей кабардинки.

— Самую жестокую и невыносимую! — повторилъ старикъ, сверкая раскаленными глазами.

— Пхе!... Я придумаю.... продолжалъ онъ, не ожидая отвѣта Мейсе — я допытаю, гдѣ спрятанъ грузъ и съ моихъ судовъ.... Я вытяну изъ него жизнь вмѣстѣ съ жилами и тогда смѣло отправлю мои кочермы въ море.... безъ него эти глупые телята шапсуги не посмѣютъ напасть на мой конвой.... На страхъ имъ, я вздерну красную феску на стѣнахъ укрѣпленія....

— Но, благородный ага, рѣшился замѣтить Мейсе.... Незабывайте, что кромѣ Красной Фески — остается еще другой звѣрь — его лейтенантъ Яни.

— Яни! Яни — подлецъ и трусъ; онъ страшенъ только подлѣ этой отчаянной головы.... я зналъ его еще въ Мореи, когда былъ простымъ солдатомъ.... Онъ будетъ очень доволенъ, если мы поймаемъ и удавимъ пирата.... Все, что можно ограбить на Кюэфезѣ — Яни непремѣнно ограбитъ и сегодня-же ночью его не будетъ въ горахъ.... А! ты уже здѣсь, мой храбрый Кицо,—продолжалъ старикъ, замѣтивъ неподвижную фигуру сѣдаго арнаута, стоявшаго при входѣ въ диванную.

— Здѣсь, Бимъ-Баши.... ты звалъ меня?—отвѣчалъ арнаутъ, сдвинувъ густыя брови надъ черными глазами, выражавшими холодную покорность.

— Звалъ, дорогой мой Кицо, — продолжалъ комендантъ, ласково опустивъ руку на плечо арнаута. — Тебѣ предстоитъ случай свершить сегодня славное дѣло.... Ты арестуешъ безъ выстрѣла и бою — Красную Феску....

— Безъ выстрѣла? — повторилъ Кицо. Блѣдное лицо его подернулось судорожною улыбкою, черные глаза выразили насмѣшку и удивленіе. — Какъ-же это возможно, благородный Бимъ-Баши? — спросилъ онъ, принимая прежнюю суровую холодность, которая только въ важныхъ и неожиданныхъ случаяхъ жизни измѣняла ему.

— Не удивляйся, храбрый Кицо, если я скажу тебѣ, что пиратъ — въ двадцати верстахъ отсюда....

— Да.... жилъ, ровно двѣ недѣли, до настоящей минуты — въ саклѣ Тучи.... знаю Бимъ-Баши.

— Какъ — жилъ!... говорятъ тебѣ—живетъ.... одинъ.... безъ сообщниковъ.... больной....

Кицо кивнулъ головою и презрительно улыбнулся.

— Его тамъ нѣтъ теперь, — сказалъ онъ.

— Тамъ! Мейсе два часа назадъ видѣлъ его въ окнѣ шапсуговой сакли....

— А часъ назадъ, какъ онъ уѣхалъ въ горы.... Я самъ видѣлъ, какъ онъ вмѣстѣ съ Яни подымался на Кэюфезъ — отвѣчалъ арнаутъ. — Удивительно, какъ ты не дальновиденъ, — благородный Бимъ-Баши, продолжалъ онъ; пожавъ плечами;—могъ-ли этотъ презрѣнный жидъ узнать что-нибудь и увидать Красную Феску, прежде того, какъ его пристанище ни для кого уже не было тайною?... И неуже-ли ты могъ думать, что пирата, какъ подстрѣленнаго фазана, можно взять за голову и бросить въ мѣшокъ!... Я зналъ за два дня до настоящей минуты о томъ, что Красная Феска въ гостяхъ у Тучи....

— Зналъ! — вскричалъ Кара-Мустафа, — и.... чортъ возьми, Кицо, это похоже на измѣну!

Арнаутъ нахмурилъ брови и, не скрывая досады, брякнулъ колечкомъ ятагана.

— Да.... только похоже.... только, Бимъ-Баши,—сказалъ Кицо — я вижу — ты хочешь упрекнуть меня, за чѣмъ я не воспользовался случаемъ.... Но, извини.... я знаю Красную Феску и его пріятелей лучше тебя.... Повѣрь, что съ сотнею удальцовъ изъ нашего гарнизона я не дошелъ бы и до сакли шапсуга.... повѣрь: пятьсотъ мѣткихъ винтовокъ стерегли ее за камнями и въ оврагахъ....

Кара-Мустафа въ отчаяніи и досадѣ мялъ свои руки, бросая гнѣвные взгляды на жалкаго Мейсе. — Кицо продолжалъ:

— Раненнымъ пиратъ никогда не былъ, потому-что въ дѣлѣ двадцать кинжаловъ готовы заслонить грудь его, закованную въ стальную кольчугу.... а если хочешь знать истину, такъ я тебѣ разскажу ее.... Красной Фескѣ приглянулась красавица Сасабеда, дочь Тучи.... Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ могъ-бы взять ее съ ножа.... но пиратъ только разбойникъ съ купцами.... онъ, какъ кажется, думалъ вызвать расположеніе дѣвушки.... и на другой день послѣ того, какъ онъ сжегъ твои кочермы — его почти полумертваго внесли въ саклю старика, выдавая за абазинскаго князя, который поднятъ въ пропасти.... Все это была только одна выдумка и пиратъ отгостилъ двѣ недѣли у Тучи....

— Ну, что-же дѣвчонка?—нетерпѣливо вскричалъ Кара-Мустафа....

— Да, кажется.... ничего.... Думаю, что въ этомъ дѣлѣ Красную Феску оставила удача....

Лицо коменданта прояснилось, какая-то счастливая мысль исказила его удовольствіемъ.

— Чудесно, мой храбрый Кицо.... Пророкъ видитъ, какъ это хорошо.... У.... какая счастливая мысль.... Феска или будетъ въ нашихъ рукахъ.... или.... Да, да! Чрезъ два дня не будетъ этого дьявола.... Увидимъ !... Возьми десятка два молодцовъ и что-бы къ вечеру шапсугъ съ дѣтьми и женой былъ здѣсь.... въ цѣпяхъ.... Незабудь дѣвченки.... Этотъ звѣрь долженъ знать своего гостя....

— Не думаю, Бимъ Баши....

— Все равно.... тамъ увидимъ.... Иди....

Арнаутъ поклонился и вышелъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ отрядъ турецкихъ наѣздниковъ ускоренною рысью пронесся мимо оконъ Кара-Мустафы.

—

II.

Если-бы во время, описываемое нами, какой-нибудь чародѣй, владѣя шапкою невидимкою, могъ невредимо пробраться подъ мѣткими винтовками сторожевыхъ пиратовъ внутрь скалъ Кюэфеза, то удивленіе его было-бы неописанно при взглядѣ на мрачныя пещеры, обращенныя въ роскошныя комнаты.... Сотни веревочныхъ лѣстницъ, перевитыхъ сукномъ какъ паутина, раскидывались на этихъ скалахъ, исчезая и подымаясь по одному свистку.... Прекрасные портики, завѣшанные богатыми коврами и повисшіе надъ бездонною пропастью, служили порогомъ этихъ пещеръ.... Въ нихъ слышались—то веселая пѣсня шапсуга, то звонъ серебрянаго кувшина или дребезжанье грузинской зурны.... Въ одной только изъ обширныхъ пещеръ, обращенной къ восточной дорогѣ, пролегавшей отъ устья Афипса къ истоку Иналя, царствовало глубокое молчаніе.... Слабый свѣтъ цвѣтнаго фонаря, опущеннаго на половину высоты пещеры, бросалъ фантастическія тѣни на мягкіе диваны и богатое оружіе, развѣшанное по стѣнамъ замысловатыми арматурами.... Въ углу, опустивъ на руку блѣдное, выразительное лицо, оттѣненное шелковою кистью красной фески и черными кудрями, разсыпанными изъ подъ нея по плечамъ бархатнаго кафтанчи-

ка, щегольски убраннаго серебрянными пуговицами — помѣщался страшный пиратъ Геленджикской бухты.... У ногъ его, на сложенномъ подушкою коврѣ, полулежалъ Яни....

При взглядѣ на нихъ, перваго можно было принять за изнѣженнаго итальянца, втораго за отчаяннаго разбойника.... Рябое, отмѣченное глубокими шрамами, лицо Яни выражало все его звѣрство, въ то время, какъ въ мрачномъ его взглядѣ, старавшемся, по видимому, казаться только повелительнымъ и грознымъ, просвѣчивались хитрость и коварство.. Лицо это еще болѣе увеличивало свою непривлекательность, поставленное рядомъ съ прекраснымъ лицомъ пирата, черные глаза котораго выражали какую-то нѣгу и постоянную думу.

— И ты задумался, мой добрый Яни?—сказалъ наконецъ Красная Феска, прерывая долгое молчаніе.

— Да Марко.... и мнѣ грустно....

— Тебѣ? — Марко подозрительно взглянулъ на товарища. — Тебѣ отчего? — спросилъ онъ.

— Ты знаешъ — отвѣчалъ онъ — я вижу твоей душою, думаю твоей думою.... Грустно тебѣ — грустно и мнѣ....

Марко, молча, пожалъ руку Яни.

— Да.... продолжалъ онъ, съ глубокимъ вздохомъ—попытка моя была напрасна.... Ни одного ласковаго взгляда.... ни одной улыбки.... ни одного слова привѣта — не подарила мнѣ Сасабеда въ эти двѣ недѣли.... Странная дѣвушка!... или она принимала меня за бѣднаго нищаго абхазскихъ скалъ....

— А если-бы она знала, Марко, кто ты?...

— О, тогда она полюбила-бы меня за мою отчаянную удаль.... за мою страшную славу.... Горянкамъ больше нравятся лица, истерзанныя кинжаломъ.... И мнѣ, право, кажется, Яни, что она была съ тобой болѣе ласкова, когда ты пріѣзжалъ навѣщать меня....

Яни самодовольно улыбнулся.... Худо скрываемая радость на минуту вспыхнула въ глазахъ его. Онъ отвернулся, чтобы скрыть минутный восторгъ свой.

— Но,—продолжалъ Марко, — она будетъ моею.... это надо кончить....

Яни сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.... Рука его невольно упала на кинжалъ, но глаза не обнаружили никакой тайной мысли....

— Сегодня я пошлю калымъ Тучи и мою феску, ска-

залъ рѣшительно Марко — надо кончить.... Здѣсь намъ дѣлать больше нечего.... возьмемъ послѣднія кочермы стараго Кара Мустафы и въ Архипелагъ.... Если Бугуръ-Кале * падетъ, Гелекджикскій и Суджуккальскій гарнизоны разбѣгутся въ горы.... да и самъ знаешь.... не жажда грабежа вызвала меня сюда.... Нѣтъ.... месть къ невѣрнымъ, истерзавшимъ въ Морен мать и отца моихъ! — Послѣднія слова грека повидимому, воскресили тяжелыя воспоминанія въ его сердцѣ,— голова его снова упала на руку.... онъ задумался.

Другія мысли волновали кровь и душу Яни. Глаза его безпокойно блуждали кругомъ, изрѣдка останавливаясь на блѣдномъ лицѣ Марко съ выраженіемъ злобы и какой-то звѣрской рѣшимости.... Кто-бы могъ подумать, что эта желѣзная душа, окрѣпшая съ младенчества въ убійствѣ и развратѣ, также любила страстно и горячо, какъ сердце Марко.... Яни, очарованный разсказами Красной Фески о красотѣ Сасабеды, увидѣвъ ее, былъ пораженъ и уничтоженъ.... Подъ видомъ сторожа, хранившаго своего капитана — онъ дни и ночи проводилъ или въ саклѣ Тучи, или въ оврагахъ, окружавшихъ ее, и не спускалъ глазъ съ бѣлой чадры, скрывавшей очаровательную головку горянки.... Теперь, встрѣтивъ сильнаго соперника, готоваго вырвать изъ жадныхъ когтей его голубку,— онъ неистовствовалъ въ душѣ; проклиналъ и дружбу къ Марко и узы, связывавшія ихъ.... Ослѣпляемый первою страстію, которая вспыхнула въ душѣ его, онъ зналъ только одну дорогу къ достиженію своихъ цѣлей — пулю и кинжалъ,— готовъ былъ и теперь на злодѣйство.... Стоило только одну искру бросить въ его душу и она вспыхнула-бы, какъ порохъ.... Мысль убить Марко уже гнѣздилась въ душѣ его, но еще чувство прежней привязанности къ молодому капитану связывало нѣсколько руки убійцы, напоминая ему, что Марко былъ не однажды его спасителемъ.. .

— Слышишь-ли, Яни.... сказалъ очнувшійся Марко, — свистокъ.... что это значитъ ?...

— Увидимъ!... мрачно отвѣчалъ Яни.

Въ самомъ дѣлѣ — свистъ повторился нѣсколько разъ на скалахъ и въ пропастяхъ и въ слѣдъ за тѣмъ въ пещеру Марко вбѣжалъ шапсугъ.

— Что тамъ?... спросилъ Яни.

* Такъ называлась Анапа, находясь во владѣніи турокъ.

— Еврей Мейсе проситъ позволенія видѣть капитана и передать ему важную вѣсть!— отвѣчалъ шапсугъ.

— Завязать ему глаза,—отвѣчалъ Марко, — и провести ко мнѣ лѣстницею, изсѣченною въ скалахъ....

Шапсугъ поклонился, прыгнулъ за порогъ и слышно было, какъ веревка, брошенная надъ пропастью, завизжала въ рукахъ его...

— Зачѣмъ-бы явился этотъ предатель? — сказалъ Яни.

— Ну, этотъ предатель не опасенъ; замѣтилъ Марко,— знаю, что онъ служитъ и мнѣ и коменданту.... однако я не разъ пользовался его пронырствомъ....

Въ это время коверъ, завѣшивавшій правую сторону, съ шумомъ распахнулся на серебряныхъ кольцахъ — и тотъ-же шапсугъ ввелъ Мейсе.... По знаку Марко, повязка была снята съ глазъ еврея.

— Здравствуй Мейсе.... Что скажешь?—ласково спросилъ капитанъ.

— Новость, храбрый капитанъ, гадкую новость....

— Говори....

— По приказанію коменданта — взяты старикъ Тучи, дочь его — и два сына, какъ твои сообщики.... Ихъ сію минуту въ цѣпяхъ привезъ Кицо въ Геледжикъ....

Марко и Яни, какъ пораженные, поднялись съ своихъ мѣстъ.

— Какъ онъ смѣлъ? — вскричалъ Марко.

— И шапсуги не разорвали этого Кицо съ его жирными солдатами? — подхватилъ Яни.

— Загяй.... — продолжалъ онъ, обращаясь къ шапсугу и трепеща отъ досады,— бросить въ подвальную пещеру на два дни сторожевыхъ, которые видѣли отрядъ Кицо и не донесли мнѣ.... не давать имъ ни пить, ни ѣсть!...

— Но кто же сказалъ коменданту, что я жилъ у Тучи? — спросилъ Марко.

— Я, великодушный и храбрый капитанъ, я сказалъ уже тогда, какъ тебя тамъ не было.... и для того, чтобы доказать ему свою мнимую преданность....

— Да.... все ровно,—подхватилъ Яни,—и безъ этого предателя комендантъ узналъ-бы.... Кицо нѣсколько разъ видѣлъ тебя у окна сакли Тучи, когда онъ проѣзжалъ мимо....

— Но какъ это могло случиться?—съ упрекомъ спросилъ Марко.

— Я не велѣлъ стрѣлять по немъ, отвѣчалъ Яни — счадя

его потому, что онъ грекъ и потому что одинъ не опасенъ....— отвѣчалъ Яни;— но теперь.... покажись только!... Марко, я прикажу ударить тревогу.... къ ружью всѣхъ.... мы выручимъ старика и его дочь....

— Безумецъ! ты забылъ, что на валахъ укрѣпленія есть пушки.... попробуемъ сперва выручить безъ шуму.... предложимъ выкупъ.... или — погоди....

Марко взялъ лоскутъ бумаги, карандашъ и, написавъ нѣсколько строкъ, подалъ записку шапсугу.

— Чтобы чрезъ часъ записка была въ укрѣпленіи.... сказалъ онъ, — ступайте!

Жидъ и шапсугъ оставили встревоженныхъ пиратовъ.

—

III.

Было уже довольно поздно, когда скованныхъ шапсуговъ ввели къ коменданту.... Грознымъ взглядомъ встрѣтилъ Кара-Мустафа своихъ плѣнниковъ, приказавъ удалиться стражѣ и отвести дѣвушку въ дальнія комнаты.

— Кара-Мустафа,— сказалъ старый Тучи, гордо приподнявъ голову;—кто далъ тебѣ право ковать въ желѣзо горцевъ?...

— Молчи.... и жди, когда будутъ говорить съ тобою, старый волкъ.... — отвѣчалъ Кара-Мустафа.

Тучи горько улыбнулся, тряхнулъ звонкою цѣпью и грустно посмотрѣлъ на дѣтей.

— Ну,—продолжалъ комендантъ, — кто изъ васъ троихъ возметься довести мой секретный отрядъ въ скалы Кюэзефа, къ вашему другу — Красной Фескѣ.

— Странный вопросъ....—отвѣчалъ старый горецъ;— мы не друзья пирата и не бывали у него въ гостяхъ.

— Не друзья!—вскричалъ Кара-Мустафа,—а кому-же можно довѣриться, какъ не друзьямъ и сообщникамъ, чтобы прогостить у нихъ двѣ недѣли!... Красная Феска съ своимъ лейтенантомъ только сегодня оставилъ твою саклю....

Горецъ отрицательно покачалъ головою.

— Не знаю....— сказалъ онъ.— У меня жилъ двѣ недѣли абазинскій князь съ своимъ нукеромъ, правда, но Красной Фески я не знаю.

— Лжешь! ты давалъ ему гостепріимство....

— Быть-можетъ, если это былъ онъ, но все-таки я

не другъ ему.... Впрочемъ,— продолжалъ старикъ,—если-бы и въ самомъ-дѣлѣ пиратъ, израненный, постучался у моего порога, я не отказалъ бы ему въ гостепріимствѣ: это завѣтъ отцовъ нашихъ.

— Ты разбойникъ.... и я требую признанія.

— Въ чемъ?... Не бранись, Бимъ-Баши. У меня еще братъ на свободѣ.... не забывай этого.... ты можешь меня пытать и убить, но кровь моя и дѣтей моихъ смоется только кровью....

Кара-Мустафа поблѣднѣлъ отъ досады.

— Тебя привели сюда къ допросу, презрѣнный шакалъ, а не разсказывать о средствахъ твоихъ къ мщенію... Я знаю,— ты и дѣти твои старые друзья пирата и вы мнѣ скажете правду.... Кицо, стражу!

Стража явилась на зовъ Кицо.

— Вывести на дворъ этихъ хищниковъ и принять въ нагайки.... не будетъ признанія — огня!...

Глаза горцевъ блеснули бѣшенствомъ; скрестивъ цѣпи, они, какъ бы условясь, бросились на Кара-Мустафу, но стража остановила ихъ ярость — и вывела ихъ изъ диванной.

Въ это же время негръ подалъ коменданту письмо, проткнутое стрѣлою.

— Отъ кого? спросилъ Кара-Мустафа.

— Не знаю.... оно влетѣло въ окно передней комнаты—на этой стрѣлѣ; — отвѣчалъ негръ. Кара-Мустафа нахмурилъ брови, медленно развернулъ посылку, повертѣлъ ее нѣсколько въ рукахъ и передалъ Кицо. — Прочти: ничего не могу разобрать — сказалъ онъ.

— Это письмо отъ Красной Фески!— замѣтилъ арнаутъ, какъ-бы спрашивая этимъ: читать или разорвать и бросить?

— Знаю, — отвѣчалъ старикъ; — да что онъ пишетъ?

— «Высокопочтенный Бимъ-Баши,—началъ читать Кицо,— я узналъ, что по твоему приказанію взятъ и закованъ въ желѣза старшина аула Оцесъ-Бохо, Тучи, съ семействомъ, въ саклѣ котораго я провелъ двѣ недѣли. Напрасно ты признаешь его моимъ кунакомъ: онъ не знаетъ настоящаго моего имени. Предлагаю тебѣ, высопочтенный Кара-Мустафа, двѣ тысячи абазовъ выкупу за Тучи и его семейство. Если не согласишься на мое миролюбивое предложеніе, то я сожгу твои кочермы, со всѣмъ грузомъ.... Подумай. Завтра въ полдень ты пришлешь мнѣ отвѣтъ.»

— Довольно!—вскричалъ Кара-Мустафа,—завтра въ полдень не будетъ этого разбойника.... Надо поторопиться, а не то онъ надѣлаетъ намъ пропасть бѣдъ.... Кицо, приведи сюда дѣвчонку, да не забудь отобрать отъ нея кинжалъ.... если она запаслась имъ.... А!— продолжалъ комендантъ по уходѣ арнаута, — если это только правда, что онъ ее любитъ.... мы все успѣемъ.... отецъ и братья ея въ моихъ рукахъ, а дѣти горцевъ, которыми они торгуютъ, какъ телятами любятъ отцовъ своихъ, больше чѣмъ красивыхъ наѣздниковъ.... Клещи.... желѣзо.... огонекъ — все въ дѣло!... Средство невѣрное.... но.... быть можетъ! — Одно только осталось.... другихъ нѣтъ.... а жизнь Красной Фески грозитъ мнѣ разорепіемъ и снуркомъ! — добавилъ онъ почти шопотомъ, въ то время, какъ лицо его выразило совершенное отчаяніе.

— Кара-Мустафа опустился на диванъ, уставивъ нетерпѣливый взглядъ на коверъ, отдѣлявшій его диванную отъ передней комнаты.

Чрезъ нѣсколько минутъ, коверъ этотъ распахнулся и Кицо ввелъ за собою красивую дочь Тучи.

При входѣ, дѣвушка поправила свою малиновую шапочку и раскинула по плечамъ бѣлую чадру, какъ бы желая показать грозному Бимъ-Башѣ свое открытое и благородное лицо, выражавшее необыкновенное спокойствіе и гордость. Ея черные выразительные глаза, бросившіе на Кара-Мустафу взглядъ презрѣнія и холодной насмѣшки, дали понять старому коменданту, что онъ будетъ имѣть дѣло съ женщиной, которая презираетъ его силу и угрозы. Не смотря однакоже на это, Кара-Мустафа, всегда вспыльчивый и гордый, казалось забылъ дерзкій взглядъ дѣвушки.... Онъ былъ пораженъ этими рѣзко-обрисованными чертами лица, этимъ дивнымъ и совершеннымъ типомъ красоты черкешенки, ее гордою осанкою, стройнымъ станомъ, свободою и непринужденностію движеній.

— Кицо,—сказалъ онъ въ полголоса по-турецки, — видалъ ты что-нибудь подобное — на Геленджикскомъ берегу, или на рынкахъ Трапезонда и Бугуръ-Кале?

Кицо равнодушнымъ взглядомъ окинулъ дѣвушку, покрутилъ усъ — и процѣдилъ, почти не-хотя, сквозь зубы....

— Она красавица, Бимъ-Баши.... Дуракъ Тучи,—добавилъ онъ громко,—какія бы деньги онъ могъ получить за эту свѣженькую козочку!...

— А я, — сказалъ комендантъ, какъ-бы говоря самъ съ

собою, — долженъ буду ни за что подарить ее Кюзефскому шакалу....

Кицо разинулъ ротъ и остановилъ на Кара-Мустафѣ взглядъ недоумѣнія и вопроса.

— Подарить? — спросилъ онъ.

— Да, да! мой храбрый Кицо, подарить — отвѣчалъ комендантъ, сопровождая слова свои хитрою и коварною улыбкою....

Арнаутъ разгадалъ эту улыбку — и совершенно успокоился, принявъ свой прежній суровый и холодный видъ.— Между-тѣмъ улыбка исчезла съ лица стараго коменданта, лобъ его прорѣзали глубокія морщины, сѣдыя брови грозно сдвинулись, нависнувъ надъ хитрыми глазами. Онъ сдѣлалъ повелительный знакъ рукою и Кицо, по этому знаку, молча подвелъ къ нему черкешенку.

— Ты ли дочь Тучи, старшины аула Оцесъ-Бохо? сказалъ Кара-Мустафа.

Дѣвушка утвердительно кивнула головою.

— Отецъ твой и братья уличены въ дружбѣ съ пиратомъ Красною Фескою, котораго преслѣдуетъ правосудіе. — Что ты на это отвѣтишь?

— Если благородный Бимъ-Баши спрашиваетъ меня: правда-ли это?—отвѣчала дѣвушка,—то такой вопросъ совершенно лишній.... Я во всякомъ случаѣ скажу: нѣтъ, потому что дочь Тучи — не можетъ быть его предателемъ.

— А, если я велю тебя пытать?

— Тогда ты услышишь только мои стоны и проклятія....

— Увидимъ.... Кицо, прикажи накалить жаровню....

Арнаутъ бросилъ на дѣвушку взглядъ досады и сожаленія и вышелъ....

— Дочь Тучи,—продолжалъ Кара-Мустафа, обращаясь къ Сасабедѣ, лице которой выражало тоже гордое спокойствіе, какъ и въ первую минуту ея появленія; — говори истину.... не думай, что бы я шутилъ.... я истерзаю твое тѣло и вырву изъ тебя правду....

— Пытай.... Мнѣ легче будетъ умереть въ мукахъ пытки, чѣмъ оклеветать отца....

— Оклеветать?... Но знаешь-ли ты, что самъ пиратъ называетъ его своимъ другомъ.... вотъ его письмо. Онъ предлагаетъ за него выкупъ.

Дѣвушка горько улыбнулась.

— И ты больше вѣришь разбойнику, чѣмъ честному гор-

цу,—сказала она,—быть можетъ Красная Феска, за что-нибудь золъ на отца моего и не умѣя, какъ бродяга, мстить винтовкой и кинжаломъ — мститъ клеветою.

— Кой чортъ ?—подумалъ Кара-Мустафа,—она называетъ его разбойникомъ ? Неужели и въ самомъ дѣлѣ Тучи не зналъ своего гостя ? Успѣхъ въ такомъ случаѣ вѣренъ, — прошепталъ онъ. — Слова твои, — продолжалъ комендантъ, — не опровергаютъ этой истины. Я знаю вѣрно и положительно, что дружба пирата къ отцу твоему основана на любви къ тебѣ.

— Ко мнѣ ?—вскричала дѣвушка, глаза ея выразили сильное удивленіе.—Ко мнѣ ? Клянусь тебѣ, Бимъ-Баши, — продолжала она, положивъ руку на сердце, — что я никогда не встрѣчала пирата, клянусь тебѣ, что онъ никогда не видалъ меня ! Это ложь, кто говоритъ это ?

Кара-Мустафа двусмысленно улыбнулся. Самъ пиратъ мнѣ пишетъ въ этомъ письмѣ, онъ даже говоритъ, что предлагалъ за тебя калымъ.

— Ложь ! Онъ презрѣнный клеветникъ ! О, если-бы братья мои были не въ цѣпяхъ; винтовка ихъ нашла-бы этого дерзскаго пирата.

— Славно, славно, — думалъ Кара-Мустафа, —у этого тигренка начинаютъ разгораться глаза.

— Послушай,—сказалъ онъ, быстро оставляя диванъ и подходя къ дѣвушкѣ,—я вижу ты оскорблена и унижена. Это вполовину извиняетъ тебя въ глазахъ моихъ. Но какъ-бы то ни было—связь твоего отца съ пиратомъ доказана. Онъ нѣсколько недѣль гостилъ въ вашей саклѣ, это я вѣрно знаю.

— Не вѣрь !—вскричала черкешенка.—Возьми кровь мою на кинжалѣ, я поклянусь тебѣ надъ нимъ.

Кара-Мустафа махнулъ рукою.—Лишняя капля крови въ бочкѣ, не находка ! сказалъ онъ. — Отецъ твой и братья должны быть повѣшены, какъ измѣнники и хищники.

Дѣвушка вздрогнула и съ ужасомъ остановила свой испуганный взглядъ на старомъ хитрецѣ.

— Да, —продолжалъ комендантъ, усиливая впечатлѣніе, произведенное его словами на Сасабеду, — это ужъ рѣшено.

— Нѣтъ ! нѣтъ, Бимъ-Баши !—простонала черкешенка,— ты не сдѣлаешь этого... ты пощадишь невинныхъ. О, лучше казни меня. Хочешь продай... меня купятъ.... мѣшокъ золота за кровь отца моего ! но, пощади!...

— И пощадить можно.

— Можно !

— Да, отъ тебя зависитъ подарить свободу и жизнь братьямъ и отцу !

— А ! знаю ! — прошептала дѣвушка. — Знаю, ты хочешь продать меня Красной Фескѣ. Теперь поняла.

— Ну не со всѣмъ, моя милая. Если-бы тебя надо было продать кому-нибудь, то ужъ повѣрь — не спросили-бы твоего согласія.

— Такъ, что-же ? Говори скорѣе.

— Сасабеда, если-бы тебѣ сказали : вотъ голова отца твоего и рядомъ съ нею голова разбойника, предателя, врага твоей родины и личнаго врага твоего ; накинь на одну изъ нихъ петлю, но непремѣнно петлю.... кого-бы ты заарканила, моя милая ? Не забывай впрочемъ, что этотъ врагъ, причина твоихъ слезъ и несчастій отца, любитъ тебя — и, быть можетъ, ты его любишь. Ну-ка, подумай.

— Я тебя не понимаю, Бишъ-Бами.

— Гм, такъ я объяснюсь короче. Или жизнь Тучи, или Красной Фески. Ты должна убить послѣдняго !—добавилъ Кара-Мустафа таинственнымъ шепотомъ.

Дѣвушка невольно отшатнулась, при этихъ словахъ, отъ коменданта.

— Убить ! убить его ? Но, Бимъ-Баши, кто мнѣ докажетъ, что онъ дѣйствительно врагъ мой и что я имѣю право на жизнь его ? Нѣтъ, дочь Тучи не можетъ быть подкупленной убійцей.

— Ну, такъ ты хитришь. Ты любишь Красную Феску, больше головы отца своего. Мнѣ только этого и надо было.... Ты, душа моя, безъ пытки высказала вашу тайну.

— Жестокій человѣкъ !

— Лжешь, дѣвчонка, я только справедливъ и снисходителенъ. Сознайся, что пиратъ хищникъ и злодѣй.

— Правда.

— А убить разбойника и грабителя, не все-ли равно, что убить бѣшеную собаку, избавивъ сотню людей отъ зла и несчастій ?

Дѣвушка молчала.

— Теперь понимаешь-ли, что я требую отъ тебя только того.

— Чтобы я сдѣлалась твоимъ палачемъ !

— Ну, пусть и такъ.

— Нѣтъ, Бимъ-Баши, не могу.

— А отецъ, а братья !... Сасабеда, вѣдь ты будешъ ихъ убійцею....

— О, нѣтъ, нѣтъ ! Батюшка самъ-бы проклялъ меня если бы я купила ему жизнь такою позорною цѣною....

— Готово ! сказалъ вошедшій Кицо.

— Бьютъ-ли горцевъ ?... спросилъ комендантъ.

— Бьютъ, Бимъ-Баши....

Дѣвушка испустила вопль тоски и отчаянія. Едва держась на ногахъ, она, рыдая, припала на мягкія подушки дивана....

— Не признаются ? продолжалъ Кара-Мустафа, искоса посматривая на черкешенку.

— Нѣтъ. Тучи проситъ только всякаго прохожаго бросить первымъ камнемъ въ голову дочери, чтобы избавить ее отъ позора.

— Старикъ геройствуетъ, но онъ долженъ знать всѣ ходы на Кюэфезѣ и проведетъ туда сегодня мой отрядъ.... Вели-ко ихъ Кицо раздѣть и на огонь....

— Не дамъ ! не пущу ! вскричала дѣвушка, она какъ безумная бросилась къ Кицо — и рыдая, обвила его колѣна.

— Чего-же ты ждешь, мой храбрый Кицо, оттолкни этого червяка... и иди куда велятъ.

Арнаутъ сдѣлалъ неразгаданную гримасу и не двигался съ мѣста.

— Онъ растаялъ,—проворчалъ съ досадою Кара-Мустафа. Комендантъ подошелъ къ окну и отдернулъ ставню.

— Ей вы ! слышите-ли ? вскричалъ онъ, раздѣть горцевъ и...

— Остановись ! Остановись, жестокій Бимъ-Баши! сказала дѣвушка, хватая за руку стараго коменданта, я на все готова.

— Умница ! Остановитесь. Довольно ! добавилъ онъ, обращаясь къ толпѣ солдатъ, которые били горцевъ.

Кара-Мустафа закрылъ ставню и взялъ дѣвушку за руку, которую она, судорожно отдернувъ, спрятала подъ чадру. Лице Сасабеды въ эту минуту было лице страдалицы, выносящей страшную душевную пытку. Розовыя жилки ея ослѣпительно бѣлой шеи раскинулись теперь синими нитками немного смуглыя щеки ея то вспыхивали огнемъ больнаго румянца, то принимали синеватую блѣдность... Губы дрожали и въ этомъ гордомъ и смѣломъ взорѣ — отсвѣчивались теперь ужасъ и отчаяніе.

— Порученіе мое коротко, но должно быть исполнено

въ точности,—началъ спокойно Кара-Мустафа.— Сегодня ночью, въ сопровожденіи Кицо, ты отправишься на Кюэзефъ, переодѣвшись въ платье горца...Это для того, чтобы встрѣчные менѣе обращали на васъ вниманія; за сто шаговъ отъ перваго обрыва у скалъ Кицо отстанетъ отъ тебя, ты ступай прямо на скалы — и на окликъ, котораго не минуешь, отвѣчай : — помни что я говорю — Дочь старшины Тучи, взятаго сегодня подъ стражей въ Геленджикъ, требую свиданія съ Красною Фескою — скажите ему, что я здѣсь...» Онъ будетъ радъ тебѣ... съ тобою забудетъ осторожность и подозрѣніе не заползетъ въ его хитрую душу... Щадить его ты можешь въ такомъ только случаѣ, если жертвуешь отцомъ и братьями... Слушай-же и помни... Если завтра къ полдню я не получу вѣсти о смерти Красной Фески — то съ вершинъ Кэюфеза ты можешь видѣть три повѣшенныхъ трупа на крѣпостномъ валу.... согласна-ли ?

— Убью ! глухо отозвалась дѣвушка.

— Да, вотъ тебѣ и помощники !... продолжалъ турокъ. Съ этими словами онъ открылъ подушку дивана и вынувъ перламутровую шкатулку, подалъ изъ нея Сасабедѣ зеленый шарикъ. — Когда, — сказалъ онъ, — пиратъ вздумаетъ пить, то опусти этотъ шарикъ въ вино или кофе и Феска заснетъ непробуднымъ... не удастся, тамъ, какъ знаешь, но, полдень !

— Хорошо, Кара-Мустафа,—спокойно отозвалась дѣвушка, — но, кто увѣдомитъ тебя, что Сасабеда купила жизнь отцу... Мнѣ ужъ не вернуться, — добавила она съ легкимъ признакомъ душевной грусти.

— Объ этомъ не безпокойся, есть вѣрные люди.

— И кто поручится мнѣ, что ты сдержишь свое слово !

— Что ? Кто поручится ?

— Я!—твердо и рѣшительно отозвался Кицо.

— Да, именно,—подхватилъ Кара Мустафа,—съ этой минуты я отдаю арестантовъ въ твое распоряженіе — и завтра, съ первою вѣстію о смерти Фески, ты имѣешь полное право освободить ихъ.

— Клянусь Сасабеда,—отвѣчалъ Кицо голосомъ, въ которомъ проглядывало желаніе утѣшить несчастную, — справлю по тебѣ поминки, снявъ цѣпи съ...—Кицо не договорилъ и махнулъ рукою...— Какая глупая штука,—добавилъ онъ въ полголоса,—дѣвчонку посылать на убой! и дѣвчонку этакую хорошенькую, право, какъ-бы за нее дорого дали.

— Скоро ночь,—замѣтилъ комендантъ, вымѣривъ арнаута подозрительнымъ взглядомъ, и вамъ пора въ дорогу, друзья мои.... А завтра, Кицо, съ первымъ разсвѣтомъ, ты прикажешь проготовить кочермы къ выходу, да въ это-же время пошли Мейсе съ вѣрнымъ солдатомъ въ одинъ изъ овраговъ около Кэюфеза, наказавъ имъ, что если только замѣтятъ тревогу въ скалахъ, то дать намъ знать обо всемъ немедленно.... Не забудь наказать при этомъ солдату, чтобы предателя Мейсе онъ ни на шагъ отъ себя....

Кицо, по обыкновенію, отвѣчалъ почтительнымъ поклономъ, взялъ за руку дѣвушку и оставилъ коменданта.

— Ну, кажется я у цѣли,—заключилъ Кара-Мустафа съ радостною улыбкою,—уничтожу этого звѣря, счастливо вывезу мои сокровища и буду чистъ передъ пашею!

Старикъ тяжело вздохнулъ, сосчиталъ зеленые шарики въ перломутровой шкатулкѣ и спряталъ ее подъ подушку дивана.

— Семь изъ пятнадцати — восемь.... Восемь шариковъ въ три года,—замѣтилъ онъ,— немного!

VI

Въ полночь Кицо принесъ Сасабедѣ нарядъ шапсуга. — Вмѣсто легкой чадры и шелковаго кафтанчика безъ рукавовъ стройную грудь дѣвушки стянула желтая верблюжей шерсти черкеска, кожанный кушакъ впился въ ея прекрасную талію и роскошный дагестанскій кинжалъ скрылъ свою золоченую ручку въ пушистой груди.... Маленькая ножка, сбросивъ шитыя шелкомъ туфли, утонула въ грубыхъ чирикахъ и узенькіе брюки наѣздника замѣнили цвѣтныя шальвары. Когда Сасабеда разсѣянно накрыла свою жаркую головку косматой кабардинкой, Кицо, при всей своей суровости, не могъ удержаться отъ восторга при взглядѣ на прелестное, выразительное лице дѣвушки, осѣненное каштановою прядью опушки и черными зюльфами волосъ:

— Красавица! — прошепталъ онъ; — этакая... этакая хорошенькая.... Дорого-бы за нее заплатили въ Трапезондѣ!... Ну, въ дорогу!—добавилъ онъ громко, перебросивъ за плечо винтовку... Дѣвушка тяжело вздохнула, она подала арнауту свою руку и не скрывая навернувшихся на глазахъ слезъ, сказала:

— Кицо не обмани меня, спаси отца и братьевъ... и все исполню.

— Кицо никогда и никого не обманывалъ !—мрачно отвѣчалъ арнутъ,—будь увѣрена, Сасабеда... Преглупая штука,—добавилъ онъ въ полголоса,—вести на убой этакую хорошенькую дѣвчонку ! Эхъ, сколько-бы денегъ... за эти черносливины, за эти глазенки....

Ночь была сыра и холодна. Тишина и мракъ окружали нашихъ спутниковъ, да мелкій дождь падалъ холодными каплями на ихъ печальныя лица. Кицо молчалъ ; ему было грустно за будущее бѣдной дѣвушки. Дѣвушкѣ было грустно за свое настоящее.... Сасабеда видѣла весь ужасъ своего страшнаго обязательства, голова и грудь ея пылали при мысли о тайномъ убійствѣ.... Ей слышался предсмертный стонъ жертвы.... вопли его друзей.... она дрожала всемъ тѣломъ подъ широкою буркою и старалась забыть, хотя на мгновеніе, страшныя слова Кара-Мустафы.... Въ эти мгновенія сердце ея выносило еще болѣе страданій, когда минувшія надежды и радости, какъ блѣдные призраки, воскресали въ ея памяти.... Когда она кивала печальною головкою роднымъ скаламъ, говоря имъ послѣднее прости.... когда взглядъ ее невольно обращался къ родной саклѣ, гдѣ въ первый разъ она встрѣтила красиваго юношу, — его ласковый взглядъ, выраженіе этого взгляда, который сулилъ столько блаженства, столько надеждъ.... Гдѣ *онъ* теперь?— думала дѣвушка,— вѣрно въ своей родной Абазіи, засыпаетъ съ мечтою обо мнѣ.... Еще сегодня утромъ прощаясь съ нами, онъ такъ нѣжно, и такъ грустно посмотрѣлъ на меня... Сердце его не обмануло : — мы разстались на всегда.

— Постой-ка.... сдержи коня, красавица,—сказалъ Кицо,— кажется обрывъ будетъ сейчасъ на право?... Да такъ и есть.... Ну.... дѣлать нечего.... коли не раздумала.... Прощай....

Дѣвушка дрожа спрыгнула съ сѣдла, бросила поводья въ руку Кицо и не оглядываясь, бросилась на скалы. Сердце сильно билось въ груди ея.... она чувствовала, что начинала робѣть и изнемогать.... но мысль объ отцѣ и братьяхъ въ минуту воротила ей бодрость....

Нетвердымъ, дрожавшимъ голосомъ черкешенка затянула абазинскую пѣсню и легче козы запрыгала по кремнямъ, усѣявшимъ тропинку.... Въ эту минуту надъ головою ея раздался свистъ, который въ пронзительныхъ отголоскахъ повторился на скалахъ и въ пропастяхъ.

— Эй! кто тутъ есть!... Молодцы наѣздники !... ко мнѣ!

вскричала дѣвушка, употребляя всѣ усилія казаться смѣлою и бодрою....

Но она не успѣла еще кончить своего воззванія, какъ цѣлая ограда винтовочныхъ стволовъ загородила ей дорогу и отступленіе....

— Отзывъ? — спросилъ рослый шапсугъ, взявъ за плечо Сасабеду.

— Не знаю....

— Гм.... не знаешь, а зовешь молодцовъ наѣзниковъ.... свяжите товарищи этого щенка.... да бросьте до завтра въ яму вмѣстѣ съ Ули и Гурсо, которые проглазѣли Тучи!... тамъ послѣ его спросятъ, за чѣмъ пожаловалъ....—сказалъ тотъ-же горецъ.

— Э... нѣтъ товарищи.... во первыхъ я не щенокъ, а во вторыхъ и не наѣзникъ.... я дочь старшины Тучи....

— Можетъ-ли быть!—вскричалъ одинъ изъ толпы, разглядывая лице дѣвушки.—Ахъ, ты наша звѣздочка яркая, кизиль сладкій! продолжалъ онъ.... Вѣдь — она и есть....

— Ведите меня, товарищи, — продолжала дѣвушка, — къ Красной Фескѣ.... мнѣ нужно его видѣть.... я бѣжала изъ Геленджика.... пусть онъ пріютитъ меня.... скажите ему....

— Альяль!...—сказалъ рослый горецъ, — иди съ ней къ капитану.... Оставь ее подъ портикомъ.... а прежде, понимаешь, спроси — можно-ли....

— Слышу.... слышу!

Горецъ взялъ за руку дѣвушку и, поддерживая ее, спустился въ балку, потомъ прошелъ темною сквозною пещерою и оставивъ Сасабеду на закраинѣ пропасти, какъ бѣлка пустился вверхъ по веревочной лѣстницѣ.... Чрезъ нѣсколько мгновеній послышался на верху громкій говоръ.... потомъ сверкнулъ на площадкѣ факелъ и, при свѣтѣ его, дѣвушка хотя не ясно но могла разсмотрѣть двухъ горцевъ, лица которыхъ ей казались знакомыми....

Въ туже минуту къ ногамъ ея упала карзина.... Тотъ-же шапсугъ быстро спустился на низъ — усадилъ Сасабеду въ ея воздушную колесницу — и при громкомъ и радостномъ смѣхѣ, стоявшихъ на верху горцовъ — дѣвушка вышла на площадку....

— Сасабеда! вскричалъ Марко, кидаясь ей на встрѣчу....

Дѣвушка подняла на него глаза — и съ крикомъ, выразившимъ весь страхъ, отчаяніе и испугъ души, упала къ ногамъ пирата....

— Отецъ! отецъ.... это онъ!— простонала она.... Память ее оставила. — Пораженный неожиданностію, Марко внесъ въ пещеру безчувственную Сасабеду.... Яни бросился искать воды....

Въ это время — яркое пламя вспыхнуло на вершинѣ скалы, раздался свистокъ и вслѣдъ за тѣмъ голосъ: шкуна!

— Вотъ ужъ не во время!—вскричалъ Марко—но дѣлать нечего.... Ради Бога, Яни, побереги ее.... согрѣй, приведи въ чувство.... я скоро вернусь.... Мнѣ нужно отдать приказанія на шкунѣ....

Бросивъ на Сасабеду взглядъ любви и участія, Марко выбѣжалъ на площадку.

— Четыре вооруженныхъ гребца — на гичку.... прочимъ отсвистать.... я ѣду одинъ!— сказалъ пиратъ, опускаясь съ лѣстницы....

Между-тѣмъ дѣвушка, на которую теперь устремилъ Яни взглядъ коршуна, казалось, очнулась отъ своего забытья пробужденная звонкимъ и пріятнымъ голосомъ Марко.

— Это онъ.... говоритъ?... шопотомъ спросила она, разглядывая лицо Яни.

— Кто онъ?...

— Ну.... князь.... тотъ.... черные глаза.... Дѣвушка вздрогнула; медленно отерла со лба крупныя капли холоднаго пота — и положила руку на сердце съ такимъ страшнымъ выраженіемъ въ лицѣ, какъ будто-бы это сердце сосали десятки змѣй.

— Ты больна.... встревожена.... отдохни, Сасабеда!—сказалъ ласково Яни.

Дѣвушка тревожнымъ взглядомъ окинула слабо освѣщенную пещеру и остановила на Яни свои черные глаза, полные страха и ужаса.... Лице ея выражало всю силу борьбы душевной, весь страшный переходъ отъ забытья къ тяжелой дѣйствительности — и вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе скрыть отъ глазъ свидѣтеля эту борьбу.

Грекъ зоркимъ и ревнивымъ глазомъ наблюдалъ малѣйшее, неровное колыханіе груди Сасабеды.... онъ подмѣтилъ, что эта грудь переполнена сильнымъ волненіемъ, но не понялъ его истинной причины.... Въ первое мгновеніе странное поведеніе черкешенки онъ приписалъ изнеможенію силъ душевныхъ и физическихъ, какъ слѣдствію ея побѣга и ночнаго похода на незнакомыя и опасныя скалы.... Потомъ, вспомнивъ ея болѣзненное забытье и невыдержанный вопль:

«отецъ! это онъ!» — Яни судорожно сжалъ въ рукахъ роскошную подушку, которую готовъ былъ подать дѣвушкѣ.... Послѣднее слово, какъ вѣрный ударъ кинжала, остановило даже его дыханіе.... Кто этотъ *онъ?*—Насъ было только двое.... думалъ Яни.... о, если Марко!... Все пополамъ съ нимъ: — кровь и оковы.... Но любовь ея — одному! — Яни сознавалъ, что душа его теперь, впервые, ощутила какое-то болѣзненное и въ высшей степени раздражительное чувство.... Ему казалось, что Марко давно, давно его кровный врагъ, который отрываетъ у него отъ сердца послѣднюю, сладкую задушевную надежду еще могущую помирить Яни и съ добромъ и съ жизнію.... Холодный потъ выступилъ на вискахъ грека, въ то время какъ страшный жаръ обхватилъ его грудь и голову; онъ не спускалъ пылающаго взгляда съ Сасабеды, и какъ-бы сдѣлавъ ей какой-то вопросъ, дрожалъ и задыхался, прислушиваясь къ отвѣту.... Но, дѣвушка молчала, страдая не менѣе Яни.... Рука ея невольно упала въ карманъ черкески и судорожно сжимала коробочку, въ которой заключался зеленый шарикъ.... какъ будто-бы пересыпая горячія уголья, пылала эта рука.... какъ будто этотъ ядъ, расплавясь, горячей лавою бѣжалъ по жиламъ ея.... Отецъ, братья и онъ.... Веревка и позоръ кровнымъ — и страшная отрава на уста того, который, впервые, заронилъ и тоску и сладость надежды въ это бѣдное сердце.... отрава тому, за котораго она молилась такъ горячо, такъ пламенно, съ такими теплыми слезами, когда встрѣтила его внесеннаго на буркахъ въ отцовскую саклю.... Страшенъ былъ выборъ!... Совершенное отчаяніе овладѣло душею дѣвушки; въ нѣмой тоскѣ, страдалица глухо зарыдала — и упала на грудь Яни....

Грекъ вздрогнулъ.... ему казалось, что горянка отвѣчаетъ на призывъ души его, на вопросъ сердца, измученнаго и истомленнаго подозрѣніемъ.... Не владѣя собою, онъ впился долгимъ и страстнымъ поцѣлуемъ въ жаркое чело Сасабеды....

— Спасите!... спасите ихъ!—простонала она я;—не могу.... нѣтъ!... онъ сжетъ мнѣ руки!—И Сасабеда, какъ безумная, бросивъ на полъ коробку, начала топтать ее ногами....

— Сасабеда! Что съ тобою! — вскричалъ Яни, хватая руку дѣвушки.

Губы ея дрожали... На блѣдномъ лицѣ выступили багровыя пятна.—Что со мною?—повторила она голосомъ, въ которомъ отозвались всѣ страшныя ощущенія, раздиравшія ея

душу.—О, спасите меня, спасая ихъ! Гдѣ онъ? гдѣ... я все разскажу ему... все....

— Кто онъ!—мрачно спросилъ грекъ.

— Феска... зови его... скорѣй, срокъ до полдня... Гибель... гибель!—шептала дѣвушка, ломая въ отчаяніи свои руки.

Яни судорожно улыбнулся, опустилъ руку Сасабеды и поднялъ коробочку.

— Брось... брось ее....—продолжала дѣвушка,—они... Кара-Мустафа и Кицо дали мнѣ ее, чтобы я...

— Отравила... кого? — спросилъ грекъ, узнавая ядъ.

— Феску!—таинственнымъ шопотомъ отозвалась дѣвушка,—да, его... Но я не могу... Нѣтъ! За жизнь его — они сулили мнѣ жизнь и свободу отца и братьевъ... Я согласилась... Скажи ему... скажи... она не знала, что... Бѣдный, несчастный отецъ мой! Я продала, я продала тебя!—И Сасабеда, рыдая, закрыла лице руками.—Нѣтъ! нѣтъ!... вы спасете ихъ... да! да говори-же...—продолжала дѣвушка, стараясь поймать руку Яни.

Грекъ отступилъ въ глубь пещеры, грустно покачалъ головою, и какъ бы стараясь успокоиться, провелъ рукою по лбу.

— Спасемъ! Спасемъ!—прошепталъ онъ голосомъ, въ которомъ болѣе успокоенный страдалецъ чѣмъ Сасабеда—подмѣтилъ бы страшный смыслъ.

Въ это время подъ скалою раздался громкій свистъ.

— Это онъ!—тихо сказалъ Яни; глаза его засверкали огнемъ бѣшенства; онъ быстро схватилъ дѣвушку за руку и, подводя ее къ сходу въ нижнія пещеры, сказалъ:—Скорѣе, Сасабеда... тебя не должны видѣть посторонніе.... это лейтенантъ шкуны... Пойдемъ!... Красная Феска—твой Марко скоро будетъ.... ты увидишь его.... Онъ спасетъ отца твоего.... Спасетъ непремѣнно!... — Говоря это, грекъ провелъ дѣвушку узенькимъ корридоромъ, потомъ въ концѣ его повернулъ на право и оставилъ Сасабеду въ пещерѣ, которая служила ему спальней.

— До свиданія! примолвилъ онъ.

Оставшись одна, Сасабеда сначала рѣшилась ждать призывнаго голоса Марко, но мучимая тоской и отчаяніемъ — она въ туже минуту перемѣнила свое намѣреніе — и осторожно, избѣгая малѣйшаго шума, послѣдовала за Яни, остановившись въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ковра, отдѣлявшаго корридоръ отъ пещеры.... Томимая неизвѣстностію, дѣву-

шка желала слышать, не будучи видима, что скажетъ о ней Марко—и какъ рѣшатъ они съ Яни судьбу ея отца и братьевъ.

Между тѣмъ грекъ успѣлъ поставить на коврѣ бурдюкъ съ виномъ, тутъ же два богатыхъ азерпеша и растянувшись на полу, съ выраженіемъ беззаботной веселости, встрѣтилъ Марко, громкимъ возгласомъ.

— Здоровье нашей хорошенькой плѣницы и твоей — въ особенности !...

— Что это значитъ, Яни, — спросилъ Марко, ты сегодня.... пируешь съ тобою это не часто случается ?...

— За твою радость — хочу самъ радоваться !... — отвѣчалъ грекъ, повторивъ тостъ и глаза его метнули въ лице Марко огнемъ ненависти и злобы.

— За какую радость ?

— Садись-ка, товарищъ.... садись.... подарю такою вѣсточкой, что поцѣлуешь даже рябаго Яни....

— Говори.... говори....

— Да садись! ...

Марко опустился на коверъ ; Яни налилъ вина въ его азерпешъ.

— Сасабеда тебя любитъ.... любитъ такъ.... — Грекъ задыхался и мялъ въ рукахъ зеленый шарикъ.

— Возможно ли ! ты почему знаешь, Яни ?

— Хе !... сама призналась....

— Сказала ?... тебѣ.... Яни, другъ мой !...

— Экую сказалъ новость, что я ему другъ.... Назови какънибудь лучше.... другомъ по крови.... — И Яни опустилъ шарикъ въ азерпешъ Марко.

— Другъ, другъ и братъ ! — отвѣчалъ обрадованный Марко. — А, гдѣ же она ? спросилъ онъ, озираясь съ безпокойствомъ.

— Тамъ.... въ моей пещерѣ.... она, бѣдняжка, измучена, утомлена.... пусть отдохнетъ.... Надо спасать отца и братьевъ ея.... вотъ она зачѣмъ бѣжала къ намъ.... и вообрази ея замѣшательство, восторгъ, волненіе.... чортъ возьми.... всю тревогу ея сердца, — когда въ тебѣ — она узнала того.... ну.... да пей же, товарищъ....

И Яни снова однимъ глоткомъ осушилъ свой азерпешъ ; лице его багровѣло съ минуты на минуту, хитрые глаза уже не могли скрывать бѣшенства уязвленной души.... онъ дрожалъ и задыхался отъ злобы, наблюдая восторгъ и радость, которые отсвѣчивались въ одушевленныхъ глазахъ Марко.

— Да, — ихъ надо спасти... — сказалъ послѣдній, — и я сейчасъ распоряжусь ...

— Пхе.... успѣемъ.... пей... другъ.... пей !...

— Успѣемъ ? — отозвался пиратъ; — я завтра оставляю скалы... сейчасъ свезъ на яхту всѣ сокровища.... Русскіе уже подъ Бугуръ-Кале....

— Ладно.... ладно.... что намъ за дѣло до русскихъ.... пусть бьютъ турокъ.... Мы будемъ пить.... Пей, Марко !...

— Нѣтъ пить не хочу....

— Пей ! я требую...

— Не могу....

— Пей, Марко !...

— Отстань.... ты, кажется, обезумѣлъ, Яни.... смотри какіе у тебя страшные глаза....

— Что глаза ?... глазъ испугался.... Яни поднялъ азерпешъ товарища, стараясь насильно всунуть его въ руку Марко.... Пей.... чокнемся !

— Не могу.... отстань....

Яни затрясся отъ досады.

— Марко ! — вскричалъ онъ, — давно ли Яни — сталъ въ твоихъ глазахъ презрителенъ до того, что ты....

— Яни.... безумецъ.... ты, кажется, ищешь со мною ссоры....

— И поссорюсь, если хоть каплю оставишь въ этомъ азерпешѣ....

Марко вспыхнулъ, выхватилъ азерпешъ изъ рукъ грека и выплеснулъ вино на полъ....

Этого было довольно, чтобъ вызвать все бѣшенство Яни, всю его адскую рѣшимость на давно задуманное дѣло.

Какъ бѣшенный подпрыгнулъ онъ на коврѣ, быстрымъ движеніемъ руки обнажилъ кинжалъ и съ размаха ударилъ имъ въ грудь Марко; сталь взвизгнула и дребезжа упала на-полъ....

— Сумасшедшій !... — хладнокровно сказалъ Марко, подымаясь на ноги ; — если ты хотѣлъ убить меня, такъ билъ бы въ голову.... Развѣ не знаешь, что твоя подлая рука не пробьетъ моего кованнаго нагрудника....

— А !... въ голову !—съ дикимъ хохотомъ вскричалъ обезумѣвшій Яни, готовый на новый ударъ.... Но въ это мгновеніе, съ воплемъ отчаянія между нимъ и Марко бросилась Сасабеда.... Появленіе дѣвушки еще болѣе усилило ярость злодѣя ; одною рукою онъ бросилъ на полъ черпешенку, другою повторилъ ударъ по нагруднику Марко, забывая совѣтъ его.... Съ глухимъ стономъ Красная Феска схватился

за грудь и рухнулъ безъ чувствъ на полъ.... Ударъ былъ такъ силенъ, что осколокъ кинжала, расколовъ сталь, коснулся груди его....

— Убитъ ! прошепталъ Яни, дико озираясь кругомъ....

— Убитъ ! Убитъ ! вскричала дѣвушка.... Она въ одинъ прыжокъ достигла убійцы, смѣлою рукою обвила его шею, другою обнажила кинжалъ.... Яни вздрогнулъ, простоналъ и, шатаясь, опустился на землю....

— Сасабеда !... Сасабеда ! — шепталъ онъ, силясь подползти къ дѣвушкѣ, которая уже лежала на груди Марко ; — Сасабеда... я прощаю тебѣ смерть мою.... Но, одинъ взглядъ.... Слышишь.... О, ради Бога.... Молчитъ !... — Яни, съ какою то грустію и ужасомъ повелъ кругомъ потухающимъ взоромъ — Слышишь-ли !... Повторилъ онъ едва внятно.... одинъ... только.... купленный кровью.... Онъ убитъ.... не встанетъ.... Ко мнѣ.... ко мнѣ.... Сасабеда !... А !... ты за нимъ !... Яни съ величайшимъ усиліемъ вытащилъ изъ за пояса пистолетъ и выстрѣлилъ по дѣвушкѣ ; дрожавшая рука измѣнила ему....

— Дышетъ ! онъ дышетъ !... — прошептала Сасабеда, какъ бы очнувшись отъ долгаго и тяжелаго сна....

— Дышетъ !—съ ужасомъ спросилъ изнемогающій грекъ,— онъ.... неужели !... онъ живъ !...

Между тѣмъ на выстрѣлъ Яни сбѣжались шапсуги.

— Сюда !... Сюда — скорѣе !—шепталъ грекъ, обращаясь къ пораженнымъ горцамъ:—возьмите ее.... она убила насъ!...

Это были послѣднія слова несчастнаго Яни.

Съ дикимъ воплемъ и проклятіемъ толпа бросилась на Сасабеду....

— Въ пропасть ее ! кричали одни.

— На кинжалы ! ревѣли другіе.

— Въ огонь ! отозвался одинъ голосъ.

— Въ огонь ! Въ огонь ! Сжечь ! повторили всѣ.

— Завтра, ее отправимъ въ Джехенемъ ! — сказалъ старый горецъ ; — а теперь возьмите-ка ее, товарищи, да бросьте въ подвальныя пещеры.... На похоронахъ капитана — справимъ тризну....

Съ оглушительнымъ, неистовымъ воплемъ — горцы почти на рукахъ вынесли дѣвушку — темными проходами на скалы.... Сасабеда была въ какомъ-то помѣшательствѣ : — она во всемъ повиновалась своимъ мучителямъ и ничего не понимая, шла къ смерти и пытки, осыпаемая проклятіями....

Выстрѣлы и крики : Измѣна ! предательство !... раздава-

лись въ скалахъ и балкахъ.... Мейсе и сторожевой турокъ слышали эти вопли, они видѣли, какъ влекли бѣдную дѣвушку на скалахъ Кэюфеза, и не теряя ни мгновенія, бросились съ вѣстію къ коменданту....

Кицо встрѣтилъ ихъ у воротъ крѣпости.

— Что? спросилъ онъ....

— Убитъ! отвѣчали оба посланные....

— Убитъ!... Гдѣ эти выстрѣлы — не въ скалахъ-ли?...

— Тамъ, — отозвался Мейсе, — бѣдная Сасабедо—ее разорвутъ на части.... Мы видѣли, какъ горцы тащили ее.... вѣрно швырнули въ пропасть....

— Бѣдная,—прошепталъ Кицо,—а такая красавица.... и разорвутъ на части.... Ступайте къ коменданту.... и разскажите ему вашу новость,—добавилъ онъ, — а я пойду исполнить послѣднюю просьбу бѣдняжки....

Черезъ полчаса грустный, убитый и уничтоженный позорнымъ дѣломъ дочери, Тучи, проклиная Кара-Мустафу — мелкою рысью выѣхалъ съ дѣтьми изъ крѣпости.... Въ то же время кочермы коменданта вышли въ море....

Кара-Мустафа былъ на валу и довольною улыбкою провожалъ свои сокровища.... Вотъ уже они и скрылись изъ виду....

— Счастливый путь, мои изумрудныя лодочки!—сказалъ старикъ и бросилъ насмѣшливый взглядъ на вершину Кэюфеза....

— Кицо! Кицо!—вскричалъ онъ съ ужасомъ,—гляди.... тамъ огонь.... огонь!

Въ-самомъ-дѣлѣ на вершинѣ Кэюфеза пылалъ огонь, а изъ бухтъ и рѣчекъ, какъ стаи чаекъ, быстро неслись лодки пиратовъ въ погоню за кочермами коменданта.

— Аллахъ! Аллахъ! — повторилъ въ страшномъ отчаяніи Кара-Мустафа,—я узнаю.... лодку Красной Фески.... вонъ—на кормѣ ея факелъ.... Кицо! Кицо.... Красная Феска живъ.... онъ на рулѣ!...

Кицо не вѣрилъ глазамъ своимъ.... Арнаутъ щипалъ усы, поглядывая то на лодку пирата, то на вершину освѣщенныхъ скалъ....

— Чортъ возьми—не ужели насъ надули? сказалъ арнаутъ.

—Задержать жида! задержать!—кричалъ Кара-Мустафа—въ погоню за горцами.... всѣ въ погоню.... Чу!... Гибнутъ....—сказалъ онъ съ отчаяніемъ и ужасомъ, въ то время, какъ съ моря, вѣтеръ доносилъ къ укрѣпленію гулъ ружейныхъ выстрѣловъ.... Долго и молча, въ какомъ-то оцѣ-

пѣніи стоялъ комендантъ, вздрагивая при каждомъ залпѣ.... Наконецъ перестрѣлка стихла — и восходящее солнце — указало мѣсто битвы, надъ которымъ вился густымъ облакомъ пороховой дымъ....

— Все кончено... взялъ!... ограбилъ!—простоналъ Кара-Мустафа, котораго Кицо, почти на рукахъ, отнесъ въ мазанку.

Въ полдень, не смотря на сильный зной, старый Кара-Мустафа, почти потерявшій разсудокъ и память, сидѣлъ на валу крѣпости, устремивъ безсмысленный взоръ на волнующуюся даль моря, которое прибивало къ берегу его пустыя кочермы и отломки отъ нихъ.... Подлѣ него пять человѣкъ турецкихъ солдатъ — утверждали какіе-то столбы на крѣпостной стѣнѣ....

Но вонъ Кара-Мустафа вздрогнулъ, испустилъ вопль безумной радости и, зарыдавъ, протянулъ впередъ обѣ руки....

— Она!... она! шепталъ онъ...

Въ эту минуту, на траверзѣ съ Гелинджикомъ, проходила таинственная шкуна... Въ человѣкѣ, стоявшемъ на лѣвой ея *сѣткѣ*, старикъ узналъ пирата, Красную Феску. Это былъ дѣйствительно Марко, нѣсколько блѣдный, какъ-бы недавно оправившійся отъ тяжелой болѣзни... Ударъ Яни осколкомъ кинжала не былъ смертеленъ, даже не сдѣлалъ раны, но расколовъ нагрудникъ, онъ вдавилъ нѣсколько сталь въ грудь Марко, лишилъ его памяти и обезсилилъ... Пиратъ очнулся въ то самое мгновеніе, когда уже Сасабеда была брошена въ сырую и мрачную пещеру Кэюфеза... Приведя все минувшее на память... Марко однимъ своимъ появленіемъ усмирилъ буйную толпу шапсуговъ; объяснилъ имъ дѣло — и обнялъ Сасабеду въ ту минуту, какъ на морѣ блеснули два знакомыхъ фонаря, Марко стоялъ на сѣткѣ, держа въ своей рукѣ руку Сасабеды, которая принадлежала ему теперь навсегда; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ старый Тучи разговорилъ о чемъ-то съ сыновьями...

— Марко!... Марко!—вскричала испуганная Сасабеда,— гляди... кого-то повѣсили на крѣпостномъ валу!...

Всѣ взоры обратились къ крѣпости.... Марко приказалъ подать зрительную трубку... и навелъ ее на укрѣпленіе.

— А!—сказалъ онъ,—это болтается... плутъ Мейсе... Не служи двумъ господамъ... на обѣихъ не угодишь!—добавилъ онъ.—Эй, юнга, возьми трубу!...

В. САВИНОВЪ.

ИСТОРІЯ ИСКУССТВА.

НАЧАЛО И РАЗВИТІЕ ОПЕРЫ ВЪ ЕВРОПѢ.

Дивное и таинственное искусство, всесильное въ своемъ началѣ — музыка, безъ сомнѣнія, имѣетъ преимущество предъ всѣми другими искусствами.... Языкъ и кисть безсильны передъ нею : они не забросятъ въ душу такъ глубоко высокихъ и таинственныхъ впечатлѣній, не помирятъ васъ ни съ грустью, ни съ восторгомъ.... Но если, для полнаго очарованія, языкъ и кисть стройно соединятся съ этимъ волшебнымъ напѣвомъ чувствъ — то въ нихъ смѣло ищите драмы высокой и торжественной.... Въ самомъ дѣлѣ, не опера ли только составляетъ вѣнецъ драматическаго искусства ?... не она ли нѣжитъ слухъ, обаятельно ласкаетъ сердце, вызывая то слезу, то восторгъ младенца.... Прислушайтесь къ стону волнъ, умирающему на пустынномъ берегу, или къ одинокимъ трелямъ соловья, оживляющимъ безмолвіе ночи.... Не сліяніе-ли это поэзіи чистой и прекрасной.... Но очарованіе еще можетъ быть усилено — если, внимая этому печальному лепету моря, вы захотите дать ему жизнь, осуществить этотъ лепетъ, доискаться въ немъ смысла, словъ, въ которыхъ бы слышался плачъ.... И наконецъ, пусть при этой музыкѣ природы, взглядъ вашъ упадетъ на осиротѣлый берегъ, на темное далекое не-

бо и на задумчивую степь моря.... Не въ этомъ-ли созерцаніи должно искать перваго зародыша оперы?... не такъ ли сроднилась музыка со смысломъ и съ живописью? — Но какихъ трудовъ и усилій стоило совершенство оперы и ея достиженіе полнаго очарованія!...

Вотъ краткій очеркъ совершенствованія музыки въ Европѣ:

—

I.

МУЗЫКА ВЪ ДРЕВНОСТИ.

Грецію, колыбель изящныхъ искусствъ и естетическаго образованія, весьма мало оставила намъ свѣдѣній о своей музыкѣ. Удивляясь высокимъ произведеніямъ греческой живописи и поэзіи, мы ничего не можемъ сказать о музыкѣ грековъ, довольствуясь только однѣми баснями, въ которыхъ разсказываютъ о тѣхъ чудесахъ, какія производила музыка суровыхъ спартанцевъ и изнѣженныхъ аѳинянъ; говорятъ, что на лирѣ Тимотея, до того усладительной и очаровательной, ослаблявшей даже мужество своими напѣвами, — спартанцы обрѣзали четыре струны; говорятъ, что фригійскій напѣвъ воскрешалъ мужество въ воинахъ и возбуждалъ ихъ къ битвѣ; а лидійскій ослаблялъ всѣ чувства, навѣвая негу; но если судить по немногимъ отрывкамъ греческой музыки, дошедшимъ до насъ, то они не подаютъ о ней высокаго понятія.... Быть можетъ она придавала языку греческому то обаяніе, которое намъ непонятно, или наконецъ, эта послѣдовательность звуковъ, для насъ дикая и варварская, дѣлалась для древнихъ сносною по привычкѣ.... И такъ фригійскій или лидійскій напѣвъ, поражая слухъ нашъ своею странностію, не возбудилъ бы въ насъ ни мужества, ни нѣжныхъ ощущеній.... Да и Грецію, какъ страна изящной чувственности, могла только приблизиться къ пластическому искусству, но не достичь вполнѣ идеальнаго.... Музыка, какъ зародышъ истинной поэзіи, должна была родиться позже, сознавъ то состояніе души, полное смутнаго безпокойства и безотчетнаго стремленія — которое такъ вѣрно назвалъ Шатобріанъ неопредѣленностію страстей.

Жалкую роль, которую играла музыка у древнихъ, можно видѣть изъ нашихъ мелодрамъ, въ которыхъ часто нестройная и глухая му-

зыка поддерживаетъ голоса актеровъ въ концѣ главныхъ сценъ. Употребительнѣйшіе инструменты древнихъ были: лира, флейта и цитра, и голоса не переходили за интервалъ квинты, въ то время, какъ хоръ изрѣдка соединяясь съ голосами главныхъ актеровъ — декламировалъ отдѣльно. Древній Римъ еще менѣе представляетъ намъ успѣховъ въ музыкѣ.... Мы знаемъ только нѣкоторыя комедіи Теренція, написанныя для одной или двухъ флейтъ, которыя, акомпанируя различнымъ лицамъ, были, вѣроятно, настроены или въ квинту или въ октаву, что должно было открыть первыя основанія гармоніи.

Впрочемъ, неудивительно, если греки и римляне сдѣлали мало успѣховъ въ инструментальной музыкѣ, ибо успѣхи ея тѣсно связываются съ успѣхами механическихъ наукъ, а несовершенство инструментовъ древнихъ было не маловажнымъ препятствіемъ.... Но у нихъ былъ самый совершеннѣйшій инструментъ — голосъ человѣческій. Они часто собирались въ театрахъ и храмахъ для пѣнія.... Здѣсь родится вопросъ: какъ вмѣсто однообразнаго униссона нѣкоторые голоса не попытали отдѣлиться отъ общей массы на интервалы самые простые, тогда, какъ мелодія была извѣстна за нѣсколько столѣтій до изобрѣтенія гармоніи.... Но не скоро музыка получила новое движеніе при введеніи въ гармонію, такъ называемой ощутительной ноты.

—

II.

МУЗЫКА СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

Наступаетъ время, когда музыка сбрасываетъ тяжелое иго подчиненія. Римская Имперія падаетъ; литература и поэзія исчезаютъ; варвары примѣшиваютъ свои грубыя согласныя къ мягкимъ гласнымъ Греціи и Италіи. Музыка служитъ только къ украшенію или лучше сказать, къ обезображенію гимновъ, которые христіане поютъ въ церквахъ. Наконецъ, является Гюи-д'Ареццо, и совершенствуетъ гармонію и контрапунктъ. Хотите знать, что такое были гармонія и контрапунктъ въ эпоху Гюи-д'Ареццо? Я вамъ сейчасъ объясню.

Всякое ухо, самое непривычное, тотчасъ подмѣтитъ послѣдовательность интерваловъ, производящихъ пріятное впечатлѣніе. Двѣ *терціи*, двѣ *сексты* ласкаютъ слухъ; двѣ *кварты* или *квинты* непріятно поражаютъ его. И чтожъ? Въ то время слѣдовали системѣ, прямо противоположной природѣ.

Терція и *секста* были изгнаны изъ гармоніи, и надъ басомъ ставили рядъ *кварть* или *квинтъ*, такъ, что если въ нижней партіи находились ноты: ut, re, fa, mi, sol, то верхняя брала fa, sol, si, la, do, или sol, la, do, si, re. Правда, иные робкіе нововводители пытались смягчить жесткость этихъ ужасныхъ интерваловъ примѣсью *терцій* и *квинтъ*; но надо знать, какъ возставали на нихъ пуристы того времени. Появленіе простой и невинной *терціи* приводило этихъ фанатиковъ въ негодованіе и изступленіе.

Долго рыцари квинты преслѣдовали своихъ противниковъ, партизановъ *терціи*, долго перевѣсъ оставался на сторонѣ *квинты*; но наконецъ нововводители восторжествовали, и она была уничтожена своими соперницами. *Терція* и *секста* жестоко отомстили своей прежней гонительницѣ и, съ помощію профессоровъ гармоніи, довели ее до самой жалкой и ничтожной роли.

Но въ то время, какъ композиторы добровольно надѣвали на себя тѣсныя оковы, пѣвцы истощали всѣ прихоти и порывы голоса надъ бѣдными мелодіями, поручаемыми имъ. Они украшали каждую ноту такимъ множествомъ переходовъ, триллеровъ и фіоритуръ, что самые отчаянные любители итальянскаго пѣнія едва-ли допустили бы ихъ въ наше время. Эту странную манеру подтверждаютъ всѣ рукописи того времени. Кромѣ того я слышалъ въ Римѣ пѣвцовъ, которые неприкосновенно сохранили, какъ они увѣряютъ, древнія преданія, и подъ этимъ предлогомъ безпощадно душатъ прекраснѣйшія фразы Палестрины подъ бременемъ смѣшныхъ украшеній, похожихъ болѣе на всхлипыванія, чѣмъ на пѣніе.

—

III.

МУЗЫКА ВЪ XVI СТОЛѢТІИ.

Первая половина XVI вѣка, за немногими исключеніями, была эпохою педантизма въ музыкѣ. Тогда какъ другія искусства на-

чинались свободными созданіями вдохновенія, музыка началась самыми дѣтскими изобрѣтеніями. Она сдѣлала, правда, нѣкоторые успѣхи: *квинта* потеряла свое могущество, композиторы пріобрѣли болѣе искусства въ сочетаніи партій, законы гармоніи были лучше поняты, но не смотря на это, педантизмъ профессоровъ душилъ еще музыку, какъ Геркулесъ Антея. Тогда-то произошли fisersagi, каноны *полиморфы*, съ обратнымъ движеніемъ, и пр. Эти плевелы музыки заглушили все доброе сѣмя, прежде посѣянное. Композиторами овладѣлъ какой-то демонъ пренія. Они собирались для споровъ объ diatessaron и diapente, и часто держали значительныя пари о вопросахъ теоріи. Среди этихъ преній, религіозная музыка упала до такой степени, что кардиналы рѣшились отмѣнить ее въ церквахъ. Утверждаютъ, что обѣдня Палестрины, извѣстная подъ именемъ папы Марчелло и возбудившая всеобщій восторгъ, была поводомъ къ отмѣнѣ этого декрета

Разсматривая эту обѣдню, трудно понять энтузіазмъ, произведенный ею. Правда, она представляетъ значительныя улучшенія противъ стиля того времени, гармонія въ ней яснѣе и менѣе запутана, но трогательное и высокое чувство, такъ поразительно выступившее въ послѣднихъ произведеніяхъ великаго маэстро, особенно въ службѣ на Св. Пасху, это чувство не выражено въ ней во всей простотѣ и величіи. Но все-таки обѣдня папы Марчелло была для того времени большимъ шагомъ впередъ.

Съ другой стороны, около половины XVI столѣтія созданъ былъ новый родъ музыки, *мадригалъ*, небольшое свѣтское стихотвореніе, которое композиторы обработывали сперва въ формахъ церковной музыки; но вскорѣ мадригалъ получилъ болѣе свѣтскій характеръ. Уже начинали зарождаться новые элементы, отдѣлившіе духовную музыку отъ свѣтской; размѣръ и ритмъ явился, одна модуляція остается еще въ предѣлахъ пяти тоновъ мажорныхъ и минорныхъ: энгармоническіе переходы сдѣлались извѣстными уже въ послѣдствіи. Изъ замѣчательныхъ пьесъ этого времени, впервые выражающихъ идею комической музыки, мы упомянемъ слѣдующія: *Пѣніе птицъ* (le Chant des oiseaux), *Мариньянская битва* (la Bataille de Marignan) и *Парижскіе разнощики* (les Cris de Paris), Клемана Жаннекена; онѣ были бы вполнѣ образцовыми произведеніями, если бы не утомляли однообразіемъ мотива. Въ *Пѣніи птицъ*, крикъ

кукушки введенъ въ концѣ пьесы самымъ комическимъ образомъ. *Мариньянская битва* составляетъ цѣлую поэму: въ ней слышатся стукъ копьевъ, звукъ трубъ, удары мечей, всѣ случайности битвы, и все это передано чрезвычайно вѣрно.

Значитъ, почти всѣ элементы новѣйшей лирической драмы уже развивались, каждый отдѣльно, въ эту эпоху. Инструментальная музыка, необходимая для полноты драматическаго эффекта, дѣлала замѣчательные успѣхи. Скрипка уже существовала въ Италіи около половины XVI вѣка, но, кажется, не пользовалась еще особенною любовью, потому что, въ разсказѣ о праздникѣ въ Феррарѣ, по случаю бракосочетанія Филиппа III, короля испанскаго, съ Маріею, о скрипкѣ едва упомянуто, и всѣ похвалы расточаются одному знаменитому виртуозу рожка. Сколько дилеттантовъ XIX столѣтія принадлежатъ, въ этомъ отношеніи, еще къ XVI-му!

Въ Германіи, занятой въ то время богословскими спорами, музыка дѣлала мало успѣховъ; она ограничивалась величественными хоралами Лютера.

Не то видимъ мы въ Англіи. Капелла Эдуарда VI состояла изъ 73 музыкантовъ и стоила 1732 фунта стерлинговъ (около 12,000 руб. сер.), сумма значительная по тому времени! Королева Елисавета, давая своимъ музыкантамъ обѣдъ, клала подъ ихъ салфетки по сорока золотыхъ монетъ. Она сама играла на *виржиналь* перстами, рѣшавшими однимъ почеркомъ судьбу міра. Этотъ инструментъ былъ въ родѣ эпинета или клавесина, и королева играла на немъ, какъ говорятъ, съ замѣчательнымъ талантомъ. Мы имѣемъ любопытный сборникъ пьесъ, сочиненныхъ нарочно для королевы; нѣкоторыя изъ нихъ считались крайне трудными для исполненія. Бурней утверждаетъ, что *подобные пассажи*, также, какъ и *ряды октавъ, исполняемыхъ одною рукою*, совершенно неприступны; можно, прибавляетъ онъ, трудиться надъ ними въ своей комнатѣ, но остерегайтесь играть ихъ передъ публикою. Не смотря на замѣчанія ученаго автора, въ наше время многіе десяти или двѣнадцатилѣтніе Орфеи, безъ предварительнаго разучиванія, преодолѣютъ всѣ трудности неприступнаго Virginals book.

Королева Елисавета обѣдала при звукѣ инструментовъ; ея оркестръ состоялъ изъ двѣнадцати трубъ, двухъ большихъ барабановъ,

флейтъ, рожковъ и боковыхъ барабановъ (tambour de cotè). Не знаю, какой разговоръ былъ возможенъ при такихъ собесѣдникахъ.

И такъ, въ половинѣ XVI вѣка, геній Палестрины далъ духовной музыкѣ новое, великое направленіе: она достигла, въ послѣдніе годы жизни дивнаго маэстро, высочайшей степени совершенства; съ этихъ поръ она начинаетъ клониться къ упадку. Въ тоже время родился мадригалъ, этотъ червь духовной музыки. Первые мадригалы, особенно сочиненные Палестриною, сохраняютъ еще строгія формы христіанской музыки. Но, въ концѣ XVI вѣка и въ послѣдствіи, мы видимъ вторженіе свѣтской музыки — въ храмъ западной церкви. Въ строгомъ смыслѣ, удивительныя мессы и ораторіи Перголезе, Жомелли, Моцарта, Гайдна, не составляютъ-ли превосходныя произведенія свѣтской музыки, написанныя на религіозныя темы?

—

IV.

ЛИРИЧЕСКАЯ ДРАМА ВЪ XVI ВѢКѢ.

Въ концѣ XVI столѣтія лирическая драма пытается сбросить оковы, наложенныя педантами. Но какъ слабы и робки эти попытки! Какъ много еще заимствуетъ она отъ господствовавшаго тогда педантизма! Поэзія соглашается пріютить слабую и бѣдную сестру свою, изуродованную современными композиторами.

Первою извѣстною лирическою драмою (если только она заслуживаетъ это названіе) была опера *Орфей*. Она написана въ Италіи, въ послѣднихъ годахъ XVI столѣтія, поэтомъ Полиціано. Пьеса ведена довольно искусно, сцены порядочно обрисованы, положенія интересны, и таланту композиторовъ было бы гдѣ развернуться, еслибъ въ нихъ была хотя тѣнь драматическаго чувства. Мы представимъ читателямъ подробный разборъ этой драмы, очень похожей (читатель самъ пойметъ, что мы говоримъ объ либретто) на *Орфея* Глука.

Содержаніе написано въ стихахъ. Пьеса основана на древней баснѣ. Пастухъ Аристей, сынъ Аполлона, влюбленный въ Эвридику, жену Орфея, преслѣдуетъ ее въ полѣ. Убѣгая отъ него, Эвридика наступила на змѣю, и, ужаленная ею, умираетъ. Орфей сладостными

пѣснями смягчаетъ подземныя божества, которыя позволяютъ ему вывести Эвридику изъ мрачнаго жилища тѣней, съ условіемъ, не оглядываться до выхода. Орфей нарушаетъ это условіе, и Эвридика возвращается въ адъ. Погруженный въ отчаяніе, онъ проклинаетъ любовь, и раздраженныя Менады раздираютъ его на части.

Вотъ раздѣленіе на акты.

1-й актъ — *Пастушескій* (Pastoral). — Онъ состоитъ почти весь изъ одной декламаціи безъ музыки; только въ концѣ акта Аристей поетъ арію на слова:

Udite, selve, mie dolci parole,
Poichè la bella ninfa udir non vuole.

«Лѣса! внимайте моимъ нѣжнымъ словамъ, такъ какъ прекрасная нимфа не хочетъ ихъ слушать.»

2-ой актъ — *Нимфическій* (Nymphal). — Аристей и хоръ Дріадъ оплакиваютъ смерть Эвридики.

3-ій актъ — *Героическій* (Héroique). — Орфей выходитъ на сцену. Странная вещь! одинъ изъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, онъ говоритъ по латини. Играя на лирѣ, онъ поетъ слѣдующіе стихи:

Musa, triumphales titulos et gesta canamus
Herculis et forti monstra subacta manu;
Et timidae matri pressos ostenderit angues,
Intrepidusque fero riserit ore puer.

«Муза, воспоемъ торжества и подвиги Геркулеса и усмиреніе чудовищъ мощною рукою; безстрашный ребенокъ, онъ показывалъ трепещущей матери змѣй, которыхъ давилъ съ жестокимъ смѣхомъ!»

4-ый актъ — *Фантастическій* (Fantastique). — Орфей посѣщаетъ подземныя страны. Въ этомъ актѣ являются на сцену Плутонъ, Прозерпина, Евридика и Тизифона.

5-ый актъ — *Вакхическій* (Bacchana'e). — Орфей, одна изъ Менадъ и хоръ Менадъ.

Отъ всей партитуры этой драмы не осталось ни одного отрывка; вѣроятно, она отличалась барбаризмами и педантическими формами того времени.

Въ послѣдніе годы XVI вѣка, нѣсколько поэмъ были положены на

музыку; но первыя оперы, заслуживающія это названіе, написали Каччини, Пери и Монтеверде. *Эвридика* Пери была сочинена въ 1600 г., по случаю бракосочетанія Генриха IV и Маріи Медичи.

Эмиліо дель Кавальере былъ также замѣчательнымъ композиторомъ своего времени. Въ одномъ изъ предисловій, онъ говоритъ читателямъ, что его музыка истинная греческая, найденная и воскрешенная имъ, что она точно также, какъ и древняя, возбуждаетъ всѣ чувства, печаль, жалость, радость и удовольствіе, что и было справедливо; потому что когда синьора Аркилеи, извѣстная пѣвица того времени, пѣла сцену изъ *Отчаянія Филены*, то слезы лились изъ глазъ тронутыхъ зрителей.

Мы хотѣли бы на часъ обладать могуществомъ Глубдобдрайба *; мы вызвали бы тѣнь синьоры Аркилеи, мы вызвали бы музыкантовъ, акомпанировавшихъ ей, и, можетъ быть, поняли бы тогда, какимъ-образомъ скучная и безцвѣтная мелодія, поддерживаемая визгливою флейтою или хриплою альтъ-віолою (basse de viole), могла до такой степени возбуждать энтузіазмъ восторженныхъ слушателей!

Я питаю глубочайшее уваженіе къ ученымъ гармонистамъ всѣхъ вѣковъ, и особенно XVI-го; но къ этому почтенію примѣшивается невольный страхъ, когда мнѣ приходится обратиться къ нимъ и поднять пыль съ полокъ библіотеки, гдѣ они почиваютъ сномъ непробуднымъ. Я просматривалъ для этой статьи произведенія Монтеверде, одного изъ отцовъ лирической драмы. Монтеверде пользуется особеннымъ удивленіемъ ученыхъ; но я боюсь, что ихъ удивленіе заходитъ за предѣлы. Конечно, мы должны быть благодарны ему, потому что онъ вывелъ на свѣтъ *седьмую доминанту* (septima dominanta), за которою такъ ухаживаютъ композиторы нашего времени, употребляющіе одну ее, за исключеніемъ всякаго другаго аккорда, какъ (извините за сравненіе!) въ большомъ хозяйствѣ все дѣлаетъ одна служанка. На доминантѣ основана у нихъ вся гармонія; она подготовляетъ переходы; ее же употребляютъ они и въ сотнѣ другихъ случаевъ, не утомляя ни ея терпѣнія, ни ревности. Скажемъ же спасибо Монтеверде, но согласимся также, что онъ совсѣмъ не зналъ свойствъ этой услужливой служанки. Едва въ нѣсколькихъ

* *Властитель* волшебниковъ, въ *Гулливерѣ*.

мѣстахъ сохраняетъ она у него свою живую и свободную поступь; большею же частію связываетъ онъ ее узами контрапункта, какъ желѣзнымъ корсетомъ. Можно даже прибавить, что мнимо-драматическая музыка, написанная имъ, представляетъ часто варварское сочетаніе звуковъ, достойное предшествовавшихъ вѣковъ Онъ очень хорошо объясняетъ Артузи, ученому автору того времени, что онъ болѣе старался сдѣлать музыку поэтическою и живописною, чѣмъ строгою и изысканною, всѣ правила его очень хороши, но посмотрите, какъ онъ примѣняетъ ихъ на дѣлѣ. Въ операхъ: *Орфей* (какъ видно, этотъ сюжетъ былъ въ то время въ большой модѣ), ему пришлось положить на музыку слѣдующій стихъ:

E dopo l'aspro gel del verno ignudo.
«Послѣ жестокаго холода обнаженной зимы.»

Вотъ какъ Монтеверде принялся за это. Это мѣсто написано въ тонѣ sol и чрезвычайно протяжно; послѣ созвучнаго аккорда басъ на словѣ aspro беретъ si, ut *діезъ*, re, а средняя партія — ut *бекаръ*, ut *бекаръ*, la, и верхняя — la, la, fa *діезъ*.

Согласитесь, что развѣ самая жестокая полярная зима въ состояніи внушить подобную дисгармонію!

Въ другой сценѣ, Аполлонъ и Орфей восходятъ на небо и поютъ:

Saliam cantando.
«Поднимемся съ пѣніемъ.»

Композиторъ, думая вѣроятно, что нельзя употребить слово cantando, не выразивъ его значенія звуками, пользуется этимъ случаемъ и заставляетъ пѣвцовъ исполнять невѣроятныя рулады, продолжающіяся нѣсколько тактовъ. Эта худая манера жалкой подражательной гармоніи удержалась на долго. Гайднъ, къ несчастію, довольно часто вводилъ ее въ свою прекрасную ораторію: *Сотвореніе міра*, и даже въ наше время многіе композиторы, чуть рѣчь зайдетъ объ *солдатахъ* и *битвахъ*, непремѣнно гремятъ всѣми трубами оркестра, а при *пастухахъ* и *пастушкахъ*, призываютъ на помощь сельскіе звуки гобоя.

Вотъ изъ какихъ иструментовъ состоялъ оркестръ оперъ Монтеверде:

Два клавіатурныхъ инструмента, двѣ альтъ-віолы, десять віолъ ручныхъ, двойная арфа, двѣ маленькія французскія скрипки (карманныя скрипки, les pochettes), двѣ большія гитары, два органа съ деревянными трубами, три контрабаса, четыре тромбона, регалъ (régal), два рожка, маленькая октавная флейта, горнъ и три трубы съ сурдинами.

Не думайте, чтобы эти инструменты составляли у Монтеверде гармоническій ансамбль; нѣтъ! Каждое изъ главныхъ лицъ имѣло къ своимъ услугамъ одинъ инструментъ, начинавшій играть только при выходѣ его на сцену и исчезавшій вмѣстѣ съ нимъ. Такъ Орфею акомпанировали двѣ альтъ-віолы, Эвридикѣ десять ручныхъ віолъ, хору адскихъ духовъ—два органа съ деревянными трубами, а бѣдной *Надеждѣ* достались на долю двѣ карманныя скрипки. Свита Харона состояла изъ двухъ гитаръ, прекрасныхъ въ рукахъ рыбака Адріатики, но совершенно неожиданныхъ въ лодкѣ страшнаго Ахеронскаго перевощика. Увертюра, состоявшая изъ девяти тактовъ, исполняема была всѣми инструментами и повторялась три раза передъ поднятіемъ занавѣса.

Можетъ-быть я и ошибаюсь, но мнѣ кажется, что подобный оркестръ, даже въ полномъ составѣ, не могъ произвести удовлетворительный эффектъ. Странно, что скрипка, достигшая уже полнаго совершенства механизма, такъ мало употребляема была композиторами; вѣроятно, ихъ останавливало неискусство исполнителей. Даже во время Рамо, ut квинты было величайшею трудностію, доступною скрипачамъ; самъ Себастіанъ Бахъ, при всей своей смѣлости, рѣдко рѣшался въ своихъ сонатахъ переходить за эту ужасную ноту, настоящій камень преткновенія и геркулесовы столпы скрипачей того времени, значитъ можно предположить, что Паганини XVI столѣтія извлекали изъ своихъ инструментовъ звуки не слишкомъ мощные и гармоническіе.

Не смотря на всѣ недостатки, нельзя не согласиться, что Пери, Каччини, и Монтеверде дѣйствительно подвинули впередъ драматическую музыку. До нихъ опера состояла почти вся изъ однихъ разговоровъ. Музыка состояла изъ какихъ-нибудь хоровъ, выходовъ, и вся партитура этихъ жалкихъ произведеній заняла бы не болѣе мѣста, чѣмъ самый маленькій вальсъ нашего времени.

Монтеверде создалъ речитативъ. Правда, этотъ речитативъ не по-

лонъ и грубъ, но все-таки надо отдать справедливость изобрѣтателю, какъ ни мало усовершенствовалъ онъ свое изобрѣтеніе. Къ несчастію, свѣтъ забывчивъ и неблагодаренъ. Въ искусствѣ, онъ заботится менѣе объ изобрѣтеніи, чѣмъ объ совершенствѣ. Онъ не расчитываетъ, что иное произведеніе, жалкое и не заслуживающее теперь ни малѣйшаго вниманія, въ свое время стоило творцу болѣе усилій, чѣмъ почти совершенныя созданія, восхищающія нашихъ современниковъ. Да, свѣтъ забывчивъ и неблагодаренъ; онъ не понимаетъ и не хочетъ понять, что жалѣть должно объ людяхъ, явившихся преждевременно и расточившихъ свои силы въ тщетныхъ, безплодныхъ усиліяхъ. Сколько безвѣстныхъ геніевъ, сколько терпѣливыхъ тружениковъ трудились только для того, чтобы прочистить дорогу Моцарту, Бетговену, Веберу!!!

—

V.

ЛИРИЧЕСКАЯ ДРАМА ВЪ ИТАЛІИ ВЪ XVII ВѢКѢ.

Музыка, создавъ речитативъ, этотъ выродокъ XVI вѣка, кажется совершенно истощила свои силы. Правда, въ Италіи любовь къ театру обратилась въ истинную страсть: композиторы наводняли ее своими произведеніями; модные авторы едва поспѣвали выполнять всѣ *заказы*. Цести, отъ 1639 до 1666 года, написалъ не менѣе тридцати пяти оперъ для одной Венеціи. Но среди этой безплодной дѣятельности, драматическое искусство оставалось въ прежнемъ неподвижномъ состояніи. Отъ большей части этихъ оперъ не сохранилось даже никакого слѣда.

Италія быстро пожирала эти безобразныя произведенія, достигшія въ продолженіи вѣка до огромнаго числа; библіографы насчитываютъ до 658 оперъ однихъ венеціянскихъ композиторовъ, которыхъ, по моему, грѣшно даже назвать именемъ *маэстро*. Дель Валле, многословный авторъ, писавшій около половины XVII вѣка, увѣряетъ, что въ его время музыка сдѣлала большіе успѣхи, что она бросила сжатый стиль фуги, эти вѣчныя подражанія, стѣсняющія идею композитора и искажающія смыслъ словъ; но дошедшіе до насъ отрывки не оправдываютъ его мнѣнія. Дель Валле, подобно другимъ композиторамъ

этого времени, преслѣдовалъ вѣчную химеру, воскрешеніе греческой музыки; всѣ стремились тогда къ этой цѣли, и никому даже не приходило въ голову, что эта неуловимая греческая музыка и не соотвѣтствуетъ новымъ требованіямъ.

Въ Римѣ, любовь къ театру распространилась гораздо позже. Однакоже мы видимъ, что въ 1680 году опера Onesta nell'amore (Честность въ любви) была представлена во дворцѣ королевы Христины, жившей, по отреченіи отъ престола, въ вѣчномъ городѣ. Эта опера была дебютомъ Скарлатти, который вскорѣ прослылъ однимъ изъ величайшихъ композиторовъ Италіи. Въ 1681 году, *Лизимахъ*, опера Легренци, была также исполнена въ этомъ дворцѣ.

Первымъ театромъ, построеннымъ въ Римѣ, былъ театръ Torre di Nona, который существуетъ еще теперь, и на которомъ была представлена въ 1771 года, опера *Язонъ*. Въ этой оперѣ въ первой разъ является мелопея, болѣе ритмическая, чѣмъ простой речитативъ: композиторъ назвалъ ее аріей (aria). Другіе композиторы подражаютъ этому примѣру.

Эти аріи имѣли опредѣленный ритмъ, опредѣленную длину, и всегда писались въ $^{6}/_{4}$, какія-бы чувства ни выражали. Впрочемъ въ это время вездѣ, какъ въ Италіи, такъ во Франціи и въ Англіи, исключительно господствовала страсть къ необыкновенному, къ чудесному. За неимѣніемъ пьесъ, интересныхъ искусствомъ интриги и живостію чувствъ, за недостаткомъ музыкальнаго выраженія страсти, только танцы, декораціи и машины могли поддерживать эти произведенія, лишенныя всякаго содержанія. Одною изъ знаменитѣйшихъ пьесъ этого времени была *Береника*, Фрески, игранная въ Падуѣ, въ 1680 году. Вотъ персонажи этой оперы: хоръ изъ ста женщинъ; сто солдатъ, сто всадниковъ въ мѣдныхъ доспѣхахъ; сорокъ конныхъ музыкантовъ съ рожками, шесть конныхъ трубачей, шесть барабанщиковъ, шесть знаменщиковъ, шесть волынокъ, шесть флейтистовъ, шесть менестрелей съ турецкими инструментами, шесть пажей, три сержанта, шесть литаврщиковъ, двѣнадцать егерей, двѣнадцать лакеевъ, шесть возницъ для тріумфа, шесть другихъ для процессіи; два льва и два слона, управляемые четырьмя турками. Четыре лошади везли тріумфальную колесницу, двѣнадцать лошадей везли другія шесть колесницъ съ плѣнниками и добычей.

Неаполитанская школа въ XVII столѣтіи была не богата произведеніями. Однакоже Дель Валле говоритъ, что любовь къ музыкѣ была распространена въ Неаполѣ. Онъ съ энтузіазмомъ вспоминаетъ пѣвицъ, которыхъ тамъ слышалъ. «Кто можетъ, говоритъ онъ, безъ восхищенія слушать чудное пѣніе синьоры Леоноры? Кто осмѣлится отдать пальму первенства ей или сестрѣ ея Катаринѣ ? И кто, видѣвшій и слышавшій, подобно мнѣ, мать ихъ синьору Адріану, когда она, въ своей юности на берегахъ Павзилиппа, пѣла, убаюкиваемая волнами, съ золотою арфою въ рукахъ, кто не сознается, что въ этой странѣ живутъ сирены не только прекрасныя и сладкозвучныя, но добрыя и благодѣтельныя ?» Въ этихъ словахъ автора совѣстливаго и ученаго, но рѣдко увлекающагося, дышетъ неподдѣльное чувство, придающее набросанной имъ картинѣ яркій мѣстный колоритъ. Среди роскошной, цвѣтущей природы, на берегахъ благоухающихъ померанцами, у лазурныхъ волнъ тихо покоющагося моря, въ таинственный часъ, когда сумракъ охватываетъ поля неопредѣленными тѣнями, а душу тихою грустію, чудно хорошъ, вполнѣ упоителенъ звучный голосъ прекрасной женщины. Но истинная сирена, это не пѣвица, о которой говоритъ Дель Валле, а Италія, сама Италія, неотразимо влекущая къ себѣ нѣжную художническую натуру, Италія, для которой столько артистовъ покинули и родину, и друзей, и родныхъ !

—

VI.

ОПЕРА ВО ФРАНЦІИ ВЪ XVII ВѢКѢ.

Теперь, читатель, мы перешагнемъ черезъ Альпы и посмотримъ, что дѣлаетъ музыка во Франціи въ половинѣ XVII столѣтія.

Обратимся сперва назадъ.

Жанъ-Антуанъ Байфъ первый задумалъ основать въ Парижѣ театръ для представленія пьесъ, составленныхъ на подобіе итальянскихъ оперъ. Въ 1570 году, Карлъ IX, всегда покровительствовавшій нау-

камъ и искусствамъ, далъ ему позволеніе основать академію музыки. Внутреннія смуты, волновавшія тогда Францію, помѣшали Байфу осуществить его мысль, возстановленіе греческой музыки. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, академія музыки совершенно распалась. Цѣлый вѣкъ прошелъ безъ пользы для музыкальнаго искусства. Правда, Кардиналъ Мазарини выписалъ изъ Италіи нѣсколькихъ пѣвцовъ, но они не имѣли ни большаго успѣха, ни сильнаго вліянія на искусство во Франціи. Въ 1669 году, аббатъ Перренъ, болѣе замѣчательный своими упорными усиліями, чѣмъ талантомъ, сочинилъ пастораль: *Помона*, положенную на музыку Камберомъ, дирижеромъ оркестра Анны Австрійской. Эта пьеса, представленная сперва у одного богатаго купца въ Исси, гдѣ она возбудила всеобщій этнузіазмъ, была дана потомъ въ Оперѣ, помѣщавшейся тогда въ одной изъ залъ Пети-Бурбона. Такой-же успѣхъ имѣла пастораль Жильбера, также положенная на музыку Камберомъ.

Стихи Перрена стоили стиховъ Жильбера, и только музыка Камбера, удачная для того времени, могла сдѣлать ихъ сносными. Конечно, теперь и ее нашли-бы достойною либретто. Въ *Помонѣ*, Вертумнъ, богъ огородовъ, и Фавнъ взапуски напѣваютъ любезности Флорѣ, которая охотно слушаетъ ихъ.

Музыка Камбера дѣйствительно замѣчательна и составляетъ непосредственный переходъ къ новой эпохѣ лирической драмы во Франціи, переходъ къ болѣе извѣстнымъ произведеніямъ Люлли, этого баловня фортуны и современниковъ.

—

VII.

ОРАТОРІЯ ВЪ ИТАЛІИ ВЪ XVII ВѢКѢ.

Происхожденіе оратоpіи, какъ и всѣ почти происхожденія, теряется во мракѣ, среди котораго и ученые бродятъ ощупью. Апостоло Зено увѣряетъ, что первымъ драматическимъ зрѣлищемъ въ Италіи была

духовная комедія, представленная въ Падуѣ въ 1243 или 44 году. Въ Римѣ, въ 1264 году, образовалось общество del Gonfalone, которое представляло въ церквахъ священные предметы. Впрочемъ это общество было основано болѣе съ благочестивою, чѣмъ съ мірскою цѣлію. теля. Но такъ какъ въ этихъ представленіяхъ музыка не занимала значительнаго мѣста, то мы и не займемся ими. Первая ораторія, въ которую введена музыка, l'Arima ed il Corpo (Душа и Тѣло), относится къ 1600 году, когда появилась и *Эвридика* Пери, о которой мы уже говорили. Она сочинена Эмиліо дель Кавальере, который раздѣляетъ съ Пери, Каччини и Монтеверде честь изобрѣтенія речитатива. Изъ посвященія кардиналу Альдобрандини видно, что это произведеніе было въ первый разъ исполнено въ церкви Valicella, гдѣ устроили сцену. Эта ораторія была постановлена на сцену съ декораціями и танцами. Предисловіе къ ней показываетъ, на какой степени варварства находилось драматическое искусство черезъ три вѣка послѣ Данте и Петрарки.

Извѣстнѣйшими композиторами церковной музыки въ XVII столѣтіи были Кариссими и Страделла. Къ несчастію, сочиненія ихъ большею частію потеряны для насъ. Библіотека парижской консерваторіи владѣетъ весьма малымъ числомъ произведеній Кариссими, какими-нибудь двумя или тремя сборниками мотетовъ. Въ ней также хранится нѣсколько пьесъ шуточныхъ: *Война циклоповъ*, *Завѣщаніе осла*, въ которыхъ авторъ показываетъ болѣе смѣлости и воображенія, чѣмъ въ произведеніяхъ, имѣвшихъ въ его глазахъ бо́льшую важность. Старые маэстро, въ слѣдствіе ложной идеи о достоинствѣ и строгости искусства, всегда удерживали порывы своего воображенія при обработкѣ религіозныхъ сюжетовъ; вся смѣлость ихъ обращалась на произведенія болѣе легкія. Такъ самъ Себастіанъ Бахъ, почти никогда не отступающій отъ пяти модуляцій каждаго тона, въ нѣкоторыхъ фортепіанныхъ пьесахъ, напр. въ *Хроматической фантазіи*, поражаетъ насъ самыми смѣлыми, самыми неожиданными переходами.

Изъ произведеній Страделлы сохранилось также немного. Мы видимъ однакоже, что его стиль, не болѣе драматическій, былъ однакоже изящнѣе стиля его современниковъ. Несчастная участь Страделлы набросила на его славу оттѣнокъ нѣжной грусти. Въ Венеціи онъ давалъ уроки пѣнія молодой римлянкѣ Гортензіи, любовницѣ одного

венеціянскаго вельможи. Страделла влюбился въ нее, и сердце Гортензіи не устояло противъ чуднаго голоса Страделлы. Любовь ихъ была открыта, и они принуждены были бѣжать. Венеціанецъ скоро открылъ ихъ слѣды. Страделла пѣлъ въ церкви Св. Іоанна Латранскаго, въ ораторіи своего сочиненія; два убійцы, подкупленные его соперникомъ, подошли къ церкви съ цѣлію умертвить его. Прелесть пѣнія композитора произвела на ихъ грубую натуру такое сильное впечатлѣніе, что они отказались отъ своего замысла и открыли Страделлѣ, съ какою цѣлію прибыли въ Римъ. По совѣту ихъ, онъ бѣжалъ съ своею любовницею въ Туринъ. Герцогиня Савойская помѣстила Гортензію въ монастырь, а Страделлу сдѣлала своимъ капельмейстеромъ. Несчастный композиторъ почиталъ себя спасеннымъ, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ убитъ подкупленными брави.

Любовь Гортензіи и несчастный конецъ осѣнили Страделлу поэтическимъ вѣнцомъ и содѣйствовали его извѣстности болѣе даже его произведеній. Въ его рукахъ и вообще въ рукахъ школы итальянской, ораторія не получала настоящаго своего значенія. Но близко уже время, когда муза Италіи потеряетъ скипетръ ораторіи, близко время, когда муза болѣе строгая и величественная займетъ мѣсто духовной драмы! Скоро Себастьянъ Бахъ, величайшій изъ всѣхъ церковныхъ композиторовъ, наполнитъ всю Германію своимъ славнымъ именемъ!

—

VIII.

КИНО И ЛЮЛЛИ.

Въ то время, какъ великій Корнель создавалъ во Франціи литературу строгую, мощную и величественную, какъ безконечныя аллеи древняго парка, въ то время другой родъ литературы, рожденный въ золоченыхъ салонахъ отеля Рамбулье, развивался и велъ съ истиннымъ искусствомъ упорную войну. Этотъ родъ жеманный и ложный, родственный мадригаламъ Дора, картинамъ Ватто и Буше, статуямъ Бернена, былъ до такой степени въ модѣ, что сама Севинье, женщина умная и образованная, невольно увлекалась всеобщимъ пристрастіемъ къ *Киру* и *Артаменѣ*. Она восхищалась этими героями

и героинями Скюдери, ихъ нѣжными чувствами, ихъ ловкими ударами. Она чувствовала, что все это нѣсколько ложно, нѣсколько напыщено, нѣсколько манерно; она видѣла, понимала это, но не могла разстаться съ своими увлеченіями. Эта мелкая и приторная литература росла и процвѣтала возлѣ великой, какъ чужеядные мхи у подножія дуба. Однимъ изъ представителей ея былъ Кино. Онъ не далеко подвинулъ искусство своими лирическими трагедіями, перемѣшанными фантасмагоріями и пастушескими эклогами, или своими монотонными прологами, въ которыхъ всѣ божества Олимпа, всѣ нимфы земли и водъ, взапуски прославляютъ Людовика XIV. Какъ поэтъ, Кино принадлежалъ обѣимъ литературнымъ партіямъ. По слогу, по языку, онъ чистый классикъ; по истинѣ чувствъ, по драматической концепціи, кто не узнаетъ въ немъ писателя школы Рамбулье? Къ счастію, судьба свела Кино съ человѣкомъ, который болѣе всѣхъ могъ содѣйствовать успѣху его произведеній и которому онъ самъ былъ необходимою опорою. Всякой пойметъ, что мы говоримъ о Люлли.

Мелкій флорентинскій дворянинъ, привезенный двадцати лѣтъ во Францію, поваренокъ у г-жи Монпансье, превосходный скрипачъ въ эпоху, когда никто не умѣлъ играть на скрипкѣ, Люлли былъ истиннымъ основателемъ французской оперы. Правда, онъ принялъ всѣ мѣры, чтобы никто не могъ оспаривать у него этотъ титулъ. Пользуясь милостію Лудовика XIV, Люлли успѣлъ выхлопотать себѣ привиллегію, которою аббатъ Перрень пользовался въ продолженіи двухъ лѣтъ. Тогда ни одинъ музыкантъ не могъ уже представлять свои произведенія. Камберъ не устоялъ противъ этого; онъ уѣхалъ въ Англію, гдѣ и умеръ съ отчаянія. Конечно, музыка Камбера была не слишкомъ хороша; но право она не ниже произведеній Люлли. Тотъ же тяжелый и темный речитативъ, тоже отсутствіе всякой оригинальной модуляціи, таже несвязность въ ходѣ партій.

Первыми произведеніями Люлли были балеты, написанные для короля; и музыка, и постановка ихъ сохранились. Они не имѣютъ никакого значенія и замѣчательны только безсвязностію и странною игрою воображенія.

Музыка балетовъ Люлли ничтожна и часто даже не имѣетъ никакого отношенія къ дѣйствію, въ ней нѣтъ ни свѣжихъ, игривыхъ мотивовъ, ни гармоническаго сочетанія инструментовъ.

Но настоящую славу Люлли составили его оперы, которыя по музыкальной концепціи, по драматическому чувству нисколько не выше его балетовъ. Говорятъ, что Люлли усовершенствовалъ инструментацію, что онъ первый ввелъ въ оркестръ духовые и ударные инструменты; положимъ, что такъ, но не лучше-ли было бы оставить ихъ въ покоѣ, чѣмъ употреблять ихъ, какъ Люлли?

Въ наше время, самая снисходительная публика не вынесла бы исполненія произведеній Люлли, тогда какъ произведенія композиторовъ болѣе старыхъ выслушиваются еще съ благоговѣніемъ. — И отчегоже? — Не отъ однообразія его акомпаньемановъ, не отъ бѣдности оркестровки и неправильности гармоніи, но скорѣе отъ того, что онъ работалъ безъ совѣстливости. Произведенія Палестрины также часто лишены мелодій и ритма, но религіозное чувство такъ полно выражается въ нихъ, что всегда находитъ доступъ къ сердцу.

—

IX.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ МУЗЫКА ВЪ ИТАЛІИ ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ. — ЗНАМЕНИТЫЕ КОМПОЗИТОРЫ.

Если обиліе, въ искусствахъ, есть признакъ совершенства, то XVIII вѣкъ былъ золотымъ вѣкомъ итальянской музыки. Сотни оперъ появлялись на всѣхъ сценахъ Италіи, но большею частію тотчасъ-же и умирали. Композиторы вѣчно разъѣзжали по большимъ дорогамъ, изъ Рима въ Неаполь, изъ Венеціи въ Миланъ, сочиняя по операмъ въ каждый сезонъ. Они очень походили на розовые кусты, цвѣтущіе четыре раза въ годъ, немножко въ ущербъ своимъ розамъ. Эта поспѣшность вредила ихъ произведеніямъ, но тѣмъ не менѣе справедливо, что для музыки эта эпоха была обильна усовершенствованіями. Безъ сомнѣнія, въ произведеніяхъ Жомелли, Чимарозы, Паизьелло, Перголезе, видны мѣстами слабость, замѣтны слѣды небрежности; но за то вы найдете въ нихъ и чистое золото, найдете красоты первокласныя.

Эпоха, которою мы занимаемся теперь, есть безспорно одна изъ интереснѣйшихъ въ исторіи искусства. Совершенствованіе, сперва почти незамѣтное по своей медленности, вскорѣ становится болѣе быстрымъ и слѣдовательно болѣе замѣтнымъ. Здѣсь, удачная гармонія произ-

водитъ неожиданный эффектъ и открываетъ новый взглядъ; тамъ, неожиданно является живописный ритмъ. Далѣе, какой-нибудь скромный духовой инструментъ незамѣтно прокрадывается въ первый разъ въ произведеніе композитора и робко вступаетъ въ разговоръ съ надменною скрипкою; вскорѣ его товарищи, деревянные или мѣдные, одинъ за другимъ присоединяются къ нему, постепенно возвышая свой голосъ и придавая новыя силы тогда еще робкому оркестру.

Изъ всѣхъ итальянскихъ композиторовъ XVIII столѣтія, особенное вліяніе на успѣхи музыки имѣлъ Скарлатти. Онъ одинаково подвинулъ впередъ и науку гармоніи, и инструментовку. Его плодовитость была неистощима, и, къ счастію для него, съ нею соединялось пылкое и игривое воображеніе. Хотя онъ дебютировалъ, какъ мы видѣли, въ 1680 году, оперою, игранною передъ Королевою Христиною, но, по главнымъ своимъ произведеніямъ, онъ дѣйствительно принадлежитъ къ XVIII вѣку. *Тигранъ* (Tigrane), одно изъ его образцовыхъ прозведеній, былъ написанъ въ 1715 году. Почти къ тому-же времени относится и другая его опера, *Сынъ лѣсовъ* (Il Figlio delle Selve), блистающая первокласными красотами.

Марчелло примѣнилъ къ церковной музыкѣ усовершенствованія, введенныя Скарлатти въ музыку драматичеекую. Псалмы его давно уже оцѣнены всѣми. Но кажется, что онъ не имѣлъ большаго успѣха на сценѣ, что доказываютъ небольшое число его оперъ и остроумная сатира, Il Teatro alla moda, о которой мы уже имѣли случай говорить.

Жомелли, преемникъ генія Скарлатти, далеко не былъ такъ счастливъ. Правда, первыя произведенія его понравились итальянской публикѣ, но когда пребываніе въ Германіи дало новое, лучшее направленіе его таланту, то онъ остался непонятымъ и былъ пренебреженъ и забытъ. Вотъ мнѣніе современниковъ объ этомъ великомъ человѣкѣ. Бурней спрашивалъ одного неаполитанца, какъ онъ находитъ музыку одной оперы Жомелли: E scellerata signor! отвѣчалъ онъ.

Рядомъ съ Жомелли стоятъ другіе композиторы, не менѣе славные. Имя Перголезе знакомо всѣмъ. Лучшее его произведеніе есть безспорно знаменитое Stabat mater. *Госпожа-служанка*, игранная въ Парижъ въ 1754 году, когда туда пріѣхала итальянская труппа, въ первый разъ познакомила французовъ съ новымъ итальян-

скимъ стилемъ. Эта прелестная опера имѣла огромный успѣхъ. Участь этого композитора много содѣйствовала его славѣ: Перголезе умеръ тридцати-двухъ лѣтъ. Италіанская публика не любитъ, чтобы ея любимцы долго жили.

Продолжительныя соперничества ознаменовали музыкальныя карьеры Паизьелло, Гуильельми, и Чимарозы, которыхъ произведенія, вмѣстѣ съ операми Пиччини, Саккини и Сальери, играны были на всѣхъ театрахъ Италіи въ концѣ прошедшаго столѣтія. Паизьелло сочинилъ болѣе ста оперъ; Чимароза почти столько-же; Гуильельми *только* восемьдесятъ.

Весь XVIII вѣкъ былъ для музыки эпохою борьбы и смутъ. Музыкальное искусство сдѣлало большой шагъ впередъ. Оно уже было не безобразной куколкой, не безжизненной хризалидой, дремавшей въ продолженіи столькихъ вѣковъ. Какъ бабочка, сбросившая оболочку гусеницы, оно испытывало, въ первый разъ, свои слабыя крылья. Къ несчастію, едва композиторы почувствовали свои силы, какъ обратили все свое искусство, всѣ свои усилія, на униженіе предшественниковъ и даже современниковъ. Театръ сдѣлался ареной, на которой они, иногда изъ благороднаго соревнованія, но чаще по духу интриги, оспаривали другъ у друга пальму первенства; на которой дилеттанты, воинственная когорта критиковъ и вѣчно многочисленная толпа праздныхъ вели войну эпиграммами и памфлетами. Со времени Гвельфовъ и Гибеллиновъ, Монтекки и Капулетовъ, со времени всѣхъ этихъ достопамятныхъ войнъ, не было ни одной такой продолжительной, какъ война раздѣлявшая тогда весь музыкальный міръ на два лагеря, на двѣ партіи: итальянскую и французскую. Мы поговоримъ, въ свое время, объ этой знаменитой войнѣ, о борьбѣ Глюкистовъ и Пиччинистовъ.

Изъ всѣхъ упомянутыхъ нами итальянскихъ композиторовъ XVIII столѣтія, особенно извѣстенъ въ наше время Чимароза. Этою извѣстностію онъ преимущественно обязанъ живымъ и игривымъ мелодіямъ *Тайнаго брака* (Il Matrimonio segreto).

Музыка также имѣла своихъ poëtae minores. Италія, въ прошедшемъ столѣтіи, обладала множествомъ композиторовъ, въ то время знаменитыхъ но, увы! не пощаженныхъ суровымъ временемъ. Дуранте, Лео, Порпора, Винчи, Майо, Сарти, Буранелло, Трайетта, Логрошино, совсѣмъ неизвѣстны артистамъ нашего времени. Однѣ сол-

феджіи набожно сохранили обломки безчисленныхъ оперъ, написанныхъ ими.

Я уже упоминалъ о Пиччини и Саккини. Мы встрѣтимъ ихъ позже, разсматривая борьбу итальянской музыки съ французскою. Италія была зачинщицей. Французская школа была на родинѣ, и однако-же съ трудомъ восторжествовала. Забавно, что не знали, за что дрались. Музыка Люлли, бывшая еще въ почетѣ, была ничто иное, какъ старая итальянская музыка, отверженная уже итальянцами. Пиччини и Саккини, конечно, не могли устоять противъ Глука, этого исполина драматической музыки, но они долго удерживались, потому что большая часть общества была за нихъ. Оба они, не смотря на свои существенныя достоинства, узнали неблагодарность, забвеніе и бѣдность. Не будучи фанатическимъ приверженцемъ ихъ, нельзя однако-же не сознаться, что они стоили чего-нибудь лучшаго, чѣмъ торжественные Requiem, исполненные на ихъ похоронахъ, которыми публика уплатила долгъ благодарности этимъ великимъ людямъ.

—

X.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ МУЗЫКА ВЪ ИТАЛІИ ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ.— ЗНАМЕНИТЫЕ ПѢВЦЫ И ПѢВИЦЫ.

Искусство пѣнія родилось подъ голубымъ небомъ Италіи. Эта страна произвела уже своихъ величайшихъ пѣвцовъ, между тѣмъ какъ Франція довольствовалась странными вокальными украшеніями временъ Божойе (Beaujoyeux) Англія прежде Франціи обладала знаменитыми виртуозами. Фаринелли и синьоры Фаустина и Фуццони жили тамъ по нѣскольку лѣтъ.

Карло Броски, извѣстный подъ именемъ Фаринелли, родился въ Неаполѣ въ 1705 году. Онъ музыкальнымъ образованіемъ своимъ обязанъ Порпорѣ. Фаринелли дебютировалъ семнадцати лѣтъ въ Римѣ, въ оперѣ своего учителя «*Эоменъ.*» Онъ уже былъ знаменитъ въ южной Италіи, подъ именемъ ragazzo (мальчикъ).

Послѣ необыкновенныхъ успѣховъ въ Римѣ, Неаполѣ и Вѣнѣ, Фаринелли отправился въ Англію, гдѣ чистота его голоса и совершен-

ство вокализаціи возбудили всеобщій энтузіазмъ. Въ 1736 году, онъ оставилъ Лондонъ и уѣхалъ въ Испанію. Въ это время Филиппъ V впалъ въ глубокую меланхолію. Королева, безъ успѣха употреблявшая всѣ средства для развлеченія своего супруга, рѣшилась прибѣгнуть къ музыкѣ. Тотчасъ по пріѣздѣ Фаринелли, она устроила концертъ въ залѣ возлѣ королевскаго кабинета. Знаменитый виртуозъ пѣлъ съ такимъ совершенствомъ, что восторженный король спросилъ его, какая награда будетъ ему пріятна. Фаринелли, впередъ настроенный, отвѣчалъ, что онъ желаетъ одного: чтобы король болѣе берегъ свое драгоцѣнное здоровье. Съ этого времени Филиппъ V выздоровѣлъ, и честь этого излеченія приписана была Фаринелли. Онъ пользовался такою милостію, что на него смотрѣли, какъ на важнаго сановника. Но почести не вскружили голову Фаринелли: онъ обращался съ испанскими вельможами такъ деликатно и искусно, что заслужилъ ихъ довѣренность и уваженіе.

Фаринелли пробылъ двадцать лѣтъ при мадритскомъ дворѣ. При вступленіи на престолъ Карла III, онъ получилъ приказаніе удалиться изъ Испаніи. Онъ уѣхалъ въ Италію, посѣтилъ Неаполь и въ 1761 году поселился въ Болоньи, гдѣ и построилъ себѣ виллу въ окрестностяхъ города. Здѣсь онъ скончался въ 1782 году, почти осьмидесяти лѣтъ отъ рожденія.

Учителемъ Фаринелли былъ Бернакки, который первый подвинулъ впередъ вокализацію и ввелъ въ пѣніе рулады.

Имена Фаустины и Куццони, нынѣ совершенно забытыя, напомнятъ ученымъ борьбу самую упорную и продолжительную, какую когда-либо возбуждали женская ненависть и артистическое самолюбіе. Синьора Куццони, послѣ многихъ блистательныхъ успѣховъ на различныхъ сценахъ Италіи поселилась въ Лондонѣ и занимала главныя роли въ операхъ Генделя. Она была капризна и упряма, и Гендель надѣялся легче управлять ею, противупоставивъ ей опасную соперницу. Онъ пригласилъ знаменитую въ Италіи синьору Фаустину, но скоро раскаялся въ своемъ неблагоразуміи, потому-что жестокая вражда возникла между двумя примадоннами, которыя сходились только въ томъ, что обѣ мучили композитора *. Голосъ Куццони не

* Гендель былъ характера чрезвычайно раздражительнаго; каково-же могло быть согласіе въ труппѣ, при капризахъ и упрямствѣ Фаустины.

былъ легокъ, но за то чистъ и необыкновенно выразителенъ. Фаустина отличалась качествами, совершенно противуположными · она вокализировала съ легкостію поразительною. Вскорѣ война сдѣлалась всеобщею, дворъ и городъ приняли въ ней участіе. Гендель стараясь примирить враждующія партіи, получалъ жестокіе удары съ обѣихъ сторонъ

Эта война долго продолжалась съ необыкновенною яростію. Когда наступила эпоха возобновленія контрактовъ, то приверженцы Куццони, полагавшіе, что Гендель покровительствуетъ Фаустинѣ, принудили свою любимицу поклясться, что она не возьметъ жалованія менѣе своей соперницы. Директоръ не могъ согласиться на ея условія, и Куццони, связанная клятвою, принуждена была уѣхать изъ Англіи. Черезъ нѣсколько лѣтъ, Фаустина уѣхала въ Дрезденъ, гдѣ вышла замужъ за знаменитаго музыканта Гассе. Она умерла въ Венеціи, въ старости и въ забвеніи. Бѣдная Куццони рано потеряла голосъ и была отвержена тою-же самою публикою, которая прежде ее такъ отличала; она возвратилась въ Италію, гдѣ жила въ бѣдности, занимаясь продажею шолковыхъ пуговицъ. Sic transit gloria mundi!

Италія гордилась не одними именами Фаринелли и Бернакки; не менѣе славны Кафарелли, Джицьелло, Пакьяротти, Маркези, синьоры Тези, Габріелли, Мингіотти, Агуяри. и пр. Эти великіе артисты объѣзжали Европу и вездѣ были принимаемы съ энтузіазмомъ. Почти всѣ умерли въ глубокой старости и, счастливые болѣе композиторовъ своего времени, окончили дни въ изобиліи и богатствѣ. Впрочемъ и въ наше время пѣвцы не забываютъ этого преданія давно минувшихъ дней!

—

и Куццони. Особенно послѣдняя обладала способностію выводить Генделя изъ терпѣнія, и въ такомъ случаѣ онъ часто доходилъ просто до бѣшенства и забывалъ все. Разсказываютъ, что разъ, когда Куццони упорно отказывалась пѣть одну арію Генделя, композиторъ, одаренный чрезвычайною физическою силою, схватилъ ее въ руки, высунулъ за окошко и продержалъ въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока среди криковъ страха и отчаянія не услышалъ первыя ноты аріи.

XI

ОРАТОРІЯ ВЪ НАЧАЛѢ XVIII ВѢКА — ГЕНДЕЛЬ И СЕБАСТІАНЪ БАХЪ.

Ораторія, въ началѣ такъ сходствовавшая съ лирическою драмою, отдѣляется отъ нея въ XVIII столѣтіи и образуетъ отдѣльную отрасль искусства. Одна только драматическая экспрессія остается общею и оперѣ, и ораторіи. Но болѣе умѣренная, болѣе воздержная, менѣе щедрая на сильные порывы, она занимаетъ въ этомъ послѣднемъ родѣ второстепенное мѣсто, хотя великіе маэстро, посвятившіе свои труды успѣхамъ священной музыки, и не пренебрегали ею. Кромѣ того, множествомъ новыхъ инструментальныхъ сочетаній они содѣйствовали образованію оркестра, этого необходимаго дополненія всякаго драматическаго произведенія, оркестра, который одушевляетъ, согрѣваетъ, разнообразитъ роли, исполняемыя пѣвцами, и часто, при передачѣ нѣкоторыхъ особенныхъ эффектовъ, имѣетъ преимущество даже надъ голосами. Гендель и Себастіанъ Бахъ (особенно послѣдній, хотя Гендель написалъ множество оперъ, а Себастіанъ Бахъ ни одной) занимаютъ важное мѣсто въ исторіи искусства. Ихъ первыхъ произвела въ началѣ прошедшаго вѣка Германія, до того времени не принимавшая никакого участія въ успѣхахъ музыки.

Геній Себастіана Баха кажется болѣе возвышеннымъ, чѣмъ геній Генделя Онъ-то особенно содѣйствовалъ образованію музыкальной науки; онъ первый научилъ соглашать религіозную экспрессію со всѣми требованіями этой науки, имъ созданной. Можно сказать, что до-сихъ-поръ музыка умирала отъ робости. Въ многочисленныхъ операхъ, порожденныхъ до-сихъ-поръ Италіею, особенно поражаетъ насъ однообразіе, боязнь всякаго нововведенія. И опять-таки Себастіанъ Бахъ, своими новыми, свѣжими мелодіями, разнообразными и странными ритмами, научилъ композиторовъ (огромная заслуга!) быть болѣе смѣлыми. Его строгость, его очень понятное въ то время отвращеніе къ театральному стилю, его скромность и неискательство не могли сдѣлать его народнымъ. Въ это время, какъ и теперь, одну театральную карьеру почитали достойною великаго композитора.

Нечего жаловаться на то, что Себастіанъ Бахъ не писалъ ни одной оперы. Этотъ великій маэстро, пренебрегая одобреніемъ публики, до-

стигъ оригинальности, позволявшей ему предаваться влеченію своего генія. Это же пренебреженіе возвысило Бетговена; оно одно дѣлаетъ артистовъ истинно великими. Погруженный въ свое плодотворное уединеніе, артистъ почерпаетъ всѣ свои вдохновенія въ собственномъ сердцѣ, не уступаетъ въ своихъ убѣжденіяхъ пошлой, притупленной толпѣ, которая часто отвергаетъ генія, когда онъ истинно великъ, и поощряетъ его, когда онъ посредственъ. Онъ идетъ впередъ и ведетъ вмѣстѣ съ тѣмъ искусство, и если онъ одаренъ воображеніемъ и въ силахъ перенести временную неизвѣстность, то достигаетъ величайшей награды: славы. Она выше извѣстности: слава, начинаясь у могилы артиста, ведетъ его къ потомству, а извѣстность, начинаясь при жизни, доводитъ только до гроба.

Біографія Себастіана Баха не можетъ быть длинна. Музыка составляла всю его жизнь. Онъ передалъ свой геній дѣтямъ, и внушилъ имъ основанія музыкальнаго искусства и нравственности.

Страсти Господни составляютъ лучшее произведеніе Себастіана Баха, твореніе колоссальное, подобное величественнымъ готическимъ соборамъ, въ которыхъ богатство и прелесть деталей не вредятъ единству и величію цѣлаго. Два хора, два оркестра постоянно дѣйствуютъ вмѣстѣ (настоящая музыкальная армія, которою композиторъ управляетъ съ чуднымъ искусствомъ). Они движутся, перекрещиваются, соединяются, раздѣляются безо всякаго усилія; чудные *хоралы*, написанные на четыре партіи, смѣшиваются съ речитативами. Глубокая аналогія, незамѣтная съ перваго взгляда, существуетъ между этимъ великимъ созданіемъ и не менѣе прекрасною *Симфоніею съ хорами* Бетговена (я говорю только объ *финалѣ* этой симфоніи). Произведеніе Бетговена пламеннѣе, ближе къ человѣческой натурѣ, а твореніе Баха дышетъ болѣе спокойнымъ величіемъ; но пріемы у обоихъ композиторовъ одни и тѣ же. Бетговенъ, въ молодости, начинаетъ подражаніемъ Гайдну и Моцарту; въ послѣдніе же годы, онъ испытываетъ пути менѣе игривые, но болѣе возвышенные. Старикъ Бахъ становится его кумиромъ. Онъ часто совѣщается съ нимъ и краснорѣчиво передаетъ намъ благородныя слова своего высокаго собесѣдника.

Фортепіанныя произведенія Себастіана Баха многочисленны. Большая часть піанистовъ смотрятъ на нихъ съ презрѣньемъ. Надобно всего ожидать отъ піанистовъ; будьте увѣрены, что очень немногіе

изъ нихъ будутъ искать вдохновенія въ ученыхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ полныхъ прелести композиціяхъ этого великаго маэстро. Имъ нужны только—новоиспеченная партитура и пара ножницъ. Они подражаютъ садовникамъ добраго стараго времени, которые давали своимъ платанамъ самыя смѣшныя и нелѣпыя формы: медвѣдей, слоновъ, гиппопотамовъ, драконовъ и химеръ. Правда, что часто того требуетъ прихоть публики; часто она хочетъ лучше припоминать старое, чѣмъ изучать новое; лишь бы среди потопа чуждыхъ нотъ отыскалась ея любимая мелодія итальянскаго театра, и публика довольна, счастлива, и аплодируетъ изо всѣхъ силъ. Однако же мнѣ кажется, что добросовѣстный композиторъ обязанъ, по возможности, бороться съ тиранніей публики и стараться заслуживать рукоплесканія своимъ созданіемъ, а не тѣнью Эдгара, Розины или Дездемоны.

Можетъ-быть нѣкоторымъ читателямъ эта глава покажется слишкомъ серьезною, но нечего дѣлать! Когда говоришь о такомъ человѣкѣ, какъ Себастіанъ Бахъ, то шутка замираетъ на устахъ, и они могутъ произносить только слова восторга и уваженія.

—

XII.

ОПЕРА ВО ФРАНЦІИ ДО ПОЛОВИНЫ XVIII СТОЛѢТІЯ. — ПРЕЕМНИКИ ЛЮЛЛИ.

Мы видѣли, что Люлли былъ во всемъ счастливъ; небольшаго труда стоило ему сравняться съ композиторами, которыхъ мѣсто онъ занялъ, да и талантъ его преемниковъ былъ не такъ силенъ, чтобы обречь его на забвеніе. Въ искусствахъ, всего важнѣе явиться во время. Въ наше время, можетъ-быть, умрутъ неизвѣстными великіе артисты, которые вѣкомъ ранѣе пріобрѣли бы прочную славу. Хотя музыка Люлли была посредственна, однако же онъ подвинулъ впередъ нѣкоторыя отрасли искусства. Замѣчательно, что этотъ композиторъ, этотъ музыкантъ, менѣе всего оказалъ услугъ — музыкѣ. Танцы и постановка обращали на себя значительную часть его заботъ и стараній. До половины XVII вѣка, роли женщинъ въ балетахъ были обыкновенно занимаемы мужчинами. Введеніе женщинъ въ балеты было счастливымъ нововведеніемъ Люлли, противъ котораго сперва

возставали, но которое принялось, когда Лавальеръ и Монтеспанъ первыя подали примѣръ.

Люлли обращалъ также вниманіе на улучшеніе постановки. Уже далеко было то время, когда актеръ, вымазанный мукою или гипсомъ, представлялъ стѣну, когда луну изображалъ фонарь, повѣшенный на концѣ палки. Уже не нужно было, въ пособіе понятливости зрителей, писать крупными буквами подъ изображенными на холстѣ предметами: *Это дерево, это скала.* Перспективное искусство ожидало еще усовершенствованій, и Люлли выписалъ изъ Италіи извѣстнѣйшихъ артистовъ въ этомъ родѣ. Машины также подвинулись впередъ; дѣйствующія лица могли уже сходить съ неба и восходить на него безъ помощи лѣстницъ. Придумали опускные трапы для волшебниковъ и демоновъ: въ первый разъ, какъ они были употреблены, публика была поражена удивленіемъ. За то костюмы нисколько не поддерживали иллюзіи: Армида появлялась въ нормандскомъ чепцѣ, а Риальдо носилъ на головѣ цѣлое зданіе выше двухъ футовъ, въ видѣ тюльпана, изъ котораго выходили въ три ряда бѣлыя перья. Эта прическа была чрезвычайно похожа на струи фонтановъ площади Людовика XV.

Новерръ и Гардель удачно измѣнили театральные костюмы, но уже гораздо позже. Амуръ принужденъ былъ разстаться съ башмаками на красныхъ каблукахъ, вышитыми блестками, и съ епанчей изъ серебрянаго газа. Въ *Туалетѣ Венеры*, фавны въ первый разъ появились безъ фижмъ. Вестрисъ, въ *Кастерѣ и Поллуксѣ*, всегда представлялъ Аполлона въ черномъ парикѣ, въ маскѣ и съ большимъ мѣднымъ солнцемъ на груди; разъ Гарделю пришлось замѣнить его, и онъ вышелъ на сцену безъ маски и атрибутовъ. Съ этого времени, маски навсегда свалились съ лица танцоровъ. Танцовщицы оставили ихъ гораздо ранѣе, къ великому огорченію безобразныхъ и къ величайшему удовольствію хорошенькихъ.

Новерръ былъ также изобрѣтателемъ балета съ содержаніемъ, то-есть такого, въ которомъ правильное дѣйствіе заняло мѣсто безсвязныхъ интермедій; до него даже въ операхъ танцы не имѣли никакой связи съ сюжетомъ. Самый модный балетъ, вставленный въ *Кастора и Поллукса*, былъ.... (угадайте!) *система Коперника !!!* Солнце, достаточно снабженное лучами и пламенемъ, неподвижно стояло посреди театра въ величественной позѣ. Планеты Меркурій, Венера, Земля,

Луна, Марсъ, Юпитеръ и Сатурнъ, съ атрибутами божества своего имени, танцовали около своего почтеннаго отца, сохраняя на сценѣ мѣсто, назначенное имъ Коперникомъ въ солнечной системѣ. Солнце отечески взирало на своихъ дочерей; но если неожиданная прихоть отклоняла ихъ съ своей орбиты, то оно умѣло приводить вѣтренныя планеты на истинный путь. Однако же въ концѣ балета, такъ какъ подобный звѣздный танецъ могъ надоѣсть своимъ однообразіемъ, солнце смягчалось и давало имъ болѣе свободы. Они начинали сближаться, сходились, перекрещивались и при этой эманципаціи планетъ, которая была очень забавна на сценѣ, занавѣсъ опускался среди всеобщихъ рукоплесканій.

Инструментальная музыка также не двигалась впередъ. Музыкальная карьера была тогда предоставлена людямъ низшаго класса, которые считали себя не артистами, но скорѣе ремесленниками. Правда, Люлли училъ, сколько могъ, королевскихъ скрипачей; онъ раздѣлялъ ихъ на двѣ партіи: одна, партія большихъ скрипокъ, участвовала только въ ансамбляхъ; другая же, малыя скрипки, болѣе искусныя, употреблялись въ болѣе затруднительныхъ случаяхъ. Къ несчастію, эти скрипки, и большія и малыя, почитали нѣкоторыя трудности предѣлами искусства и не заботились о преодолѣніи ихъ.

Движеніе, данное Люлли различнымъ отраслямъ драматическаго искусства, прекратилось съ его смертію. Преемники Люлли были люди совершенно бездарные. Жалкіе музыканты были Колласъ, Детушъ, Муре, Монтеклеръ, Мондонвиль, и они соединились съ поэтами еще болѣе жалкими, Кагюзакомъ, Данше, Руа и Фюзелье. Миѳологія все еще оставалась въ чести; она господствовала и на сценѣ, какъ на саксонскомъ фарфорѣ. Любовныя похожденія боговъ и богинь служили неисчерпаемымъ источникомъ авторскаго творчества. Венера и Адонисъ вдвоемъ составляли цѣлую интермедію балета; въ другой интермедіи являлись Діана и Эндиміонъ, а потомъ Мельпомена и Линъ. Какъ видите, составъ пьесъ былъ не слишкомъ сложенъ; впрочемъ и стиль не выкупалъ бѣдности содержанія.

Но пора оставить эти потемки и приступить къ славному имени Рамо.

—

XIII.

РАМО.

Карьера этого композитора представляетъ ту странность, что въ лѣта, когда воображеніе въ полномъ разгарѣ, онъ писалъ только сухія ученыя сочиненія, а произведенія, отличающіяся силою и свѣжестію вдохновенія, созданы имъ уже въ старости.

Въ 1733 году, Рамо дебютировалъ на сценѣ Оперы *Ипполитомъ и Ариціей*. Композитору было тогда пятьдесятъ лѣтъ. *Ипполитъ и Арицiя* въ началѣ не имѣли большаго успѣха; старые любители, столько же упорные въ своихъ убѣжденіяхъ, какъ потомъ приверженцы Рамо въ отношеніи къ итальянской музыкѣ, старые любители интриговали противъ Рамо. Можно бы подумать, что они, обрадовавшись избавленію отъ пошлыхъ произведеній Муре и Колласовъ, съ восторгомъ примутъ творенія, запечатленныя истинною оригинальностію; но вышло иначе. За то, что онъ далъ болѣе энергіи своимъ хорамъ, болѣе развитія оркестру, менѣе однообразія и грубости речитативу, за то, что онъ пытался сдѣлать пѣніе менѣе напыщеннымъ, его называли варваромъ и невѣждою, и осыпали тучею эпиграммъ.

Огорченный неблагодарностію публики, Рамо хотѣлъ отказаться отъ театра; но нѣкоторые друзья, изъ которыхъ особенно привязанъ былъ къ нему богачъ Ла-Поплиньеръ, отговорили его. Народное самолюбіе должно радоваться этому, потому что подобный атлетъ былъ необходимъ для защиты французской сцены отъ иностраннаго вторженія. Около 1752 года, итальянская труппа поселилась въ Парижѣ и выхлопотала позволеніе Короля чередоваться представленіями съ французскою труппою, помѣщавшеюся тогда въ Оперной залѣ Пале-Рояля. Итальянскіе пѣвцы явились вооруженные лучшими своими произведеніями: *Serra padrona* (*Госпожа-служанка*), Перголезе, *I Viaggiatori* (*Путешественники*), Лео, и др. Часть музыкальнаго и литературнаго міра приняла ихъ сторону; другіе фанатически защищали своихъ пенатовъ.

Общая опасность соединила Люллистовъ и Рамистовъ, которые съ этихъ поръ сражались подъ однимъ знаменемъ. *Утонченные*, les raffinés, денди того времени, стояли за итальянскую школу; боль-

шинство народа за Рамо, и мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ народъ былъ правъ. Устарѣлыя украшенія, которыми Желіоттъ, пѣвицы Фель, Арну, усыпали свое пѣніе, могли возбуждать скуку и отвращеніе; но итальянское пѣніе было-ли чуждо этихъ украшеній? Главное преимущество его передъ французскимъ состояло въ болѣе естественной методѣ; но за то музыка Рамо болѣе приближалась къ драматической истинѣ.

Начавшись сперва на скамьяхъ партера, гдѣ противники осыпали другъ друга эпиграммами, бранью и даже кулачными ударами, эта вражда перешла въ журналистику. Потоки чернилъ были пролиты съ обѣихъ сторонъ; одни доказывали, что Рамо невѣжда, другіе же утверждали, что итальянскіе композиторы шарлатаны. Можно судить о важности, какую придавали этимъ вопросамъ, по одному тому, что знаменитѣйшіе писатели приняли участіе въ этой борьбѣ, какъ видно изъ слѣдующаго списка замѣчательнѣйшихъ полемическихъ брошюръ:

1. *Приговоръ, произнесенный въ Операѣ по жалобѣ средины партера, вступившейся въ войну двухъ угловъ* (Arrêt rendu à l'Opera sur la plainte du mileu du parterre intervenant dans la guerre des deux coins), барона д'Ольбаха.

2 *Оперная война, письмо къ одной дамѣ въ провинцію*, человѣка, не принадлежащаго ни къ которому углу (La guerre de l'Opera, lettre écrite à une dame de province, par quelqu'un qui n'est ni d'un coin ni de l'autre), Казотта.

3. *Письмо музыканта Королевской академіи музыки къ своимъ товарищамъ въ оркестрѣ* (Lettre d'un symphoniste de l'académie royale de musique à ses camarades de l'orchestre), Жанъ-Жака Руссо.

4. Его же, *Письмо о французской музыкѣ* (Lettre sur la musique Française)—и множество другихъ разсужденій авторовъ болѣе или менѣе извѣстныхъ.

Хотя Рамо, какъ вы видѣли, довольно поздно выступилъ на музыкальное поприще, но его живое и пылкое воображеніе впушило ему множество оперъ и оперъ-балетовъ, въ которыхъ встрѣчаются красоты первоклассныя.

Лучшими произведеніями этого замѣчательнаго композитора, доставившими ему прочную славу, считаются *Касторъ и Поллуксъ* (Castor et Pollux) и *Дарданъ* (Dardanus).

Дарданъ прославилъ его имя по всей Европѣ. Эта опера, первая изъ всѣхъ произведеній французскихъ композиторовъ, появилась на нѣмецкихъ сценахъ.

Успѣхъ *Кастора и Поллукса* стоилъ жизни бѣдному Муре. Въ одно изъ первыхъ представленій онъ сошелъ съ ума. Его принуждены были посадить въ Шарантонъ, гдѣ онъ цѣлые дни пѣлъ арію: Tristes apprêts, pâles flambeaux, сильно подѣйствовавшую на его воображеніе. Недолго продолжалось сумасшествіе Муре: черезъ годъ онъ умеръ!

=

ЮМОРИСТИКА.

ДВѢ СДАЧИ ВЪ ПРЕФЕРАНСЪ.

РАЗСКАЗЪ АРКАДІЯ БУТОВСКАГО.

— Пасъ!...
— Такой-же....
— Игра!!..

(*Обыкновенные переговоры въ преферансѣ.*)

I.

Карпъ Ѳедотовичъ Киндеуровъ былъ изъ числа тѣхъ людей, которыхъ возрастъ не только трудно, но почти невозможно опредѣлить. На лицо ему никто не далъ бы болѣе пятидесяти лѣтъ, а между-тѣмъ слухи носились будто-бы ему уже скоро сто лѣтъ.

— Помилуйте! — восклицалъ почти съ совершеннымъ отчаяніемъ полковникъ Аргачевъ каждый разъ, когда начинался разговоръ о лѣтахъ Карпа Ѳедотовича, — вы меня спросите, сколько ему лѣтъ. Расчетъ ясенъ и коротокъ: я вышелъ изъ корпуса, когда Киндеуровъ былъ старый маіоръ по арміи. Въ тѣ времена маіорскій чинъ, господа, доставался не скоро, такъ мудрено предположить, чтобы Карпъ Ѳедотовичъ, съ его недальностію, могъ выслужиться ранѣе пятидесятилѣтняго возраста. И такъ положимъ са-

мое малое, что ему тогда былъ пятый десятокъ, такъ съ той-то поры, милостивые государи, прошло почти еще столько лѣтъ; потому-что мнѣ ужъ шестой десятокъ съ хвостикомъ.... И такъ сочтите, сколько ему лѣтъ.... Ужъ не сто— такъ девяносто лѣтъ навѣрное есть, а что свыше набѣжало, о томъ я не говорю....

— Чудеса! невѣроятныя чудеса! — восклицали въ отвѣтъ слушатели; — казаться такимъ молодымъ, цвѣтущимъ, дѣятельнымъ во *сто лѣтъ*.... признаться, трудно повѣрить.... Однако, господа, шутки въ-сторону.... Онъ должно-быть, либо колдунъ, либо кащей безсмертный!

Полковникъ Аргачевъ ошибался немногимъ: Карпу Ѳедотовичу было ровно девяносто-пять лѣтъ; но онъ былъ не то что старикъ, а девяносто-пяти-лѣтній юноша. Слышу оглушительный смѣхъ и возраженіе: хорошъ юноша!

— Вы правы, господа! физіологія девяносто-лѣтняго юноши ей-ей не то, что двадцати-лѣтняго. Въ умѣ перваго не рождаются розовыя идеи и цвѣтистыя утопіи, сердце не прыгаетъ отъ безотчетной радости, не увлекается призракомъ мнимаго блаженства.... Тяжелый опытъ провелъ на челѣ старика неизгладимыя бразды.... Мечты, счастливыя мечты, какъ морскія окаменѣлости оставили въ душѣ одно раскаяніе, или сожалѣніе о прошломъ; воспоминанія эти сохранились, но безжизненными; иногда-же, какъ вѣчный укоръ совѣсти за невинныя заблужденія молодости. Эти оттѣнки можно было подмѣтить и въ Карпѣ Ѳедотовичѣ; но не совсѣмъ же онъ былъ таковъ. Карпъ Ѳедотовичъ еще стоялъ, такъ сказать, на рубежѣ двухъ этихъ физіологій. Молодость не совсѣмъ его покинула; а старость между тѣмъ уже набросила на него свой мрачный покровъ. Онъ любилъ по-прежнему жизнь беззаботную: *сегодня* онъ не думалъ о *завтрашнемъ* днѣ, любилъ все дѣлать на *авось* и жить *весело*, но *спокойно* такъ, чтобы ничто его не тревожило. Когда-же онъ садился къ ломберному столу за зеленое поле и съ натугою срывалъ несносную оболочку новой колоды картъ, вглядываясь въ его лицо, прислушиваясь къ его голосу, слѣдя съ любопытствомъ за всѣми его движеніями, вы непремѣнно воскликнули-бы: — Помилуйте, да онъ совершенно молодой человѣкъ! посмотрите, какъ горятъ его глаза! какъ румянецъ играетъ на щекахъ! какъ разсыпается его привѣтливый голосокъ, какія шуточки, какая непритворная веселость! вѣдь это все не старость!

И дѣйствительно такъ. Карпъ Ѳедотычъ былъ не простой любитель картъ. Онъ былъ не изъ числа обыкновенныхъ людей, которые въ картахъ ищутъ одного развлеченія, забавы.... Нѣтъ, Карпъ Ѳедотовичъ считалъ такое понятіе за преступленіе. Онъ былъ рожденъ геніемъ. Къ несчастію этому генію открылось поприще картежное.... поприще неблагодарное, часто убыточное, но что до этого.... Геній на всякомъ поприщѣ даетъ себя почувствовать.

Все сказанное еще не вполнѣ объясняетъ, что за человѣкъ былъ Карпъ Ѳедотовичъ. Въ наше столѣтіе онъ былъ человѣкъ необыкновенный: онъ былъ магикъ! — Какъ онъ сдѣлался магикомъ и какъ открылся въ немъ карточный геній, мы увидимъ изъ первобытной его жизни.

Въ одно прекрасное утро, немногимъ болѣе ста лѣтъ тому назадъ, прадѣдъ Карпа Ѳедотыча, Аристархъ Панкратьевичъ Киндеуровъ почувствовалъ припадки мучительной болѣзни, которые извѣстны туманному Альбіону подъ столькоже туманнымъ названіемъ *сплина*. Отъ скуки онъ послалъ за ворожеей.

— Поворожи-ка мнѣ что-нибудь, бабушка!— сказалъ онъ, обращаясь къ вошедшей къ нему *Пиѳіи*.

— Да, о чемъ тебѣ, батюшка, ворожить-то? — спросила старуха; — вѣдь ворожить дѣло немудреное, да надо знать о чемъ.... Приключилось-ли тебѣ горе какое?... али ты жениться задумалъ?... или въ деньгахъ нужда? — или подружка измѣнила.... вѣдь оно все, голубчикъ, особую статью составляетъ.... Вишь-ли, ты долженъ мнѣ сказать, что гадаешь либо про себя, либо своему дому, либо за будущее время.... про любовное, то есть, о сердечномъ какомъ дѣлѣ, о деньгахъ, или такъ, чего не ожидаешь....

Дѣдъ Карпа Ѳедотыча сталъ страшно зѣвать.

— О чемъ мнѣ гадать, глупая;— сказалъ онъ,— развѣ ты не видишь, что я уже одной ногою стою въ гробѣ, жениться не могу, притомъ у меня есть сынъ, котораго надо женить, да вотъ все невѣсты не находимъ; состоянія, кажется, у меня довольно — нечего болѣе желать.... Такъ чего тутъ гадать?...

— Такъ, чего-же, батюшка, ты и посылалъ за мною? — возразила старуха недовольнымъ тономъ, готовясь уйти.

— Нѣтъ, постой, постой!... воскликнулъ дѣдъ; — гадать все-таки есть объ чемъ. Мы найдемъ, сударыня ты моя, объ чемъ тебя спросить.... Садись-ка.

Старуха сѣла.

— Скажи-ка ты мнѣ, пожалуйста, — спросилъ онъ, — будетъ ли у меня внукъ?...

— Эва, куда махнулъ!— воскликнула баритономъ старуха, начиная слюнить пальцы и выдергивать карты, по которымъ надѣялась отвѣчать на подобный вопросъ.

— Да, постой-же, еще не все; ты скажи мнѣ, кумушка, также, что онъ будетъ за человѣкъ? уменъ-ли? глупъ-ли? какимъ ремесломъ будетъ заниматься? будетъ-ли онъ женатъ? когда женится? Ну, однимъ словомъ, разскажи мнѣ всю его подноготную....

— Экъ ты, батюшка, намололъ-то.... и то скажи, и то объясни, и третье угадай! — возражала старуха, отъ удивленія открывъ ротъ до ушей и раздвинувъ руки въ противуположныя стороны.—Я не согласна на такое гаданье, иначе какъ за десяти-рублевую и денежки впередъ....

Дѣдушка расхохотался.

— Да полно, дурища, — говорилъ онъ, поддерживая свой животъ,—вотъ тебѣ деньги только исполняй, что требуютъ.

Старуха разложила карты и приказала внести кошку, чтобы во время гаданья это животное находилось въ комнатѣ.

— Внукъ твой будетъ умнѣйшій человѣкъ.... такъ она начала, — но только пустой.... Начнетъ то хорошо, будетъ служить исправно, дослужится до большого чина. А потомъ свихнется, сдѣлается картежникомъ. Картежникъ онъ будетъ первѣйшій въ мірѣ, его по картамъ, слышь, будутъ считать за волхва.... Онъ будетъ необыкновенно здоровъ.... проживетъ слишнемъ *сто* лѣтъ и женится на молоденькой семнадцати-лѣтней дѣвушкѣ, когда ему будетъ за девяносто лѣтъ....

Этотъ разсказъ такъ заинтересовалъ дѣдушку, что онъ вскочилъ съ дивана и обнялъ старуху.

— И ты это не врешь! — восклицалъ онъ — и это сущая правда, что мой внукъ будетъ жить сто лѣтъ и женится на молоденькой?

— Сущая правда !... чего же тутъ, и гадать, коли сумлѣваешься. Хошь вѣрь, а не хошь, такъ не вѣрь.... Мнѣ, родной, все-равно....

— Вѣрю, вѣрю, — продолжалъ восклицать восторженный дѣдушка; — только повтори разикъ, что ты сказала и разскажи еще что-нибудь про моего внука....

— Что сказано разъ, того нечего повторять, а вотъ что еще слѣдуетъ тебѣ знать, то я должна сказать. Вотъ видишь-ли ты, ему откроется большое счастіе послѣ женитьбы.... то есть, какъ тебѣ сказать.... въ родѣ кладу, что-ли, только онъ промахнется да потеряетъ его.... и жена-то его также покинетъ и останется онъ не причемъ, какъ бобыль....

Дѣдушка призадумался.

— Это жаль,—разсуждалъ онъ самъ-съ-собою, — это чрезвычайно жаль, что внучекъ мой въ такой глубокой старости долженъ будетъ всего лишиться; терпѣть нужду и что всего хуже потерять жену.... Какъ-бы это устроить иначе.... Нельзя-ли отвратить злую судьбину отъ моего внука.

Прошло много дней, а дѣдушка все думалъ, что бы ему сдѣлать. Наконецъ, онъ засѣлъ въ своемъ кабинетѣ и что-то долго писалъ, переписывалъ. Наконецъ, торжественно вышелъ къ своему семейству и объявилъ, что независимо отъ завѣщанія, сдѣланнаго имъ въ пользу его близкихъ родныхъ и дѣтей, онъ составилъ другое, которое должно храниться въ величайшей тайнѣ, подъ *семью печатями*, и что оно можетъ быть открыто и прочтено только по прошествіи *ста лѣтъ* отъ дня окончательнаго и законнаго его совершенія.

Слушая такую новость, родственники смотрѣли другъ на друга, выпуча глаза.

— Ужъ не рѣхнулся-ли нашъ родной? — говорили они шопотомъ другъ другу. Со временемъ, впрочемъ, привыкли къ странной выходкѣ старика и, какъ обыкновенно водится между людьми, въ свое оправданіе единогласно повторяли:— видно онъ знаетъ, что дѣлаетъ, и намъ нечего тутъ горевать.... Вѣдь мы, благодаря Бога, имъ не обижены.

Вскорѣ дѣдушкинъ сынъ женился и, черезъ годъ послѣ свадьбы, родился предвозвѣщенный внукъ, которому нарекли имя *Карпъ*. Въ этотъ-же знаменитый день было окончательно явлено и совершено вышеупомянутое *завѣщаніе*. Не долго однако, обрадованный дѣдушка ласкалъ своего внука; скоро онъ смѣжилъ очи вѣчнымъ сномъ.

Время и прежде, какъ теперь, катилось безъ оглядки. Сперва ласкали Карпушу, какъ милое дитя. Потомъ, стали Карпиньку учить грамоткѣ. Не успѣли оглянуться, какъ изъ прелестнаго Карпуши сдѣлался цѣлый *Карпъ Ѳедотычъ*, совсѣмъ не прелестный.

— Что? — говорилъ Ѳедотъ Аристарховичъ Киндеуровъ, — куда дѣвать моего сынка? — Отдать въ шко-

лу — жаль, начнутъ бѣдненькаго учить, мучить.... въ полкъ?— Это, кажется, будетъ получше.... грамоткѣ то онъ наученъ съ грѣхомъ пополамъ и будетъ съ него.... дальнѣйшему научитъ опытъ....

Сказано—сдѣлано: Карпа Ѳедотовича отправили въ полкъ. Въ полку Карпъ Ѳедотычъ оказалъ себя человѣкомъ въ полномъ смыслѣ достойнымъ. Онъ умѣлъ заслужить благоволеніе начальниковъ и снискать дружбу товарищей. До маіорскаго чина ему нельзя сдѣлать ни малѣйшаго упрека. Съ маіорскаго чина началась поэтическая эпоха жизни нашего героя. Надѣвъ густые эполеты, Карпъ Ѳедотычъ возмечталъ о себѣ, какъ о существѣ необыкновенномъ.

— Надо мнѣ теперь, — говорилъ онъ безпрестанно, — сдѣлать одно изъ двухъ: или жениться, или начать кутить на пропалую.

Первое желаніе вскорѣ встрѣтило сильное сопротивленіе, потому что Карпъ Ѳедотычъ, по причинѣ зеленаго цвѣта своихъ глазъ, никакими судьбами не могъ понравиться прекрасному полу. Второе — зависѣло совершенно отъ желающаго. На это онъ и рѣшился безъ малѣйшаго замедленія.

Разгульная жизнь открыла зеленоватымъ глазамъ Карпа Ѳедотовича совершенно новый міръ, гдѣ беззаботность и нѣга владычествуютъ надъ всѣми прочими добродѣтелями. Мало-по-малу, средства Карпа Ѳедотовича стали истощаться и вскорѣ онъ, съ воплемъ глубокаго отчаянія, увидѣлъ себя на точкѣ замерзанія. — Что дѣлать? — Къ кому обратиться? — Кого просить о помощи? — Родныхъ нѣтъ; друзья по маленьку всѣ его бросили, да и говорить теперь съ нимъ не хотятъ. Тутъ только Карпъ Ѳедотычъ увидѣлъ своими уже совершенно зелеными глазами, что онъ на *семъ* бѣломъ свѣтѣ *горемычный сиротинушка*. Но геній никогда не унываетъ—и блестящій умъ Карпа Ѳедотыча рѣшилъ, что надо обратиться къ *магіи*. Дни и ночи нашъ новый чародѣй сидѣлъ надъ книгою древнихъ браминовъ и волшебной палкой чертилъ какіе-то символическіе знаки, которыми думалъ разрѣшить загадочные *принципы* чернаго ученія. Наконецъ, онъ почувствовалъ въ себѣ необычайную *силу* и, какъ сибирскій шайтанъ, сталъ вызывать мрачныхъ духовъ. Вдругъ въ глазахъ его потемнѣло, кровь остановилась въ жилахъ и ему почудилось, что подлѣ самого его уха стоитъ какое-то непостижимое существо. Карпъ Ѳедотычъ, въ первыя минуты, такъ перепугался, что швырнулъ магическій жезлъ, всѣ свои волшебные до-

спѣхи и готовъ былъ бѣжать безъ оглядки; но уже было поздно: ноги его не трогались съ мѣста, руки не шевелились, глаза были судорожно сомкнуты.

— Тебѣ одно спасеніе въ картахъ! — произнесло невѣдомое существо, голосомъ, который проникъ во всѣ составы Карпа Ѳедотовича. — Пока не пойдешь играть въ карты, дотѣхъ-поръ у тебя не будетъ денегъ. Звѣзда твоего счастія будетъ блистать до-тѣхъ-поръ, пока не приблизится твой конецъ. За часъ до смерти ты все проиграешь и тогда уже никакая магія тебѣ не въ состояніи будетъ пособить.

Карпъ Ѳедотычъ дрожалъ, какъ осиновый листъ.

— А много-ли лѣтъ я еще проживу? — спросилъ онъ трепещущимъ голосомъ.

— Отъ сего часа тебѣ остается жить пятьдесятъ лѣтъ.— Отвѣчалъ страшный голосъ.

Карпъ Ѳедотычъ ожилъ.

— Ухъ! какъ далекъ конецъ. Да я еще пятьдесятъ разъ успѣю перемѣниться и совершенно иначе устроить мои дѣла!—разсуждалъ онъ про себя.

Послѣ этого кто-то его крѣпко сжалъ въ своихъ объятіяхъ—и Карпъ Ѳедотычъ пробудился отъ страннаго сновидѣнія.

Съ этого дня онъ началъ играть въ карты и дѣйствительно, въ продолженіи пятидесяти лѣтъ, не зналъ проигрыша. Онъ прошелъ чрезъ всѣ разнородные причуды игрецкаго міра: ламушъ, вистъ, бостонъ.... но высшая степень его славы и торжества осуществилась съ того времени, когда онъ началъ играть въ *преферансъ*. Онъ постигъ эту игру съ необычайнымъ искусствомъ и прослылъ непобѣдимымъ преферансистомъ. Въ продолженіе всего этого времени, золотой дождь не переставалъ сыпаться на Карпа Ѳедотыча; но, по мѣрѣ накопленія денегъ, онѣ истрачивались съ такой быстротою, что часто отъ игры до игры Карпъ Ѳедотычъ рисковалъ остаться не при чемъ. А между-тѣмъ, время бѣжало да бѣжало и Карпу Ѳедотычу стукнуло, по его домашнему расчету, девяносто пять лѣтъ. Еще *пять* лѣтъ.... и конецъ жизни.

Карпъ Ѳедотычъ повѣсилъ носъ, какъ мочалку.

— Вѣдь дѣло-то плохо! — говорилъ онъ самому себѣ,— состоянія-то нажить я не нажилъ; что имѣлъ—то размыталъ. Впрочемъ, пять лѣтъ еще далеко.... Многое успѣетъ перемѣниться, и между-тѣмъ не мѣшаетъ мнѣ жениться. Да

на комъ ?—Разумѣется , я не женюсь иначе, какъ на дѣвушкѣ лѣтъ девятнадцати. Хоть тутъ есть маленькая несообразность въ лѣтахъ, но вѣдь я обладаю *магіей*. Нужно поворожить — пять лѣтъ счастливой жизни стоятъ минутныхъ трудовъ и страданій !

Съ этими словами Карпъ Ѳедотычъ развернулъ предъ собою книгу древней магіи и вдругъ въ глазахъ его потемнѣло, онъ почувствовалъ, какъ будто мурашки стали бѣгать по всему тѣлу, и опять послышался страшный голосъ.

— Чудакъ! — говорило привидѣніе насмѣшливымъ голосомъ, — давно-бы тебѣ жениться. Вѣдь пять лѣтъ пролетятъ быстро и ты не успѣешь довольно насладиться новою жизнію ? Карпъ Ѳедотычъ въ этотъ разъ былъ посмѣлѣе.

— Ничего, — отвѣчалъ онъ,—*пяти лѣтъ*, по моимъ понятіямъ, очень достаточно, чтобъ насладиться новою жизнію и даже наскучить женѣ. Найди только мнѣ, мой добрый невидимка, такую жену, которая была-бы молода и чудо красоты.

Въ этотъ-же день магикъ получилъ приглашеніе къ своему сосѣду на имянины. У сосѣда была хорошенькая дочка, которую звали *Лизой*. — Сѣли играть въ преферансъ по цѣлковому фишку. Хозяинъ ставилъ ремизъ за ремизомъ, горячился, держалъ пари на всѣ руки и въ двѣ пульки проигралъ Карпу Ѳедотовичу Киндеурову все свое маленькое состояніе. Оставался еще деревянный домъ , въ которомъ онъ жилъ съ своимъ семействомъ. Разгоряченный хозяинъ рѣшился его пустить въ оборотъ и проигралъ тому-же Карпу Ѳедотычу. Когда гости стали расходиться, хозяинъ, почти въ совершенномъ отчаяніи, не зная на что рѣшиться, удержалъ за полу своего противника и сталъ шептать ему на ухо.

— Прежде, чѣмъ вы удалитесь, — говорилъ онъ, — зайдите на минутку ко мнѣ въ кабинетъ.

Карпъ Ѳедотычъ повиновался.

— Что, Ѳедотычъ, вѣдь ты меня ободралъ, какъ липку,— началъ говорить хозяинъ,—и между-тѣмъ, я дуракъ этакій, никогда себѣ этого не прощу, забочусь о твоемъ счастіи.... Бе зъ дальнихъ околичностей скажу, любезный : тебѣ надобно жениться! Хоть по годамъ-то тебѣ и нельзя жениться, но года мы скроемъ. Ужъ это мое дѣло.

Краска такъ и заиграла на щекахъ Карпа Ѳедотыча. Вѣрно дочку сватаетъ, а я того и желалъ.

— У меня есть невѣсточка, да какая еще, — продолжалъ хозяинъ, — молоденькая, чернобровинькая, изъ лица-такъ кровь съ молокомъ.

— Кто такая? — спросилъ съ притворною разсѣянностію Карпъ Ѳедотовичъ, по портрету уже угадавъ *кто*.

Хозяинъ нѣсколько минутъ былъ въ нерѣшительности и еще не успѣлъ хорошо обдуматься, какъ у него сорвалось съ языка: *моя дочь*!...

— Твоя дочь. Это дѣло доброе!— воскликнулъ Карпъ Ѳедотовичъ въ радости; но вдругъ, опомнившись, онъ произнесъ жалобнымъ голосомъ: — да будетъ-ли она согласна?

— Что? — дочь моя смѣетъ не согласиться, когда я хочу чего-нибудь. Нѣтъ братъ, Карпъ, у меня дѣти не таковы. Я ихъ воспитывалъ по-свойски: изъ нихъ никто у меня ни пикни противъ родительской воли. Будь покоенъ. Все устроится, былъ-бы только ты согласенъ на мое предложеніе. Выслушай-же его вполнѣ до конца. Я женю тебя на моей дочери съ тѣмъ уговоромъ, что весь твой сегоднишній выигрышъ ты мнѣ отдашь назадъ.

Карпъ Ѳедотычъ призадумался, потому что этотъ выигрышь въ настоящее время составлялъ единственныя его средства къ жизни. Если отдать, то онъ остался-бъ не при чемъ.

— Послушай, Еремей Кондратьичъ!—возразилъ Карпъ Ѳедотычъ,—вѣдь, кажется, водится между людьми такъ, что за дочерьми даютъ приданое. Пусть-же этотъ выигрышъ останется у меня, какъ приданое твоей дочери.

Еремей Кондратьевичъ Фиников (такъ звали хозяина) покачалъ головою.

— Эхъ ты, Ѳедотычъ, Ѳедотычъ, да въ своемъ ли ты умѣ?... подумай-ка ты, голова этакая, — кто за тебя пойдетъ?... Кто захочетъ итти за мужъ за столѣтняго старика? Вѣдь это я тебѣ предлагаю по знакомству, знавши заподлинно тебя за умнаго человѣка, а сунься-ка ты къ другому, такъ тебя по шеямъ оттуда.... Неправда-ли, Ѳедотычъ?... Ну, скажи-ка такъ, по чистой совѣсти, не правду-ли я тебѣ говорю, Карпъ?... По службѣ ты не числишься, имѣнія за тобой не состоитъ ни одной ревижской души, годами ты уже близко ста; лицомъ, ни дать, ни взять похожъ, какъ и мы всѣ грѣшные, перевалившіе за шестой десятокъ, на *михрютку*. Такъ какого-же рожна въ тебѣ? — Не думаешь-

ли поддѣть богатую невѣсту ?—Полно дурачиться, братъ ! — Нынѣче, дружище, бываютъ женихи не намъ чета, да такъ то любо-дорого ихъ за носъ водятъ, и потомъ въ трубу выпускаютъ....

— Что правда, то правда ! — подумалъ, вздохнувши, Карпъ Ѳедотычъ, — нечего и обижаться словами Кондратьича.

— Ну, Кондратьичъ, я согласенъ уступить тебѣ домъ, а удержу при себѣ только выигрышныя деньги.

У Еремея Кондратьича глаза такъ и забѣгали, какъ у *рыси*.

— Ну, что такое домъ ? — отвѣчалъ онъ обиженнымъ тономъ. — Вѣстимо, что безъ дому я не могу жить. Да мнѣ и деньги нужны. Вѣдь я тебѣ, братъ, отдалъ все до чиста. Побойся Бога, Карпъ, не оставь меня по міру ходить. Что ты это, рѣхнулся что-ли ? Все за разъ хочешь имѣть.... что-нибудь одно : либо молодую жену, либо деньги ! Вѣдь говорятъ дѣдушка оставилъ завѣщаніе въ твою пользу. Такъ еще, можетъ статься, ты будешь богачемъ !...

— Эхъ, Кондратьичъ, до завѣщанія еще остался пяти-лѣтній срокъ. А пока оно не вскрыто, никто не знаетъ, о чемъ тамъ рѣчь идетъ.

— Ну, тамъ, какъ хочешь, разсуждай, Ѳедотычъ, а я не согласенъ на одинъ домъ. Отдай мнѣ и деньги....

— Да оставь ты мнѣ хоть половину этихъ денегъ.... — отвѣчалъ Карпъ Ѳедотычъ плачевнымъ голосомъ, такимъ голосомъ, который бы могъ разжалобить самое жестокое сердце. — Если я тебѣ отдамъ всѣ деньги, тогда мнѣ не-чѣмъ будетъ и свадьбу сыграть.... за квартиру заплатить....

— Пустое!... — возразилъ Еремей Кондратьевичъ Финиковъ. — Свадьбу нужно дѣлать тихо. Я имѣю на то свои причины. А квартира у тебя и теперь очень хорошая.

— Ну, такъ сколько-нибудь уступи мнѣ.... — продолжалъ упрашивать Карпъ Ѳедотычъ, — вѣдь не могу же и я остаться совсѣмъ безъ денегъ. Ну, хоть сто цѣлковыхъ мнѣ останется.

— Пятьдесятъ изволь.... больше не могу и не проси. По рукамъ и дѣлу конецъ....

Они ударили по рукамъ и разошлись.

—

II.

Много превратностей совершилось въ жизни Еремея Кондратьевича Финикова. Было время, когда онъ былъ въ великихъ почестяхъ. Была счастливая эпоха его жизни, когда онъ находился въ откупахъ. Фортуна улыбалась ему, какъ семнадцатилѣтняя дѣвушка. Уже Еремей Кондратьичъ былъ близокъ къ тому, чтобы стать на ряду съ милльонерами.... Увы! гибельная страсть къ картамъ все разрушила. Мало-по-малу онъ проигралъ всѣ свои фабрики, заводы, весь оборотный капиталъ, а къ довершенію всѣхъ бѣдствій, за долги былъ посаженъ въ тюрьму. Пять лѣтъ онъ томился въ неволѣ и почти каждый день давалъ себѣ клятвенное обѣщаніе, что, если когда-либо ему возвращена будетъ свобода, онъ уже болѣе не станетъ играть въ карты. По прошествіи пяти лѣтъ, свобода была ему возвращена и онъ дѣйствительно, повидимому ненарушимо исполнялъ свое обѣщаніе, рѣшившись жениться и сдѣлаться человѣкомъ степеннымъ. Къ счастію, ему попалась невѣста съ состояніемъ, но хотя она имѣла довольно видный и непріятный недостатокъ — была горбата; Финиковъ не думалъ ни минуточки и женился.

Финикову было тогда еще лѣтъ тридцать-пять не болѣе. Онъ былъ мужчина, хоть куда: росту средняго, бѣлокуръ, осанистъ; но въ глазахъ Еремея Кондратьевича выражалось что-то непріятное: они были на выкатѣ и имѣли выраженіе наглой рѣшительности. Другой-бы оплакивалъ такую несчастную конструкцію своихъ глазъ, а Еремей Кондратьевичъ былъ очень ими доволенъ и употребилъ ихъ въ дѣло. Онъ такъ пріучился владѣть ими, что слабонервная жена его часто, при выразительномъ взглядѣ своего супруга, тряслась, какъ осиновый листъ, падала въ обморокъ, или соглашалась на всѣ его требованія. Такимъ образомъ, Еремей Кондратьевичъ успѣлъ все женино имѣніе перевести на свое имя. Потомъ, онъ сталъ скучать бездѣйствіемъ.

— Что, а вѣдь я теперь довольно богатъ, — разсуждалъ онъ самъ съ собою, — могъ-бы пуститься въ обороты. Что, если-бы выиграть хоть въ карты, еще такой кушъ. Нѣтъ, ужъ больше не стану рисковать. Такъ развѣ ***pour passer le***

temps и играть по копѣечкѣ серебромъ въ преферансъ я еще рѣшусь. Это вѣдь все равно, что муку сѣять въ рѣшето....

И Еремей Кондратьевичъ рѣшился съ-тѣхъ-поръ играть съ сосѣдями по *копѣечкѣ серебромъ*. Между тѣмъ, у него пошли рождаться дѣтки. Родилось два сына, дочка. Сыновей отправилъ онъ учиться въ гимназію, а дочку отдали въ пансіонъ. Но и почтенный санъ *отца семейства* не могъ остановить Еремея Кондратьича въ его гибельныхъ порывахъ. Вскорѣ копѣечный преферансъ ему наскучилъ. Онъ усилилъ кушъ.... мало.... онъ сталъ играть по *четвертаку* фишку.... и того мало.... чорствая душа его требовала ощущеній болѣе сильныхъ: Еремей Кондратьичъ сталъ играть по цѣлковому фишку, держалъ пари на каждую *игру*, на каждую пульку. Женино имѣніе какъ разъ улетѣло. Оставалось весьма немногое, что онъ также проигралъ Карпу Ѳедотовичу, въ именинный *вечеръ*. Послѣдній разговоръ ихъ съ Карпомъ Ѳедотовичемъ рѣшилъ участь его несчастной дочери.

Елисавета Еремеевна Финикова, дочь Еремея Кондратьевича Финикова, родилась существомъ идеальнымъ. Въ пансіонѣ ***Mme Bosquet*** ее считали первой красавицей, а характеромъ ея не могли довольно нахвалиться. Кроткая, тихая, она умѣла каждому угодить, съ покорностію сносила случайныя несправедливости подругъ, повиновалась безпрекословно наставницамъ и тѣмъ самымъ расположила къ себѣ сердца всѣхъ окружающихъ. Такъ, что Лизу Финикову иначе не называли, какъ геніемъ кротости и добродушія. Между тѣмъ, Лизанька, подобно пышной розѣ, разцвѣтала съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе и, когда она перешла въ старшій классъ, ей уже было шестнадцать лѣтъ. Здѣсь сердце ея въ первый разъ забилось новымъ чувствомъ, которое было нѣкогда стихіей несчастнаго изгнанника Назона. Лизанька еще не понимала вполнѣ какое это чувство, а между тѣмъ, сердце ея уже *любило*, со всею пылкостію шестнадцати-лѣтняго возраста. Достойнымъ предметомъ такой чистой, дѣвственной любви былъ учитель русской словесности, котораго, по странной игрѣ случая, звали *Карпомъ Ѳедотовичемъ*.

Карпъ Ѳедотовичъ Вислоуховъ былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати двухъ. Потерявъ своихъ родителей еще въ дѣтскомъ возрастѣ, онъ встрѣтилъ жизнь круглымъ сиротой. Былъ у него еще въ роднѣ одинъ богатый дядюшка ; но этотъ дядюшка жилъ гдѣ-то далеко и, по видимому, не зналъ о существованіи своего несчастнаго племянника. — Воспи-

танный на мѣдные гроши Карпъ Ѳедотовичъ Вислоуховъ, въ девятнадцать лѣтъ, благодаря строгому преподаванію деревенскаго дьячка, умѣлъ хорошо читать по церковному; самымъ чистымъ теноромъ пѣлъ на клиросѣ; писалъ чисто, но съ орѳографическими ошибками. — Однако, выйдя на собственную волю, молодой человѣкъ увидѣлъ всю недостаточность своихъ познаній, и собственнымъ прилежаніемъ, въ теченіи двухъ лѣтъ, прошелъ все то, что ему не доставало для полнаго знанія отечественнаго языка и литературы. Онъ изучилъ грамматику, реторику, словесность; прочиталъ всѣхъ русскихъ авторовъ; проникнулся духомъ истинной поэзіи и, когда почувствовалъ въ себѣ присутствіе совершенной силы знанія, рѣшился искать мѣста преподавателя русскаго языка. Молодость его много ему мѣшала въ достиженіи этого намѣренія. Къ счастію ***Madame Bosquet*** давно нуждалась въ учителѣ русскаго языка, но никакъ не сходилась въ цѣнѣ. Она приняла къ себѣ Вислоухова, собственно за его сговорчивость въ этомъ отношеніи; впрочемъ, чтобъ не могла пострадать дѣвическая скромность отъ пламенныхъ взоровъ двадцати-трехъ-лѣтняго учителя, на урокахъ его всегда присутствовали двѣ самыя древнія гувернантки. Но ничто, даже неусыпная бдительность гувернантокъ, ни строгіе ихъ принципы, ни дѣвственная стыдливость шестнадцати-лѣтней дѣвицы; ни застѣнчивость двадцати-трехъ-лѣтняго учителя не могли отвратить родившейся симпатіи двухъ сердецъ. Съ перваго раза Карпъ Ѳедотовичъ Вислоуховъ отличилъ отъ всѣхъ дѣвицъ своего класса Лизаньку Финикову, а Лизанька, почему-то, весь вечеръ твердила русскій урокъ и горько плакала. Карпъ Ѳедотовичъ Вислоуховъ казался ей такимъ милымъ, очаровательнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ такимъ *жалкимъ*. Печальное начало его жизни, его сиротство, бѣдность, которую можно было тотчасъ угадать по простотѣ скромнаго, однако-же приличнаго наряда, бросали какой-то трогательный отблескъ на привлекательную наружность молодаго человѣка. Его темно-голубые глаза всегда были задумчивы, скромный голосъ проникалъ въ сердце.

— Сударыни, — говорилъ Вислоуховъ, читая свои лекціи, — поэзія есть самая благородная, возвышенная стихія души. Какъ воздухъ необходимъ тѣлу нашему, такъ поэзія есть единственная пища души, не утратившей своего высокаго назначенія. Во всѣхъ наиболѣе простыхъ явленіяхъ міра насъ

окружающаго, поэзія какъ трудолюбивая пчела, открываетъ сокровенныя идеи и, облекая ихъ въ формы изящныя, передаетъ нашему разумѣнію. Такъ, напримѣръ, поэтъ пораженъ зрѣлищемъ водопада:

Съ высотъ четыремя скалами
Алмазна сыплется гора....
Жемчугу бездна и сребра,
Кипитъ внизу; бьетъ вверхъ буграми, —
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
Далече ревъ въ лѣсу шумитъ....

Поэтъ рисуетъ передъ вами картину, поразившую его взоры. Онъ живо изображаетъ явленіе природы, а вы какъ будто также видите водопадъ, слышите шумъ паденія его водъ, поражаетесь удивительной игрой лучей солнца, отражающихся въ міріадахъ капель водяной пыли. Но поэтъ не останавливается на одномъ созерцаніи такого явленія. Далѣе онъ переходитъ къ размышленію, и съ трогательнымъ восторгомъ души восклицаетъ:

Не жизнь-ли человѣковъ намъ
Сей водопадъ изображаетъ!..

Вѣрность такого уподобленія становится очевидною при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи поэта.

Тоже самое мы можемъ усмотрѣть въ другихъ примѣрахъ. Такъ поэтъ, при видѣ скромнаго цвѣтка, восклицаетъ:

— Фіялка на зарѣ родилась,
Въ часъ утренній развила цвѣтъ;
Но въ полдень съ стебелька свалилась —
И къ вечеру фіялки нѣтъ....
Печальный образъ! Такъ стремится
Цвѣтуща молодость отъ насъ....

Многія изъ ученицъ слушали разсѣянно высокій слогъ Вислоухова; но Лизанька Финикова не пропускала ни одного слова, и часто, очень часто двѣ крупныя слезы, какъ двѣ

яркія жемчужины, оставляли слѣдъ на ея розовыхъ щечкахъ.

Время порхнуло, какъ птичка. Лизанька вышла изъ пансіона и возвратилась въ отчій домъ.

— Ну, чему ты училась въ пансіонѣ? — спрашивалъ ее Еремей Кондратьевичъ, дѣлая страшные глаза. — Я, чай, денежки наши пропали. Научилась болтать по-французски да и дѣло съ концемъ. Нѣтъ, матушка, принимайся-ка за хозяйство. Будь помощницей матери. Маршъ на кухню.... Все распроси, гдѣ что и какъ, чтобы у меня безъ дѣла не сидѣть....

Лизавета Еремеевна повиновалась. Между тѣмъ, Карпъ Ѳедотовичъ Вислоуховъ сильно тосковалъ. Отлетѣло его красное солнышко. Ужъ не видать въ классѣ Финиковой, и ему сдѣлалось грустно и тяжело. Онъ сталъ гнушаться пищи, питья, сталъ вянуть, сохнуть и умеръ бы съ голоду, если-бъ не встрѣтился ему благодѣтель, который спасъ его отъ голодной смерти и сдѣлалъ истиннымъ счастливцемъ на нѣсколько лѣтъ. Этимъ благодѣтелемъ былъ отставной полковникъ Семенъ Антоновичъ Аргачевъ. Они встрѣтились въ кофейной Гейде, которая съ незапамятныхъ временъ, процвѣтаетъ на Васильевскомъ островѣ. Вислоуховъ забѣжалъ туда прочитать газетныя новости. Полковникъ, отъ скуки, заговорилъ съ незнакомымъ человѣкомъ. Слово за словомъ, объяснилось имъ, что они имѣютъ общихъ знакомыхъ Финиковыхъ, которые и лѣто и зиму жили въ Ораніенбаумѣ, гдѣ жилъ и знаменитый Карпъ Ѳедотовичъ Киндеуровъ. Какое милое созданіе дочь господина Финикова Лизавета Еремеевна!! — говорилъ Вислоуховъ, стараясь притвориться равнодушнымъ.

— Удивляюсь! — замѣтилъ Аргачевъ, — въ кого она уродилась. Отецъ такая скотина и бездѣльникъ, какого едва-ли вы еще найдете, а мать была горбатая, несчастная, жалкая женщина....

— Однако я слышалъ, что Финиковъ хорошо живетъ.... — возразилъ Карпъ Ѳедотычь Вислоуховъ, — и я такъ уважаю таланты и дарованія его дочери, что охотно желалъ бы съ нимъ познакомится....

— Это очень легко сдѣлать, — замѣтилъ Аргачевъ. — Я сегодня приглашенъ къ нимъ на преферансъ и думаю непремѣнно ѣхать, потому что прошлый разъ они опустошили мои карманы до чиста. Сегодня, по видимому, это имъ не удастся. Хотите, ѣдемъ вмѣстѣ. Я васъ представлю.

— Очень охотно! отвѣчалъ Вислоуховъ.

— Объ одномъ васъ предваряю. Если вы играете въ карты, то будьте осторожны. Тамъ есть люди опасные въ этомъ отношеніи, какъ, напримѣръ, мой старый товарищъ по службѣ, Карпъ Ѳедотычъ Киндеуровъ!... Должно вамъ замѣтить, что этотъ человѣкъ имѣлъ состояніе, доставшееся ему по наслѣдству отъ отца, велъ себя довольно порядочно, служилъ исправно. Но, какъ говорится, *сѣдина въ бороду — бѣсъ въ ребро*, вдругъ взбѣленился, бросилъ службу, сталъ кутить и въ одинъ годъ пропустилъ все состояніе. Тогда онъ началъ играть въ карты и, повѣрите-ли, что вотъ онъ играетъ уже безъ малаго пятьдесятъ лѣтъ—и ни разу, рѣшительно говорю вамъ, ни разу не зналъ, что-такое значитъ проигрышъ. Это вѣдь удивительно. Многіе утверждаютъ, что будто онъ чернокнижникъ, и силою вражескою побѣждаетъ всѣхъ въ игрѣ.... но все это бабьи сказки; а мнѣ такъ кажется, что онъ, по просту безъ затѣй, *шулеръ*. Какъ онъ плутуетъ, какъ подтасовываетъ карты.... ужъ прахъ его знаетъ... подмѣтить невозможно; но только проигрыша онъ не знаетъ и выигрываетъ ежедневно. Если-бы онъ былъ человѣкъ расчетливый, то съ такимъ счастіемъ онъ могъ-бы сдѣлаться мильонеромъ. Однако, ко благу играющаго человѣчества, онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія объ азартныхъ играхъ и даже питаетъ къ нимъ отвращеніе. Весь-же свой выигрышъ онъ проматываетъ на пустяки и, говоря въ строгомъ смыслѣ, находится всегда въ бездѣйствіи. Берегитесь этого человѣка. Берегитесь и хозяина, который иногда наружной ласковостью умѣетъ прикрыть свое коварство.

— Я вѣдь не играю въ карты,— отвѣчалъ Вислоуховъ,— потому мнѣ нечего ихъ опасаться.

Съ этого счастливаго дня, въ продолженіи трехъ лѣтъ, Лиза Финикова и Карпъ Ѳедотовичъ Вислоуховъ видѣлись каждый праздникъ. Сердца ихъ были исполнены самой пламенной любви. А блаженство праздничныхъ свиданій бросало свой розовый отблескъ на остальную жизнь.

Наконецъ ударилъ часъ, когда они должны были разочароваться въ своемъ счастіи. Въ продолженіе трехъ лѣтъ, Вислоуховъ дѣйствовалъ въ намѣреніи усилить свои доходы, чтобъ быть въ нѣкоторомъ правѣ искать руки Елисаветы Еремеевны. Лизанька, въ свою очередь, съ нетерпѣніемъ ожидала этого времени. Успѣхи его были медленны, однако бодрость желанія и неусыпный трудъ преодолѣли всѣ

препятствія. Вислоуховъ пріобрѣлъ себѣ множество новыхъ уроковъ, чѣмъ учетверилъ прежній доходъ, Лизанька работала день и ночь и продажею разныхъ рукодѣлій, въ чемъ содѣйствовалъ ей все тотъ-же Карпъ Ѳедотычъ Вислоуховъ, составила маленькій капиталецъ, который думала употребить на свое приданое. Къ несчастію, давно уже она лишилась бѣдной матери, не выдержавшей грубаго обращенія и побоевъ мужа. Все счастіе ихъ зависѣло отъ согласія отцовскаго. Обращеніе Еремея Кондратьича съ Вислоуховымъ, подавало надежды на совершенный успѣхъ. Еремей Кондратьичъ принималъ Вислоухова очень ласково, не обращалъ никакого вниманія на его дружбу съ Лизанькой, чѣмъ, какъ будто поощрялъ ихъ сближеніе.

Однако, не смотря на всѣ эти данныя, Карпъ Ѳедотовичъ Вислоуховъ и Лизанька долгое время были въ большой нерѣшительности, боясь испортить все дѣло. Наконецъ, они рѣшились открыться въ своей невинной страсти.

Робкій и застѣнчивый видъ Карпа Ѳедотовича Вислоухова, вошедшаго въ кабинетъ къ Еремею Кондратьичу для объясненія, возмутилъ всю желчную душу Фиников, который, въ одно мгновеніе, постигъ свою ошибку. Это было въ то самое время, когда онъ сосредоточивалъ всѣ свои надежды на дочери, какъ на оборотномъ капиталѣ.

— Дочь моя—красавица,—думалъ онъ,—это не бездѣлица, а драгоцѣнный кладъ. Надо будетъ поискать богатаго женишка, выдать ее замужъ, а тутъ прійдется и тестю около богатства погрѣть руки....

Вдругъ передъ нимъ является робкая фигура Вислоухова.

— Что вамъ угодно, милостивый государь? — спросилъ Еремей Кондратьичъ такимъ голосомъ и выпучивъ такъ глаза, что вся кровь застыла въ жилахъ молодаго человѣка. Однако онъ преодолѣлъ страхъ и робость. По его понятіямъ надлежало дѣйствовать рѣшительно.

— Я пришелъ къ вамъ,—говорилъ онъ съ кротостію,—для объясненія по одному важному дѣлу.

— Что такое? — ужъ не денегъ-ли хотите у меня просить? У меня, батюшка, не ассигнаціонный банкъ. На то есть ростовщики.... да я, сударь, вамъ и не позволю надо мною смѣяться.

— Помилуйте... совсѣмъ не то... не то... — отвѣчалъ перепуганный и удивленный такою выходкою Вислоуховъ;— о деньгахъ я не имѣю никакой надобности васъ просить....

— Что-же вамъ угодно ?—продолжалъ свирѣпо спрашивать Еремей Кондратьичъ,—говорите скорѣй, у меня нѣтъ времени.... меня ждутъ играть въ преферансъ.... что вамъ надобно ? говорите сразу !

— Я пришелъ просить у васъ руки вашей дочери.... Будьте нашимъ благодѣтелемъ.... осчастливьте насъ.... мы любимъ другъ друга !

Лицо Еремея Кондратьича, при этихъ словахъ, сдѣлалось, какъ красный кармазинъ, губы надулись какъ паруса, глаза выскочили, какъ два матовыя стекла на лампахъ.

— И вы осмѣлились придти ко мнѣ съ такимъ объясненіемъ ?—говорилъ Финиковъ удушливымъ голосомъ, медленно подымаясь съ своего стула;—и вы смѣете сказать мнѣ, что вы любите мою дочь и что дочь моя любитъ васъ? Милостивый государь, за кого-же вы меня принимаете ?... развѣ дочь моя можетъ кого-нибудь любить безъ родительскаго согласія и развѣ кто-нибудь, за мою-же хлѣбъ-соль, смѣетъ любить мою дочь, не испрося прежде на то моего позволенія. Извините, милостивый государь, но я долженъ вамъ сказать, что вы послѣ этого хуже.... да я ужъ и не знаю.... хуже разбойника даже....

Какъ ни оскорбительны были выраженія Финикова, Карпъ Ѳедотычъ Вислоуховъ старался всячески сохранять хладнокровіе.

— Милостивый государь,—отвѣчалъ онъ, — нельзя заставить сердце не любить, когда оно уже любитъ и сила этого чувства такъ велика, что чѣмъ болѣе оно встрѣчаетъ препятствій, тѣмъ сильнѣе развивается и бываетъ совершенно непобѣдимымъ....

— Что вы мнѣ тутъ стали разсказывать ахинею,— перебилъ его Еремей Кондратьичъ ;—прошу васъ сейчасъ-же оставить мой домъ, и чтобы нога ваша не была здѣсь. Удивляюсь я, какъ Аргачевъ могъ рекомендовать мнѣ подобнаго сорванца....

Тяжко было слушать такую брань, но Карпъ Ѳедотычъ Вислоуховъ крѣпился.

— Осмѣлюсь спросить васъ, въ чемъ-же вы меня обвиняете? Развѣ только въ томъ, что я люблю вашу дочь, то почему считаете вы это оскорбительнымъ для вашей гордости? Я происхожу отъ благородныхъ родителей. Я бѣденъ,

но трудами своими добываю столько, что могу содержать цѣлое семейство. Притомъ какъ знать, что случится.

— Замолчите-ли вы, мальчишка-сударь. Какъ смѣете вы ставить себя на одну доску съ моей дочерью? Дочь моя, дочь бывшаго милліонера, который не сегодня, такъ завтра опять наживетъ милліоны ; а вы что ? вы нищій, жалкій бродяга.

Вся кровь прилила къ головѣ Вислоухова.

— До-сихъ-поръ, я слушалъ васъ хладнокровно.... — возразилъ онъ голосомъ, который заставилъ опомниться Еремея Кондратьича ; — но когда вы рѣшаетесь оскорблять мою честь, имя, когда вы порочите благородную и весьма уважаемую должность учителя, тогда я рѣшительно объявляю вамъ, что вы недостойны имѣть такую дочь, какъ ваша Елисавета Еремеевна и что Провидѣніе рано или поздно избавитъ ее отъ вашихъ вражескихъ сѣтей.

Гнѣвъ далеко-бы увлекъ молодаго человѣка; но страданіе Лизаньки, которая все время стояла за дверьми кабинета, прекратилъ эту непріятную сцену.

Еремей Кондратьичъ и Карпъ Ѳедотычъ Вислоуховъ разстались врагами.

—

III.

Медленно тянулось время. Прошелъ цѣлый годъ, а Елисавета Еремеевна ни разу не имѣла случая встрѣтить или увидѣть Вислоухова. Только во снѣ ей грезилось, что будто онъ, какъ добрый геній, прилеталъ съ нею бесѣдовать и, склоняясь къ изголовью, нашептывалъ ей то нѣжныя привѣтствія, то утѣшалъ ее.

— Ты не плачь....—говорилъ онъ ей;—потерпи немного.... прійдутъ, прійдутъ несомнѣнно дни счастія и веселія.

Просыпаясь, Лизанька убѣждалась, что это былъ только сонъ и снова наступалъ долгій, скучный день, и суровое обращеніе Еремея Кондратьича только увеличивало ея печаль.

Но вдругъ это обращеніе перемѣнилось. Еремей Кондратьичъ, въ одинъ прекрасный день, сдѣлался ласковъ и,

призвавъ къ себѣ милую Лизу, сталъ ее обнимать и цѣловать.

— Ну что, моя Лиза, хочешь-ли ты замужъ за Карпа Ѳедотыча?

Лизанька не вѣрила ушамъ своимъ и быстро поглядѣла на Еремея Кондратьича, но его лицо, какъ непостижимый *гіероглифъ*, не давало возможности разгадать, что происходило въ эту минуту въ его душѣ. Только Лизанька, какъ будто проснулась отъ тяжкаго сна, живымъ ключемъ закипѣла въ ней розовая кровь, щеки вспыхнули заревомъ чувства, и длинныя рѣсницы, какъ шелковистая ткань, опустились на эмалевую лазурь ея томныхъ глазокъ.

— Я-бы считала себя вполнѣ счастливою, любезный папа!... отвѣчала она не безъ волненія.

— Кончено!... — воскликнулъ отецъ, вставая съ своего мѣста и нѣжно обнимая дочь, — повѣрь мнѣ, моя Лиза, что я всегда желалъ тебѣ счастія. Я хочу, другъ мой, устроить свадьбу безъ всякихъ излишнихъ свидѣтелей. Тутъ будутъ присутствовать немногіе друзья мои.... Нилъ Петровичъ, Ѳедоръ Ѳилатьевичъ, Акулина Ѳедосѣевна, Матрена Дементьевна, и довольно.... Предваряю тебя, что жениха ты не увидишь до свадьбы, потому-что свадьба назначена завтра. Подвѣнечное платье и многія необходимыя вещи уже мною заказаны давно и завтра утромъ ты ихъ получишь. Смотри-же, Лиза, приготовляйся къ этому важному переходу въ жизни....

Лиза съ жаромъ цѣловала руки своего отца, который, при такихъ нѣжныхъ изъявленіяхъ привязанности дочери, сильно раскашлялся.

Еремей Кондратьичъ дѣйствовалъ осторожно. На другой день огромная карета, запряженная тройкою клячъ, ожидала невѣсту у подъѣзда Финиковыхъ. За каретой были въ готовности еще двѣ телѣги. Всѣ сосѣди шептались и повторяли другъ другу на ухо, что тутъ что-то недоброе. Въ городѣ было извѣстно, что Еремей Кондратьичъ проигрался Карпу Ѳедотовичу Киндеурову, что потомъ Киндеуровъ цѣлую ночь просидѣлъ у Еремея Кондратьича, что всю эту ночь они говорили съ жаромъ о какомъ-то дѣлѣ и что вотъ теперь куда-то они отправляются всей семьею.... Смотрите, говорили сосѣди другъ другу, тутъ кроется какое-нибудь злодѣйство. Ужъ гдѣ соединятся такіе два мошенника, какъ

Киндеуровъ да Финиковъ, тамъ не быть добру. Оба они плуты, чародѣи, жидоморы....

Еремей Кондратьевичъ почти зналъ, что объ немъ такъ говорятъ, но онъ мало обращалъ на это вниманія. Когда вечерній сумракъ, какъ дымчатая ткань, слетѣлъ на городъ, тогда приступили къ туалету невѣсты. Хотя нарядъ ея не былъ изъ числа великолѣпныхъ подвѣнечныхъ нарядовъ, но красота Лизаветы Еремеевны дѣлала ее и въ этихъ скромныхъ украшеніяхъ ненаглядной. Ея каштановые волосы, какъ морскія волны, просвѣчивали изъ-подъ сборокъ газоваго вуаля, бѣлое мусселиновое платье такъ изящно обрисовывало ея стройный станъ; бриллiантовыя серьги и фермуаръ такъ чудно оттѣняли ослѣпительную бѣлизну ея лица.... къ тому-же она была такъ весела, въ глазахъ ея сіяла такая радость, что трудно было-бы не плѣниться ею даже самимъ женщинамъ. Поѣздъ тронулся въ совершенномъ безмолвіи. Предположено было обвѣнчать ихъ въ какой-то сельской церкви и потомъ молодые должны были ѣхать въ небольшую деревушку Карпа Ѳедотовича Киндеурова, которая не давала ни малѣйшаго дохода, но при всемъ томъ, въ случаѣ необходимости, могла составить безбѣдный для него пріютъ, въ особенности лѣтомъ. Карпъ Ѳедотычъ былъ одолженъ своей безпечности сохраненіемъ этой деревушки, потому что онъ забылъ объ ея существованіи; въ противномъ случаѣ, она непремѣнно была-бы промотана. Въ этой деревнѣ жилъ когда-то дѣдъ Карпа Ѳедоточа; сохранились и его мебели, и его утварь, и его домашество, и здѣсь-же хранилось до времени таинственное завѣщаніе. Еще наканунѣ свадебнаго дня, Карпъ Ѳедотычъ и Еремей Кондратьевичъ отправили туда людей, съ приказаніемъ, чтобы все тамъ было вымыто, убрано, приготовлено къ принятію молодыхъ.

Когда поѣздъ выѣхалъ за заставу, дѣвушки, щелкая и прихлопывая въ ладоши, не умолкая, провожали невѣсту веселыми и звучными напѣвами. Входя въ храмъ Божій, Лизанька почувствовала сильное біеніе сердца и въ продолженіе службы не подымала глазъ. Она не видѣла жениха, когда онъ протянулъ къ ней руку, чтобы вести ее къ налою, не видѣла его до-тѣхъ-поръ, пока не была обвѣнчана. И только, когда радостныя поздравленія посыпались на нее со всѣхъ сторонъ, только тогда она взглянула на жениха:

и вдругъ страшный, жалобный крикъ огласилъ воздухъ.... молодая лежала безъ чувствъ.

—

IV.

— Ну, что ты, дурная голова.... что ты раскисъ ?—Развѣ не знаешь, какъ обращаться съ женщинами.... съ этимъ, просто сказать, бабьемъ.... Чѣмъ болѣе потачки, тѣмъ хуже. Возьми ее въ руки. Прижми такъ, чтобы ей вздохнуть было тяжело и посмотри, будетъ, какъ шелковая. Откуда возьмется веселость и сговорчивость. А то, что ты, посмотри-ка на себя !... вѣдь ты, любезный, съ позволенія сказать, самъ хуже бабы !

— Что дѣлать! что дѣлать, милый Еремей Кандратьевичъ, когда мнѣ дано такое сердце! — Не могу видѣть ея страданій.... не могу слышать ея тяжелыхъ вздоховъ. Они разрываютъ мое сердце. Посуди самъ, какая дружба можетъ быть между ребенкомъ и старикомъ. Дуракъ я, что не подумалъ объ этомъ прежде....

— Да дуракъ ты, братъ, былъ всегда. Хорошо, что самъ сознаешься. Не ты первый, не она послѣдняя. Тысячи примѣровъ есть, что старики женятся на молодыхъ, а живутъ-же, и какъ еще живутъ.... милуются, сударь мой, какъ голубки....

Карпъ Ѳедотычъ Киндеуровъ только покачалъ головою.

Въ то самое время, когда Еремей Кондратьевичъ и Киндеуровъ разсуждали такимъ образомъ, сидя въ кабинетѣ, Елисавета Еремеевна сидѣла въ саду, въ слезахъ, и съ нею Карпъ Ѳедотовичъ Вислоуховъ.

— Не плачьте, Елисавета Еремеевна ! — говорилъ онъ такимъ нѣжнымъ голосомъ, который, какъ живительный бальзамъ, струился по жиламъ красавицы. — Не плачьте, вѣрьте мнѣ, что вы не останетесь въ рукахъ этого чудовища.... вы не будете страдать. Небо создало васъ для счастливой доли и оно осуществитъ рано или поздно свою волю....

— Ахъ, милый Карпъ Ѳедотовичъ....—отвѣчала Лизанька со слезами,—мнѣ самой кажется, что нельзя продолжительно такъ страдать, какъ я теперь страдаю. Не можетъ душа

долго томиться въ такихъ несносныхъ оковахъ.... и потому я надѣюсь, что скорая смерть прекратитъ эти мученія.

Карпъ Ѳедотовичъ Вислоуховъ поблѣднѣлъ.

— Возможно-ли, Елисавета Еремеевна, пугать меня такими страшными предчувствіями! — Вы знаете, какъ я дорожу вашимъ счастіемъ. Оно мнѣ милѣе всего на свѣтѣ. Я бы не пережилъ васъ и минуты. Безъ васъ міръ представлялся-бы мнѣ, какъ хладная могила.... серце-бы мое не знало ни печали, ни радости, оно окаменѣло-бы, какъ бездушный гранитъ.... Нѣтъ, Елисавета Еремеевна, такое несчастіе превышало-бы мои силы. Вооружитесь терпѣніемъ, уповайте на благость Провидѣнія. Все устроится къ лучшему. Почти каждый день я стану къ вамъ пріѣзжать, каждый день мы будемъ видѣться. Пусть несчастіе наше будетъ общимъ между нами. Будемъ нести нашъ крестъ съ терпѣніемъ.

Дѣйствительно, съ-тѣхъ-поръ Елисавета Еремеевна и Карпъ Ѳедотовичъ Вислоуховъ видѣлись почти каждый день. Только зимою они должны были разлучаться, потому что въ это время года Киндеуровъ уѣзжалъ въ городъ и тамъ предавался со всѣмъ неистовствомъ игрѣ въ преферансъ. Наступало лѣто и Елисавета Еремеевна съ восторгомъ спѣшила на дачу, гдѣ первою встрѣчею былъ ея возлюбленный Вислоуховъ.

Киндеуровъ чувствовалъ себя вполнѣ счастливымъ человѣкомъ. Жена была у него молоденькая, хорошенькая. Всѣ ему завидовали; она не дичилась его, какъ прежде, и даже иногда ласкала.

— Ну что, гусь ты этакій, — повторялъ ему въ восторгѣ Еремей Кондратьевичъ, — не говорилъ я тебѣ неоднократно, что *стерпится-слюбится*, не вышло-ли по моему. Жена теперь тебя и любитъ, и голубитъ; а ты ужъ было совсѣмъ и носъ повѣсилъ. Ахъ, голова ты голова, постой-ка еще, когда мы узнаемъ, что у тебя въ завѣщаніи, такъ тогда не то будетъ. Что если дѣдушка сдуру-то замахнулъ на твое имя какой-нибудь значительный капиталъ; такъ тогда знаешь-ли, какъ мы заживемъ. Особенно, какъ станешь ты одѣвать, да вывозить жену на балы да въ театры, тогда, дружокъ, она не такъ еще станетъ за тобою ухаживать.... Руки, сударь мой, будетъ цѣловать. Да и самъ-то ты не будешь тогда такимъ бахваломъ. Теперь тебя и меня по всему городу ругаютъ. Они, говорятъ, погубили молодую дѣвушку, а

какъ ты закатишь бала два, три, такъ все замолкнетъ и другую пѣсню запоютъ.... Ахъ, какой онъ милый, да хорошій, да какъ славно угощаетъ.... да онъ просто человѣкъ необыкновенный.

— Прекрасно. Но вѣдь это все мыльные пузыри....—возразилъ Карпъ Ѳедотовичъ, — я нисколько не расчитываю на завѣщаніе моего дѣдушки; потому что, по всѣмъ вѣроятностямъ, оно нимало меня не касается. Вѣроятно, онъ завѣщаетъ построить себѣ какой-нибудь памятникъ, или что-нибудь подобное.... но могъ-ли онъ предполагать, что его внукъ будетъ жить сто лѣтъ.... это невѣроятно....

— И то правда! — подумалъ Еремей Кондратьевичъ, — но все-таки есть по-крайней-мѣрѣ надежда.... Да знаешь-ли, братецъ, — продолжалъ онъ говорить, обкусывая ногти на пальцахъ — нельзя-ли будетъ этимъ завѣщаніемъ подвознадуть кого-нибудь? Вѣдь это, душа моя, былобы лихо.... продать-бы его за значительный капиталъ, или... пустить въ карточный оборотъ.... а, какъ ты думаешь?...

— Думаю, что пустое, — отвѣчалъ Карпъ Ѳедотовичъ; — нынче, братъ, свѣтъ хитеръ.

— Пустое!... у тебя все пустое. Свѣтъ хитеръ, да и мы не дураки. Я такъ знаю черезъ кого можно-бы это устроить.

—

V.

Пятый годъ со дня свадьбы Киндеурова уже былъ на исходѣ, когда, въ одинъ осенній вечеръ, по набережной Фонтанки медленными шагами подвигался какой-то господинъ, закутанный въ черный плащъ и погруженный въ глубокую задумчивость. — Онъ часто останавливался, шепталъ какія-то несвязныя слова, размахивалъ рукою и потомъ снова шелъ впередъ. Дойдя до Семеновскаго моста, онъ повернулъ по Гороховой; многообразная дѣятельность этой улицы ни мало не развлекла его, и только, когда, поворачивая изъ улицы въ улицу, онъ очутился у Аларчина моста, задумчивость, казалось, его покинула. Онъ быстро подошелъ къ воротамъ боль-

шаго каменнаго дома, позвонилъ въ колокольчикъ и потребовалъ отъ дворника, чтобы тотъ проводилъ его въ квартиру Вислоухова. — Черезъ нѣсколько минутъ Карпъ Ѳедотовичъ Вислоуховъ, только-что возвратившійся домой, увидѣлъ предъ собою совершенно неожиданно полковника Аргачева.

— Чему я одолженъ такимъ счастіемъ, что первый разъ въ жизни вижу васъ у себя въ квартирѣ? — спрашивалъ Вислоуховъ съ непритворною радостію.

— Общимъ нашимъ несчастіемъ и хотя недавней, но искренней дружбѣ....—отвѣчалъ полковникъ таинственнымъ голосомъ.

— Вы пришли такъ кстати, полковникъ....—говорилъ Вислоуховъ, — усаживая своего гостя въ Волтеровское кресло. Это были можно сказать первыя минуты въ жизни, когда я сожалѣлъ, что у меня нѣтъ ни брата, ни друга, потому что, хотя я и увѣренъ въ вашей искренности и питаю къ вамъ безпредѣльныя уваженіе и привязанность, но я никогда не смѣлъ считать васъ моимъ другомъ. Ваши лѣта, вашъ чинъ, казалось мнѣ, полагали между нами границу, которая насъ ставила на благородную дистанцію другъ отъ друга....

— Помилуйте, — возразилъ полковникъ,—какъ вы дурно меня знаете. Я не принадлежу къ числу тѣхъ, которые ищутъ себѣ друзей по какому-нибудь расчету. Если я могу въ комъ-либо открыть благородную душу, правдивое сердце.... для меня довольно этого, чтобы не обращать вниманія ни на его чинъ, ни на его званіе. Мы встрѣтились съ вами случайно, и, говорю безъ лести, я давно, давно не испытывалъ такихъ утѣшительныхъ часовъ и минутъ, какія провелъ я въ вашемъ обществѣ. Вашъ свѣтлый взглядъ на вещи, ваша правота помирили меня съ жизнію и съ цѣлымъ міромъ. Я сказалъ самому себѣ: нѣтъ, я ошибался до-сихъ-поръ, не всѣ-же люди дурны, есть-же и благородныя души, чистыя, непорочныя, въ которыхъ свѣтъ добродѣтели еще не померкъ подъ мракомъ пороковъ....

— Благодарю васъ, полковникъ, за ваше доброе мнѣніе обо мнѣ. Благодарю васъ милліонъ разъ! И какъ прискорбно мнѣ, что именно сегодня-же я долженъ васъ разочаровать. Послѣ краткаго признанія, которое я долженъ вамъ сдѣлать, вы увидите, какимъ адскимъ порокомъ омрачена моя душа....

— Не вѣрю,—замѣтилъ, улыбаясь, полковникъ,—порокъ, какъ пламя, всегда прорывается наружу....

— Повѣрьте, что часто онъ глубоко зарывается на днѣ души и только тогда всплываетъ наверхъ, когда силы души не въ состояніи его болѣе подавлять. Но къ чему спорить, когда дѣло само за себя говоритъ. Вотъ видите-ли, полковникъ, я имѣю такой характеръ, что если мнѣ грустно и тяжело, если душа моя томится въ нѣмыхъ и безотрадныхъ страданіяхъ, то я бѣгу отъ людей и истинный другъ мой въ такія минуты былъ-бы для меня лишнимъ. — Я не могу, по врожденному свойству моей природы, дѣлить мое горе съ другими ; я не хочу даже, чтобы мой печальный видъ могъ ихъ огорчить. Другое дѣло, когда я вижу успѣхъ или удачу въ моихъ дѣлахъ, тогда я жажду съ кѣмъ-бы раздѣлить свою радость, готовъ обнять весь міръ и другъ для меня въ эти минуты драгоцѣненъ. Онъ пойметъ мою радость. Его сочуствіе усугубитъ мое счастіе во сто кратъ. Вотъ почему не удивляйтесь, что я сказалъ вамъ, что вашъ приходъ сегодня очень кстати.

— Благодарю васъ, благодарю васъ ! — отвѣчалъ полковникъ.

Вислоуховъ продолжалъ :

— Я думаю, вы до-сихъ-поръ меня знали за человѣка бѣднаго, неимущаго, пріобрѣтавшаго свой хлѣбъ трудомъ неусыпнымъ. Подивитесь же необычайной перемѣнѣ, какая совершилась въ моей судьбѣ : теперь я богачъ ! — Не далѣе, какъ три дня тому назадъ, я получилъ письмо, въ которомъ меня извѣщаютъ, что уже болѣе года, какъ скончался мой родной дядя, котораго впрочемъ, должно вамъ замѣтить, я вовсе не зналъ. Слыхалъ, что есть у меня дядя ; но гдѣ онъ и что онъ было для меня совершенной загадкой. Изъ полученнаго письма мнѣ объяснилось, что дядюшка мой, по слабости здоровья, жилъ постоянно въ Грузіи ; что тѣсная дружба его съ покойнымъ роднымъ братомъ, моимъ отцомъ, побудила его оставить завѣщаніе, въ которомъ все свое имѣніе онъ отказываетъ мнѣ, какъ единственному своему наслѣднику. Вообразите, что я разомъ сдѣлался владѣльцемъ имѣнія, которое постоянно даетъ тридцать тысячъ годоваго дохода и кромѣ того получилъ банковыхъ билетовъ на пятьсотъ тысячъ рублей серебромъ.

— Это чудесно ;—замѣтилъ полковникъ,—но прежде прихода моего къ вамъ, мнѣ уже это было извѣстно отъ людей, вамъ очень недоброжелательствующихъ.

— Отъ кого? отъ кого? – спрашивалъ съ удивленіемъ Вислоуховъ.

— Не трудно угадать, — отвѣчалъ Аргачевъ, — у насъ одни недоброжелатели: отъ Киндеурова и Финикова.

Лицо Вислоухова покрылось блѣдностію и онъ нѣсколько минутъ, казалось, старался подавить возникшую въ душѣ его бурю.

— Это все вы отъ нихъ слышали? спросилъ онъ наконецъ.

— Вотъ для того-то я и пришелъ къ вамъ, чтобы васъ предупредить.

— Говорите, говорите, въ настоящее время это очень важно.

Аргачевъ вздохнулъ и, закрутивъ усъ, сталъ говорить:

— Вчера вечеромъ, возвратившись домой, я нашелъ у себя на столѣ небольшую записку слѣдующаго содержанія: «Любезный Аргачевъ, въ которомъ-бы часу ты не получилъ эту записку, бери почтовыхъ и скачи къ намъ во всѣ лопатки. Я и Киндеуровъ имѣемъ къ тебѣ весьма важное, безотлагательное дѣло; — дѣло столь-же полезное для насъ, какъ и выгодное для тебя.» — За тѣмъ слѣдовала подпись *Еремей Финиковъ*. Я зналъ, что тутъ какая-нибудь гадость, потому-что эти люди неспособны ни на что другое, однако, изъ любопытства, поѣхалъ. Они меня ожидали за полночь, уже начинали терять надежду, но услышавъ мой голосъ, пришли въ восторгъ. Какъ-же вы думаете, въ чемъ заключалось это важное дѣло? Они объявили мнѣ, что вы получили огромное наслѣдство, что съ перваго разу меня немножко удивило. Потомъ, они стали меня упрашивать содѣйствовать имъ въ доставленіи удобнаго случая васъ обыграть. Черезъ нѣсколько дней говорили они наступаетъ срокъ *завѣщанію* Киндеурова. Карпъ Ѳедотычъ рѣшается либо продать это завѣщаніе, либо пустить его въ карточный оборотъ, потому что, какъ тебѣ извѣстно, у насъ нѣтъ въ наличности большихъ денегъ. Я притворился согласнымъ на ихъ предложеніе. Они обѣщали непремѣнно подѣлиться со мною въ случаѣ успѣха. — Мы рѣшили, что въ день, когда долженъ былъ совершиться срокъ Киндеуровскому завѣщанію, я привезу васъ къ нимъ на вечеръ и дорогой стану уговаривать, непремѣнно купить это завѣщаніе или играть на него, рискуя значительной суммой денегъ. — Я пришелъ васъ предупредить объ этомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ просить васъ непремѣнно къ

нимъ ѣхать. — До-сихъ-поръ, я еще ни разу съ вами не говорилъ съ полною откровенностію объ этихъ людяхъ, потому-что не видѣлъ въ томъ особенной необходимости. Я только предупреждалъ васъ, чтобы вы не могли впасть въ ихъ когти. Но теперь, когда представляется возможность обезоружить, уничтожить ихъ, я открою вамъ, что уже болѣе десяти лѣтъ, какъ я въ душѣ питаю къ нимъ тайную искру мести. О, я считалъ-бы себя на верху блаженства, когда-бы могъ видѣть этихъ изверговъ вполнѣ наказанными.—Десять лѣтъ тому назадъ, я пріѣхалъ въ Петербургъ съ довольно порядочнымъ состояніемъ. Случай меня столкнулъ съ Киндеуровымъ. Ну—старый товарищъ по службѣ, и я съ открытою душою бросился въ его объятія. Онъ увлекъ меня къ себѣ, и тамъ-то ожидала меня *западня*. Онъ и Еремей Кондратьичъ Финиковъ обыграли меня, какъ липку и безъ малѣйшаго сожалѣнія, съ дикимъ смѣхомъ безчеловѣчной радости, выпроводили отъ себя. Этого мало. Впослѣдствіи я узналъ ихъ еще короче. Мало-по-малу, проигравъ все состояніе этимъ злодѣямъ, я увидѣлъ себя въ положеніи ужасномъ. По цѣлымъ днямъ я оставался безъ пищи; хозяинъ занимаемой мною квартиры угрожалъ выбросить на улицу мои вещи, если къ извѣстному сроку я не заплачу ему денегъ. Какъ человѣкъ, совершенно новый въ столицѣ, я не зналъ къ кому обратиться и рѣшился испытать великодушіе моихъ разорителей. Что-же, сударь мой? — они не только мнѣ отказали въ моей просьбѣ, но покрыли меня стыдомъ самыхъ безславныхъ насмѣшекъ и обидныхъ замѣчаній. Но я все перенесъ, я затаилъ въ глубинѣ души весь огонь моего негодованія и рѣшился, рано или поздно, явиться грознымъ мстителемъ. Теперь время благопріятное; изъ писемъ дяди Киндеурова къ моему дѣду, которыя случайно мнѣ попались въ руки, я узналъ, что таинственное завѣщаніе должно заключать въ себѣ огромныя деньги. Покупайте его....

— Я хочу сдѣлать лучше.... — замѣтилъ Вислоуховъ, — я хочу выиграть его. Хочу поразить враговъ собственнымъ ихъ оружіемъ, чтобы тѣмъ сильнѣе и ощутительнѣе былъ нанесенный имъ ударъ. Я также имѣю достаточныя причины, чтобы ихъ ненавидѣть и желать имъ всякаго зла. Хотя характеръ мой таковъ, что если въ послѣдствіи и представится возможность протянуть имъ руку помощи, я не откажусь; но теперь они должны быть наказаны, потому-что они составляютъ несчастіе существа невиннаго, чистаго, непороч-

наго, которое для меня дороже всего въ мірѣ. — Вы не знали, любезный полковникъ, я никогда не говорилъ вамъ, что дочь Финикова была мною любима, что эта чистая привязанность была взаимною, что въ продолженіи моего знакомства въ семействѣ Финиковыхъ, моя любовь была тайною для всѣхъ, пока трудами моими я не пріобрѣлъ возможность къ безбѣдной супружеской жизни. Наконецъ я рѣшился объясниться съ Еремеемъ Кондратьевичемъ.... и какъ онъ меня встрѣтилъ ? — слова *нищій*, *бродяга*, *негодяй* были мнѣ наградой за мои труды, за мою осторожность въ обращеніи и искреннюю преданность къ ихъ дому. Какъ я ни люблю досихъ-поръ *дочь*, но ненавижу *отца*. Наконецъ, самое желаніе вырвать дочь изъ сѣтей вражескихъ, требуетъ, чтобы уничтожить и ея супруга, который хотя характеромъ немного мягче Финикова ; но не менѣе его безчеловѣченъ. Видите-ли, какъ я золъ, а вы меня хвалили.

— Что же вы думаете сдѣлать ?— спрашивалъ Аргачевъ, пожимая руки своему пріятелю.

— Когда день срока завѣщанію ?

— Послѣ завтра, въ двѣнадцать часовъ ночи, оно должно быть открыто при свидѣтеляхъ.

— Прекрасно. Ѣдемъ-же къ нимъ, только вы ихъ предупредите, что мы явимся непремѣнно и что вы будете имъ содѣйствовать всѣми силами противъ меня. Должно дѣйствовать такъ, чтобы они никакъ не могли догадаться, что мы съ вами за одно ; а о дальнѣйшемъ, вы меня не спрашивайте, полковникъ, только послѣ завтра вы увидите, что все кончится въ нашу пользу.

— Смотрите — будьте осторожны! замѣтилъ полковникъ.

—

VI.

Еще лучъ солнца едва начиналъ золотить роскошную зелень садовъ и только ранняя пѣсня зяблика оглашала спящую окрестность, какъ Карпъ Ѳедотычъ Киндеуровъ проснулся. Ему было что-то грустно, тяжело. Это былъ канунъ дня его рожденія. Сегодня ему минетъ сто лѣтъ, а между тѣмъ онъ не успѣлъ еще насладиться жизнію. Онъ никогда не былъ богатъ, а безъ богатства какая жизнь!-думалъ Карпъ Ѳедотычъ,... — Это не жизнь, а полужизнь. Кромѣ то-

го, въ жизни Карпа Ѳедотыча не было на чемъ остановить мысль, не было воспоминанія, которое бы могло заставить его забыться на нѣсколько минутъ и перенестись въ прошедшее, которое представлялось ему, какъ голая неоживленная пустыня. Одно утѣшеніе для него еще было въ женѣ, но и ту нечѣмъ было потѣшить. Грустно томилось сердце старика.

По какому-то сочувствію человѣческихъ душъ проснулся и сосѣдъ Карпа Ѳедотыча, Еремей Кондратьичъ Финиковъ. — Проснувшись, онъ долго кашлялъ, потомъ съ четверть часа нюхалъ табакъ и ему тоже было тяжело на сердцѣ.

— Провалъ возьми совсѣмъ,—говорилъ онъ самому себѣ,— мнѣ что-то не понутру. Видно, вчера лишнее перевалилъ въ желудокъ. Ей ты, Анфиска, подай-ка водки да закусить солененькаго.

Вошелъ сонный Анфиска, у котораго голова была взъерошена, какъ стогъ сѣна и грудь голая.

— Чего прикажете? — спросилъ онъ, почесываясь.

— Ну, что же ты оглохъ, что-ли? говорятъ—подай водки и соленецькой закуски.... и отчего не причесался и весь растрепанъ.... Вотъ какая шельма мальчишка. Ну, смотри у меня, Анфиска, я до тебя доберусь....

Анфиска подалъ водки и копченой рыбы, но прически не поправилъ.

Еремей Кандратьичъ выпилъ двѣ рюмки очищеннаго, закусилъ рыбкой, и перевернулся на другой бокъ; но сонъ бѣжалъ отъ его глазъ. Мысли смѣнялись одна другою. И вдругъ мелькнула такая, которая мгновенно его оживила.

— Ба,—воскликнулъ онъ,—да вѣдь сегодня роковой день. Сегодня зятюшка мой *либо панъ, либо пропалъ*. Надобно только такъ устроить, чтобъ страдалъ одинъ онъ, въ случаѣ несчастія, а чтобы я оставался въ сторонѣ. Совѣстно мнѣ будетъ немножко передъ Вислоуховымъ, и лучше бы было, еслибы Лизу то я выдалъ за него. Огромное получилъ состояніе. Да прахъ его побери, какъ было знать это, что изъ нищаго сдѣлается богачъ. Вѣдь это просто диковинное дѣло: ну да не долго же онъ пожируетъ. Сегодня-же все перейдетъ въ наши руки. Противъ такого счастія въ игрѣ, какимъ обладаетъ мой зятюшка, куда ему устоять, тутъ капутъ. Да и я мастакъ.... гдѣ карточки подтасовать, когда ренонсикъ сдѣлать такъ, что ни кто не примѣтитъ, или явно въ глаза увѣрить, что игра выиграна, когда она проиграна или скоро, быстро смѣнить карты. Это вѣдь все наше

дѣло. Одно только опасно, чтобъ Аргачевъ не сталъ многаго требовать, да пожалуй пусть себѣ требуетъ, онъ тутъ то вслѣдъ за тѣмъ все и проиграетъ.... Жаль, что такъ рано, а не мѣшало-бы мнѣ повидаться съ зятюшкой и дать ему хорошую нотацію.

При этихъ словахъ, Еремею Кондратьичу послышались медленные шаги въ сосѣдней комнатѣ и появилась плачевная фигура Карпа Ѳедотыча Киндеурова. Онъ вошелъ въ комнату къ тестю, заливаясь слезами.

— Что ты? что ты? — завопилъ грознымъ голосомъ Еремей Кондратьичъ, — что это еще за новости?... Что ты разнюнился, какъ нечесанная баба... Ахъ ты, Карпъ, Карпъ, гдѣ-бы радоваться, да веселиться, ты мямлишь.... нѣтъ, братъ, я вижу не будетъ въ тебѣ проку.

— Помилуй, душа моя, — отвѣчалъ зять,— тестюшка ты мой, Еремей Кондратьичъ, развѣ ты забылъ, что завтра день моего рожденія ; что завтра мнѣ минетъ ровно сто лѣтъ ; что я вѣкъ прожилъ, а ума не нажилъ ; что у меня нѣтъ ни гроша состоянія, что жена моя сохнетъ отъ скуки, какъ въ неволѣ, и что нечѣмъ мнѣ ее порадовать. Выиграю пять, десять или сто рублей, проживемъ ихъ и опять сидимъ безъ гроша. Что это за жизнь? это-ли жизнію называется ? и какъ мнѣ, Еремей Кондратьичъ, не плакать, когда я обовсемъ этомъ пораздумаю.... Волоса, голубчикъ, дыбомъ подымаются.

— Ахъ, тутъ-бы тебя за волоса да и въ потасовку, да хорошенько, да хорошенько.... да развѣ отъ этого должно плакать ? Надо дѣйствовать, а не плакать. Дубина, развѣ ты забылъ наши намѣренія на счетъ Вислоухова ; развѣ ты забылъ, что въ твоихъ рукахъ сегодня завѣщаніе, на которое ты можешь выиграть двѣсти тысячъ рублей. Развѣ ты не знаешь, что Аргачевъ былъ у меня вчера вечеромъ поздно и объявилъ, что сегодня они будутъ непремѣнно съ Вислоуховымъ и что этотъ франтикъ соглашается пустить противъ твоего завѣщанія двѣсти тысячъ рублей серебромъ. Такъ, чѣмъ нюниться, ты бы приготовлялся къ вечеру. Жену-то отправь въ городъ куда-нибудь, чтобъ она, Боже сохрани, не увидала Вислоухова. Самъ-же принарядись, вели убрать комнаты ; сдѣлай запасъ картъ, мелковъ, вина, — и все твое бабство пропадетъ. Стыдись, братецъ, вѣдь тебѣ ужъ сто лѣтъ, пора быть поумнѣе.

Чѣмъ болѣе Киндеуровъ предавался мечтательности, тѣмъ

сильнѣе раздражался его тесть и, кажется, онъ приколотилъ бы своего зятя, еслибъ тотъ, подобно ему самому, напослѣдокъ не оживился надеждой на вечерній выигрышъ.

—

VI.

Елизавета Еремеевна, проснувшись, съ удовольствіемъ замѣтила, что ея супруга нѣтъ дома. Едва она успѣла освѣжить лицо холодной водою, надѣть домашній пеньуаръ, какъ въ самомъ окнѣ ея будуара показался Вислоуховъ и вполголоса сказалъ ей:

— Торопитесь выходить на условленное мѣсто, тамъ объясню вамъ, что надо дѣлать.

Лизавета Еремеевна не колебалась и быстро поспѣшила исполнить просьбу любимаго человѣка.

— Сегодня должна рѣшиться участь и вашего супруга,— сказалъ ей Вислоуховъ, когда она съ нимъ встрѣтилась въ саду,—съ сегодняшняго дня вы его болѣе не увидите. Васъ ожидаетъ здѣсь карета. Садитесь въ нее и уѣзжайте въ Петербургъ, она прямо привезетъ васъ въ новое ваше жилище. Тамъ уже все готово, и квартира, и столъ, и прислуга. — Завтра-же рано утромъ я явлюсь и дамъ подробный отчетъ о всемъ, что произойдетъ здѣсь. Прощайте, мое сокровище, ни въ чемъ не сомнѣвайтесь, во всемъ положитесь на мою вѣрность и преданность.

Лизавета Еремеевна вышла съ нимъ на дорогу, сѣла въ великолѣпную карету и быстро помчалась въ Петербургъ.

Около восьми часовъ по вечеру, Финиковъ и Киндеуровъ, одѣтые въ праздничные фраки съ пренеимовѣрно длинными и остроконечными жабо, уже были готовы къ принятію гостей.

— Смотри-же, зять,—говорилъ Финиковъ, держи ухо востро. Если теперь подгадишь, то ужъ поправлять будетъ поздно.

Въ девять часовъ стали сходиться гости, которымъ надлежало быть свидѣтелями при вскрытіи завѣщанія. Явились наконецъ и Вислоуховъ съ Аргачевымъ.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, былъ раскрытъ ломберный столъ.

— Милостивые государи,—сказалъ Вислоуховъ, обраща-

ясь къ Финикову и Киндеурову, — чтобы не тратить времени по пустому, мы можемъ рѣшить то, что вы желали — самымъ простымъ и удобнымъ способомъ.

— Что-же такое? — спросили въ одинъ голосъ взволнованные Финиковъ и Киндеуровъ.

Оба они начинали трусить.

— Вамъ угодно было,—продолжалъ Вислоуховъ,—играть на завѣщаніе, оставленное дѣдомъ Карпа Ѳедотовича Киндеурова. Я согласенъ. И вотъ двѣсти тысячъ рублей, которые составятъ вашъ выигрышъ, если я проиграю. — Онъ вынулъ изъ кармана два банковые билета. — Въ обезпеченіе же себя я попрошу Карпа Ѳедотовича подписать бумагу такого содержанія: «Я нижеподписавшійся даю этотъ документъ «Карпу Ѳедотовичу Вислоухову въ томъ, что завѣщаніе, остав«ленное моимъ покойнымъ дѣдомъ Аристархомъ Панкратье«вичемъ Киндеуровымъ за № такимъ-то, и явленное въ «присутственномъ мѣстѣ такомъ-то и тогда-то (съ тѣмъ что«бы въ продолженіи ста лѣтъ отъ дня его окончательнаго «совершенія, оно хранилось втайнѣ), нынѣ, за полученные «мною двѣсти тысячъ рублей серебромъ отъ г. Вислоухова, «я ему продаю и обязуюсь никогда не претендовать въ чемъ «бы оно не заключалось, считать и всѣ завѣщанные предметы «или деньги (буде по завѣщанію они на мое имя значатся) «уже не моею собственностію, а собственностію господина «Вислоухова». Когда вы подпишете эту бумагу и всѣ присутствующіе ее просмотрятъ, мы положимъ на особый столъ и завѣщаніе, и эту бумагу, и двѣсти тысячъ денегъ. Выигравшій получаетъ все. Выиграть можетъ только тотъ, кто безъ ремиза сыграетъ первую игру!...

Карпъ Ѳедотовичъ Киндеуровъ и Еремей Кондратьевичъ Финиковъ посмотрѣли другъ на друга испытующимъ взоромъ. Казалось, они хотѣли другъ у друга спросить не измѣнитъ-ли имъ фортуна?

— Ну, что-же ротозѣйничать!—грубо замѣтилъ наконецъ Еремей Кондратьевичъ; — подписывай....

Киндеуровъ подписалъ бумагу и передалъ ее гостямъ. Всѣ ее разсматривали со вниманіемъ.

Вообще любопытство было такъ возбуждено, что всѣ окружили игорный столъ, съ нетерпѣньемъ ожидая развязки, тѣмъ болѣе, что до двѣнадцати часовъ оставалось нѣсколько минутъ. Аргачевъ былъ ни живъ, ни мертвъ.

Вислоуховъ выдернулъ младшую карту и ему слѣдовало сдавать.

Когда карты были сданы и разобраны, Киндеуровъ, какъ будто онѣмѣлъ и долго не вѣря глазамъ своимъ, наконецъ рѣшился произнести *пасъ*.

Еремей Кондратьевичъ, при этомъ словѣ, сдѣлалъ столь неловкой пируэтъ на стулѣ, что всѣ четыре ножки разомъ отлетѣли. Ему подали другой стулъ.

— Такой-же ! — произнесъ онъ съ обычною грубостію.

— Девять на червяхъ !— хладнокровно произнесъ Вислоуховъ и открылъ карты.

— Игра выиграна! — повторили многіе голоса, въ томъ числѣ и Аргачевъ.

— Бьетъ двѣнадцать часовъ, сто лѣтъ совершилось !— произнесъ свидѣтель. — Завѣщаніе должно быть вскрыто.

Эта минута была торжественною, мертвая тишина воцарилась въ комнатѣ. Еремей Кондратьевичъ и Карпъ Ѳедотовичъ съ разинутыми ртами и померкшими лицами нетерпѣливо жаждали узнать, въ чемъ заключалось содержаніе проиграннаго завѣщанія.

Двѣнадцать часовъ пробило и одинъ изъ гостей сталъ торжественно читать завѣщаніе.

«Я, россійскій дворянинъ, Аристархъ Панкратьевичъ Кин«деуровъ симъ завѣщаю внуку моему Карпу Ѳедотовичу «сыну Киндеурову сто тысячъ рублей серебромъ со всѣми «могущими нарости процентами въ продолженіе столѣтняго «срока, понеже завѣщаніе не можетъ быть распечатано «ранѣе, какъ по прошествіи ста лѣтъ отъ дня рожденія мое«го внука Карпа Ѳедотова. Буде сего внука моего въ «живыхъ не окажется, то оная сумма денегъ переходитъ къ «его дѣтямъ».

«При семъ прилагается и билетъ за нумеромъ такимъ-то, на имя Карпа Ѳедотовича Киндеурова для полученія вышеозначенныхъ денегъ изъ Англійскаго банка».

«Въ удостовѣреніе законности сего акта, явленъ онъ тогда-то, тамъ-то, при свидѣтеляхъ такихъ-то».

Затѣмъ слѣдовала полная подпись завѣщателя.

Когда завѣщаніе было прочтено, его передали съ прочими принадлежностями Карпу Ѳедотовичу Вислоухову.

Киндеуровъ и Финиковъ были блѣдны, какъ хлопчатая бумага.

— Что я тебѣ говорилъ, — воскликнулъ наконецъ Финиковъ, — не говорилъ я тебѣ, что это завѣщаніе хранитъ великіе милліоны.... не говорилъ? Ну, скажи-ка! скажи! — Олухъ ты, безмозглый. Съ чего ты вздумалъ проигрывать завѣщаніе?

— Не поминай ужъ, Еремей Кондратьевичъ, не растравляй ранъ растерзанной души моей. Не я одинъ виноватъ, вина наша общая.

— Не отчаявайтесь, — произнесъ подошедшій къ нимъ Вислоуховъ; — вы можете еще воротить вашъ проигрышъ.

Киндеуровъ и Финиковъ отъ радости не вѣрили ушамъ своимъ.

— Что-же мы можемъ противупоставить такое, чтобы оно могло быть равносильно столь значительному выигрышу? — спросилъ Киндеуровъ.

— Согласны-ли вы подписать бумагу, въ которой вы даете право вашей супругѣ искать съ вами разводной, признавая себя, по преклонности лѣтъ и по дурному своему обращенію, совершенно неспособнымъ къ семейной жизни: мы тогда опять сдадимъ игру, и кто первый сыграетъ, тотъ выигралъ. Выигрышъ вашъ будетъ — завѣщаніе вашего дѣдушки, выигрышъ мой — эта бумага, вами подписанная.

Карпъ Ѳедотовичъ Киндеуровъ посмотрѣлъ на Еремея Кондратьевича.

— Дубина, что еще колеблешься,—отвѣчалъ Еремей Кондратьевичъ, — вѣдь и безъ того я тебя разведу съ нею.... Не умирать-же ей съ голоду....

Опять сѣли къ этому столу; сдали карты, опять два паса и опять Вислоуховъ объявилъ *десять безкозырныхъ*. Враги были окончательно побѣждены.

— Что-же, счастливчики? Не удались вамъ ваши штуки. Вы видите теперь, какое воздаяніе бываетъ за подобныя дѣла...—сказалъ полковникъ Аргачевъ, подходя къ Финикову и Киндеурову, но они были такъ поражены своимъ несчастьемъ, что даже не могли ничего отвѣчать. Карпъ Ѳедотовичъ Киндеуровъ жилъ послѣ несчастнаго проигрыша еще двадцать лѣтъ, и умеръ въ холерное время. Послѣдніе годы совершенно измѣнили нравъ и понятія магика. Онъ убѣдился наконецъ, что вся его магія было ничто иное, какъ пустая игра воображенія, что счастіе

въ картахъ непрочно и невѣрно, что предсказаніе злаго генія, предвѣщавшаго ему смерть, послѣ проигрыша, былъ бредъ разстроенной фантазіи,и, какъ кажется, эти двадцать лѣтъ, проведенные Карпомъ Ѳедотовичемъ въ уединеніи, съ небольшимъ пенсіономъ, какой ему положилъ великодушный его противникъ, Вислоуховъ, были счастливѣйшіе въ его жизни.

Еремей Кондратьевичъ остался неисправимъ. Онъ проигралъ все свое состояніе. Тщетно ему помогала его дочь, его новый зять. Какія-бы деньги онъ ни получалъ, онъ тотчасъ ихъ проигрывалъ. Увидѣвъ себя наконецъ при нулѣ, онъ теперь нанялся письмоводителемъ на контору къ одному купцу. Но едва лишь получаетъ жалованье, сейчасъ спѣшитъ на игру, и часто такъ проигрывается, что отъ жалованья до жалованья остается безъ гроша. Полковникъ Аргачевъ, не смотря на убѣдительнѣйшія просьбы Вислоухова принять половину выигрыша, рѣшительно отказался; вскорѣ потомъ онъ опредѣлился опять на службу, уѣхалъ на Кавказъ и былъ убитъ въ одной изъ послѣднихъ экспедицій.

Карпъ Ѳедотовичъ Вислоуховъ, черезъ два года послѣ своей побѣды и развода Киндеурова, женился на Елисаветѣ Еремеевнѣ и уѣхалъ жить въ Южную Россію, гдѣ прослылъ за первѣйшаго богача, а супруга его первѣйшей красавицей. Въ прошломъ году, по слабости здоровья Елисаветы Еремеевны, они уѣхали за границу и живутъ въ Италіи.

=

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

ЧУДАКЪ МАТЕМАТИКЪ. Оригинальная комедія, въ одномъ дѣйствіи и въ трехъ картинахъ.

ПРЕРВАННЫЙ УЖИНЪ, или ЛИШНЯЯ ДВЕРЬ ВЪ КВАРТИРѢ ХОЛОСТЯКА. Шутка водевиль, въ одномъ дѣйствіи, соч. *Н. Я. Яковлевскаго.*

ОГОРОДЪ И ДАЧА НА ПЕТЕРГОФСКОЙ ДОРОГѢ, или НЕСЧАСТНЫЙ ДЕНЬ ТИХОНА СИДОРОВИЧА. Шутка-водевиль, въ одномъ дѣйствіи.

Сцены изъ трагедіи Озерова: **ДИМИТРІЙ ДОНСКОЙ.**

ЦЫГАНКА. Оригинальный-водевиль, въ одномъ дѣйствіи, соч. Г***.

КАРТИНА СТЕПНОЙ ЖИЗНИ ЦЫГАНЪ, поставлена г. *Артемовскимъ.*

(*Бенефисъ г. режиссера Цирка Краюшкина.*)

—

Г. Режиссеръ Краюшкинъ принадлежитъ къ числу тѣхъ лицъ закулиснаго міра, которыя всѣхъ болѣе замѣтны на сценѣ, и которыхъ имя всего менѣе извѣстно публикѣ. Многіе изъ посѣтителей театра даже не знаютъ вовсе о существованіи *режиссера*, а другіе не могутъ пояснить себѣ его значенія и участія въ зрѣлищѣ, въ которомъ лично его никогда не встрѣчаютъ. Между тѣмъ, режиссеръ лицо весьма важное: это рычагъ каждаго сценическаго дѣйствія. Должность его самая многосложная: режиссеръ изучаетъ пьесу прежде актеровъ, онъ изучаетъ ее въ цѣломъ, тогда какъ они знакомятся съ нею только по частямъ; онъ соображаетъ всѣ характеры, взвѣшиваетъ положенія лицъ, опредѣляетъ эпоху и мѣсто дѣйствія — и на этихъ данныхъ уже строитъ сценическое зданіе, соображая правильность, натуру и гармонію въ цѣломъ, расчитывая каждый эфектъ, предчувствуя каждое впечатлѣніе. Эта математическая выкладка режиссера, въ техническомъ

театральномъ парѣчіи называется *монтировкою*. Много требуется соображенія, опытности, изученія, чтобы составить хорошую монтировку или шахматную канву для представленія! Мнѣ удалось въ Берлинѣ видѣть двѣ монтировки Луиса Шнейдера, режиссера тамошней оперы, именно монтировку оперы «Гвельвы и Гибеллины» и комедіи Скриба «*Стаканъ воды*»; это двѣ толстыя книги, два любопытнѣйшіе историческіе трактата о правахъ, обычаяхъ, костюмахъ, архитектурѣ вѣка, поясняемые рисунками и планами, въ тоже время это и полное очертаніе характеровъ историческихъ лицъ, дѣйствующихъ въ обѣихъ драмахъ. Трудъ огромный, ученый, совѣстливый, который въ печати возбудилъ-бы всеобщее любопытство. Послѣ общаго взгляда и поясненія дѣйствія и характеровъ, слѣдуетъ разработка каждой сцены пьесы отдѣльно. Тутъ ничто не забыто, до мельчайшей малости: даже каждому хористу назначено мѣсто, по строгому соображенію дѣйствія голосовъ въ томъ или другомъ музыкальномъ пассажѣ. Но всего любопытнѣе психическій анализъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ: сколько тонкаго ума, наблюдательности, изученія сердца и жизни видно въ этихъ очертаніяхъ; какъ ловко скрадены ошибки автора; какъ замаскированы натяжка въ дѣйствіи, неправдоподобіе положеній. Тутъ все предусмотрѣно, все расчитано: актерамъ остается только выучить роли, одѣться въ приготовленный костюмъ и дать должное выраженіе каждой фразѣ: остальное сдѣлается все само собою, безъ ихъ вѣдома.

Но такихъ режиссеровъ, каковъ Шнейдеръ немного и на заграничныхъ театрахъ: это единицы въ сценическомъ мірѣ.

У насъ, гдѣ управленіе сценою поручается образованнымъ и опытнымъ инспекторамъ, роль режиссера не можетъ быть такъ многозначительна, какъ на заграничныхъ театрахъ. Однако-жъ и у насъ отъ режиссера требуется очень и очень многое. А потому намъ всегда пріятно встрѣчать въ этой должности человѣка смышленаго, старательнаго, совѣстливаго и неутомимаго. Всѣми этими достоинствами обладаетъ г. Краюшкинъ. Усердіе и добрая воля часто замѣняютъ другія качества, достающіяся не такъ легко и не всѣмъ даруемыя судьбою. Г. Краюшкинъ доказалъ и то и другое, поставя и возобновя въ Театрѣ-Циркѣ до тридцати, болѣе или менѣе значительныхъ пьесъ, которыя всѣ, не смотря на неполноту выпавшей на его долю молодой труппы, прошли стройно, съ рѣдкой совокупностію, и многія съ большимъ успѣхомъ.

Честь этихъ усилій, которыя, въ продолженіе времени, должны принести самые утѣшительные плоды, принадлежитъ г. Краюшкину по преимуществу, какъ двигателю сценическаго механизма. Сдѣлать многое съ небольшими средствами — вотъ истинная заслуга, которая больше всего говоритъ въ пользу ловкости и умѣнья режиссера.

Отъ бенефиса г. Краюшкина мы ожидали, если не образцовыхъ твореній, (гдѣ ихъ взять? и въ особенности бенефисіянту?) то, по-крайней-мѣрѣ, пьесъ, не лишенныхъ сценическаго интереса и здраваго смысла, — и ожиданія наши не были обмануты, не смотря на заманчивость афиши, которой мы давно уже отвыкли вѣрить на слово. Конечно, всѣ пьесы бенефиса г. Краюшкина болѣе, чѣмъ легкой фактуры: это не картины нравовъ, не психическое развитіе страстей и характеровъ, не разрѣшеніе вопросовъ семейной или общественной жизни; это просто шутки, но шутки, не лишенныя нѣкоторой степени остроумія, довольно забавныя и, главное, не избитыя. Выдумать шутку новую и не пошлую для сцены, которая выше края переполнена шутками, дѣло вовсе не шуточное.

ЧУДАКЪ МАТЕМАТИКЪ — Нилъ Силычъ Нуль, по истинѣ, чудакъ, какихъ мало; даже такой чудакъ, какихъ, пожалуй, вовсе не бываетъ: но такъ, какъ онъ намъ представленъ на лицо, то и допустимъ его существованіе въ природѣ, которая очень разнообразна на самыя яркія неожиданности. Если мы не оспориваемъ существованія разныхъ невѣдомыхъ намъ еще силъ, неразгаданныхъ для насъ тайнъ, то почему-же не допустить существованія исключительной натуры человѣка, курьезнаго характера, маніаническаго направленія духа? Положивъ разъ, что Нуль возможенъ въ человѣческомъ образѣ, мы похохочемъ не мало надъ затѣями этого чудака. Нилъ Силычъ одаренъ авторомъ самою смѣшною страстишкою, которая только и можетъ забрести въ голову записнаго математика: онъ, такъ сказать, ходячая алгебраическая выкладка, онъ весь основанъ на расчетахъ и вычисленіяхъ, словомъ, это явная и злая насмѣшка надъ такъ называемыми *положительными людьми*, то есть, надъ такими, у которыхъ вмѣсто сердца — счеты, а вмѣсто мозга — таблица умноженія. Нуль все дѣлаетъ по вычисленіямъ: встаетъ, ѣстъ, уходитъ, приходитъ минута въ минуту, секунда въ секунду; онъ расчитываетъ приходы, расходы, доходцы, долги и траты ближняго — копѣйка въ копѣйку, какъ мелочь въ собственномъ карма-

вѣ. Но разсматривая съ математической точки зрѣнія ближняго, онъ не забываетъ и самого себя. Онъ женился по расчету, служитъ по расчету — бухгалтеромъ, по расчету скопилъ себѣ кое-что и теперь занимается главнымъ расчетомъ — какъ бы повыгоднѣе сбыть съ рукъ своихъ трехъ взрослыхъ дочекъ. Вычисленія по этой части должны быть очень различны: старшинькая, Вѣра, страшная вострушка и проказница; средняя, Евгенія, мечтательница и романистка; меньшая, Софья, философка, занимающаяся исключительно домашнимъ счетоводствомъ и разрѣшеніемъ папенькиныхъ задачъ. Всѣ выкладки математика теперь стремятся къ тому, чтобы привести всѣ эти разнородныя начала къ одному знаменателю, т. е. выдать замужъ и слѣлавъ значительное умноженіе семейства, не дѣлая дѣленія приданаго, а слѣдовательно и вычитанія изъ собственныхъ наличныхъ суммъ. Пока Евгенія увлекается мечтами о хижинкѣ убогой, которая была-бы для нея рай съ нѣкоимъ Нолькинымъ, котораго она гдѣ-то встрѣчала; пока Софья, въ алгебраическихъ выкладкахъ, отыскиваетъ неизвѣстное, свой *Иксъ*, долженствующій составить разрѣшеніе задачи ея жизни; вострушка Вѣра, дѣвушка чисто положительная, находитъ, что посылки ея батюшки очень неопредѣлительны, а формулы слишкомъ запутаны, и потому рѣшается покончить свое дѣло самой простой и незамысловатой математикой. Она любитъ Тросточкина, а Тросточкинъ ищетъ мѣста, стало быть, чтобъ увѣнчать свою любовь законнымъ бракомъ, надо очистить Тросточкину ваканцію. Она разрѣшаетъ эту задачу тѣмъ, что сама отправляется къ начальнику и, на основаніи своего хорошенькаго личика, проситъ своему жениху хорошенькаго мѣстечка. Само собой разумѣется, что въ такомъ случаѣ отказа быть не можетъ — слѣдовательно, цѣль достигнута, что и требовалось доказать.

Въ тоже время приходитъ къ начальнику Нолькинъ просить вспомоществованія говоря, что эти деньги ему очень нужны, по случаю его женитьбы. — На комъ? спрашиваетъ начальникъ. Нолькинъ становится въ тупикъ, такого вопроса онъ не ожидалъ. Но г. Нуль, который случился тутъ очень кстати, выручаетъ его изъ бѣды, говоря: «на моей дочери.» Нолькинъ очень радъ случаю такъ удачно вывернуться и подтверждаетъ слова математика. Но г. Нуль ничего не дѣлаетъ безъ выкладки, онъ расчиталъ такъ: начальнику онъ сказалъ, что женится на моей дочери, начальникъ, на этомъ основаніи, обѣщалъ ему вознагражденіе — первая посылка; если онъ не женится, то окажется лгуномъ передъ на-

чальникомъ, а если окажется лгуномъ, то не получитъ вознагражденія — вторая посылка; — выводъ: онъ непремѣнно женится. Нолькинъ и Евгенія Ноль, или иначе: О + О = составятъ одинъ О. Остается пристроить одну Сопичку, да съ той счетъ коротокъ, она сама вычислитъ себѣ мужа.

И дѣйствительно, вслѣдъ за Нолькинымъ является къ начальнику Единичка, просить мѣста помощника бухгалтера. Начальникъ поручаетъ Нулю испытать Единичку. Испытаніе это происходитъ на дому математика. Оно состоитъ въ разрѣшеніи задачи о зайцѣ, который бѣжитъ передъ гончею на двѣ сажени, два аршина и два вершка, и въ каждый прыжокъ пробѣгаетъ аршинъ и три четверти: требуется доказать: во сколько прыжковъ гончая догонитъ зайца?

Единичка напрасно напрягаетъ всѣ свои счислительныя способности, тщетно ломаетъ голову и руки — задача ему не дается — рѣшительно. А между тѣмъ, если онъ упуститъ этого зайца, вмѣстѣ съ нимъ улетитъ и теплое мѣстечко, котораго потомъ не найдешь. Онъ приходитъ въ отчаяніе, но вотъ приходитъ на помощь Сопичка Нуль, и ловитъ зайца въ два, три почерка пера. Выходитъ самъ экзаменаторъ, беретъ бумагу со стола, Единичка дрожитъ всѣмъ тѣломъ: все погибло! думаетъ онъ. Но каково же его удивленіе, когда математикъ очень доволенъ его рѣшеніемъ, хвалитъ его за скорость соображенія.... «Значитъ, небо услышало мою мольбу! — думаетъ искатель мѣста, — э, такъ постой же, мы покажемъ Нулю, что такое Единичка!» — И онъ поднимаетъ носъ, начинаетъ хвастать, что это ему ни почемъ, что такія ли вещи онъ разрѣшалъ однимъ духомъ. Но математикъ, послѣ нѣсколькихъ вопросовъ о формулѣ, посредствомъ которой рѣшена задача, вполнѣ убѣждается, что Единичка «очень плохъ въ цифири». Онъ вглядывается въ рѣшеніе — и узнаетъ руку своей дочери. — «Ладно! — думаетъ онъ, — тутъ можно сдѣлать хорошее вычисленіе: Единичка съ маленькимъ Нуликомъ составитъ очень круглую десятичную цифру, жалованье Единички — можетъ дать значеніе Нулику, а Нуликъ можетъ Единичку возвысить въ вычисленіяхъ; — и такъ Единичка получитъ мѣсто — не иначе, какъ женясь на Сопичкѣ Нуль. Такимъ образомъ, главная задача Чудака-Математика разрѣшена ко всеобщему удовольствію.

Конечно, всѣ положенія этой маленькой комедійки не совсѣмъ обыкновенны, даже больше, чѣмъ необыкновенны, они нѣсколько изысканы, но авторъ самъ назвалъ своего героя *чудакомъ*, а допустивши разъ чудака, можно смотрѣть снисходительно и на

всѣ его затѣи и на странности его семейства. Это характеры исключительные, но возможные, а главное, очень забавные — и благодаря этому достоинству, комедійка смотрится съ удовольствіемъ и разыгрывается очень дружно. Особенно хорошъ въ этой пьесѣ г-нъ Марковецкій, который, въ ролѣ Единички, заставляетъ зрителей хохотать отъ всего сердца. Самъ Математикъ — прекрасно переданъ г-мъ Каратыгинымъ 2 мъ.

ПРЕРВАННЫЙ УЖИНЪ — фарсъ очень забавный, по довольно новому сочетанію очень старыхъ положеній. По ошибкѣ, онъ названъ на афишѣ русскимъ сочиненіемъ, тогда, какъ это только ловкая передѣлка французскаго водевиля: Les deux pierrots». Видите-ли, какое обстоятельство случилось:

Пузанчиковъ, Петръ Иванычъ, какъ извѣстно вамъ, человѣкъ не молодой, аккуратный, экономный, и самый исполнительный канцелярскій чиновникъ. Вы знаете, онъ занимаетъ квартирку, въ Офицерской, въ домѣ Кулакова, двѣ коморочки, на верху — ходъ по черной лѣстницѣ, со двора. Я думаю, вы слышали также, что Петръ Иванычъ, лѣтъ восемь уже чувствительное сердце свое питаетъ самой нѣжной страстью къ Каролинѣ Ивановнѣ, обращается съ ней всегда на самой утонченной деликатности и предлагаетъ ей нерѣдко безе — изъ кандитерской Иванова. Передъ самой масляницей онъ ей какъ-то при безе предложилъ, не благоугодно-ли будетъ воспользоваться и его рукою. Каролина Ивановна, находя, что Петръ Иванычъ человѣкъ солидный и еще *не совсѣмъ дурно выглядитъ* и что она сама уже въ такомъ возрастѣ, гдѣ такое предложеніе можно принять безъ особеннаго риска, — изъявляетъ свое согласіе. Ну, вотъ, вслѣдствіе такого-то обстоятельства и затѣялъ Пузанчиковъ въ субботу на масляницѣ потѣшить свою невѣсту. Службы въ этотъ день не было, такъ Петръ Иванычъ и похлопоталъ: въ колбасной на Вознесенской досталъ пастетъ, купилъ сосисекъ съ чеснокомъ, которыя Каролина Ивановна очень любитъ, и увѣнчалъ эту вкусную закуску цѣлымъ десяткомъ миндальныхъ печеній и бутылочкою горскаго. Вооруженный этими яснымп доводами своей пламенной любви, Пузанчиковъ поджидаетъ вечеркомъ свою невѣсту, чтобы отпраздновать съ нею масляницу. Но тутъ-то и начался черный день Петра Иваныча. Во-первыхъ, къ нему является г. Перочининъ: литераторъ служака, и проситъ переписать повѣсть къ завтрашнему дню. Отказать нельзя — человѣкъ нужный, притомъ начальникъ. Во вторыхъ, врывается къ нему сослуживецъ, Пля-

сунчиковъ и проситъ у него — чего-бы вы думали? — квартиры, всего на четверть часа, для того, чтобы дать возможность одѣться въ маскарадное платье ему и одной дамѣ. Какъ ни отбивается Петръ Иванычъ, но отвязаться отъ него не можетъ. Но для чего-же Плясунчикову именно нужна квартира Пузанчикова? А — это особая статья! Хозяинъ дома, Кулаковъ, человѣкъ грубый, строптивый и притомъ ревнивый, какъ Отелло. У него есть молодая хорошенькая жена, женщина очень строгихъ правовъ и примѣрная супруга; но она имѣла неосторожность до замужства влюбиться въ пару закрученныхъ усовъ и, въ надеждѣ на бракосочетаніе, завести съ ними довольно откровенную переписку. Вѣтряные усы уѣхали въ Москву, а судьба между тѣмъ сдала ее на руки г. Кулакова. Теперь она узнала о пріѣздѣ усовъ и, чтобы не возбудить ревности мужа и спасти семейное спокойствіе, желала-бы возвратить свою наивную переписку. Но какъ это сдѣлать, мужъ стережетъ ее, какъ Аргусъ. Вотъ ея молоденькая и вѣтряная кузина, мадамъ Перочинкина, и придумала способъ: она, безъ вѣдома мужа, хочетъ нарядиться въ домино и проситъ Плясунчикова проводить ее въ маскарадъ. Тамъ она вѣрно встрѣтитъ закрученые усы и выручитъ сестрины письма. А какъ сестра ея живетъ съ Петромъ Иванычемъ на одной лѣстницѣ, то Плясунчиковъ и придумалъ, что всего удобнѣе будетъ ей одѣться въ его квартирѣ, чтобы не подать Кулакову подозрѣнія. Дѣло дѣлается. Пока Плясунчиковъ пошелъ за каретою, Кулакова прибѣгаетъ сказать, что мужъ ея идетъ домой, чтобъ они были осторожнѣе. Тутъ застаетъ ихъ Каролина Ивановна и, приписывая ихъ присутствіе легкокрылому сердцу Петра Иваныча поднимаетъ гвалтъ, бранится съ возвратившимся женихомъ и уходитъ, лопнувъ гнѣвомъ, какъ буракъ. Между тѣмъ, вбѣгаетъ бѣшенный Отелло — Кулаковъ, который не нашелъ дома жены и узналъ отъ людей, что она пошла по лѣстницѣ на верхъ. Онъ грозитъ переломать всю мебель и самого хозяина, если онъ ему сейчасъ-же не выдастъ измѣнницу. Онъ шаритъ по всѣмъ угламъ, вбѣгаетъ въ спальню и выводитъ оттуда замаскированную Перочинкину. Но сорвавъ съ нея маску, онъ убѣждается въ своей ошибкѣ, смягчается и, на радостяхъ, уступаетъ Пузанчикову цѣлую треть изъ платы за квартиру. Наконецъ, возвращается и Каролина Ивановна, за галошами, которыя она забыла. Тутъ нѣжныя сердца примиряются и садятся за ужинъ, который въ половину уже истребилъ Плясунчиковъ, въ ожиданіи своей дамы.

Публика хохочетъ отъ начала до конца, смотря эту шутку, въ которой г. Мартыновъ занимаетъ главную роль, Пузанчикова.

—

ОГОРОДЪ И ДАЧА — въ этомъ бенефисѣ рѣшительно составляетъ пьесу для съѣзда публики. Пьеса моральная, но отнюдь не остроумная.

Фарсъ Цыганка, — не смотря на нелѣпость своего содержанія, былъ съ успѣхомъ повторенъ въ этотъ вечеръ. Виновницей этого успѣха была г-жа Жулева, которая своей непринужденной игрой придала новую жизнь главной ролѣ Цыганки. Доселѣ роль эту выполняла г-жа Н. Самойлова 1-я, которая нынѣ собираетъ лавры на провинціальныхъ сценахъ Россіи, среди труппъ не столь талантливыхъ, какъ наша, и передъ зрителями, далеко не такъ взыскательными, какъ столичные. Проводить параллель между г-жами Самойловой и Жулевой въ роли *цыганки*, мы не беремся. Можно себѣ вообразить, какое впечатлѣніе на зрителей произвела г-жа Жулева въ этой избитой роли. Повтореніямъ и вызовамъ не было конца. Публика все болѣе и болѣе убѣждается въ рѣдкомъ, пріятномъ талантѣ г-жи Жулевой и, кажется, рѣшительно отводитъ ей первое мѣсто между своими любимицами.

О сценахъ изъ «Димитрія Донскаго» мы распространяться не будемъ. Подобныя декламаціи рѣшительный анахронизмъ на современной сценѣ, которая требуетъ дѣйствія, а не фразъ; дѣйствительнаго чувства, а не пустыхъ восклицаній; движенія, — а не разсужденій. Всѣ лица Димитрія Донскаго не носятъ на себѣ никакого признака національности. Какой-же интересъ могутъ они представить аналитически-строгой современности? Даже и стихи пьесы, которыми восхищались встарину, нынѣ устарѣли и часто непріятно дѣйствуютъ на слухъ обветшалостью словъ и оборотовъ.

Картина степной жизни Цыганъ — доказала, что г. Артемовскій такой-же искусный живописецъ, какъ и пѣвецъ. Содержаніе его картины рисуютъ вполнѣ стихи Пушкина:

Цыгане шумною толпой
По Бессарабіи кочуютъ,
Они сегодня надъ рѣкой
Въ шатрахъ изодранныхъ ночуютъ....
Все живо посреди степей:
Заботы мирныя семей,

Готовыхъ съ утромъ въ путь недальній,
И скрыпъ телегъ, и крикъ дѣтей,
И стукъ походной наковальни.

Одинъ недостатокъ картины г. Артемовскаго состоитъ въ томъ, что она слишкомъ коротка. Публика должна была потребовать ея повторенія, чтобы ею вполнѣ насладиться.

—

ЧЕРНАЯ НЕМОЧЬ. Оригинальная драма въ трехъ дѣйствіяхъ и трехъ картинахъ, соч. г-на *Славина съ пѣснями и съ плясками.*

НЕ БЫВАТЬ ВОРОНѢ СОКОЛОМЪ, А КУРИЦѢ ПѢТУХОМЪ. Комедія въ одномъ дѣйствіи. Соч. *г. Слав.*

ДѢВИЧЬИ КЛЯТВЫ или **ВСЯ БѢДА ОТЪ РОМАНОВЪ.** Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Переводъ съ французскаго г. *Соловьева.*

(Бенефисъ актера-пансіонера Радина.)

—

Артистическая извѣстность г. Радина принадлежитъ временамъ давно минувшимъ: мы ее не помнимъ. Она тѣсно связана съ такъ называемой *классической* трагедіей, которая со всѣми своими аттрибутами, пѣвучей декламаціей, криками и завываньями, давно уже перешла въ область темныхъ преданій. Тѣмъ не менѣе, г. Радинъ донынѣ подвизается насценѣ и, говоря откровенно, онъ актеръ вовсе не безполезный, на маленькія второстепенныя роли въ драмахъ: по-крайней-мѣрѣ, онъ говоритъ толково и внятно. Достоинства, конечно, отрицательныя, но по рѣдкости въ настоящее время, все-таки уважительныя.

Сообразно съ своими средствами и дарованіемъ, г. Радинъ и выбралъ себѣ роль въ своемъ бенефисѣ, и намъ было очень пріятно видѣть, что онъ, будучи хозяиномъ спектакля, не увлекся суетнымъ самолюбіемъ и не взялъ себѣ труда не по силамъ. Онъ выбралъ себѣ роль купца Павла Петрова въ драмѣ *Черная немочь*, роль незначительную и совершенно безхарактерную. Оно бы ничего, но жаль, что въ этой пьесѣ всѣ роли одинаковы; такъ, что роль Павла Петрова даже въ отношеніи безцвѣтности и простоты ничего не выиграла передъ другими. Поэтому и г. Радинъ не могъ выказать ни одной новой стороны своихъ способностей.

Драма *Черная немочь* переложена въ сцены изъ стародавней повѣсти г. Погодина. И повѣствователь и передѣлыватель въ драму положили въ основу своего вымысла страшный парадоксъ

«если человѣку не даютъ полной воли учиться, то ему надо броситься въ воду.» — Хорошо, что въ жизни не такъ дѣлается, какъ въ повѣстяхъ и драмахъ, а то бы мы никогда не имѣли Ломоносова, Плавильщикова и многихъ другихъ, которые предпочли достигнуть цѣли, поборовъ всѣ препятствія, а не сунуться головой въ омутъ, какъ это дѣлаетъ герой *Черной немочи*, Александръ Буслаевъ. Топить горе въ винѣ или водѣ одинаково глупо, и потонувъ разъ въ томъ, или въ другомъ, — ужъ дальше не пойдешь. Но лица, подобныя Ломоносову, Плавильщикову — дѣйствительно представляютъ въ своихъ характерахъ много данныхъ для драмы, тогда, какъ въ безуміи Буслаева нѣтъ ровно никакого драматическаго начала. Онъ лицо пассивное, всѣ дѣйствія его состоятъ въ одномъ скачкѣ въ Москву-рѣку съ Каменнаго Моста: этого слишкомъ мало, чтобы сдѣлаться героемъ драмы. Г. Славинъ это чувствовалъ, и потому составилъ драму совсѣмъ безъ героя, а главное лицо — сдѣлалъ просто аксессуарнымъ. Въ чемъ-же состоитъ драма, послѣ этого? спросите вы. — Ни въ чемъ! Въ первомъ актѣ, къ купцу Петрову приходитъ сваха и говоритъ, какъ водится: «У васъ, молъ, есть товаръ, а у меня покупщикъ; т. е. у васъ есть дочь, а у меня женихъ.» Петровы рады продать свой товаръ и подчуютъ сваху настойкой.

Во-второмъ актѣ таже сваха приходитъ къ купцу Буслаеву и также говоритъ: «У васъ, молъ, есть покупщикъ, а у меня товарецъ важнительный!» — А ну, покажъ, что за товаръ такой. Сваха вынимаетъ рядную; ее угощаютъ наливкой.

Въ третьемъ актѣ сбираются гости на сговоръ молодаго Буслаева съ Петровой — т. е. товаръ къ рукамъ пришелъ, — и ихъ обносятъ горскимъ. Но женихъ, вмѣсто того, чтобы идти подъ вѣнецъ, бросился въ воду. Глупо-ли, умно-ли онъ сдѣлалъ, не наше дѣло разсуждать, но только изо всей этой длинной болтовни никакой драмы не выходитъ. И для чего-же онъ бросился въ рѣку? Для того собственно, что онъ составляетъ чистую анаграмму къ *Митрофанушкѣ* Фонъ-Визина; тотъ говорилъ: «Не хочу учиться, хочу жениться!» — Этотъ говоритъ: «не хочу жениться, хочу учиться!» Но развѣ женясь, получивъ независимость и огромное состояніе, онъ не могъ удовлетворить своего желанія? Теперь онъ не могъ слѣдовать своимъ влеченіямъ, потому-что служилъ прикащикомъ у своего отца, который не позволялъ своимъ молодцамъ заниматься ничѣмъ постороннимъ, а тѣмъ паче книжнымъ вздоромъ; но женясь, отдѣлясь отъ отца, сдѣлавшись самъ хозяиномъ — онъ былъ вполнѣ властенъ въ

своихъ поступкахъ. За чѣмъ-же топиться?—Чтобы кончить безконечную, скучную драму и оправдать ея названіе *Черная немочь* — т. е. безумство.

Въ одной деревнѣ, близъ Парижа, есть доморощенный Жокондъ, котораго крестьяне въ насмѣшку прозвали Бассомпьеромъ, по его сходству съ извѣстнымъ министромъ полиціи того-же имени. Этотъ Жокондъ — мызникъ Пепикю. Молоденькая трактирщица Фаншетта давно уже засматривалась на него своими быстрыми глазками, и воспріимчивый Пепикю не разъ уже покушался пріобрѣсти эти глазки въ вѣчное обладаніе, но въ немъ какъ то не доставало рѣшимости отказаться отъ лестной роли всесвѣтнаго деревенскаго любезника. Разъ какъ то дѣйствительный Бассомпьеръ вздумалъ разыграть пастушескую сцену съ маркизой Сен-Серненъ и выбралъ мѣстомъ дѣйствія деревенскій трактиръ Фаншетты. Онъ отправилъ туда впередъ свое придворное платье, а самъ, чтобы сдѣлать маркизѣ сюрпризъ, нарядился въ крестьянскій кафтанъ. Маркиза пріѣзжаетъ первая и спрашиваетъ у Фаншетты: не былъ-ли тутъ Бассомпьеръ? Та отвѣчаетъ, что былъ, и только что объяснился ей въ своей страсти. Маркиза говоритъ, чтобы она его остерегалась, потому-что онъ страшный волокита и велитъ послать его къ ней въ комнату, когда онъ опять явится. Фаншетта начинаетъ ревновать, дѣлаетъ Пепикю сцену, называетъ его герцогомъ и приглашаетъ на свиданіе съ маркизой. Сперва Пепикю не понимаетъ ее, потомъ начинаетъ сердиться и на зло ей одѣвается въ платье настоящаго Бассомпьера, которымъ Фаншетта хочетъ уличить его. Между-тѣмъ, является настоящій Бассомпьеръ, узнаетъ продѣлку Пепикю и велитъ его арестовать подъ именемъ Бассомпьера и отвести въ Бастилію.

Бѣдпякъ въ отчаяніи, всѣми мѣрами старается отдѣлаться отъ страшнаго имени, которое себѣ присвоилъ, — и получаетъ прощеніе только съ условіемъ, чтобы онъ женился на Фаншеттѣ.

Эта незатѣйливая пьеска, заимствованная изъ французской повѣсти «Les deux Bassompièrres», ведена довольно занимательно и очень хорошо разыграна, въ особенности г. Марковецкимъ (въ ролѣ Пепикю). На первой бенефисной афишѣ при этой пьесѣ стояло имя г. Славина, но наканунѣ спектакля отыскался какъ-то невзначай, другой авторъ — и имя г. Славина исчезло съ афиши. Жаль, что не исчезло и вздорное бенефисное названіе «*Не бывать воронъ соколомъ, а курицъ пѣтухомъ*», которое, какъ мы слышали, также не принадлежитъ настоящему автору. Ужъ если нужно было непремѣнно, чтобы птицы играли роль въ этой

исторіи, то всего лучше назвать-бы эту пьесу: «Ворона въ павьихъ перьяхъ.»

Дѣвичьи клятвы, какъ извѣстно, не прочны на сценѣ. Мамзель Цецилія и мамзель Фанни, начитавшись романовъ г-жи Жоржъ-Зандъ, поклялись презирать всѣхъ мужчинъ и никогда не выходить замужъ. Но черезъ нѣсколько часовъ, онѣ обѣ влюбляются и отдаютъ свои сердца и ручки мосьё Октаву и садовнику Андре. Коротко и ясно, только не прекрасно.

Лучшимъ украшеніемъ бенефиса г. Радина была *мазурка*, выполненная его талантливой дочерью.

Ѳ. К.

ПАНОРАМА ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

=

ФРАНЦІЯ.

(Письмо изъ Парижа.)

Мы не знаемъ, имѣетъ-ли весна, по мнѣнію ученыхъ, тоже вліяніе на производительную силу въ сферѣ умственной, какъ въ природѣ вещественной; но взглядъ на дѣятельность парижскихъ театровъ нынѣшнею весною склоняетъ насъ въ пользу этой ипотезы, тѣмъ болѣе, что эта дѣятельность представляетъ намъ подтвержденіе еще другаго закона природы, по которому скороспѣлый плодъ рѣдко бываетъ соченъ и вкусенъ. Мы не припомнимъ, чтобы какая-либо весна представляла такое множество новыхъ пьесъ, и притомъ пьесъ большихъ, капитальныхъ, — конечно по объему и по именамъ авторовъ, а не по внутреннему своему достоинству.

Изъ этого почти общаго приговора должно исключить прежде всего двѣ новыя оперы, явившіяся на театрѣ Большой-Оперы; это впрочемъ, также явленіе необыкновенное, потому-что Большая-Опера издавна пользуется, предпочтительно передъ прочими театрами, правомъ скупиться на новости и обыкновенно даетъ ихъ только зимою. Правда и то, что эти двѣ оперы такъ давно обѣщаны, что публика почти перестала вѣрить ихъ существованію, и потому надо было убѣдить ее, что дирекція не думала подчивать своихъ посѣтителей пустыми обѣщаніями.

Первое мѣсто между этимъ двумя операми, по времени, занимаетъ «*Ночной демонъ*» Розенгайна, на либретто Баяра. Разсказывать сюжетъ было-бы излишнимъ, потому-что это ничто иное, какъ передѣлка хорошенькаго водевиля гг. Этьенна Араго и Баяра, подъ тѣмъ-же названіемъ, который давно уже обошелъ всѣ фран-

цузскіе театры Европы, и вѣроятно вездѣ остался памятенъ. Можно спросить, годился-ли сюжетъ для оперы? потому-что иной прелестный водевиль можетъ быть весьма недостаточенъ для оперы. По нашему мнѣнію, изъ «*Ночнаго демона*» могло бы выйдти очень хорошенькое либретто для комической оперы; но, къ сожалѣнію, въ передѣлкѣ г. Баяра слишкомъ проглядываетъ водевилистъ, и композитору, какъ-то тѣсно въ данной ему рамкѣ. Эта борьба композитора который тщетно силится удержать свое творчество въ предписанныхъ ему границахъ, производитъ непріятное впечатлѣніе на зрителя. Не смотря на этотъ недостатокъ, происходящій болѣе отъ неудачнаго состава либретто, чѣмъ отъ самого композитора, не смотря даже на званіе *нѣмца*, которое, не взирая на многохваленый космополитизмъ Парижа въ дѣлѣ искусства, не совсѣмъ располагало его въ пользу композитора, опера Розенгайна имѣла довольно большой успѣхъ. Первое дѣйствіе, хотя и заключаетъ нѣсколько прекрасныхъ нумеровъ, было принято холодно, и показалось слабымъ въ отношеніи творчества, и черезъ-чуръ ученымъ. Но второе дѣйствіе примирило слушателей съ новымъ произведеніемъ и нѣкоторые нумера его, какъ-то хоръ на мужскіе голоса и два хора женскіе, большая арія Матильды, въ которой г-жа Лабордъ разсыпаетъ всѣ богатства своей вокализаціи, романсъ Ombre du mystère, прекрасно исполненный г. Рожѐ, и весь финалъ, удостоились громкихъ рукоплесканій. Однимъ словомъ, хотя талантъ Розенгайна давалъ ему право ожидать болѣе полнаго успѣха, однако же, какъ это первая его попытка на драматическомъ поприщѣ, и она сопровождалась притомъ нѣкоторыми неблагопріятными обстоятельствами, то онъ не можетъ слишкомъ роптать на сдѣланный ему пріемъ, и, вѣроятно, постарается вознаградить себя другимъ произведеніемъ.

Другая новая опера принадлежитъ перу молодаго композитора, извѣстнаго донынѣ только лестными наградами, которыхъ онъ удостоивался въ Консерваторіи, и который съ перваго уже появленія своего на сценѣ завоевалъ себѣ высокое мѣсто въ ряду французскихъ композиторовъ. Этимъ необыкновеннымъ успѣхомъ «*Сафо*» г. Гунò (Gounod) много обязана, можетъ-быть, генію артистки, исполнявшей главную роль. Многимъ ли начинающимъ музыкантамъ удавалось видѣть свое первое произведеніе, исполненнымъ пѣвицею, подобною г-жѣ Віардò? Содержаніемъ оперѣ г. Гунò служитъ поэтическая легенда древней Греціи о любви и смерти Сафо, изъ которой г. Эмиль Ожьѐ составилъ очень занимательное и выгодное для композитора либретто, хотя и несовсѣмъ

согласное съ преданіемъ. Въ греческой легендѣ измѣна любовника приводитъ Сафо въ отчаяніе и побуждаетъ ее броситься въ море, съ Левкадскаго мыса; г. Ожьѐ обращаетъ этотъ поступокъ въ подвигъ самопожертвованія; для этого онъ предполагаетъ заговоръ противъ Питтаха, правителя Лесбосскаго, въ которомъ участвуетъ и Фаонъ. Соперница Сафо, Гликерія, грозится открыть имена заговорщиковъ Питтаху, если Сафо не откажется отъ своего возлюбленнаго, и Сафо рѣшается на жертву. Мы уже сказали, что либретто составлено очень удобно для музыки. Послѣ коротенькой, но мастерски написанной интродукціи, занавѣсъ поднимается и передъ вами Лесбосская гора и храмъ, въ которомъ долженъ быть увѣнчанъ побѣдитель въ поэтическомъ состязаніи. Хоръ жрецовъ и бойцовъ славитъ Зевса. Наконецъ, являются соперники поэтъ Алкей и Сафо; хоръ дѣвушекъ, съ акомпаниментомъ арфъ, сопровождающій Сафо, и хоръ мужчинъ, встрѣчающій Алкея, прекрасно выражаютъ различные характеры соперниковъ: непокорнаго, воинственнаго Алкея и пѣвицы любви и нѣги Сафо. Состязаніе начинается диѳирамбомъ Алкея въ честь богини побѣды, въ которомъ строгіе судьи упрекаютъ композитора въ преобладаніи декламаціи надъ мелодіею. Гораздо удачнѣе двѣ импровизаціи Сафо, «Геро и Леандръ,» и «ода къ Аѳродитѣ», въ которыхъ дѣйствительно слышится голосъ вдохновенной пиѳіи. Сафо остается побѣдительницею. Фаонъ, котораго сердце, въ первой его аріи, колебалось между Сафо и Гликеріею, покоряется первой; геній побѣдилъ матерьяльную красоту. Весь этотъ финалъ перваго дѣйствія, импровизація Сафо и ея вѣнчаніе, составляютъ едва-ли не лучшій нумеръ партитуры. Второе дѣйствіе происходитъ у Фаона; послѣ двухъ хоровъ, въ честь Діониссія и богини Побѣды и ироническаго дуэта, въ которомъ Гликерія обнадеживаетъ любовь старика Питея, чтобы выманить у него списокъ заговорщиковъ, долженствующій обезоружить ея соперницу, слѣдуетъ сцена, полная страсти и драматизма, въ которой Гликерія предлагаетъ на выборъ Сафо — отказаться отъ любви Фаона или быть виновницею его смерти. Послѣ долгихъ, тщетныхъ моленій и тяжелой борьбы, Сафо рѣшается на самопожертвованіе, и должна выслушать упреки Фаона за мнимую измѣну. Въ третьемъ дѣйствіи — мы видимъ Сафо на берегу моря, среди утесовъ, куда она пришла оплакивать свою любовь и несчастную судьбу. Между-тѣмъ заговоръ не удался и Фаонъ отправляется въ изгнаніе вмѣстѣ съ своими сообщниками. Проходя мимо Сафо, онъ проклинаетъ невѣрную и обрекаетъ ее аду. Сафо благословляетъ

его приговоръ и послѣ прощальнаго воззванія къ своей безсмертной лирѣ, бросается въ море. Эта послѣдняя пѣснь Сафо вполнѣ достойна ея импровизаціи въ первомъ дѣйствіи. Партитура г. Гунò возбудила множество толковъ и пересудъ; насчетъ ея повторяются всѣ критики, которыя искони встрѣчаютъ первыя произведенія могущественнаго таланта; его упрекаютъ въ недостаткѣ мелодіи и въ подражаніи, — кому? въ этомъ отношеніи мнѣнія различны; одни находятъ въ ней подражаніе Генделю, другіе — Глуку, третьи — Верди. По нашему мнѣнію, первый упрекъ совершенно неоснователенъ; у г. Гунò есть мелодія, и притомъ мелодія широкая, сильная, оригинальная, которая никогда не впадаетъ въ ту манерность, въ тѣ стереотипныя формы, которыхъ многіе требуютъ отъ вокальной музыки, ошибочно величая ихъ пѣвучестью. Что касается до втораго упрека, въ музыкѣ г. Гунò дѣйствительно видно подражаніе; но это не подражаніе мелкаго таланта, рабски слѣдующаго по стопамъ избраннаго образца, а стремленіе усвоить себѣ все великое, совершенное предшественниками; отъ такого подражанія не можетъ освободиться ни одинъ начинающій талантъ, и оно доказываетъ только молодость артиста. Дѣйствительно, талантъ г. Гунò еще далекъ отъ зрѣлости; но первый опытъ его показалъ, что въ молодомъ композиторѣ довольно силы и самобытности, чтобы не уничтожить своей оригинальности въ этомъ временномъ подчиненіи великимъ образцамъ, и чтобы выдти изъ этой школы вполнѣ достойнымъ стать на ряду съ своими учителями.

Говорятъ, что Большая-Опера собирается изумить свѣтъ своею дѣятельностью и щедростью; и что она ждетъ только возвращенія г-жи Альбони, которая въ настоящее время приводитъ въ восторгъ Мадритъ, чтобы поставить новую оперу Обера «*Апельсинщицу.*» Носятся также слухи, будто дирекція ведетъ переговоры, если даже не заключила уже условія, съ Мейербером, о его «*Африканкѣ*;» но этотъ слухъ повторялся уже столько разъ, что ему трудно будетъ повѣрить, пока не начнутся репетиціи.

Комическая Опера продолжаетъ начатое ею дѣло, столь же выгодное для нея, какъ и пріятное для истинныхъ любителей музыки, замѣняя по временамъ новыя пьесы возобновленіемъ старины. Такъ въ послѣднее время она возобновила «*Говорящую картину*» Гретри и «*Калифа Багдадскаго,*» Бойельдьё. Обѣ пьесы поставлены и исполняются со всѣмъ стараніемъ, какого заслуживаетъ память ихъ великихъ творцовъ, а успѣхъ вполнѣ вознаградилъ дирекцію и артистовъ.

Итальянская Опера благополучно окончила свой первый сезонъ подъ предводительствомъ Лумлея безсмертнымъ «*Тайнымъ бракомъ*» Чимарозы, и новою оперою «*Три сватьбы*» испанца Алари. Либретто «*Трехъ свадебъ*,» написанное какимъ то синьоромъ Беретгони, не грѣшитъ оригинальностію, ни даже особенною занимательностью. У какой-то маркизы Форли есть дочь, Луиза, которую она прочитъ за барона Aremosy, но которая сама избрала себѣ жениха, помоложе и помиловиднѣе, кавалера Виллафранку. Она, какъ водится, дурачитъ барона, и придумываетъ разныя хитрости, чтобы разстроить предполагаемую свадьбу и устроить другую; въ этомъ ей, опять какъ водится, помогаютъ, горничная Веспина и плутъ слуга Крикка. Сперва барышня и горничная наряжаются цыганками, ловятъ барона на улицѣ, гадаютъ ему на рукѣ и предсказываютъ множество очень непріятныхъ вещей отъ женитьбы. Потомъ Луиза, находя своего жениха необлизаннымъ медвѣдемъ, учитъ его кланяться, заставляетъ танцовать польку, редову и разные другіе самые вычурные танцы, весьма неудобные для человѣка почтенныхъ лѣтъ и притомъ одареннаго дородностью синьора Лаблаша. Во время урока, съ крикомъ и воплемъ вбѣгаетъ Веспина и почти вцѣпляется въ глаза несчастному барону, увѣряя, что онъ обманщикъ, негодяй, и проч. и проч. и что онъ долженъ на ней жениться, чтобы загладить нанесенное ей оскорбленіе. Какъ ни клянется несчастный баронъ, что ничего не знаетъ и не понимаетъ, невѣста, будущая теща, Виллафранка и Крикка, всѣ заступаются за оскорбленную невинность, и требуютъ мщенія. Баронъ, рѣшившись жаловаться въ судъ, отправляется за совѣтомъ къ стряпчему; но и тутъ новая бѣда: Крикка, принявъ на себя роль стряпчаго, и прикинувшись глухимъ, понимаетъ все вкривь и вкось и увѣряетъ барона, что онъ убилъ человѣка, и что ему не избѣжать висѣлицы. Не желая болѣе имѣть дѣла съ глухими адвокатами, онъ хочетъ попытаться кончить все мировою и отправляется въ павильонъ, въ которомъ, по увѣренію Крикки, невѣста назначила ему свиданіе. Луиза дѣйствительно назначила свиданіе, только не въ этомъ павильонѣ, а въ сосѣднемъ, и не барону—а Виллафранкѣ; барону же Крикка приготовилъ свиданіе съ маркизою, заманивъ послѣднюю обѣщаніемъ показать ей продѣлки ея нареченнаго зятя. Извѣстно, что павильоны въ операхъ-буффа всегда ведутъ къ развязкѣ и вы уже угадываете, что запертыя въ разныхъ павильонахъ четы должны наговорить много любезной чепухи; потомъ долженъ произойти, ни вѣсть отчего, шумъ; четы выбѣгутъ съ разныхъ

сторонъ, подивятся ни вѣсть чему, и необходимымъ слѣдствіемъ этого, по логикѣ водевиля и оперы-буффа, будутъ двѣ свадьбы: баронъ долженъ жениться на маркизѣ; Луиза выйдетъ за кавалера Виллафранку, а для оправданія названія пьесы—Крикка женится на Веспинѣ. Если эта программа покажется вамъ нескладнымъ соединеніемъ сценъ и эпизодовъ, давно уже видѣнныхъ въ двадцати другихъ операхъ и водевиляхъ, то почти тоже можно сказать и о музыкѣ г. Алари; она также на каждомъ шагу напоминаетъ и «*Турка въ Италіи*,» и «*Итальянку въ Африкѣ*,» и «*Дона Пасквале*,» и «*Лучію*,» и многое множество другихъ произведеній, съ прибавленіемъ польки и редовы и несмѣтнаго количества мѣдныхъ инструментовъ. Не смотря на то, опера имѣла успѣхъ, что, впрочемъ, неудивительно, при такихъ исполнителяхъ, какъ г-жи Зонтагъ (Луиза), Ида-Бертранъ (маркиза), Джуліани (Веспина) и гг. Лаблашъ (баронъ) и Ферранти (Крикка).

Кромѣ этихъ пьесъ, Итальянская Опера возобновила оперу Верди «*Эрнани*,» для г-жи Крувелли, молодой артистки, которая пользуется уже громкою славою въ Италіи и въ Германіи, и съ успѣхомъ являлась также, года три назадъ, въ Лондонѣ. Благодаря ея прекрасному голосу и драматическому таланту, «*Эрнани*» имѣлъ нынче больше успѣху, чѣмъ въ первое появленіе свое въ Парижѣ, въ 1847 году.

На будущій годъ Лумлей обѣщаетъ, кромѣ разныхъ другихъ сокровищъ, оперу знаменитаго пѣвца Дюпре, которая, говорятъ, уже совершенно кончена и будетъ представлена въ теченіе лѣта въ Лондонѣ,—и новую пѣвицу, графиню Алаймо, которую онъ уже ангажировалъ, и которая будетъ также дебютировать сперва въ Лондонѣ.

Французскій Театръ такъ занятъ дебютами г-жи Броганъ, «*Сказками королевы Наварской*,» пародіею на римскую исторію гг. Жюля Лакруа и Огюста Маке, предстоящимъ отъѣздомъ г-жи Рашель, прощальными представленіями г-жи Анаи и выслугою лѣтъ Лижьѐ, ученика Тальмы и послѣдняго представителя его школы, что, казалось бы, ему не до новостей. Однако же онъ поставилъ двѣ новыя пьески, принадлежащія, правда, къ разряду самыхъ невинныхъ. «*Христіанъ и Маргарита*,» комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, гг. Поль Мерсье и Эдуарда Фурнье, напоминаетъ намъ что-то читанное или видѣнное такъ давно, что мы уже не припомнимъ ни названія, ни имени автора, ни даже-была-ли то комедія или просто повѣсть. Они представляютъ двухъ супруговъ, которые и молоды и любезны, и богаты, и даже лю-

бятъ другъ друга, но — скучаютъ. Отъ скуки мадамъ Дориньи принимается читать романы, а мосье Дориньи покупать картины. Мосье Дориньи въ восторгѣ отъ акварелей какой-то таинственной Маргариты, а мадамъ Дориньи безъ ума отъ повѣстей столь же таинственнаго Христіана. Этотъ энтузіазмъ къ неизвѣстнымъ талантамъ доходитъ до того, что съ обѣихъ сторонъ заводится переписка, и назначается свиданіе въ оперномъ маскарадѣ. Мадамъ Дориньи отправляется съ своею пріятельницею, молодою вдовушкою, которая не вѣритъ любви и смѣется надъ скукою и тоскою, а мосье Дориньи ѣдетъ съ своимъ пріятелемъ, флотскимъ офицеромъ Жюдисисомъ, только что возвратившимся отъ южнаго полюса. Онъ ѣздилъ туда для того, чтобы разсѣять несчастную любовь, но узналъ тамъ, что его возлюбленная овдовѣла и пріѣхалъ отыскивать ее. Должно полагать, что дѣла двухъ пріятелей въ маскарадѣ шли необыкновенно удачно, потому что вотъ они возвращаются домой, каждый подъ руку съ прелестною маскою. Послѣ надлежащихъ любезностей и взаимныхъ увѣреній въ вѣчной любви, маски спадаютъ, и мосье Дориньи съ удивленіемъ узнаетъ въ Маргаритѣ свою жену, а мадамъ Дориньи въ Христіанѣ узнаетъ мужа. Жюдисисъ съ своей стороны узнаетъ въ веселой пріятельницѣ мадамъ Дориньи ту самую вдовушку, за которой онъ пріѣхалъ съ конца свѣта.

Нѣсколько правдоподобнѣе если не многимъ новѣе и оригинальнѣе, «*Дамское сраженіе, или состязаніе въ любви*,» новая комедія гг. Скриба и Легуве. Тутъ вы найдете воспоминанія почти изъ всѣхъ прежнихъ произведеній плодовитаго водевилиста и либреттиста; это блѣдный сколокъ съ «*Цыни*,» съ «*Оскара*» съ «*Товарищества*,» съ «*Стакана воды*» и другихъ. Но Скрибъ удивительный мастеръ пересыпать изъ пустаго въ порожнее и выдавать за новое—слышанное и видѣнное двадцать разъ; поэтому неудивительно, что у него и десятый сколокъ со сколка имѣетъ какую-то наружную, обманчивую свѣжесть. Вотъ содержаніе его новаго произведенія. Графиня Дотреваль, разумѣется, вдовушка и притомъ хорошенькая, молоденькая, богатая и чувствительная, какъ большая часть Скрибовскихъ вдовушекъ, особенно, когда дѣйствіе принадлежитъ къ эпохѣ реставраціи, скрываетъ въ своемъ замкѣ молодаго Наполеоновскаго офицера, де-Флавиньеля. Она истинная роялистка, но по добротѣ своей души не можетъ и врагу отказать въ убѣжищѣ; впрочемъ, можетъ быть, есть и другая причина, почему она позволяетъ Флавиньелю скрываться подъ ливреею ея слуги, — причина, въ которой она сама не от-

даетъ себѣ вполнѣ отчета, и которую угадываетъ одна только ея племянница, Леонія де Вильгонтье. Эта причина заключается въ томъ чувствѣ, которое побуждаетъ графиню такъ гордо отвергать руку и сердце молодаго рекетмейстера Гриньона, человѣка немножко хвастливаго, подчасъ дѣтски дерзкаго, подчасъ робкаго, какъ красная дѣвица, но совсѣмъ тѣмъ человѣка не глупаго, добраго и благороднаго; въ томъ чувствѣ, которое наполняетъ и сердце Леоніи какимъ-то сладостнымъ томленіемъ. Стало быть, тетка и племянница — соперницы. Впрочемъ, если вы, основываясь на названіи пьесы, ждете, что изъ этого выйдетъ *сраженіе*, вы ошибаетесь; сраженіе выставлено на афишѣ только для приманки. Тетка и племянница не только не думаютъ ссориться, отбивать другъ отъ друга жениха, но даже не смѣютъ сами себѣ сознаться, что онѣ соперницы, хотя тайный голосъ сердца и говоритъ имъ это. Онѣ только соединяютъ свои усилія, чтобы укрыть Флавиньеля отъ всѣхъ поисковъ и усладить ему заключеніе. Онѣ, напримѣръ, послѣ того, какъ префектъ Монришаръ обыскалъ весь околотокъ и далъ изъ собственнаго кармана двадцать пять золотыхъ Флавиньелю, и послалъ его въ погоню за Флавиньелемъ, уговариваютъ Гриньона выдать себя за скрывающагося. Однако даже любовь къ графинѣ не можетъ удержать Гриньона передъ ожидающимъ его наказаніемъ, и онъ открываетъ префекту всю продѣлку. Къ счастью, въ это самое время Флавиньель возвращается и привозитъ свое помилованіе. Послѣ этого остается только рѣшить, кому, теткѣ-ли или племянницѣ достанется предметъ ихъ любви? Графиня женщина великой души, способная на всякое самопожертвованіе; она знаетъ, что Флавиньель любитъ Леонію, и предпочитаетъ его счастіе и счастіе племянницы своему собственному. Впрочемъ, она можетъ быть и примирится съ другимъ женихомъ, рекетмейстеромъ Гриньономъ.

Госпожа Рашель, согласно условіямъ своего контракта, беретъ въ скоромъ времени отпускъ на шесть мѣсяцевъ, для своихъ артистическихъ странствованій. Братъ ея, Рафаэль Феликсъ, уже отправился впередъ, чтобы заключить контракты съ различными театрами и сдѣлать необходимыя приготовленія для ея представленій. Маршрутъ знаменитой актрисы, который въ послѣднее время былъ предметомъ всеобщихъ толковъ и гаданій, нынче уже извѣстенъ. Она пробудетъ два мѣсяца въ Лондонѣ, куда господинъ Митчель ждетъ поочередно почти всѣхъ замѣчательнѣйшихъ артистовъ Парижа; потомъ объѣдетъ главнѣйшіе города Бельгіи; Ахенъ, Берлинъ, Дрезденъ, Вѣну, Тріестъ, Венецію, Верону, Ми-

ланъ, Туринъ, Флоренцію, Ливорну, Римъ, Неаполь, и къ началу декабря возвратится въ Парижъ. Нѣкоторые прибавляютъ, что изъ Берлина она заѣдетъ въ Варшаву, но это свѣдѣніе неоффиціяльно.

Въ недобрый часъ задумано было передѣлывать повѣсти и романы для театра! Чего не насмотрѣлись мы на сценѣ, благодаря этой несчастной выдумкѣ? Не говоря уже о всѣхъ романахъ гг. Дюма, Поля Феваля, и множествѣ другихъ, что за нелѣпое произведеніе представляютъ намъ въ настоящее время гг. Жюль Барбьé и Мишель Каррѐ, на театрѣ Одеона, подъ названіемъ «*Гофмановыхъ сказокъ*!» Возможно-ли найдти въ сказкахъ Гофмана сюжетъ для драмы? Безъ сомнѣнія; поэту стоитъ только выбирать. Но сочинить драму подъ названіемъ «*Гофмановыхъ сказокъ*», то-есть, выбрать изъ множества фантазій этого причудливаго писателя нѣсколько разсказовъ, сдѣлать его-же самого героемъ ихъ, и связать эти разсказы такъ, чтобы они представляли одно цѣлое, стройное дѣйствіе, это попытка, по нашему мнѣнію, столько же противная изящному вкусу, какъ и здравому смыслу. «*Маіоратъ*», «*Счастіе въ игрѣ*», «*Совѣтникъ Крепсель*», представляютъ, конечно, богатые драматическіе элементы, хотя воспользоваться ими дѣло не совсѣмъ легкое, и для того требуется талантъ. Но, по-крайней-мѣрѣ каждый изъ этихъ разсказовъ представилъ-бы единство дѣйствія, безъ котораго не можетъ существовать драматическая поэзія; рядъ отдѣльныхъ приключеній, совершенно независимыхъ одно отъ другаго, никогда не составитъ драматической поэмы. Гг. Барбье и Карре думали, что имъ вольно будетъ сбросить съ себя это условіе, назвавъ свою пьесу *фантастическою драмою*; но они забыли, что въ трехъ великихъ образцахъ фантастичелкой драмы, «*Фаустѣ*», «*Манфредѣ*» и «*Снѣ въ Ивановскую ночь*», единство дѣйствія соблюдено такъ же строго, какъ въ любой греческой трагедіи. Съ другой стороны выборъ артиста, поэта въ герои драмы, по нашему мнѣнію, всегда будетъ неудаченъ. Какъ заставите вы говорить человѣка, создавшаго столько оригинальныхъ лицъ, столько чудныхъ приключеній? или вы, чтобы не исказить характера, заимствуете собственныя его слова, и драма ваша выйдетъ наборомъ несродныхъ сценъ и рѣчей; или, давъ свободу своей фантазіи, вы создадите лицо, котораго никто не узнаетъ. Авторы «*Гофмановыхъ сказокъ*», хотѣли продти между этихъ двухъ опасностей, и не уберегліись ни отъ той, ни отъ другой. Они выбрали три разсказа Гофмана и вставили ихъ въ рамку, составляющую про-

логъ и эпилогъ пьесы. Гофманъ у нихъ является какимъ-то цыганомъ, живущимъ со дня на день, почерпающимъ свое вдохновеніе въ стопахъ пива и вина; муза фантазіи, въ нарядѣ нѣмецкаго студента, выходитъ изъ бочки, и возвѣщаетъ славу поэта. Стоитъ только перелистать біографію Гофмана, (напримѣръ написанную Гицигомъ), чтобы убѣдиться, что Гофманъ былъ совсѣмъ не то. За исключеніемъ нѣсколькихъ несчастныхъ годовъ, онъ провелъ большую часть жизни въ довольствѣ и въ постоянномъ трудѣ. Если музыка, живопись и поэзія были для него неисчерпаемымъ источникомъ наслажденій, то съ другой стороны служба и юридическія познанія доставляли ему почетное и выгодное положеніе въ обществѣ, и онъ умеръ, занимая довольно значительную должность въ Берлинѣ. Но оставимъ прологъ. Гофманъ разсказываетъ своимъ собутыльникамъ исторіи своей трекратной любви, и этотъ-то разсказъ господа Барбье и Карре обратили въ драматическую форму. Передъ вами проходитъ прекрасная Олимпія, автоматъ, кукла, — Антонія, дочь Креспеля, — и наконецъ флорентинская пѣвица Джульетта. Чтобы доказать непостоянство любви, авторы не поколебались исказить характеры заимствованныхъ лицъ. Имъ нужно было показать, какъ женщины понимаютъ истинную любовь, и вотъ между Олимпіею, автоматомъ, который говоритъ, но только отрывчатыми словами, поетъ, но только одну пѣсню, за то танцуетъ, такъ, что ни одинъ танцоръ за нимъ не угоняется, и потомъ распадается въ простыя деревяшки по волѣ построившихъ его механиковъ;— и Джульеттою, которая губитъ любящаго ее человѣка, чтобы удовлетворить взбалмошную прихоть, они поставили Антонію, жертвующую счастіемъ жениха пустому желанію возбудить удивленіе. Мы согласны, пожалуй, не судить авторовъ слишкомъ строго за неудачную передѣлку «*Сильвестрова кануна*», не спорить съ ними о томъ, что они слѣлали изъ Олимпіи; но какъ простить имъ искаженіе характера очаровательной Антоніи? Эгоизмъ и тщеславіе никогда не входили въ ея сердце. Узнавъ приговоръ врачей, давшихъ ей на выборъ умереть или отказаться отъ пѣнія, она безъ сожалѣнія, безъ ропота отрекается отъ искусства для счастія своего возлюбленнаго; когда Креспель проводитъ смычкомъ по своей Аматіевской скрипкѣ, она воображаетъ, что это ея голосъ и говоритъ отцу: «Вѣдь я хорошо пропѣла?» Когда-же, во время сна Креспеля, она нарушаетъ запретъ врачей, это вовсе не изъ театральныхъ рукоплесканій, а чтобы угодить жениху, написавшему для нея мелодію, которой никто не въ со-

стоянiи исполнить, кромѣ ея; она умираетъ жертвою своей преданности, а вовсе не мелкаго тщеславiя и славолюбiя. Какъ же дѣлать изъ нея типъ эгоизма и тщеславiя? Кажется, если заимствуешь у поэта одно изъ его очаровательнѣйшихъ созданiй, то ужъ слѣдуетъ сохранить его характеръ! Если-жъ нужна женщина безъ души и безъ сердца, то можно было отыскать и такую въ его богатой галереѣ, не уродуя Антонiи!

Первая часть драмы, «*Автоматъ*», незанимательна; вторая, «*Антонiя*» могла-бы быть недурна, еслибъ не оскорбляла воспоминанiй слушателя, знакомаго съ произведенiями Гофмана; третья «*Утраченное отраженiе*», благодаря передѣлкѣ, пугаетъ, какъ дѣтская сказка о привидѣнiяхъ; притомъ, въ третьей части, искусству дана самая ничтожная роль, а главное предоставлено машинисту и декоратору, которые могутъ сказать авторамъ искреннее спасибо за замысловатую программу. Эпилогъ, возвращая зрителя въ погребокъ, къ собутыльникамъ Гофмана, напоминаетъ, что три прошедшiя передъ нимъ картины *должны составлять* одно цѣлое, и вмѣстѣ съ тѣмъ выводитъ изъ нихъ нравоучительное заключенiе, съ точностiю и ясностiю Эзоповой басни. Это нравоученiе: «не влюбляйся въ куклу, не влюбляйся въ чахоточную пѣвицу; не влюбляйся въ женщину вѣтренную; вообще-же не довѣряйся любви.» Въ подтвержденiе этой весьма человѣчественной и утѣшительной морали, Гофмана выносятъ изъ погребка въ забвенiи горестей. Нечего сказать, авторы прекрасно понимаютъ нравственное значенiе искусства и театра!

Страсть переносить книги на сцену усиливается съ каждымъ днемъ. Вотъ еще такое уродливое произведенiе на театрѣ Драматической-Гимназiи. Кто не читалъ романа аббата Прево «*Манонъ-Леско*», и не восхищался имъ, не смотря на парадоксы, которыми онъ пересыпанъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ онъ уже являлся отъ доски до доски на театрѣ Веселости, со всѣми своими парадоксами и даже со всѣми своими картинами, весьма сомнительнаго приличiя. Нынѣ гг. Маркъ-Фурнье и Барьеръ, вспомнивъ необыкновенный успѣхъ «*Кларисы-Гарло*», подумали, что Роза-Шери, будетъ восхитительною Манонъ-Лескó... Увы! въ наше время виртуозность вытѣсняетъ искусство съ театра точно также, какъ изъ концертной залы. На всѣхъ театрахъ видите вы превосходныхъ исполнителей, которые отуманиваютъ вамъ разсудокъ, и заставляютъ васъ восхищаться самыми нелѣпыми пьесами, какъ въ концертѣ виртуозъ выдаетъ вамъ за музыку глупѣйшую фантазiю на истасканные оперные мотивы. Зная эту слабость современной

публики, гг. Маркъ-Фурнье и Барьеръ позаботились только о виртуозахъ, которые исполняли-бы ихъ фантазію, и сколотили для нихъ не то драму, не то комедію. Но какъ Драматическая-Гимназія нѣсколько разборчивѣе и взыскательнѣе на приличіе, чѣмъ театръ Веселости, то они немножко смягчили, сгладили, скрасили слишкомъ рѣзкія части романа, иное и совсѣмъ выкинули, и пьеса готова. Однако-же, при всѣхъ стараніяхъ, при всемъ талантѣ артистовъ, пьеса удивительно плоха, и если въ ней не играетъ Роза Шери, то желающимъ знать ея содержаніе мы посовѣтуемъ не тратиться на билетъ, а сидѣть дома и взять романъ аббата Прево.

Въ дополненіе итога своихъ новостей, Драматическая-Гимназія поставила еще комедію-водевиль г. Теодора Барьера «*Midi à quatorze heures*», пьесу не важную, но довольно забавную. Мадамъ Марселли премилая жена, и мужъ ея былъ бы вполнѣ счастливъ, еслибъ она не имѣла одного недостатка, — была-бы не такъ ревнива. Ему нѣтъ покою отъ ея ревности; онъ говоритъ грубости каждой женщинѣ, чтобы только не подать повода къ подозрѣнію, но жена и этимъ еще не довольна, и доводитъ несчастнаго до того, что онъ клянется заслужить ея обвиненія и упреки. Камилла, въ отчаяніи, повѣряетъ свое горе кузену Фернанду, — и вотъ они вмѣстѣ строютъ заговоры противъ невѣрнаго и невѣрной, — (невѣрная-невѣста Фернанда, которой и въ голову не приходило кокетничать съ Марселли). — Къ счастью, Анжела, невѣста Фернанда, открываетъ глаза своей пріятельницѣ, объясняетъ ей, — она вдова, слѣдовательно опытна въ супружескихъ дѣлахъ! — объясняетъ и доказываетъ, что жена должна заставлять мужа добиваться ея любви, а никакъ не навязывать ея, и прочая. Вслѣдствіе этихъ глубокомысленныхъ доводовъ, Камилла измѣняетъ свою тактику въ отношеніи къ мужу, становится кротка, добра, снисходительна, любезна, словомъ-шелковая. Казалось-бы и дѣло съ концомъ! Такъ нѣтъ! нелегкая дернула мосье Грегоре вбить въ голову Марселли, какое счастіе имѣть ревнивую жену! Марселли принимается ревновать въ свою очередь. Впрочемъ, женитьба Фернанда на Анжелѣ скоро излечиваетъ обоихъ отъ ревности, — до слѣдующаго удобнаго случая.

Если послѣднія новости на серьезныхъ театрахъ не отличаются ни особенною занимательностью, ни новизною, то едва-ли болѣе посчастливилось и театрамъ, посвященнымъ преимущественно легкому роду, водевилю, шуткѣ и фарсу; то-есть, театрамъ Разнообразія и Монтансье, потому что театръ Водевиля все еще закрытъ,

и неизвѣстно даже, скоро-ли онъ откроется. Впрочемъ, охотниковъ попытать свое счастіе въ управленіи этого бѣдоваго театра явилось довольно много, и журналы почти оффиціяльно говорятъ, что выборъ между ними уже рѣшенъ; по этому можно надѣяться, что онъ уже не долго будетъ медлить открытіемъ.

Изъ новыхъ пьесъ театра Разнообразія, мы рѣшительно отдаемъ преимущество самой безпритязательной, водевилю—господина Варена, «*Докторъ Пырей*», (Le docteur Chiendent). Герой водевиля одинъ изъ тѣхъ людей, которымъ, вмѣсто богатства, судьба дала смѣтливый, оборотливый умъ, мѣдный лобъ, невозмутимую дерзость, съ помощью которыхъ они собираютъ обильный оброкъ съ поселянъ, и даже съ нѣкоторыхъ помѣщиковъ. Безъ гроша въ карманѣ, иной разъ онъ весело скитается по деревнямъ и селамъ, въ шутовскомъ нарядѣ. Сегодня онъ продаетъ разныя зелья и снадобья, рветъ зубы и пускаетъ кровь; завтра возьметъ шарманку и заставитъ плясать собакъ; въ случаѣ необходимости, даже пустится просто свидѣтельствовать карманы прохожихъ. Докторъ Пырей могъ-бы прожить свой вѣкъ безбѣдно, еслибъ нелегкая не раздула въ его душѣ огонь честолюбія, который губилъ уже и не такихъ людей! Захотѣлось доктору Пырею побывать въ Парижѣ; ну, а въ Парижѣ, извѣстное дѣло, и жить дороже, и народъ не такъ довѣрчивъ, да и не любитъ развязывать кошеля, и полиція строже. Такимъ образомъ, въ одно прекрасное утро, квартирный хозяинъ доктора отказалъ ему, и пустилъ его на всѣ четыре стороны со всею свитою, то-есть, тромбономъ и четырьмя выдохшимися кларнетами. Между тѣмъ, какъ онъ раздумываетъ, повѣся носъ, чѣмъ-бы ему помочь дѣлу, судьба присылаетъ ему на встрѣчу его земляка и свояка, Рокамболя, который, испытавъ неудачи въ Бразиліи, возвратился въ Парижъ—чистить сапоги прохожимъ. На этихъ немногихъ данныхъ изобрѣтательный умъ доктора созидаетъ смѣлый планъ для обогащенія себя и своего пріятеля. Рокамболь спискалъ дружбу и покровительство швейцара одного богатаго вельможи, путешествующаго за границею. Первое дѣло уломать цербера, чтобы онъ далъ пріютъ двумъ пріятелямъ и ихъ свитѣ. Пырей устраиваетъ это безъ большаго труда. Затѣмъ онъ укладываетъ Рокамболя въ постель, и извѣщаетъ всѣхъ его родныхъ, что онъ опасно боленъ, и желаетъ ихъ видѣть, чтобы раздѣлить между ними милліоны, вывезенные имъ изъ Бразиліи. Вся родня сбѣгается, на звукъ золота, и спѣшитъ засвидѣтельствовать умирающему милліонеру свою родственную любовь и ува-

женіе разными угожденіями и подарками. Въ нѣсколько часовъ пріятели наши собираютъ такую обильную дань, что признаютъ благоразумнѣйшимъ уложить свои пожитки и тайкомъ дать тягу, пока почтенная родня не провѣдала обмана.

«*Ключница,*» водевиль въ одномъ дѣйствіи Мишеля Делапорта, держится только игрою знаменитой Флоры, которая такъ превосходна въ роляхъ смѣшныхъ старухъ. Мосьё Вердюро старый горбунъ и холостякъ, несчастнѣйшій человѣкъ на свѣтѣ, и все отъ того, что у него есть племянникъ, который мотаетъ его добро, и ключница, мадамъ Россиньоль, которая все дѣлаетъ по своему, заставляетъ его по цѣлымъ часамъ ждать обѣда или завтрака и, вдобавокъ, еще имѣетъ дочку, мамзель Сесилію, которая учится въ консерваторіи и вздумала влюбиться въ мосье Людовика, племянника г. Вердюро. Вотъ, напримѣръ, дядя хочетъ пожурить племянника и посовѣтовать ему жениться, мамзель Сесилія падаетъ въ обморокъ, мадамъ Россиньоль начинаетъ шумѣть, а Вердюро между тѣмъ долженъ сидѣть безъ завтрака. Мало того; въ отсутствіе племянника, мосье Вердюро долженъ принимать разныхъ пріятелей и пріятельницъ мосье Людовика, которые распоряжаются у него, словно у себя дома. Горбунъ не знаетъ, какъ избавиться отъ всѣхъ этихъ хлопотъ и непріятностей, а тутъ еще ему припоминаютъ нѣкоторыя проказы его молодыхъ лѣтъ.... однимъ словомъ, чтобы избавиться отъ дальнѣйшихъ бѣдъ и отъ претензій на ближайшее родство, онъ рѣшается назвать мамзель Сесилію племянницею.

Еще ничтожнѣе предыдущихъ, водевиль гг. Мелесвиля и Ксавье, «*Другой мужъ моей жены.*» Два двоюродныхъ братца, каждый съ своей стороны, сватаются на одной и той же невѣстѣ, и обоимъ отказъ по одной и той же причинѣ. Блезимаръ даетъ за дочерью двадцать тысячъ франковъ, но требуетъ, чтобы у жениха было вдвое. Шаламель и Лескалопъ получили по двадцати тысячъ послѣ какого-то богатаго дяди; оно такъ бы и вышло— сорокъ тысячъ, но вѣдь невѣсты пополамъ не раздѣлишь. Наши чудаки, встрѣтившись въ Булоньскомъ лѣсу, куда они пришли, каждый съ своей стороны, застрѣлиться, и разсказавъ другъ другу свое горе, придумываютъ слѣдующее средство. Они бросятъ жребій, кому изъ нихъ жениться на мамзель Каролинѣ, съ тѣмъ, что тотъ же получитъ и всѣ дядины сорокъ тысячъ франковъ, но черезъ годъ долженъ исчезнуть, оставивъ жену и богатство другому. Жребій рѣшаетъ въ пользу Лескалопа,—или скорѣе, противъ него, потому что можно себѣ представить, что за житье ему съ

мыслью, что по истеченіи года, онъ долженъ отдать и жену и богатство другому. Наступаетъ срокъ исполненія условія; но къ счастію Лескалопа открывается, что Шаламель не можетъ воспользоваться его выгодами, потому что женился на другой. Такимъ образомъ Лескалопъ остается обладателемъ своей жены, но отдаетъ Шаламелю его долю изъ дядина наслѣдства, къ немалому гнѣву тестя.

Театръ Монтансье продолжаетъ заманивать охотниковъ до всякаго роду курьозовъ своею одиннадцати-лѣтнею артисткою, Селиною Монталанъ. Гг. Маркъ Мишель и Лабишъ написали для нея не затѣйливый, но довольно забавный водевиль «*Зубы прорѣзаются.*» Маленькая Лупза, умная и смѣтливая, какъ все дѣтское племя, подмѣтила, что ей стоитъ только сказать, что у нея прорѣзаются зубы, и всѣ тотчасъ ставятъ себѣ въ обязанность исполнять каждую ея прихоть, каждый капризъ. Что она зачастую пользуется этою слабостью своихъ родителей, въ томъ нѣтъ еще ничего удивительнаго; но удивительно то, что она пользуется ею иногда чрезвычайно кстати. Мосье Тюрпенъ, принадлежащій къ самой вредной изъ всѣхъ змѣиныхъ породъ, которой вы не найдете въ звѣринцахъ, ни въ зоологическихъ трактатахъ, но которыя за то безпрестанно встрѣчается въ водевиляхъ, именно къ породѣ домашнихъ друзей, старается заманить мосье Шашиньона на обѣдъ съ какими-то дамами, за который заплатитъ, разумѣется, Шашиньонъ, потому что мосье Тюрпенъ привыкъ считать кошельки своихъ друзей своими собственными. Ему удалось бы пожалуй побѣдить и совѣсть Шашиньона и гнѣвъ его супруги, но онъ не расчиталъ на третьяго врага. У мамзель Лупзы вздумалъ прорѣзаться зубокъ, и она требуетъ непремѣнно, чтобы папаша сидѣлъ дома, нянчилъ ее, разсказывалъ ей сказки, игралъ съ нею въ бирюльки. Папаша повинуется дочкѣ, которая этимъ невиннымъ капризомъ спасаетъ супружеское спокойствіе, сильно было поколебавшееся отъ наущеній друга.

Довольно забавна также комедія гг. Дюмануара и Лагранжа «*Мадамъ Бертранъ и мамзель Ратонъ.*» Названіе пьесы показываетъ, что основная мысль внушена авторамъ прелестною баснью Лафонтена. Дѣйствительно, мадамъ Бертранъ, какъ мартышка въ баснѣ, страшная охотница загребать жаръ чужими руками, и пользуется руками своей первой мастерицы, мамзель Ратонъ, конечно ужъ не для того, чтобы выгребать каштанъ изъ подъ горячей золы; каштаны, по законамъ водевиля, обратились въ мо-

лодаго человѣка, который живетъ черезъ улицу, пишетъ трагедіи для Одеона на лѣтніе мѣсяцы и пересылаетъ изъ окна въ окно пламенныя посланія на имя мадамъ Бертранъ. У мамзель Ратонъ былъ когда-то женихъ, на родинѣ; она его очень полюбила; но онъ былъ поэтъ, и потому бросилъ ее, какъ невѣжду, не умѣвшую ни читать, ни писать. Мамзель Ратонъ, поплакала, поплакала, а потомъ принялась учиться, и теперь она поетъ очень мило, и пишетъ очень умныя, чувствительныя записки; у нея есть даже цѣлый ящикъ отвѣтовъ на письма, которыя она получала отъ жениха въ то время, какъ не умѣла ихъ читать. Мадамъ Бертранъ заставляетъ ее читать записки мосье Тетара, перебрасываетъ сама въ его окно отвѣты изъ корреспонденціи дѣвушки, заставляетъ ее пѣть, чтобы окончательно заманить молодаго человѣка въ свои сѣти. Мосье Тетаръ является на свиданіе, и мамзель Ратонъ узнаетъ въ немъ своего бывшаго жениха. Мадамъ Бертранъ не находитъ лучшаго средства избавиться отъ соперницы, какъ отказать своей мастерицѣ; но мамзель Ратонъ не проститъ ей этого и отомститъ жестоко. Она пишетъ записку къ Тетару отъ имени вдовы, приглашая его на ужинъ, а сама на это время поселяется на его квартирѣ. Вдругъ Тетаръ слышитъ тотъ самый голосъ, который онъ приписывалъ вдовѣ; мало того, къ нему летятъ записки, писанныя тою же рукою, какъ нѣжныя посланія вдовы; и эти записки уличаютъ ее въ невѣжествѣ, въ обманѣ, въ интригахъ. Результатъ не трудно угадать; молодые люди узнаютъ другъ друга, объясняются, припоминаютъ старую любовь; и за тѣмъ сватьба.

Гг. Мелесвиль и Ксавье написали и для театра Монтансье новую пьесу, еще комедію, «*Любовь на слѣпой глазъ*», которая ничѣмъ не уступитъ пьесѣ ихъ, игранной на театрѣ Разнообразія. Адріенна де Сильи, вдовушка, молоденькая, хорошенькая, и проч. и проч. какъ слѣдуетъ быть всѣмъ водевильнымъ вдовушкамъ. За нею, какъ слѣдуетъ, ухаживаетъ молодой графъ де Лестрель. Вдовушка принимаетъ его очень благосклонно, но во всемъ ее окружаетъ какая-то таинственность, которая ужасно тревожитъ его. Мосье Брокаръ, его камердинеръ, разсказываетъ вдобавокъ, что въ извѣстные часы въ будуаръ вдовушки пробирается какой-то очень подозрительный человѣкъ. Ларчикъ очень просто открывается; Адріенна близорука, а какъ въ двадцать лѣтъ трудно рѣшиться надѣть очки, то вотъ она и совѣщается съ однимъ оптикомъ, который взялся изобрѣсть снарядъ, который вполнѣ замѣнитъ очки, не имѣя ихъ неудобствъ. И бѣда въ самомъ дѣлѣ

быть такъ близорукою: когда вдовушка, послѣ долгаго размышленія и колебанія, рѣшается открыть графу свою любовь, она принимаетъ мосье Брокара за его господина, и камердинеръ, имѣющій особенно выгодное мнѣніе о своей особѣ, ни вѣсть что задумываетъ, вслѣдствіе ея словъ. Къ счастію, ревность графа ускоряетъ развязку. Онъ подкараулилъ оптика, чуть не побилъ его, и заставилъ открыть всю тайну. Но при этой сценѣ открывается недостатокъ и въ графѣ; пока онъ спокоенъ, онъ говоритъ, какъ всѣ, но чуть разсердится, становится косноязыченъ. Ради своего недостатка, онъ извиняетъ и недостатокъ невѣсты. Самою занимательною принадлежностью пьесы были, по нашему мнѣнію, свистки, сопровождавшіе ее отъ начала до конца.

Г. Мелесвиль, кажется, хочетъ соперничать съ Скрибомъ въ плодовитости; вотъ еще третья пьеса его «*Марсіаль завоеватель сердецъ*», комедія-водевиль, въ которой авторъ воспѣваетъ подвиги трубачей драгунскаго маршала Бриссона полка, лучшаго войска Людовика XV. Марсіаль, по прозванію *завоеватель сердецъ*, едва успѣлъ явиться въ деревню, какъ женскія сердца такъ и льнутъ къ нему; съ одной стороны вдова Урсула, съ другой сирота Клодина, воспитанная деревенскимъ музыкантомъ Пиплѐ. Воспитатель прочилъ ее въ невѣсты себѣ самому, и крѣпко отстаиваетъ свои права. Послѣ довольно длинной путаницы, которая сама по себѣ ничего не представляетъ занимательнаго, а держится только талантомъ актеровъ, пьеса оканчивается двумя свадьбами: Марсіаль женится на Клодинѣ, въ которой онъ узнаетъ малютку, завѣщанную ему товарищемъ на полѣ сраженія; а Пипле долженъ довольствоваться Урсулою.

На театрѣ Развлеченій (Délassements comiques) имѣла нѣкоторый успѣхъ идиллія г-жи Реньо-де-Пребуа, «*Маша*», написанная явно подъ вліяніемъ сельскихъ драмъ Жоржъ-Санда. Дѣйствіе происходитъ въ Бретани. Молодой поселянинъ, Керноэль, заболѣлъ отъ горести по умершей матери; его врачуетъ шестнадцатилѣтняя знахарка въ родѣ Фадетты, по имени Маша. Изъ этого врачеванія возникаетъ взаимная любовь, что очень не нравится Алонзѣ, невѣстѣ Керноэля; она старается даже, чтобы Машу выгнали изъ волости, но Керноэль защищаетъ ее. Во второмъ дѣйствіи, все готово къ свадьбѣ. Маша сама плететъ вѣнокъ для невѣсты, падаетъ въ обморокъ, вѣроятно за тѣмъ, чтобы выронить

портретъ, по которому узнается, что она послѣдняя внука дворянскаго дома, погибшаго во время междоусобій; почему Керноэль и женится на ней, предоставивъ Алоизѣ ждать другаго жениха. Г-жа Реньо-де-Пребуа пыталась въ этой пьесѣ подражать и мужицкой рѣчи Жоржъ-Санда; и успѣла въ этомъ такъже плохо, какъ и въ изображеніи сельской жизни и чувствъ сельскаго класса.

Другія двѣ пьесы, данныя на театрѣ Развлеченій, «*400,000 франковъ за 20 су*», г.г. Кальо и Лефебра, и «*Дешевыя няньки*», гг. Ипполита Леру и Любиза, просто балаганные фарсы, не выкупающіе пошлости и неестественности содержанія даже забавностью сценъ и разговора. То же самое должно сказать о водевилѣ Поль-де-Кока—«*Не одинъ оселъ на базарѣ*», данномъ на театѣ Folies dramatiques. Все остроуміе его заключаются въ имени Мартина, которымъ называются чуть-ли не всѣ лица въ пьесѣ, и которое, какъ извѣстно, во Франціи даютъ осламъ.

Вы удивляетесь, можетъ быть, что въ такомъ длинномъ перечнѣ новыхъ пьесъ, не встрѣтили до-сихъ-поръ ни одной драмы; можетъ быть, и радуетесь этому. Но погодите, не радуйтесь заранѣе; будутъ и драмы, и такія трескучія, что чудо. Вотъ вамъ одна, двѣ, три — уфъ! цѣлыхъ шесть.

Почетъ великому изъ великихъ въ дѣлѣ трескучихъ драмъ, Александру Дюма. Послѣ того, какъ его дѣтище, Историческій Театръ закрылся, и исчезла даже всякая почти надежда, чтобъ онъ вновь открылся съ прежнимъ назначеніемъ, мы потеряли было и надежду видѣть новыя драмы знаменитаго автора «*Монтекристо*». Однако-же онъ перенесъ свои пенаты — говоря языкомъ отчаяннаго классицизма, — на другіе театры, и вотъ выступилъ, да не съ одной, — съ двумя драмами разомъ. На театрѣ Амбигю идетъ его «*Графъ де-Морсерфъ*», составляющій третью часть «*Монтекристо*», между тѣмъ какъ на сценѣ Національнаго театра (бывшаго Цирка), дается его-же «*Клишійская застава*».

Самое названіе «*Графа де-Морсерфа*» показываетъ, что содержаніе этой третьей части драмы «*Монтекристо*» должна составлять месть Дантеса, предателя Фернанда, добившагося постыдными путями богатства, перскаго достоинства и титла графа. Романъ еще слишкомъ свѣжъ въ памяти читателей, и способъ пе-

реложенія книгъ на сцену, употребляемый Александромъ Дюма и его сотрудникомъ Маке́, слишкомъ извѣстенъ, чтобы нужно было подробно разсказывать содержаніе настоящей ихъ драмы. Она начинается съ пріѣзда Монтекристо въ Парижъ и кончается смертью Фернанда. Затѣмъ Дантесу остается еще наказать Данглара и Вильфора; это составитъ четвертую часть драмы, которую авторъ обѣщаетъ поставить въ самомъ непродолжительномъ времени.

Другая драма Александра Дюма принадлежитъ къ роду поэзіи, составляющему почти собственность прежняго Цирка. Это драма военно-историческая;—(названіе исторической драмы покорнѣйше просимъ принимать въ смыслѣ г. Дюма) — рядъ картинъ, изображающихъ походы Наполеона, со сраженія передъ Клишійской заставою, до вступленія его въ Гренобль, по возвращеніи съ острова Эльбы. Нѣсколько сраженій, возвращеніе съ Эльбы, вступленіе въ Гренобль списаны съ картинъ Гораса Верне, Штейбена и другихъ извѣстнѣйшихъ живописцевъ. Авторъ особенно заботился, при постановкѣ пьесы о томъ, чтобы битвы были представлены не въ видѣ полудюжины солдатъ, перебѣгающихъ черезъ сцену съ обнаженными саблями, какъ обыкновенно водится на театрѣ, а были вѣрнымъ изображеніемъ настоящихъ сраженій, чтобы сцена была усѣяна убитыми и ранеными, чтобы по ней носились цѣлые эскадроны, катились пушки, и прочая. Это, вѣроятно, составляетъ первое условіе исторической истины по теоріи великаго драматурга; потому что за исключеніемъ этой точности въ изображеніи битвъ, пятнадцать картинокъ его исторической драмы нисколько не показываютъ большаго уваженія къ тому, что называется историческою истиною у другихъ людей. Напримѣръ, какое бы вы ни составляли себѣ понятіе о Наполеонѣ, мы готовы побиться объ закладъ, что вы никакъ не узнаете его въ напыщенномъ, тщеславномъ, хвастливомъ говорунѣ, котораго г. Дюма представилъ подъ этимъ именемъ. Г. Дюма очевидно не силенъ въ географіи, и не умѣетъ отличить корсиканца отъ своихъ земляковъ гасконцевъ, и Наполеона отъ Дартаньяна и другихъ героевъ, вспоенныхъ Гаронскими водами. Съ вѣроподобностью и здравымъ смысломъ онъ въ такомъ же разладѣ, какъ и съ исторіею. Какъ вамъ покажется, напримѣръ, полковникъ Бертo, который ослѣпъ у Клишійской заставы и благодаря этой счастливой слѣпотѣ вѣритъ на слово сыну и дочери, что Наполеонъ все еще на престолѣ и повсюду бьетъ враговъ, и что

самъ онъ губернаторъ Изерскаго департамента! Выше этой слѣпоты мы не можемъ придумать ничего, кромѣ развѣ такой слѣпоты, которая заставила-бы насъ повѣрить на слово господину Дюма и признать его геніяльнымъ поэтомъ, выше Шекспира, Кальдерона, Шиллера и всѣхъ драматическихъ писателей, взятыхъ вмѣстѣ!

Театръ Сенъ-Мартенскихъ воротъ, по обыкновенію, богаче другихъ драмами всѣхъ цвѣтовъ и всѣхъ шерстей; на первомъ планѣ стоитъ, разумѣется, драма историческая, по мнѣнію автора, а по нашему, просто разбойничья г. Латура де Сентъ Ибара. За нею слѣдуетъ драма мошенническая гг. Гранже и Монтепена, и наконецъ драма фантастическая гг. Делатура и Ламберъ-Тибу.

Если мы даемъ первое мѣсто между этими тремя произведеніями драмѣ г. Латура де-Сентъ-Ибара, то это вовсе не потому, что находимъ ее лучше двухъ остальныхъ, а только потому что прежнія произведенія автора являли въ немъ талантъ, дающій ему право на большее вниманіе и на болѣе строгій судъ, противъ обыкновенныхъ поставщиковъ трескучихъ драмъ; да и сюжетъ онъ выбралъ такой, который стоило обработать съ большимъ уваженіемъ къ исторіи и къ законамъ истиннаго искусства. Г. Латуръ-де Сентъ-Ибаръ принадлежитъ, по прежнему своему направленію, къ школѣ, основанной Понсаромъ; къ школѣ, которая, видя до какихъ крайностей дошелъ ультраромантизмъ, задумала возстановить классическую драму, обновивъ ея обветшалыя формы и придавъ ей болѣе внутренней жизни. Въ такомъ духѣ была написана его «*Виргинія*», справедливо занявшая почетное мѣсто рядомъ съ «*Лукреціею*» Понсара. Мы отнюдь не изъ числа отчаянныхъ поборниковъ классицизма, ни стараго, ни новаго, и не признаемъ его притязаній на исключительное обладаніе разумностью и логикою въ развитіи мысли, и стройностью и красотою формъ; но тѣмъ не менѣе признаемъ заслуги новой классической школы въ томъ, что она рѣшилась возстать противъ нелѣпостей, до которыхъ дошли слишкомъ горячіе и часто бездарные приверженцы романтизма. Поэтому мы не можемъ не пожалѣть о молодомъ писателѣ съ несомнѣннымъ талантомъ, который отрекается отъ своего перваго направленія, чтобы броситься въ тѣ же самыя уродливости, въ которыхъ онъ упрекалъ своихъ противниковъ. Г. Латуръ де Сентъ-Ибаръ выбралъ для своей драмы сюжетъ, который, въ формѣ-ли классической трагедіи или романтической драмы, но обработанный добросовѣстно, согласно исторической

и эстетической истинѣ, первому условію всякаго художественнаго произведенія, могъ бы сдѣлаться замѣчательною пьесою, но вмѣсто того, онъ погнался за трескучими эффектами школы Сулье и Дюма, и сочинилъ драму, ничуть не выше дюжинныхъ твореній гг. Гранже и Монтепена, Поля Феваля, e tutti quanti. Разбойничьи шайки, наводившія ужасъ на всю Францію въ царствованіе Карла V, и извѣстныя въ исторіи подъ именемъ *Дорожниковъ*, (les Routiers) могутъ служить эпизодомъ въ драмѣ, прекрасною картиною для обрисованія эпохи; но какъ не трудитесь, а не сдѣлаете изъ нихъ героевъ истинно художественной драмы. Представьте же намъ Дюгесклена и Жана Бакона, обуздывающими эти шайки силою своего генія и образующими изъ нихъ стройное, безстрашное войско, — и вы имѣете сюжетъ для исторической драмы. Къ сожалѣнію г. де-Сентъ-Ибаръ не замѣтилъ, или не хотѣлъ замѣтить этой стороны своего сюжета. О Дюгескленѣ у него почти не упоминается, а Жанъ-Баконъ такой-же разбойникъ, какъ и всѣ другіе, только поумнѣе и еще отважнѣе, почему и успѣваетъ сдѣлаться ихъ атаманомъ. Атаманство-же ему нужно для того, чтобы нагнать шайку на графа Монто, такого-же разбойника, только производящаго свои наѣзды изъ укрѣпленнаго замка. Этотъ Монто похитилъ нѣкогда у Бакона жену и дочь, и самого его продалъ въ неволю въ Алжиръ; съ-тѣхъ-поръ Баконъ на яву и во снѣ думаетъ только о томъ, какъ-бы отомстить за эту кровную обиду. Рѣзня, грабежъ, пожары, составляютъ почти все содержаніе драмы. Въ заключеніе ея Баконъ узнаетъ свою дочь въ дѣвушкѣ, вынесенной имъ изъ объятаго пламенемъ замка Монто, гдѣ она была скрыта отъ оскорбленій разбойниковъ и не менѣе страшныхъ клевретовъ графа, самимъ племянникомъ графа, Рожеромъ. Испросивъ у дочери прощеніе въ прошедшей своей разбойнической жизни, Баконъ передаетъ ее на попеченіе ея жениха, Рожера, и самъ отправляется съ дружинами Дюгесклена воевать Испанію. Дорожники слѣдуютъ за нимъ.

Эта драма, полная несообразностей и насилованныхъ эфектовъ, вся сколочена изъ сценъ, заимствованныхъ изъ «*Нельской башни*», изъ «*Записокъ дьявола*», изъ «*Домашняго сверчка*», и изъ другихъ пьесъ. Авторы не потрудились даже хорошенько связать между-собою свои разнородныя заимствованія.

«*Ньмой*», драма въ семи дѣйствіяхъ гг. Анисѐ-Буржуа и Массона, дана на Театрѣ Веселости. Нелѣпость этого набора пре-

ступленій и неправдоподобій, эфектовъ то ужасныхъ, то плаксивыхъ, виданныхъ уже несчетное число разъ во множествѣ другихъ пьесъ, можетъ сравниться только съ исполинскою скукою, которую она наводитъ на зрителей, не смотря на усилія актеровъ.

А. БОНАВЕНТУРА.

=

СМѢСЬ.

ДВА ГОДА ВЪ ПЛѢНУ У ГОРЦЕВЪ.

(*Воспоминанія о жизни и похожденіяхъ, въ Кавказскихъ горахъ, Штабсъ-Капитана Новоселова.*)

V.

Мы проводили Беяслана и Лейлу только за рѣку Дутъ, до сакли еврея, брата Урти, у котораго князь взялъ арбу и отправился прямою дорогою на аулъ Биберда. Прощаясь со мною, Лейла не вымолвила ни одного слова; закрывшись чадрою, она плакала.... Князь, занятый удачею минувшаго нàѣзда и непослушными волами, не замѣчалъ слезъ ея, онъ только упрашивалъ насъ скорѣе возвращаться въ селеніе и пожигитовать на его свадьбѣ.... Здѣсь Сатай завербовалъ подъ свою команду шесть человѣкъ отчаянныхъ бродягъ — и объявилъ мнѣ, что съ этого дня мы отправляемся на долгое странствованіе въ скалахъ Абадзы и Абхазіи.... Съ этимъ вмѣстѣ пропала моя надежда на скорое избавленіе; но другая мысль тотчасъ-же меня успокоила. Я расчитывалъ, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ страданій, тоски и бродяжной жизни, успѣю войти въ довѣріе ингуша, узнаю всѣ горныя норки и тропинки и осенью, на какомъ-нибудь привалѣ, въ Абхазскомъ округѣ, въ темную ночь, завладѣвъ конемъ и оружіемъ Сатая, смѣло могу бѣжать, не боясь уже ни темной ночи, ни страшныхъ пропастей, ни встрѣчныхъ хищниковъ.

Время для меня тянулось однообразно, медленно и невыносимо грустно. Мы бродили съ караванами, турками, порохомъ и женщинами, по всѣмъ скаламъ средняго Кавказа. Дни и ночи, непогоды и частыя нужды мы встрѣчали подъ открытымъ небомъ, въ непроходимыхъ лѣсахъ, или въ развалинахъ древнихъ христіанскихъ церквей. Рѣдкая недѣля и рѣдкая встрѣча съ хищниками не прибавляли новыхъ ранъ на нашемъ тѣлѣ. Сердце мое истерзанное печальнымъ зрѣлищемъ убійствъ, рѣзни, ежеминутными опасностями, слезами и воплями несчастныхъ жертвъ отвратительной контрабанды, до того свыклось съ этою мучительною и позорною жизнію, что я уже безъ отвращенія дѣлилъ черствый чурекъ съ моими товарищами, отчаянными ворами и предателями!... Часто случалось, что я, какъ безумный, восхищался ихъ страшными разсказами объ ихъ минувшихъ подвигахъ, объ удалыхъ наѣздахъ, ловкой кражѣ и ужасахъ баранты.... Для всѣхъ этихъ разбойниковъ я былъ свой, кровный кунакъ.... Сатай вообще выдавалъ меня за бѣглаго телаевца, осужденнаго къ ссылкѣ въ Сибирь и ускользнувшаго отъ русскихъ.... Такъ прошло семнадцать мѣсяцевъ. Мнѣ не удалось бѣжать въ первый годъ нашего странствованія.... Зиму мы провели на Батилкаѣ и снова, съ наступленіемъ весны, вышли въ горы. Наконецъ наступила вторая осень.... Частые обвалы снѣжныхъ лавинъ, дожди и горные вѣтры сдѣлали горныя дороги опасными.... Караваны стали показываться рѣже, оборванные горцы, наемные слуги Сатая, требовали расчета.... Ингушъ, вѣрный своимъ правиламъ, безъ шуму и драки разстался съ пріятелями. Мы остались вдвоемъ при трехъ собакахъ и, теперь, не торопясь, часто то заѣзжая къ кунакамъ, то сворачивая на нѣсколько верстъ съ дороги, чтобы за небольшую плату проводить странствующаго еврея отъ аула до другаго, пробирались домой, на зимній отдыхъ, къ берегамъ Зеленчуга.... Казалось, теперь настало время приступить къ исполненію моей задушевной мысли. Я сталъ обдумывать планъ и искать удобной минуты.... Но моя задумчивость, а быть можетъ, и ночной бредъ скоро высказали мою тайну Сатаю. Онъ сталъ ко мнѣ менѣе довѣрчивъ: проѣзжая тропинками, ингушъ уже не позволялъ мнѣ оставаться назади, а посылалъ впередъ.... Порохъ выдавалъ только въ случаяхъ крайней опасности, и по минованіи ея, отбиралъ зарядъ назадъ, говоря, что патроны и пули надо беречь теперь, чтобы не явиться въ родной аулъ безъ запаса *тамлыкъ шайтану*.... На ночлегахъ онъ почти не смыкалъ

глазъ, чему помогала его безсонница, происходившая отъ изнурительной болѣзни и часто раскрывавшихся ранъ, полученныхъ имъ въ послѣднее время. Отчаяніе мое доходило тогда до бѣшенства; я молчалъ, не ѣлъ, не пилъ по цѣлымъ днямъ, давъ себѣ клятву быть на родинѣ, хотя-бы пришлось перешагнуть чрезъ трупъ Сатая; а между-тѣмъ съ каждою моею рѣшительною мыслью прибывала строгость и осторожность ингуша; казалось горецъ, по одному моему взгляду и вздоху, узнавалъ эти мысли. Меня изумляла его бдительность, но еще болѣе надо было удивляться его терпѣнію и бодрости, съ которыми онъ переносилъ муки своей болѣзни.... Часто, блѣдный, почти посинѣлый, шатаясь на сѣдлѣ и истекая кровью, онъ бросалъ на меня мутный взоръ и, желая скрыть невыносимую муку боли, — хриплымъ голосомъ затягивалъ веселую татарскую пѣсню.... Эта сила воли и души врага моего иногда совершенно меня уничтожали и я, поникнувъ головой, слѣдовалъ за нимъ, ожидая каждую минуту, что онъ рухнется съ сѣдла въ пропасть или подъ ноги коня моего.

Также, какъ и почти два года тому назадъ, въ ненастную полночь мы переправились на лѣвый берегъ большаго Зеленчуга.... Сквозь тѣ же голые сучья рощи мелькнулъ знакомый свѣтъ въ грязныхъ сакляхъ.... Собаки наши громкимъ лаемъ и радостнымъ визгомъ привѣтствовали знакомое селеніе.... Никогда еще сердце такъ сильно не ныло во мнѣ отъ боли, какъ въ эту минуту, никогда еще мысль о спасеніи такъ страшно не овладѣвала мною, какъ тогда. Я сдержалъ моего коня.... Сейчасъ, думалъ я, скрестивъ шашку на шашку, я куплю или смерть или свободу!... Но въ эту минуту съ тяжелымъ стономъ — Сатай протянулъ мнѣ свою руку и рухнулъ на гриву коня.... Обморокъ его продолжался недолго; блѣдный, какъ мертвецъ, блуждая помутившимися глазами, Сатай судорожно улыбнулся и бодро привсталъ на сѣдлѣ.

— Довольно, кунакъ! — прошепталъ онъ, махнувъ рукою; — отпировалъ я!... Знаю.... тебя манитъ къ себѣ твоя родина!... мать, сестры.... братъ.... Иди къ нимъ.... ты мнѣ больше не нуженъ.... Не сегодня, такъ завтра Сатая зароютъ надъ этой рѣкой.... Доведи меня до сакли.... и позовешь ко мнѣ брата Беяслана, мнѣ надо указать ему, гдѣ мои деньги.... Не хочу оставлять старой и жадной Кайтуганѣ моего добра.... А завтра ты свободенъ — самъ братъ проводитъ тебя до русскаго укрѣпленія....

Можете судить о моемъ восторгѣ, когда полная вѣра и наде-

жда въ избавленіе — мгновенно замѣнили совершенное отчаяніе и безнадежность.

Крѣпко сжавъ руку Сатая, я не могъ сказать ему ни одного слова благодарности.... Доведя его до порога сакли, я сдалъ ингуша на руки старой Кайтуганы и загналъ коней въ сарай.

Въ то время, какъ я воротился къ моему кунаку, онъ, изнемогая отъ раскрывшихся ранъ, почти въ предсмертной судорогѣ, метался на полу, окруженный вѣрными псами.

— Дай мнѣ пить, шепталъ Сатай, силясь приподняться.

— Не дамъ.... Скажи, гдѣ твои абазы ?

— *Еана* !... (мать !) въ отчаяніи и съ укоромъ повторилъ Сатай...

Я бросился къ нему съ походною фляжкою.... Но старуха, какъ тигрица, сверкая глазами, остановила мою руку.

Послѣ недолгой борьбы, я успѣлъ оттолкнуть старуху въ сторону и передать фляжку умирающему Сатаю.

Кайтугана опустилась на полъ и какъ безумная, покачиваясь изъ стороны въ другую, дрожащимъ голосомъ запѣла похоронную пѣсню, бросая извѣсть на лицо Сатая.

— Слышишь ! Слышишь ! сказалъ ингушъ. Отчаяніе и ужасъ выражались въ мутномъ взорѣ израненнаго ; онъ протянулъ руки къ матери и, задыхаясь, умоляющимъ голосомъ прошепталъ : Еана.... сосешь меня.... больно !

— Гдѣ твои абазы.... отдай ихъ ? отвѣчала старуха и продолжала пѣсню.

— Га ! абазы !... — вскричалъ ингушъ, какъ-бы приходя въ себя ; —Иванъ.... Иванъ ! — продолжалъ онъ, обезсиливая и маня меня къ себѣ ослабѣвающею рукою. — Бѣги, — сказалъ онъ, — къ Баяслану.... скажи — деньги.... много.... ему....

Кайтугана громко захохотала и подпрыгнула на мѣстѣ.

— Всѣ мои ! — вскричала она. — Беяслана нѣтъ !... Красавица заѣла Беяслана.... онъ ее билъ, мучилъ.... плюнулъ ей въ лицо — и вотъ ужъ скоро два мѣсяца, какъ пропалъ....

— Ничего.... — спокойно отвѣчалъ Сатай, — пріѣдетъ.... Бѣги Иванъ за Лейлою.... ей.... ей отдамъ.... А ты, — продолжалъ онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ и взявъ винтовку, — только подойди.... Сатай погрозилъ старухѣ.

Я оставилъ саклю въ то время, какъ старуха снова начала свою похоронную пѣсню.

Сакля князя съ принадлежащими къ ней сараями и конюшнями была раскинута въ полуверстѣ отъ сакли ингуша. Когда я подошелъ къ дверямъ ея, какой-то наѣздникъ, закрытый башлы-

комъ, готовъ былъ уже спрыгнуть съ сѣдла, но казалось замѣтивъ меня, онъ сдѣлалъ крутой поворотъ, гикнулъ и скрылся въ рощѣ.... Не обращая на это обстоятельство вниманія, я постучался въ дверь.

— Гимри, ты ? послышалось за дверью.

— Нѣтъ, — отвори, Лейла....

— Если мужчина .... иди прочь.... Беяслана нѣтъ....

— Я присланъ отъ Сатая за тобою....

— Ночь темна.... не пойду.... завтра.

— Онъ умираетъ, Лейла....

— Я не *хажуко* *; у него мать колдунья.... пусть она его лечитъ....

— Лейла, онъ прислалъ меня за тѣмъ, чтобы ты взяла отъ него абазы....

— Тс.... постой !— вскричала горянка, какъ-бы вспомнивъ что-то; — Сатай одинъ пріѣхалъ ?... Кто ты !... И я слышалъ, какъ рука ея упала на задвижку двери.

— Руссынъ, которому ты подарила свой поясъ....

Чрезъ минуту я былъ за порогомъ сакли.

Теперь Лейла не была уже тою рѣзвою, нѣжною и красивою дѣвушкою.... Худое, блѣдное лицо ея, впалые и блуждающіе глаза, страдальческая улыбка — все высказывало сколько тоски, горя и униженія вынесло это бѣдное существо.

— Здравствуй руссынъ ! — сказала она, стараясь придать своей больной улыбкѣ болѣе ласки и нѣжности.

— Здравствуй, Лейла, — отвѣчалъ я, взявъ исхудалую ея руку ; — счастлива-ли ?

— Много.... много, руссынъ ? — Взоръ ея сверкнулъ упрекомъ и она поворотила головку, чтобы скрыть свои слезы.

— Бѣдная Лейла, ты все еще страдаешь.... и здѣсь не разцвѣла твоя жизнь....

— Нѣтъ, руссынъ.... здѣсь послѣднія мои муки.... видишь — я чахну.... Помнишь-ли мой румянецъ.... мою рѣзвую пѣсню.... нѣтъ ихъ.... О, за чѣмъ ты меня продалъ Беяслану ?

Топотъ коня и визгъ нагайки, раздавшіеся подъ окномъ прервали слова Лейлы.

Мы вздрогнули.

— Кто-то проскакалъ мимо, продолжала Лейла, какъ-бы успокоивая сама себя.

* Лекарка.

— Да, повторила она, — для чего, зачѣмъ ты меня продалъ ему?

— Лейла.... другъ мой.... ты напрасно меня упрекаешь.... Я думалъ возвратить тебя человѣку, котораго ты любила....

— Любила! — вскричала она, какъ-бы оживая. — Нѣтъ, руссынъ, кто сказалъ тебѣ это ?... обманули тебя.... Нѣтъ.... нѣтъ! я не любила Беяслана.... И если-бы знала, что ты пришелъ тогда за мною для него, а не.... для меня.... Я лучше бы умерла въ Каръ-Джуртѣ, не оскорбленная, не поруганная, не брошенная на позоръ цѣлаго аула! А, теперь.... видишь эти шрамы на лицѣ моемъ.... это нагайка Беяслана..... Онъ проклялъ меня.... Онъ билъ, мучилъ меня, — говоря, что я мало люблю его, что въ ночномъ бреду.... спрашиваю про какой-то поясъ.. Нѣтъ, руссынъ.... не вѣрь и мнѣ.... я все лгу.... я сплю спокойно.... Право...— И жгучія слезы струились по исхудалому лицу Лейлы — и рука ея судорожно играла рукоятью моего кинжала—А ты ?—добавила она, помолчавъ нѣсколько минутъ, — здѣсь будешь....

— Нѣтъ.... Сатай обѣщалъ мнѣ свободу.... онъ говорилъ, что братъ его проводитъ меня до русскаго укрѣпленія....

— Но, Беяслана нѣтъ....

— Тогда я бѣгу, если умретъ Сатай....

— Бѣжишь, руссынъ.... Ипташи руссынъ! возьми меня съ собою.... Сжалься надъ бѣдною Лейлою.... О, не дай ей умереть подъ хохотъ и пляску этихъ женщинъ, которыя ненавидятъ, проклинаютъ меня! Возьми, руссынъ, Нѣтъ!... тамъ я буду стеречь тебя.... я побѣгу сама за тобою и на дорогѣ — ты не бросишь меня голоднымъ шакаламъ....

Въ это мгновеніе, какъ-бы вырванная сильнымъ порывомъ вѣтра рѣшетка окна съ визгомъ полетѣла на полъ.... Въ окнѣ сверкнула винтовка, потомъ огонь.... и пуля пронизала високъ Лейлы. Кровь и мозги несчастной брызнули мнѣ въ лицо.... Пораженный неожиданностію и ужасомъ — я въ туже минуту встрѣтилъ на порогѣ блѣдное лицо Беяслана.

— Разбойникъ! вскричалъ я, выправляя свою винтовку.

— Предатель!—прошепталъ Беясланъ, занося кинжалъ.... Винтовка моя была въ припоръ у его груди.... и простѣленный горецъ упалъ на трупъ жены....

— Отмстите! отмстите.... Сатай.... крови! шепталъ въ предсмертной судорогѣ Беясланъ.

Гулъ двухъ выстрѣловъ разбудилъ сосѣдей князя. Въ минуту сакля его наполнилась вооруженными горцами..... Участь моя рѣшалась совершенно, я уже не видѣлъ теперь никакихъ средствъ

къ спасенію.... И теряя свободу, которую такъ недавно выкупилъ, терялъ съ нею и жизнь....

— Кто убійца!.. гдѣ онъ? который?... спрашивали горцы, обращаясь къ умирающему князю.

Беясланъ медленно и со стономъ приподнялся на локтяхъ и указывая на меня, сказалъ:

— Вонъ онъ! — отдайте его Сатаю. Скажите.... я завѣщаю ему баранту. Кровь требуетъ мщенія и крови.... онъ убилъ меня....

Этого было довольно, чтобы мнѣ получить сотню нагаекъ, пинковъ, толчковъ и потерять память въ ту-же минуту....

Я уже очнулся, когда кровожадная толпа съ воплями и гикомъ, втащила меня въ саклю Сатая и бросила у ногъ его.

— Рѣжь его, Сатай! Пей кровь его! — кричали горцы — Онъ убилъ твоего брата — и жену его....

Умирающій, какъ-бы ожилъ отъ этихъ словъ: глаза его сверкнули огнемъ злобы и налились кровью.... Онъ! онъ убилъ Бесяслана!... — спросилъ ингушъ съ ужасомъ и недовѣрчиво.

— Да! — отвѣчалъ старый горецъ, не замѣчая изнеможенія и безсилія Сатая, — и мы разорвали-бы его на мѣстѣ.... Если-бы — послѣднимъ словомъ твоего брата — не былъ завѣтъ: кровь — и баранта.... Скажите Сатаю....

Винтовка задрожала въ рукахъ ингуша.... онъ медленно оттянулъ курокъ ея....

— Идите, сказалъ онъ, — я исполню завѣтъ брата ...

Горцы съ шумомъ и проклятіями оставили саклю.... Я молился.

— Знаю.... знаю! — шепталъ Сатай, едва переводя духъ отъ предсмертной боли и волненія; — знаю, за что ты убилъ Бесяслана, предатель.... Ты вѣрно подглядѣлъ мои сокровища.... абазы! Ты хотѣлъ раздѣлить ихъ и не съ нимъ.... Такъ на-же... получай — ихъ!... И Сатай спустилъ курокъ....

Дрожавшія руки измѣнили горцу; пуля ударилась въ дверь....

— Охъ!... Не могу! простоналъ ингушъ, падая навзничъ.... Убейте, братья, убейте его!...

Это были послѣднія слова врага моего.... Предсмертная судорога пробѣжала по всему тѣлу Сатая.... и полузакрытые глаза его неподвижно остановились на мнѣ....

Ужасъ и отчаяніе оледенили кровь мою, я проклиналъ невѣрный прицѣлъ Сатая, зная, какая мучительная и страшная смерть ждетъ меня въ мстительныхъ рукахъ друзей его.

Между тѣмъ старуха, оставшаяся до того спокойною зритель-

ницею всего происходившаго, при послѣднемъ вздохѣ сына, быстро поднялась съ полу и заглянула въ остывающее лицо Сатая.

— Онъ — не дышетъ, Кайтугана! — замѣтилъ я, думая заговорить со старухою и задобрить ее.

— Вижу! — отвѣчала она, сопровождая слова свои отвратительною улыбкою. — Вѣрно безволосая *Тигени* * разглядѣла своимъ однимъ глазомъ этого хищника и бросила его въ Джехенемъ.... Ну, Иванъ, — продолжала она, набросивъ бурку на лицо сына, — Сатай сказалъ, что ты знаешь, гдѣ его сокровища ?...

— Знаю! — утвердительно отвѣчалъ я, оживая надеждою, что, быть можетъ, жадность старухи будетъ моимъ спасеніемъ.

— Знаешь!... Я такъ и думала.... Гдѣ же они!

— Развяжи меня и дай мнѣ свободу — я укажу ихъ тебѣ, но съ тѣмъ, чтобы могъ бѣжать изъ аула сейчасъ-же....

— Га!... Задушить меня хочешь и завладѣть абазами. Нѣтъ, руссынъ.... ты мнѣ и такъ можешь....

— Не скажу....

— Я буду мучить тебя....

— Я стану кричать, горцы сбѣгутся на крикъ мой и вырвутъ меня изъ рукъ твоихъ, потому, что мучить и убить меня — ихъ наслажденіе....

— Увидимъ!... Старуха взяла кинжалъ и подошла ко мнѣ. Я лежалъ такъ крѣпко связаннымъ, что не могъ пошевельнуть ни однимъ членомъ.

Кайтугана взяла мое ухо — и я слышалъ, какъ ос[illegible]ie холодной стали остановилось на немъ.

— Скажешь-ли.... не то.... отрѣжу ухо, потомъ другое.... потомъ носъ....

Я собралъ все свое мужество — и отвѣчалъ: Не скажу, развяжи меня и я укажу тебѣ мѣсто....

Старуха медленно начала рѣзать мое ухо.... Вынося мучительную боль безъ стона и звука, я молчалъ.

— Скажешь-ли... гдѣ? повторила она, задыхаясь и, останавливая на минуту свою пытку.

* Абхазскіе горцы — какъ и татары, говорятъ, что Фортуна есть бродяжная женщина, съ однимъ глазомъ на темѣ, которая хватаетъ на дорогахъ всякаго встрѣчнаго, цѣлуетъ, обнимаетъ его, подымая надъ головою все выше и выше — и наконецъ, когда разглядитъ своего любимца, единственнымъ глазомъ, то съ хохотомъ швыряетъ счастливца на землю.

— Нѣтъ!... отвѣчалъ я рѣшительно. Кайтугана взяла другое мое ухо....

— Послушай, —сказалъ я, стараясь, какъ можно болѣе придать твердости моему голосу :—ты можешъ меня изуродовать, пытать и мучить — и все-таки я тебѣ не укажу мѣшка съ абазами — потому что для меня это все-равно, не сегодня, такъ завтра, не ты, такъ горцы будутъ рвать по клочьямъ мое тѣло.... Развяжи меня.... я сдержу свое слово.... не обману тебя.... не то тайна умретъ со мною и, быть можетъ, сосѣдъ твой, какой-нибудь бродяга — завладѣетъ огромнымъ мѣшкомъ, который полонъ не абазами, какъ ты думаешь, а червонцами.

И я слышалъ, какъ тряслись руки старухи при послѣднихъ словахъ моихъ.... Казалось, доводъ мой и моя твердость убѣдили ее.

— Хорошо, — сказала она, — я развяжу тебя.... но съ тѣмъ, что если подымаясь, ты хоть только повернешъ голову въ мою сторону, то я разможжу тебѣ ее зарядомъ этого пистолета.... Старуха въ одно мгновеніе перерѣзала веревки и, отпрыгнувъ въ уголъ сакли, подняла пистолетъ.... Иди, — сказала она, — я буду за тобою въ двухъ шагахъ.

— Брось пистолетъ, Кайтугана! — отвѣчалъ я. — Ты можешь слѣдовать за мною съ кинжаломъ.... а то, я знаю, въ ту минуту, какъ я подамъ тебѣ мѣшокъ, ты выстрѣломъ сберешь около себя [illegible] горцевъ и измѣнишь мнѣ....

— А если ты побѣжишь ?...

— Въ двухъ-то шагахъ !... Да ты на третьемъ оставишь у меня кинжалъ въ спинѣ....

— Иди. Старуха положила пистолетъ на лавку и послѣдовала за мною....

Мы прошли дворъ, потомъ сараи — и вошли въ конюшню.... Кайтугана осталась при входѣ въ нея. Порывшись нѣсколько минутъ въ темномъ углу конюшни, я вытащилъ огромный кожанный мѣшокъ и показалъ его старухѣ....

— Онъ !—вскрикнула Кайтугана и съ дикимъ, неистовымъ хохотомъ, старуха въ одинъ прыжокъ остановилась подлѣ меня.... Одна ея рука судорожно ухватилась за мѣшокъ, другая занесла кинжалъ надъ моею головою.... Я только и ждалъ этого мгновенія.... Быстрымъ и отчаяннымъ движеніемъ руки я бросилъ Кайтугану на полъ, — отстранивъ невѣрный ударъ ея.... Потомъ наступилъ ей на грудь, высыпалъ на землю рубленную солому, составлявшую все богатство мѣшка и надѣлъ его на голову ста-

рухи, крѣпко стянувъ на шеи поясомъ Лейлы.... Теперь я былъ почти спасенъ.... Аулъ спалъ, кровный врагъ мой лежалъ мертвъ, жадная Кайтугана, задыхаясь отъ злобы, какъ змѣя ползала по землѣ, стараясь поймать мои ноги....

Мѣшкать было нечего.... Я вывелъ лучшаго коня Сатая, засѣдлалъ его, потомъ забѣжалъ въ саклю за винтовкой и порохомъ— и чрезъ десять минутъ Бебердарская роща только черным пятномъ рисовалась за мною на горизонтѣ.... Я мчался по арбенной дорогѣ къ Надеженскому укрѣпленію.... Но въ темнотѣ и страхѣ, ожидая каждую минуту погони, я потерялъ свой вѣрный путь и бросился въ ущелья зеленчугскихъ скалъ.... Къ разсвѣту, измученный и обезсиленный конь мой палъ, но я уже былъ внѣ опасности.... Въ платьѣ горца, владѣя ихъ языкомъ, богатымъ вооруженіемъ и свыкнувшійся съ обычаями, манерами и ухватками абазеховъ, я уже не боялся встрѣчъ.... Между тѣмъ, не желая напрасно бродить въ незнакомыхъ мнѣ горахъ, я рѣшился дождаться утра, потомъ зайти въ первый встрѣчный аулъ, купить тамъ коня на деньги, которыя я пріобрѣлъ отъ Сатая, и прямо отправиться на югъ, въ Сухумъ.

Давно, очень давно я не дышалъ такъ свободно, какъ въ эту минуту.... Страданіе, раны, рабство и униженіе — все было забыто ; я жилъ счастіемъ настоящаго, заглядывая въ блаженную будущность, когда снова обойму друзей моихъ, мать и брата.... когда зарыдаю въ восторгѣ, взглянувъ на поля моей родины ! Не смотря на всѣ удобства, какими я воспользовался въ трещинѣ скалы для отдыха — сонъ бѣжалъ отъ меня.... Думы, одна другой заманчивѣе и отраднѣе, душили грудь мою.... Съ первыми лучами солнца я былъ уже въ дорогѣ.... Свѣжесть утра и душевное спокойствіе придали мнѣ столько бодрости, что я безъ всякой усталости шелъ до поздняго вечера, переходя ручьи, взбираясь на скалы — или ползкомъ пробираясь въ чащѣ рощи....

Наконецъ — вотъ и Хорбжа.... Съ утесистой вершины ея, я окинулъ окрестность, ища аула или сакли, но къ моей досадѣ только голая балка желтымъ ковромъ далеко раскидывалась у подошвы горы.... да тамъ, на сгибѣ горизонта, въ вечернемъ туманѣ мелькало что-то черное, нисколько не похожее на саклю и что въ началѣ я принялъ за голый кустарникъ.... Однако я рѣшилъ идти на этотъ предметъ.... Мало-по-малу, приближаясь къ нему, я разглядѣлъ группу людей и до десяти сбатованныхъ коней. Не было никакого сомнѣнія, что я встрѣтилъ партію горскихъ проводниковъ, которые на зиму отправлялись по домамъ и оста-

новились здѣсь для ночлега. Такая встрѣча не казалась мнѣ опасною.... всѣ они знали меня за бѣглаго телаевца, друга и пріятеля Сатая, за отчаяннаго головорѣза и, стало-быть, съ охотою могли предложить мнѣ горсть проса или пару чурековъ, которыхъ не видалъ я болѣе двухъ дней.... Дѣйствительно — я не ошибся — это были мои старые знакомцы и товарищи по ремеслу, съ которыми, годъ назадъ, я провожалъ четыре каравана отъ Халаца до Долы.

Громкое и обычное «гей! гай! эге!» высказало удовольствіе горцевъ при встрѣчѣ со мною... Они обступили меня, засыпали вопросами, закидавъ табакомъ и чурекомъ.

— Давно-ли изъ аула? спросилъ меня чеченскій наѣздникъ, старый Шагрей, въ то время, какъ я опустился на землю, помѣщаясь рядомъ съ рослымъ горцемъ, который запутавъ голову буркой и вытянувъ свои длинныя ноги, спалъ, какъ убитый.

— Да! да.... — подхватили другіе, — вотъ онъ, вѣрно лучше разскажетъ намъ это дѣло.... Давно-ли?

— Дней пять.... а что?

— Э!... — вытянулъ Шагрей, — такъ ты ничего не знаешь....

— А что случилось? спросилъ я, едва владѣя своимъ хладнокровіемъ....

— Рѣзня!... Отчаянная удаль.... Руссынъ грязью и кровью накормилъ Бебердарцевъ.... отвѣчали въ голосъ горцы.

— Какой руссынъ!...

— Пхе! не знаешь.... Ну, что жилъ у васъ въ аулѣ....

— Да вѣдь, купаки, — подхватилъ Шагрей, — за что и мы-то набиваемъ ротъ мокрою пылью.... Развѣ онъ жилъ когда-нибудь больше дня въ Бебердѣ съ Сатаемъ: — тотъ почти и не заглядывалъ къ матери....

— Правда.... правда!... отозвался я.

— Такъ ты давно-ли же не видалъ Сатая? снова спросилъ меня Шагрей.

— Я говорю тебѣ, что дней пять.... не больше....

— Ну, такъ, больше и не увидишь его, кунакъ....

— Куда-же онъ дѣлся?...

— Пхе!... у! веселая пѣсня!—И Шагрей махнулъ рукою, какъ бы говоря этимъ: что разскажу, не нарадуешься....

— Славное дѣло.... Удалецъ руссынъ! продолжалъ чеченецъ. Видишь ты, вотъ этотъ звѣрь,—онъ указалъ на спавшаго горца,— только сейчасъ прискакалъ изъ за Зеленчуга и разсказалъ намъ, что случилось въ аулѣ Сатая.... Года два назадъ — ингушъ вы-

игралъ русскаго Капудана въ трефоваго джигита.... молодца.... умницу....Знаешь, на все возьми.... пѣть, пить....картинки дѣлать, въ дудочку свистать, крашеный ноготокъ приласкать, покалякать съ бабами у колодца.... говорятъ—ворожилъ даже. Да неужели ты его не встрѣчалъ никогда?

— Никогда; отвѣчалъ я, проклиная свою встрѣчу и словоохотливаго чеченца.

— Пхе! Ну.... Капуданъ не скучалъ у насъ въ горахъ.... Умѣлъ пожить весело.... сначала укралъ для брата Сатая жену у Карджурскаго старшины, а потомъ.... понимаешь ?...

— Ничего не понимаю....

— Пхе!... ну.... Беясланъ за двери, а Капуданъ въ двери.... Беясланъ поцѣлуетъ жену разъ, а Капуданъ десять.... Вчера-то ему это и не совсѣмъ удалось.... на девятомъ поцѣлуѣ князь посадилъ женѣ пулю въ затылокъ, а Капуданъ его на повалъ.... Хе!... скоты, дураки Бебердарцы.... дразнить тигра кровью.... давать винтовку ясырю.... да еще русскому!... Капудана связали.... да и къ Сатаю.... и тутъ промахнулись: — оставили молодца глазъ на глазъ съ ингушемъ.... Ужъ шайтанъ его знаетъ, какъ онъ выпутался изъ веревокъ, только уходилъ и Сатая, да вѣдь какъ.... ранъ десять нашли на ингушѣ! Должно быть твердая рука.... вѣрный глазъ!... Что-жъ ты думаешь — вѣдь этимъ не кончилъ руссынъ.... стащилъ старую Кайтугану въ конюшню, накормилъ ее рубленнымъ сѣномъ, да и спряталъ въ мѣшокъ, какъ подстрѣленнаго филина, а самъ коня — да и укатилъ.... должно-быть въ Надеженское.... Вотъ какую штуку разсказалъ намъ Келимъ....

— Келимъ! Келимъ-Ухъ! вскричалъ я, такимъ голосъ, который ясно высказалъ мой страхъ и ужасъ....

При этомъ спавшій горецъ быстро вскочилъ на ноги.... и въ ту-же минуту сильная рука его схватила меня за горло....

— Да!... Келимъ Ухъ, Капуданъ! сказалъ онъ, тряхнувъ меня такъ, что я упалъ на землю и выпустилъ изъ рукъ винтовку.

Горцы были поражены не менѣе моего.

— Чего вы испугались, товарищи? продолжалъ Келимъ, связывая меня по рукамъ и ногамъ.—Не бойтесь — теперь онъ ужъ насъ не перерѣжетъ....

Надо было видѣть восторгъ горцевъ, когда Келимъ объяснилъ имъ, что я тотъ самый герой минувшей ночи, который накормилъ старую Кайтугану сѣномъ....

— Вотъ заарканили!... Ухъ, руссынъ, наплетемъ нагаекъ изъ твоей шкуры!

— Попался! нашъ! Не уйдешь! кричали горцы....

— Стащимъ его въ подарокъ Бебердарскимъ осламъ! — сказалъ Шагрей.

— Зачѣмъ! — подхватилъ Келимъ; — развѣ его кровь потечетъ серебромъ.... Пхе! Я знаю, что дѣлать, братья....

— Продать.... Да продать! вскрикнули нѣсколько голосовъ.

— Что, небойсь. за двухъ барановъ! презрительно сказалъ Келимъ.... Продать, да только — не кому-нибудь, продолжалъ онъ, а Карджуртскому старшинѣ, который за удовольствіе каждый день убавлять капудану по пальцу — дастъ намъ пять шапокъ абазовъ....

— Славно, славно — ай-да Келимъ! —отозвался Шагрей,—ведемъ его въ Каръ-Джуртъ. Пусть дорогой забавляетъ насъ, играя въ дудочку.... онъ на все мастеръ....

Громкій хохотъ покрылъ слова Шагрея.

Не высказываю моихъ мукъ и моего отчаянія — оно было выше всякой мѣры, выше всякой твердости человѣческой.... Еще-бы нѣсколько дней страданій и я лишился-бы разсудка.

Было уже далеко за полночь. Усталые и веселые горцы крѣпко спали, оставивъ Келима караулить меня. Спустя часа два, абазинъ обошелъ пріятелей, заглянулъ въ лицо каждаго, какъ-бы желая удостовѣриться: спитъ-ли онъ.... и наконецъ осторожно опустился подлѣ меня.... Озираясь съ безпокойствомъ, Келимъ развязалъ мои веревки, кинулъ за плеча винтовку и шепнулъ мнѣ: Осторожнѣе.... ползи, Капуданъ!

Почувствовавъ свободу и не понимая дѣйствій Абазина, я машинально повиновался его словамъ и съ осторожностію черепахи выползъ изъ круга горцевъ.... Келимъ слѣдовалъ за мной....

— Бѣги къ скаламъ! шепнулъ онъ, схвативъ меня за руку.... И мы бросились на перерѣзъ балки, прыгая чрезъ пни оврага....

— Ну, довольно! Садись, Капуданъ.... Фу! ты прыгаешь, какъ коза! сказалъ онъ, когда скалы скрыли насъ отъ сонной толпы проводниковъ.... Теперь бояться нечего.... мы славно запутали слѣдъ нашъ.... Не сердись-же, Капуданъ,—дружески продолжалъ Келимъ, за то, что я поколотилъ тебя сегодня.... это необходимо было нужно.... Право, слеза глазъ моихъ!... Видишь, я вѣдь не сержусь на тебя за то, что ты заперъ насъ въ Учъ-Куланской пропасти.... Проклятая шутка! Мы на силу выбрались оттуда и то потеряли одного нукера....

Я почти не слушалъ Келима. Минувшее казалось мнѣ страннымъ сномъ, отъ котораго я силился очнуться и не могъ.

— Куда ты ведешь меня, Келимъ ?—прошепталъ я спокойно;— опять на продажу ?...

— Въ Сухумъ веду, сердце моего сердца !

— Въ Сухумъ ! ты? И я, какъ безумный, готовъ былъ кинуться на шею абазина....

— Что.... не вѣришь ? продолжалъ Келимъ.

— Да, капуданъ, теперь возвратить тебя русскимъ я не боюсь... Потому, что уже не загляну больше въ Акану.... Разбойница Жегерда сама разсказала русскимъ мою продѣлку.... Сакля моя пропала теперь.... Я только разъ побывалъ въ ней, чтобъ украсть Джелалоглу.... Онъ теперь учится молодечеству на Баталъ-Каѣ.... Славный мальчишка.... дня не пройдетъ, чтобы онъ не привелъ къ своему аталыку краденаго барана, или теленка.... Въ немъ будетъ прокъ.... и мнѣ не стыдно назваться его отцемъ.... Видишь ты.... Садись, Капуданъ, садись — я тебѣ все разскажу.... Тебя ищетъ въ горахъ — какой-то мингрелъ.... хочетъ выкупить.... Ну, я и взялся за дѣло.... бросился къ Сатаю.... Глядь тебя нѣтъ.... а половина выкупа взята... десять червонцевъ, сердце моего сердца.... Другую обѣщаютъ, когда приведу тебя, понимаешь. Теперь я получу и другую половину.... Ну, такъ, самъ посуди, могъ-ли я не связать тебя, когда ты мнѣ встрѣтился.... горцамъ я назвалъ тебя для того только, чтобы тебя обезоружить и получить десять червонцевъ....

При словахъ Келима я ожилъ совершенно, догадываясь — кто вспомнилъ обо мнѣ и, быть можетъ, на послѣднее золото выкупилъ мои страданія и самую жизнь....

Къ утру мы были съ Келимомъ — въ Аджи-Ерошты, гдѣ я встрѣтилъ стараго мингрела, искавшаго меня въ горахъ почти полгода.... Онъ объяснилъ мнѣ, что Евлампій и Чиха выкупаютъ меня изъ плѣна.

Чрезъ пять дней ускоренной ѣзды на вьючныхъ коняхъ, я былъ уже внѣ всякой опасности и несчастій.... Сердце мое проснулось въ Сухумъ, къ друзьямъ, считавшимъ меня навсегда погибшимъ, но то же сердце — проснулось и въ Бибигдаръ къ моимъ избавителямъ....

Не стану разсказывать моей встрѣчи съ доброю мингрелкою и Евлампіемъ; четыре дня я прожилъ у нихъ, вспоминая наши тяжкія несчастія и наслаждаясь настоящимъ.

1-го іюля 1841 года я былъ уже въ объятіяхъ моихъ друзей и

ратныхъ товарищей, выстрадавъ въ тяжкомъ плѣнѣ почти два года....

В. САВИНОВЪ.

—

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ КАЗАНИ.

Разсказываютъ, что во время пребыванія своего въ Казани, Петръ Великій чрезвычайно былъ озабоченъ недостаткомъ денегъ, которыя тогда были нужны ему по случаю предпринятаго похода въ Персію. Запершись въ своемъ дворцѣ и обдумывая планъ предстоявшихъ военныхъ дѣйствій, и также изыскивая средства къ отвращенію всѣхъ препятствій, а въ особенности недостатка денегъ, Императоръ не приказалъ никого допускать къ себѣ. Вскорѣ является во дворецъ человѣкъ, одѣтый весьма бѣдно, въ нагольный тулупъ, и проситъ свиданія съ Императоромъ. Не смотря на отказъ, что Государя видѣть невозможно, незнакомецъ просилъ настоятельно, чтобъ объ немъ доложили Императору, говоря, что этого требуетъ даже польза самого Государя. Послѣ такихъ доводовъ дѣлать было нечего, и Государю доложили. Монархъ, раздраженный такою настойчивостью, съ гнѣвомъ подошелъ къ незнакомцу....

— «Государь! — сказалъ тогда пришедшій, — выслушай причину моего къ себѣ прихода: я здѣшній фабрикантъ Михляевъ, имѣю небольшой шерстяной заводъ; услыхавъ, что ты нуждаешься въ деньгахъ, я рѣшился просить тебя принять мое приношеніе....» Императоръ, узнавъ, что заводъ Михляева находится недалеко отъ дворца, изъявилъ желаніе видѣть его и тотчасъ-же туда отправился. На крыльцѣ своего дома Михляевъ съ женою встрѣтилъ Государя и поднесъ ему, на двухъ большихъ блюдахъ, золотыя и серебряныя деньги и полную чашку жемчуга.

— «Вотъ Государь, — говорилъ ему Михляевъ, — моя посильная жертва; она пригодится тебѣ въ настоящей нуждѣ, а когда обстоятельства перемѣнятся, и ты разбогатѣешь, то со мною расплатишься.» Милостиво принялъ Петръ этотъ подарокъ, благодарилъ Михляева за его усердіе, осмотрѣлъ всю его фабрику и остался весьма доволенъ ея устройствомъ.

Возвратясь изъ похода, Петръ приказалъ расплатиться съ Михляевымъ. Онъ передалъ въ его владѣніе казенную фабрику,

которая устроена была въ Казани еще въ 1714 году, подъ именемъ шерстянаго завода и находилась подъ управленіемъ подполковника Грузинцова. При этомъ случаѣ Петръ написалъ къ Михляеву собственноручный рескриптъ слѣдующаго содержанія:

Господинъ Михляевъ!

«Мы, вѣдая доброе ваше состояніе, отдаемъ вамъ Казанскій шерстяной заводъ съ готовымъ домомъ и со всѣми станами и прочими инструментами; только вы приложите свое стараніе оный размножить для своего интереса, а какое въ томъ заводѣ надобно вамъ вспоможеніе, о томъ пишите прямо къ намъ въ Кабинетъ, также въ Мануфактуръ-Коллегію, а мы нетолько что тебѣ будемъ помогать, но и въ милости своей не оставимъ.

Петръ.»

«Въ Москвѣ, 15-го Іюня 1724.»

Рескриптъ этотъ написанъ на небольшомъ лоскутѣ бумаги; онъ хранится у нынѣшняго владѣтеля суконной фабрики, г-на Осокина *.

—

ДВА ОТЦА — ДВА ГОРДЕЦА.

Разсказъ изъ временъ Людовика XIV.

Въ 1679 году двое небогатыхъ дворянъ изъ Нормандіи поступили на службу въ пятое отдѣленіе Парижскаго Парламента, занявъ мѣста наслѣдственно послѣ умершихъ, почти въ одно и тоже время, отцевъ своихъ.

Молодые люди избрали юридическое поприще, чувствуя, что не обладаютъ достаточною ловкостію и гибкостію ума, чтобы блистать при Дворѣ. — Одинъ назывался Дрье, другой Шамильяръ. — Неразрывная дружба соединяла ихъ съ младенчества. Трудолюбіе, ласковость и прямодушіе ихъ предвѣщали, что они будутъ честными и неподкупными судьями. — Оба женились въ одно и тоже время, на дѣвушкахъ средняго круга, имѣвшихъ одинакое приданое, то-есть, обѣ были бѣдны; въ супружествѣ нашли они равное счастіе: жены ихъ были добрыя, непретендательныя хозяйки. — Однажды Шамильяръ, войдя въ кабинетъ своего друга, нашелъ его въ страшномъ волненіи.

* Изъ Казанскихъ Губернскихъ вѣдомостей.

— Что съ тобой сдѣлалось? — спросилъ онъ Дрье, — ужъ не постигло ли тебя какое несчастіе? — Причиною этого волненія, вызвавшаго вопросъ Шамильяра было то, что Дрье, за нѣсколько минутъ до прихода друга, оставилъ жену свою на рукахъ врачей, испытывающею боли первыхъ родовъ. — По истеченіи трехъ часовъ опасности, Дрье наконецъ узналъ, что жена его счастливо родила сына. — Два друга вмѣстѣ побѣжали къ постели больной, и едва Шамильяръ успѣлъ ее поздравить, какъ испуганная служанка, вбѣжавъ, извѣстила его, что и его жена находится въ такомъ-же положеніи. — Госпожа Шамильяръ произвела на свѣтъ дочь. Вечеромъ этого счастливаго дня, когда молодыя матери уснули, а дѣти почивали у грудей кормилицъ, счастливые отцы, сидя у камина, мечтали о будущемъ своего потомства.

— Мой сынъ, — важно сказалъ Дрье, — такъ-же, какъ я, непремѣнно изберетъ поприще судейское, а не военное.

— Нельзя этого предвидѣть, другъ мой.... Легко быть можетъ, что желанія и наклонности мальчика промѣняютъ атрибуты Ѳемиды на доспѣхи Марса! — возразилъ Шамильяръ.

— О! пусть бы только онъ былъ мнѣ непослушенъ, я бы тотчасъ сжалъ его въ клещахъ покорности. Но.... нѣтъ, сынъ мой, я увѣренъ, наслѣдуетъ скромность матери, которая, ты знаешь, тиха, какъ ягненокъ!

— Ничуть не бывало.... Увидишь, сколько онъ надѣлаетъ тебѣ хлопотъ. — Вотъ.... моя дочь, напротивъ, будетъ тиха, скромна, разсудительна.... И выйдетъ за мужъ за совѣтника Парламента....

— Ну, это невѣрно. — Дѣвчонка можетъ влюбиться въ какого-нибудь шарлатана.... и прощай мечты о зятѣ, засѣдающемъ въ Парламентѣ.

— Ба! Надѣюсь, что ей не подвернется на глаза ни одного волокиты.... она не выйдетъ у меня безъ надзора изъ дому, а въ домъ я не приму ни одного вѣтренника.

— Однако должна-же она выйти въ церковь, а въ то время, идя по улицѣ....

— Повторяю тебѣ, что ничего не боюсь. Госпожа Шамильяръ съумѣетъ воспитать дочь и внушить ей прекрасныя правила. — Отдамъ ее за прекраснаго правовѣда.

— Ей Богу! это хорошо, мой сынъ будетъ твоимъ зятемъ....

— Не отказываю, если будетъ добрый и честный малый.

— О, въ этомъ не сомнѣвайся.... Воспитаніемъ его я самъ займусь. И такъ, ты принимаешь мое предложеніе?

— Готовъ.... Но нахожу въ этомъ дѣлѣ одно только препят-

ствіе. Твоя жена имѣетъ въ провинціи богатыхъ родственниковъ и со временемъ можетъ получить значительное имѣніе; а я не потерплю, чтобы наше условіе было впослѣдствіи причиною, что сынъ твой потеряетъ выгодную партію.

— Хотя бы я былъ богатъ, какъ Крезъ, клянусь этотъ бракъ долженъ состояться. — Впрочемъ, надо сказать и то, что имѣніе, о которомъ напоминаешь ты, врядъ-ли когда достанется на долю моей жены.... Нѣтъ! это рѣшено. — Торжественно прошу у тебя руки дѣвицы Шамильяръ.

— Дѣвицы Шамильяръ?... Гм.... Очень пріятно. Даю себѣ честное слово ежегодно изъ моего жалованья сберегать ей по 1000 ливровъ.

— Это хорошо. Когда малютка выростетъ, накопится прекрасное приданое. Согласенъ ли?

— Дай руку.... согласенъ. Разумѣется: еслибы они другъ къ другу имѣли непомѣрное отвращеніе....

— Разумѣется.... Но это вздоръ, они должны любить другъ друга....

— Будутъ любить.... надѣюсь. — Въ какихъ-же лѣтахъ мы ихъ женимъ?

— Двадцатый годъ, по моему, лучшая пора; обрученье же сдѣлаемъ какъ только подростутъ....

Такъ условились два друга и такъ рѣшено было будущее новорожденныхъ.

Годы шли; малютки подростали, и скоро друзья, къ утѣшенію своему, увѣдили, что ихъ мечты начинаютъ сбываться. Сынъ почтеннаго Дрье не былъ злымъ и непослушнымъ, а доброта господина Шамильяра перешла въ сердце его дочери, и достигнувъ юношескихъ лѣтъ, они взаимно полюбили другъ друга.

Воспитанные въ томъ увѣреніи, что скоро соединятся, они безопасно предались чувствамъ первой страсти и первому пылу сердца, — словомъ, той взаимности, которой желали и благопріятствовали ихъ родители. Іосифъ Дрье вездѣ сопутствовалъ Мишелинѣ Шамильяръ; провожалъ ее въ церковь, въ прогулкахъ, а отцы ихъ съ умиленіемъ смотрѣли, что дѣти растутъ и разцвѣтаютъ, какъ два прекрасныя растенія. Все шло прекрасно до-тѣхъ-поръ, пока молодые люди достигли восемнадцати лѣтъ, но въ это время, обстоятельство, повидимому, отрадное для двухъ семействъ, было первымъ и нежданнымъ несчастіемъ для влюбленныхъ и первымъ для нихъ испытаніемъ. — Госпожа Дрье, лишившись старшаго брата, пріобрѣла въ наслѣдство 12,000 лив-

ровъ годоваго дохода и старый Дрье получилъ возможность жить открыто. — Теперь два ливрейные лакея были готовы къ его услугамъ; онъ занялъ просторные покои, прекрасно меблированные, абонировался на ложу, и три раза въ недѣлю, нанималъ карету. — Сытные и вкусные обѣды дали ему лестный случай подружиться съ нѣкоторыми придворными, такъ, что въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, скромный Дрье, никогда не мечтавшій о важности засѣдать въ Парламентѣ, получилъ въ ней мѣсто президента отдѣленія. — Такое нежданное возвышеніе и перемѣна жизни во всякомъ человѣкѣ пробудили бы гордость, но она не нашла уголка въ сердцѣ новаго президента — и онъ остался для своихъ друзей тѣмъ-же, чѣмъ былъ для нихъ и прежде.

Разъ, графъ де-Жарнакъ, посѣтивъ его съ фамиліею Куаньи, обратилъ особенное вниманіе на Іосифа и спросилъ стараго Дрье: кто этотъ прекрасный юноша? — Поздравивъ отца съ такимъ сыномъ, который, какъ сказали ему, будетъ единственнымъ наслѣдникомъ президента, графъ, какъ-бы въ раздумьи, сказалъ:

— Одинъ сынъ.... хорошее состояніе.... подумаемъ объ немъ.... и потомъ обращаясь къ отцу, онъ продолжалъ: Любезный мой господинъ Дрье, еслибы вы могли дать своему сыну только 40,000 ливровъ, я бы охотно отдалъ за него мою третью дочь, которая не желаетъ идти въ монастырь и назначилъ-бы ей 20,000 червонныхъ приданаго.

— Графъ, — отвѣчалъ Дрье, низко кланяясь, — весьма цѣню это предложеніе, приносящее мнѣ столько чести; но это супружество....

— Я даже могъ-бы получить полкъ для вашего сына, — перебилъ графъ, — а между-тѣмъ, есть и свободное помѣщеніе въ моемъ домѣ....

— Весьма сожалѣю, графъ, что непринятіемъ этого предложенія, я долженъ отказаться отъ знаковъ столькихъ милостей.

— Что вы говорите, любезный Дрьё?

— Я говорю, что сынъ мой готовится въ юристы и кромѣ того....

— Такъ что-же! пусть оставитъ это поприще. Я устрою его судьбу.

— Это невозможно. Въ первый день его рожденія я рѣшилъ, что онъ долженъ быть судьею; что-же касается послѣдняго обстоятельства, то скажу вамъ, что онъ уже обрученъ съ дочерью моего друга и я ни за что въ свѣтѣ не перемѣню моихъ обѣщаній и предположеній.

— Все это пустое ! Подумайте объ моемъ предложеніи, любезный Дрье.

При отъѣздѣ, графъ ласково потрепалъ Іосифа по плечу, добавивъ :

— Прекрасный юноша! Бьюсь объ закладъ, что это розовое личико понравится королю.... Стоитъ только показать этого красавца въ Марли—и при дворѣ онъ, я васъ увѣряю, понравится.

Затѣмъ графъ повернулся на каблучкѣ и разстался съ семействомъ президента.

Во все продолженіе разговора гостя съ г. Дрье, бѣдный Іосифъ, котораго будущее, повидимому, рѣшалось въ эту минуту, вынесъ страшную пытку; кровь приливала къ головѣ его и бѣдное сердце шибко стучало въ груди.... О, какъ свободно вздохнулъ онъ, когда услышалъ рѣшительный отказъ отца.... Но эта пытка еще не кончилась.... она только начиналась. Къ несчастію Шамильяръ былъ свидѣтелемъ этой сцены, и она имѣла на него сильное вліяніе. По выходѣ графа, онъ съ безпокойствомъ сталъ мѣрить комнату широкими шагами, и послѣ нѣсколькихъ минутъ какого-то раздумья, остановясь противъ г. Дрьё — сказалъ :

— Любезный другъ, обѣщанія надо, по долгу чести вѣрно исполнять ; но могутъ быть въ жизни и такіе случаи, въ которыхъ это исполненіе было-бы фальшивою и неразсудительною политикою, таково наше настоящее обстоятельство. Твои обязанности, какъ обязанности отца, даютъ тебѣ полное право отказаться отъ слова, даннаго когда-то мнѣ.... И вмѣстѣ съ тѣмъ ты не долженъ безумно отвергать предложенія графа де Жарнака. Иначе — во всю жизнь упрекалъ бы я себя, сдѣлавшись преградою къ счастію Іосифа. Будь разсудителенъ.... Останемся, по прежнему, друзьями.... но условіе наше должно непремѣнно разрушиться.

— Весьма сожалѣю, другъ мой,—отвѣчалъ Дрье ;—но твои обязанности такъ-же святы, какъ и мои, и не освобождаютъ тебя отъ твоего обѣщанія. Неужели маленькая разница въ нашихъ состояніяхъ и та мысль, что сынъ мой немного богаче твоей дочери, даютъ тебѣ право разрушить счастіе молодыхъ людей — и это супружество и эту будущую прекрасную жизнь, для которой восьмнадцать лѣтъ мы лелѣяли своихъ первенцевъ. Я такъ-же, какъ и ты, желаю уснуть съ чистою совѣстью, и потому, прошу тебя позволить мнѣ дѣйствовать, какъ честному человѣку.... Иначе — твое сопротивленіе заставитъ меня думать, что ты самъ имѣешь тайный поводъ измѣнить твоему обѣщанію.

— Пусть такъ! Оставайся при своихъ мысляхъ, которыя нисколько меня не обижаютъ, лишь-бы только я былъ въ ладу съ моею совѣстію. Я измѣняю своему слову, потому что это необходимо.... потому, что это согласно съ моими понятіями....

— Нѣтъ!—Я не освобождаю тебя отъ твоего обѣщанія. Нѣтъ!... Посмотримъ.... осмѣлишься-ли ты недостойно измѣнить и дружбѣ и своему слову!

— Это рѣшено.... и увидишь, что я не перемѣню своихъ мыслей... Дѣти не обвѣнчаются безъ моего согласія и позволенія....

— Боже мой, что за странная мысль — быть причиною несчастія близкихъ твоего сердца. Будь увѣренъ, что сынъ мой никогда не будетъ мужемъ другой.... Правда-ли, Іосифъ?

Бѣдный юноша отвѣчалъ только легкимъ наклоненіемъ головы и отеръ слезы, повисшія крупными каплями на его рѣсницахъ.

— Видишь-ли его слезы?—вскричалъ Дрье, видишь-ли какъ страстно любитъ онъ твою дочь?

— Знаю.... Но не думаешь ли, что дочь моя менѣе любитъ твоего сына? Бѣдная дѣвушка, — продолжалъ Шамильяръ, невольно увлекаясь чувствомъ отца, - какъ она будетъ страдать.... Но, что-же дѣлать,—добавилъ онъ, стараясь принять видъ равнодушнаго;—время хорошій врачъ душевныхъ недуговъ.... пострадаетъ, да и утѣшится; молодое сердце болитъ много, но не долго... Все забывается.... такъ и они забудутъ другъ друга, а послѣ, быть можетъ, даже будутъ намъ благодарны, что мы поступили умно и разсудительно.

— Другъ мой, ты безумствуешь. — Развѣ можно идти явно противъ ума, подъ предлогомъ превратныхъ понятій о чести? Нѣтъ, ты не сдѣлаешь этого.... я такъ-же отецъ.... и будь увѣренъ, что на всѣ предложенія графа съумѣю отвѣчать рѣшительно и такъ, что онъ болѣе не возобновитъ ихъ.

— Ежели ты сдѣлаешь это,—съ гнѣвомъ воскликнулъ Шамильяръ,—то никогда моя нога не будетъ въ твоемъ домѣ.... Ты врагъ счастія своего сына!

— Какъ хочешь, другъ мой.... но я непоколебимъ.

— Я такъ же люблю Іосифа, но какъ отецъ его хочетъ сопротивляться намѣреніямъ Провидѣнія, то я, по-крайней-мѣрѣ, не буду сообщникомъ этого преступленія и для собственнаго-же его счастія рѣшительно запрещаю переступать за порогъ моего дома— и видѣться съ моею дочерью.

Сказавъ это, Шамильяръ, съ гнѣвомъ вышелъ, въ то время какъ бѣдный Іосифъ остался погруженный въ отчаяніе; онъ

предвидѣлъ, что съ обѣихъ сторонъ будетъ равное упрямство. Гнѣвъ Шамильяра удовился, когда онъ узналъ, что Дрье вторично отвергнулъ предложеніе графа де Жарнака. Друзья не видѣлись цѣлую недѣлю, а этого не случалось съ ними съ первой минуты знакомства.

Между-тѣмъ добрый и честный Шамильяръ, видя грусть и страданія дочери, самъ изнывалъ печалью, и даже готовъ былъ раскаяться, что поступилъ такъ жестоко, разорвавъ связь съ старинымъ другомъ и счастіе и надежды молодости. Старикъ готовъ былъ возвратиться къ прежнему предположенію, хотя ему должно было первому сдѣлать шагъ къ примиренію. Съ сердцемъ полнымъ раскаянія и грусти — гордый отецъ слѣдилъ за туманнымъ взоромъ дочери, часто полнымъ горячихъ слезъ. Однажды Мишелина была печальнѣе обыкновеннаго. Облокотясь на окно, она грустно опустила на грудь голову, и, казалось, утонула въ томъ тяжкомъ, неисходномъ горѣ, которое такъ сильно сжимаетъ грудь, не давая ей свободнаго вздоха и заставляя плакать душу, а не глаза. Шамильяръ не выдержалъ.... Онъ быстро подошелъ къ дѣвушкѣ, нѣжно взялъ ее за руку.— Я несчастнѣшій изъ отцевъ, — сказалъ онъ, прижимая дочь къ горячей груди; — дочь не хочетъ даже просить меня о своемъ счастіи, — меня, готоваго согласиться на все, готоваго позволить упросить себя!

Мишелина вздрогнула и затрепетала отъ радости при словахъ отца. Старикъ улыбнулся.—Дитя, — продолжалъ онъ, — ты готова, кажется, лишиться памяти отъ этихъ словъ, обѣщающихъ тебѣ возвратитъ минувшія надежды и желанія? Не плачь! Іосифъ пріѣдетъ сегодня.... твоя мать пошла за нимъ.

Мишелина бросилась въ объятія отца и зарыдала отъ восторга.... Вечеромъ, обрадованный Дрье пришелъ къ другу со всѣмъ семействомъ.

Влюбленные предались мечтамъ счастія, но увы! нужно было ждать еще два года.... А въ это время сколько тяжкихъ и грозныхъ испытаній можетъ судьба подарить человѣку.... Едва только молодые люди, полные любви и жизни, снова предались мечтамъ и надеждамъ, какъ новое, повидимому, ничтожное обстоятельство, готовило имъ другую бѣду. Часто счастіе или несчастіе зависитъ отъ самой ничтожный причины! Отецъ Мишелины любилъ играть въ карты, но съ рожденіемъ дочери онъ сталъ избѣгать этой разорительной и часто опасной забавы, и собирая обѣщанное приданное, не дѣлалъ напрасныхъ издержекъ.

Случай-же коротать свободное время, не дѣлая напрасныхъ издержекъ, скоро ему представился....

Старый Дрье завелъ бильярдъ.... И другъ его, промѣнявъ карты на шары, такъ усердно занялся этимъ дѣломъ, что въ короткое время, сдѣлался непобѣдимымъ игрокомъ.

Въ то время король французскій имѣлъ обыкновеніе, послѣ обѣда садиться за карты, при чемъ онъ дѣлалъ честь нѣкоторымъ знатнѣйшимъ особамъ своего двора, допуская ихъ къ своей партіи. Но Людовикъ XIV, приходя уже въ лѣта, не могъ тотчасъ послѣ обѣда сидѣть, не подвергшись тяжкой головной боли, и чтобы не измѣнять установленной церемоніи, онъ смѣнилъ игру въ карты на биліардную, соединенную съ умѣреннымъ и здоровымъ движеніемъ. По его примѣру этому, биліардная игра вошла въ моду во всѣхъ знатныхъ домахъ того времени.

Маршалъ де Виллеруа, выигравшій съ помощію президента Дрье важное дѣло, въ знакъ благодарности за его справедливость, сдѣлалъ ему честь своимъ посѣщеніемъ; маршалъ прекрасно игралъ во всѣ модныя игры и, услышавъ, что президентъ превозноситъ ловкость и искусство своего друга, вызвалъ господина Шамильяра сыграть съ нимъ партію на биліардѣ.

Досада и удивленіе маршала были неописаны, когда совѣтникъ парламента оправдалъ похвалы своего друга — и обыгралъ гостя, гордившагося своимъ искусствомъ и ловкостію.... Въ слѣдующія за тѣмъ двѣ партіи, пораженіе маршала было окончательно.

Это обстоятельство чрезвычайно огорчило побѣжденнаго, но отдавая должную справедливость искусству противника, онъ на другой день проговорился у принца Конде о необыкновенной ловкости Шамильяра. Де Граммонъ, присутствовавшій при разсказѣ маршала, самохвалъ и гордецъ, какъ большая часть гасконцевъ, смѣялся надъ маршаломъ и увѣрялъ, что съ нимъ-бы этого не случилось. Виллеруа, тронутый за чувствительную струну самохвальствомъ князя, обѣщалъ ему привезти господина Шамильяра, предлагая пари въ 1000 экю, что Шамильяръ выиграетъ. Предложеніе приняли съ охотою и тотчасъ послали карету за совѣтникомъ парламента. Въ тотъ-же вечеръ отецъ Мишелины, введенный почти случаемъ въ домъ принца Конде, игралъ съ знатнѣйшими особами. Принцы Конде и Вандомъ давали совѣты играющимъ, а Шамильяръ, съ неимовѣрною ловкостію, дѣлалъ удары по шарамъ, ими указываемымъ, не для того впрочемъ, чтобы пользоваться ихъ наукою, а собственно изъ вѣжливости. Граммонъ проигралъ, но противникъ его былъ такъ

скроменъ, что всѣ его полюбили, и хвастливый гасконецъ съ охотою заплатилъ пари. Въ слѣдующій день принцъ пригласилъ Шамильяра къ обѣду и для игры съ славнымъ въ то время Данге, величайшимъ игрокомъ при дворѣ. Но и маркизъ Данге проигралъ также, какъ проиграли гасконецъ и маршалъ. Напрасно Данге собиралъ всѣ силы, все свое умѣнье и искусство, напрасно онъ надѣялся на свое счастіе — оно ему измѣнило. Въ довершеніе неудачи и досады пораженнаго, знатные свидѣтели его проигрыша аплодировали торжеству его соперника. Данге умеръ бы съ досады, если-бъ это происходило въ присутствіи короля. Въ бѣшенствѣ возвратился онъ домой и поклялся, какъ только можетъ поклясться игрокъ, что никогда не подвергнетъ себя подобному безчестью, играя съ этимъ искуснымъ совѣтникомъ Парламента. Утѣшая себя мыслію о низкомъ состояніи своего побѣдителя, Данге поспѣшилъ въ Версаль торжествовать на благороднѣйшей сценѣ, не думая о послѣдствіяхъ бывшаго съ нимъ случая. Герцогъ Вандомъ такъ-же пріѣхалъ въ Версаль и вечеромъ, въ присутствіи короля, не упустилъ случая посмѣяться надъ бѣднымъ маркизомъ. Данге едва не лишился чувствъ, когда Людовикъ XIV спросилъ — дозволяетъ-ли происхожденіе господина де Шамильяра представить его въ Версаль. Вандомъ далъ удовлетворительный отвѣтъ и довольно выгодное мнѣніе о Шамильярѣ. Людовику угодно было, чтобы на другой день, по утру, герцогъ де Вандомъ представилъ своего знакомца въ малый замокъ. Можно судить, сколько пытокъ вынесъ бѣдный Данге, пользовавшійся расположеніемъ монарха.

Шамильяръ обладалъ однимъ изъ тѣхъ прекрасныхъ характеровъ, которые не легко встрѣчаются въ свѣтѣ. Его скромность, доброта и прекрасное правило—въ самомъ свѣтѣ оставаться, по возможности, въ тѣни, не заслоняя другихъ,—были причиною, что онъ былъ тотчасъ замѣченъ съ своихъ потемкахъ и съ перваго разу располагалъ къ себѣ дружбу и любовь тѣхъ, чей капризъ или недружелюбіе могли его уничтожить.... Онъ вездѣ пріобрѣталъ своимъ умомъ и воспитаніемъ право быть пелишнимъ между людьми высшаго общества и хорошаго тона. Все это помогло ему, какъ нельзя лучше удержаться на скользкомъ паркетѣ Версальскаго двора, гдѣ тысяча завистниковъ готовы были помѣшать ему на каждомъ шагу.

Первое представленіе въ Версали и первая игра съ королемъ имѣли самый блистательный успѣхъ для Шамильяра, такъ, что и знатнѣйшія лица не желали-бы большей удачи, очарован-

ные въ тоже время необыкновеннымъ искусствомъ совѣтника. Шары повиновались кію и волѣ Шамильяра, какъ волшебнику и Людовикъ XIV нѣсколько разъ воскликнулъ въ избыткѣ удивленія и восторга : — Это чудная вещь !

Вслѣдъ за тѣмъ Шамильяръ приглашенъ былъ пріѣзжать къ королю три раза въ недѣлю, въ особо назначенные для того часы. Наконецъ отсутствіе совѣтника дѣлалось для него ощутительнымъ :

— Жалко, что Шамильяръ сегодня не будетъ ! говорилъ онъ въ тѣ дни, когда совѣтника не было.

Изъ этого расположенія короля къ совѣтнику Парламента, легко можно было заключить, что милости ниспадутъ на него. Однажды король назвалъ его даже : *любезный мой Шамильяръ.*

Скромный и расторопный Шамильяръ, ограничивался только игрою на биліардѣ, и никогда не говорилъ ни слова ни о самомъ себѣ, ни о своихъ нуждахъ, что подало Людовику XIV хорошее мнѣніе о его умѣ и характерѣ. Скоро король такъ полюбилъ Шамильяра, что часто, прохаживаясь въ саду, свободно съ нимъ разговаривалъ. Счастіе улыбалось своему избраннику и заботилось о немъ такъ усердно, что онъ даже былъ принятъ въ общество госпожи де Ментенонъ и снискалъ ея вниманіе. Въ то время госпожа де-Ментенонъ учредивъ въ Сенъ-Сирѣ институтъ для воспитанія дѣвицъ, искала вѣрнаго распорядителя. Выборъ палъ на Шамильяра. Это мѣсто, для честнаго человѣка, не было доходнымъ и требовало много времени, но было первымъ шагомъ къ будущему возвышенію парламентскаго совѣтника.

Среди этихъ важныхъ случаевъ, Іосифъ и Мишелина приближались къ концу двадцатаго года своей жизни, и до брака ихъ оставался только одинъ мѣсяцъ. Приданое было готово и нельзя было предвидѣть никакого препятствія къ счастію любящихся. Іосифъ по цѣлымъ днямъ просиживалъ въ домѣ Шамильяра и съ горестью видѣлъ, что его нарѣченная, прибѣгавшая къ волхованію, имѣетъ грустныя предчувствія. А между-тѣмъ Шамильяръ, посѣщая Версаль и интендантство въ Сенъ-Сирскомъ домѣ, все еще исполнялъ въ Парламентѣ обязанность перваго совѣтника. Случилось такъ, что въ одно время, онъ подалъ рапортъ о запутанномъ и довольно важномъ дѣлѣ, котораго достаточно не разсмотрѣлъ. Вслѣдствіе этой ошибки, справедливая сторона проиграла процессъ. Едва послѣдовалъ приговоръ, несправедливо осужденный прибѣгнулъ къ справедливости Шамильяра.

— Господинъ совѣтникъ,—сказалъ онъ въ отчаяніи,—вы въ своемъ рапортѣ не упомянули о документѣ, доказывающемъ мою

справедливость. Дѣло шло прекрасно, а теперь я приведенъ къ нищетѣ....

Обстоятельство объяснилось и забытый документъ нашелся на столѣ совѣтника. Пристыженный Шамильяръ, послѣ недолгаго раздумья и молчанія, не колеблясь, и повинуясь голосу своей совѣсти, сказалъ со вздохомъ:

— Я сдѣлалъ важную ошибку, непростительную ошибку, и долженъ поправить ее. Сколько вы потеряли?

— Двадцать тысячъ ливровъ....

— Двадцать тысячъ! порядочная сумма, но я имѣю ее; я вашъ должникъ. Вотъ двадцать тысячъ ливровъ—все мое имѣніе, возьмите деньги. ..

Обрадованный тяжущійся благословилъ неподкупнаго судью и обливаясь слезами благодарности, клялся сохранить вѣчную признательность.... Деньги, отданныя Шамильяромъ, унесли съ собою счастіе Мишелины, это было ея приданое, добытое трудами и терпѣніемъ, и скопленное двадцатилѣтнею бережливостію.

Теряя все, Шамильяръ утѣшалъ себя мыслію, что онъ сберегъ свою честь. Твердость никогда не оставляетъ людей съ душею чистою и безпорочною совѣстію.... Нисколько не теряясь, Шамильяръ вошелъ въ комнату своей жены. Господинъ Дрье съ сыномъ былъ уже тамъ, и въ эту минуту передавалъ будущей невѣсткѣ прекрасный и дорогой подарокъ. Восхищенная Мишелина робко ласкалась около свекра. При этой сценѣ вздрогнуло и заболѣло отцовское сердце Шамильяра. Мысль о томъ, что онъ, въ эту прекрасную минуту, пришелъ нарушить счастіе всей семьи, была невыносима для души его.... Тяжело вздохнувъ, онъ приголубилъ у сердца несчастную дочь, стараясь не поразить ее неожиданностію, но, по возможности, ослабить ударъ и не прямо высказать тяжелую повость. Чтобы лучше скрыть цѣль своего разговора, онъ съ притворнымъ нерасположеніемъ духа сказалъ:

— Дочь моя, я не люблю этой чрезмѣрной радости, которую ты оказываешь во всемъ. Слова нѣтъ, это прекрасно, что тебя радуетъ подарокъ нашего друга; но эти нѣжныя чувства слѣдовало-бы поберечь на важнѣйшій случай. — Несчастія часто слѣдятъ за нами въ этомъ мірѣ, въ то время, какъ мы не ждемъ ихъ.... И въ-самомъ-дѣлѣ, что, еслибы насъ встрѣтило какое-нибудь горе, не знаю, какъ перенесла-бы ты печаль, съ такимъ мягкимъ сердцемъ?

Послѣднія слова бѣдный отецъ договорилъ съ особенною ласкою, замѣтя, что Мишелина вдругъ поблѣднѣла.

— Ахъ!—сказала она, желая скрыть свое смущеніе; — говорите батюшка, говорите скорѣе, какое несчастіе меня постигло, вы увидите, что я съ твердостію перенесу его....

— Кто говоритъ о несчастіи? Ты готова, Богъ знаетъ, что подумать. — Женское воображеніе горячо и пугливо.... но, дитя мое, не хвались однако-жъ слишкомъ твоею твердостію....

— О Боже! что хотите вы сказать этимъ, батюшка?

— Въ-самомъ-дѣлѣ! — воскликнулъ Іосифъ, — ваши намеки, добрый г. Шамильяръ, ваше желаніе успокоить дочь.... повѣяли и на меня холодомъ страшнаго предчувствія.

— Другъ мой, — замѣтилъ Дрье, — вижу, что во всемъ этомъ скрывается что-то непріятное.

Шамильяръ, не умѣвшій лгать, потерялся и не могъ болѣе скрывать горькой истины.... Онъ обратился къ своему другу съ вопросомъ.

— Что ты сдѣлалъ-бы — сказалъ онъ, — еслибъ былъ причиною потери чужой собственности и въ тоже время имѣлъ въ своихъ рукахъ средства вознаградить эту потерю, дѣлая себя даже нищимъ?

— Я?... не думавши, отдалъ бы все.... и помирился бы съ совѣстью!... — отвѣчалъ Дрье.

— Прекрасно.... Такъ знай-же, что совѣсть твоего друга не запятнана.... Я тотъ, чрезъ кого раззорился безвинный.... а потерянная сумма — приданое моей дочери.

— Другъ мой, ты поступилъ, какъ честный и справедливый человѣкъ. — Поздравляю тебя!... подобныя несчастія ни у кого сна не отнимаютъ. — Пусть у Мишелины не будетъ приданаго, но тебѣ вѣрно же остается столько, что ты можешь жить прилично. — Мы же такъ богаты, что можемъ помочь этому несчастію. Я даю двадцать тысячъ и даже болѣе моему сыну, стало быть, все пойдетъ прекрасно....

— То есть, — съ горькою улыбкою сказалъ Шамильяръ, — это значитъ, что ты заплатишь за мою глупость, и я не себя, а тебя приведу въ нищету.... Признаюсь, было-бы очень смѣшно, еслибы кто-нибудь продалъ свое серебро, для вознагражденія моей неосмотрительности, а я живя въ достаткѣ на это бы согласился.

— Развѣ здѣсь идетъ дѣло о продажѣ серебра, чудакъ! Сумма не слишкомъ велика....

— Ни слова объ этомъ. — Если не буду въ состояніи вознаградить этой потери, не бывать браку Мишелины съ твоимъ Іосифомъ. Дочь моя, я надѣюсь, любитъ отца своего сколько-нибудь и не пожелаетъ, чтобы онъ пожертвовалъ своею честью. — От-

срочимъ бракосочетаніе на шесть, даже на десять лѣтъ, если то будетъ нужно. — Вѣрю, что дочь, моя будетъ страдать, но я.... убаюкаю ея горе.

Бѣдная дѣвушка, дрожа отъ волненія, закрыла лицо руками, невъ силахъ удержать рыданія. Дрье начиналъ сердиться.

— Такъ, — ворчалъ онъ, — этотъ упрямый человѣкъ, подъ предлогомъ чести, хочетъ погрузить въ горесть всѣхъ, кого любитъ. Слушай, Шамильяръ, — продолжалъ онъ,—прійдетъ время, что будешь сожалѣть объ этомъ безумномъ упрямствѣ.

— Никогда! никогда! ты самъ за минуту сказалъ, что это несчастія, которыя не отнимаютъ у насъ покойный сонъ.

— Безумный! приготовься же, будешь спать на гробѣ дочери! воскликнулъ Дрье, бросившись къ Мишелинѣ, лишившейся чувствъ.

Среди столь ужасныхъ страданій, Шамильяръ принужденъ былъ оставить дочь и опечаленныхъ друзей и ѣхать въ Версаль, гдѣ его ждали. — Тяжело было ему скрывать свою грусть и казаться спокойнымъ и веселымъ. — Въ этотъ день Данге игралъ чрезвычайно счастливо. — Герцогъ де-Лозанъ, первѣйшій игрокъ при дворѣ, проигралъ ему 4,000 червонныхъ. — Прибытіе Шамильяра не обезпокоило ободреннаго маркиза.

— Ахъ! — вскричалъ король, — въ самое время ты прибылъ, Шамильяръ! Данге объигрываетъ насъ всѣхъ, но долженъ отдать свой выигрышъ, ты половинщикъ въ моей ставкѣ.... Приступимъ къ дѣлу!...

Тотчасъ началась большая партія. Шамильяръ былъ на одной сторонѣ, Данге и Венеціянскій посолъ на другой. Счастіе довольно долго благопріятствовало Данге; но Шамильяръ смѣлымъ и непредвидѣннымъ ударомъ, сбилъ съ зеленаго поля счастіе маркиза, сдѣлавъ двѣнадцать шаровъ одинъ за другимъ.— Данге былъ взбѣшенъ и хотѣлъ отыграться. Другая битва началась еще жарче, но съ тѣмъ-же послѣдствіемъ, ибо король, смѣясь надъ ошибкою маркиза, заставилъ его совершенно растеряться. — Наконецъ, когда Людовикъ XIV отдалъ выигрышъ своему партизану, оказалось, что Шамильяръ имѣлъ около тысячи луидоровъ, то-есть 24,000 ливровъ. — Освобожденный этимъ выигрышемъ отъ домашней горести, Шамильяръ теперь вздохнулъ легко и свободно. Разставшись съ королемъ, онъ весело сѣлъ въ свою наемную карету и предался счастливымъ мыслямъ. Онъ потиралъ руки, говорилъ самъ съ собою, потряхивая карманами, полными золота, и смѣло думалъ, что несетъ счастіе и радость въ свой домъ.—Между-тѣмъ, родные его совѣтовались, какимъ-бы образомъ

получить отъ него согласіе на бракъ дочери. Дрье, который во всю жизнь не былъ разсерженнымъ болѣе трехъ разъ, рвался, какъ изступленный, и лѣлалъ удивительныя угрозы.—Онъ то хотѣлъ просить и умолять Шамильяра о согласіи, то клялся продать свой домъ, и собравъ сто тысячъ франковъ, увезти Мишелину и повѣнчать ее съ сыномъ. — Матери болѣе разсудительныя, искали лучшаго средства. — Мишелина плакала, Іосифъ былъ въ отчаяніи.... Но вотъ пріѣхалъ Шамильяръ, радостный и веселый, какъ никто не ожидалъ его видѣть.

— Не хочу слезъ и печали! — сказалъ онъ, войдя въ комнату. Я удовлетворю ваши желанія. — Іосифъ можетъ вѣнчаться съ моею дочерью, когда захочетъ. Покорно прошу болѣе неспорить....

— Ну, вотъ.... Признайся же, другъ мой, — сказалъ обрадованный Дрье, — что ты безъ всякой надобности испортилъ намъ весь день!

— Хорошо.... признаюсь! — говорилъ Шамильяръ, потирая отъ удовольствія руки.

— Слѣдовательно, нечего на тебя сердиться? — сказалъ весело Дрье.

— Надѣюсь, мой любезный другъ.... Но, какъ кажется, вы люди особеннаго рода.... Не хотите даже и спросить меня, почему я перемѣнилъ мое намѣреніе.... Вы, какъ кажется, принимаете меня за человѣка непостояннаго, который, безъ всякой надобности, готовъ сопротивляться счастію друзей своихъ и терзать ихъ? Напрасно!... Право, напрасно.... Будьте увѣрены, что я никогда не отдалъ бы моей дочери за богатаго человѣка, не имѣя для нея приданаго.

— Опять свое начинаешь?

— Одну минуту терпѣнія, Дрье!—важно замѣтилъ Шамильяръ и высыпалъ на столъ груду блестящихъ луидоровъ, разсказавъ при этомъ, какимъ образомъ досталось ему такое сокровище.

Этимъ не кончились удачи Шамильяра. — Человѣкъ, которому онъ отдалъ всѣ свои деньги, въ вознагражденіе за свою ошибку, былъ родственникъ одной изъ приближенныхъ особъ къ госпожѣ де-Ментенонъ; онъ передалъ ей рѣдкій и безпримѣрный поступокъ честнаго совѣтника, и благородное дѣло Шамильяра было пересказано госпожѣ де-Ментенонъ, а она, въ свою очередь, сообщила объ этомъ королю. — Людовикъ XIV, тронутый благородствомъ Шамильяра, воскликнулъ: «Такихъ людей я имѣлъ при себѣ и не зналъ объ ихъ добродѣтели!»

Вслѣдъ за тѣмъ, когда, по обыкновенію, Шамильяръ пріѣхалъ въ Версаль играть на биліардѣ, король принялъ его необыкновенно ласково и сказалъ:

— Любезный мой Шамильяръ, эти частыя поѣздки отнимаютъ у тебя много времени.... Поздравляю тебя — ты будешь жить у меня во дворцѣ.

Эти слова удивили весь дворъ; ибо никто, даже изъ занимавшихъ важныя мѣста при королѣ, не жилъ во дворцѣ. — Шамильяръ, возвратившись домой, въ восторгѣ повторилъ предъ другомъ своимъ слова монарха. Изумленный Дрье отступилъ на три шага.

— Что! — воскликнулъ онъ, — жить въ замкѣ; это не бездѣлица. — Знаешь-ли, что ты теперь равенъ первымъ вельможамъ въ королевствѣ?

Въ эту-же минуту, чья-то карета остановилась передъ домомъ Шамильяра: съ шумомъ отворились дверцы и лакей доложилъ о прибытіи маршала Ла-Фельяда.

Умный, веселой и пріятной наружности, кавалеръ вошелъ въ покои совѣтника и, съ чрезвычайною вѣжливостію поклонившись присутствующимъ, сказалъ:

— Здравствуй, любезный Шамильяръ. Поздравляю тебя съ пріятною новостію.... Вчера рѣшено, что ты будешь министромъ финансовъ.

— Я, маршалъ! Это должна быть ошибка.

— Ошибка! Нѣтъ, любезный, въ такихъ случаяхъ я не ошибаюсь, прежде всѣхъ узнаю обо всемъ, что дѣлается при дворѣ. Тамъ это уже формально извѣстно.... и король поручилъ мнѣ увѣдомить тебя объ этомъ. Стало быть, повторяю, это не ошибка.

— Что-же сдѣлалось съ господиномъ де-Понъ-Картреномъ.

— О! не безпокойтесь объ немъ, онъ будетъ канцлеромъ. Король искалъ на его мѣсто человѣка честнаго, вѣрнаго, спокойнаго права и который бы ему нравился.... искалъ.... и нашелъ тебя....

— Я въ большомъ затрудненіи, маршалъ. Я неопытенъ въ предметахъ министерства финансовъ. Отвѣтственность большая.... право, ужасно.... Не смѣю, не рѣшаюсь принять этой высокой милости.

— Напрасно отказываешься.... не принять милости монарха нельзя! Ты будешь министромъ, хотя-бы это сдѣлалось противу твоей воли.... Однако-мнѣ всё-таки нуженъ твой отвѣтъ? Завтра рано ты долженъ быть въ Версали, въ пріемномъ залѣ.... помни.... никакъ не позже десяти часовъ. Король, выслушавъ важнѣйшія дѣла, скажетъ тебѣ: «Господинъ Шамильяръ пойдемъ, поговоримъ со мною.» Такъ обыкновенно это дѣлается и, разумѣется, здѣсь онъ тебя поздравитъ. Во всякое время, какъ министръ, ты будешь имѣть право войти къ королю.... получишь 20,000 червонцевъ на устройство дома. Прежде всего, найди людей, знающихъ хорошо

службу ; неловкая и невѣрная прислуга можетъ очень повредить министру. Что съ тобою? ты стоишь, какъ истуканъ. Развѣ ты не предвидѣлъ, что положеніе твое измѣнится.

Въ эту минуту разговоръ былъ прерванъ словами лакея : пожалуйте къ столу.

— А ! надѣюсь, что этого человѣка ты не оставишь при себѣ ? Эта неловкость послѣ-завтра была-бы непростительна, — сказалъ маршалъ. — Сегодня только ты, по его простотѣ, принужденъ пригласить меня къ твоему фамильному обѣду.

— Боюсь, маршалъ, — отвѣчалъ Шамильяръ съ особенною любезностью, — за плохую свою кухню....

— О, не безпокойся ! въ этомъ случаѣ самымъ сладкимъ для меня блюдомъ будетъ то удовольствіе, съ которымъ я первый могу засвидѣтельствовать тебѣ мое почтеніе и уваженіе и.... эта прекрасная барышня, вѣроятно дочь твоя ?

— Точно такъ....

— Поздравляю. Поистинѣ только этихъ прекрасныхъ глазъ и не доставало при дворѣ.

Маршалъ подалъ руку госпожѣ Шамильяръ и всѣ пошли къ столу. Во время обѣда маршалъ говорилъ много, остро, любезно и пріятно. Онъ любилъ хорошо покушать и съ удовольствіемъ пилъ старое бургундское вино, добытое для него изъ глубины погреба.

— Другъ мой ! — сказалъ маршалъ новому министру, выпивая послѣднюю рюмку, — прими мой добрый совѣтъ, пользуйся этимъ случаемъ, и займись обезпеченіемъ твоей судьбы. Вотъ главное, прекраснѣйшія и выгоднѣйшія партіи сами явятся.... Я полгода уже вдовецъ и если-бы приличіе дозволяло, ей Богу, сдѣлалъ бы тотчасъ предложеніе.

— Маршалъ, представляю тебѣ моего зятя, господина Іосифа Дрьё. Въ продолженіи двухъ недѣль эти молодые люди сочетаются бракомъ. Я далъ уже слово.

— А ! ты далъ слово. Поздравляю.... Ваше имя, молодой человѣкъ ?

— Іосифъ Дрьё.

— И такъ, господинъ Іосифъ Дрьё, вы не можете жаловаться на судьбу: она, какъ видно, вамъ покровительствуетъ. Вамъ остается только стараться, чтобы господинъ де-Шамильяръ не пожалѣлъ о томъ, что отдаетъ вамъ такое сокровище.

Почти въ полночь, маршалъ разстался съ семействомъ Шамильяръ. Старикъ Дрьё весь вечеръ не говорилъ ни слова, и тотчасъ, по уходѣ маршала, взялъ сына за руку и оставилъ изум

леннаго министра. Дорогою, Іосифъ со страхомъ слушалъ отрывистыя фразы, вырывавшіяся у отца.

— Министромъ! Шамильяръ министромъ! Гм!... Нѣсколько дней назадъ обѣднѣвшій до того, что и дочери не хотѣлъ отдать замужъ, завтра будетъ жить въ Версали и управлять Франціею! Можно съ ума сойти! Правду сказалъ маршалъ— Мишелина должна упрочить положеніе своего отца хорошимъ замужествомъ. Это внезапное повышеніе разлучаетъ насъ.... однако, друзей должно любить собственно для нихъ, а не для себя. Знаю его, будетъ требовать исполненія даннаго слова и тѣмъ испортитъ свои дѣла.... непремѣнно испортитъ.... капризный человѣкъ! Но я, какъ скала, буду твердъ и непреклоненъ. Провидѣніе разрушило наши намѣренія.... да будетъ такъ, безъ ропоту повинуемся его волѣ!

Читатель навѣрно догадается, что въ этотъ вечеръ, какъ въ домѣ Дрьё, такъ и у Шамильяра поздно легли спать, и вовсе не спали. Дрьё рано вошелъ въ комнату сына, въ то время, какъ Іосифъ собирался куда-то идти.

— Куда идешь? спросилъ его отецъ суровымъ тономъ.

— Иду въ судъ.

— Идешь къ дѣвицѣ Шамильяръ; выдумываешь! полно.... Женитьба твоя химера. Да!... Если сынъ мой хочетъ быть ничтожнымъ и безстыднымъ спекулантомъ, расчитывая на сокровище другаго, убивая его будущее, — я за него буду честенъ и твердъ. Слушай: положимъ, что человѣкъ вчера продалъ свой домъ, а сегодня рано, пока еще не сдалъ его новому владѣльцу, въ погребѣ нашелъ кладъ. Положимъ, что продавецъ, по чрезмѣрной честности, уступаетъ домъ и найденныя въ немъ богатства, довольствуясь договорною цѣною; но развѣ не было-бы безчестно согласиться на такую покупку?

— Ахъ батюшка! домъ, богатство, что все это значитъ? Я не хочу имѣнія господина Шамильяра; пусть онъ остается при немъ, только-бы Мишелина была моею. Люблю ее и разлюбить— не въ силахъ!

— Сынъ мой, ты могъ любить ее, когда она была тебѣ равною. — Съ совѣстію нельзя дѣлать условій, отнынѣ ты не можешь примирить ее съ твоею любовью.

— Батюшка! — воскликнулъ Іосифъ, — я честный человѣкъ. Ежели Мишелина, или отецъ ея, или кто-нибудь изъ ихъ фамиліи, покажетъ хотя малѣйшее желаніе, чтобы союзъ нашъ былъ расторгнутъ, я пожертвую моимъ счастіемъ, моимъ спо-

койствіемъ. Но если Мишелина любитъ меня такъ сильно, что умретъ съ печали.... Зачѣмъ другъ твой и госпожа Шамильяръ будутъ страдать и обвинять тебя въ смерти единственной дочери. Не лучше-ли смотрѣть тебѣ на счастіе любимыхъ тобою, чѣмъ на ихъ страданіе?...

— Полно, другъ мой, никто еще, благодаря Бога, не мѣнялъ милаго на могилу.

— Батюшка! добрый батюшка! Хоть въ пыткахъ и терзаніяхъ сердца, но я готовъ тебѣ повиноваться. Дѣлай, что почтешь необходимымъ, но повторяю тебѣ, что жизнь для меня безъ Мишелины — не жизнь! Ежели лишусь ея, ты лишишься сына!

— Это была-бы большая потеря,—сказалъ Шамильяръ, выслушавъ за дверьми весь разговоръ ихъ. — Успокойся, Іосифъ; мы этому поможемъ. Я недавно сознался въ своей ошибкѣ, теперь отецъ твой сознается въ своей.

— Нѣтъ, другъ мой, не надѣйся поколебать меня,— отвѣчалъ Дрьё. — Если бы я былъ министромъ, ты увидѣлъ-бы, какъ поступилъ-бы твой покорнѣйшій слуга.... Безумство! сумасшествіе! Министру отдать дочь за неизвѣстнаго и ничтожнаго молодаго человѣка. Въ то время, какъ выгодный и случайный бракъ можетъ навсегда упрочить ея и твое счастіе.... Нѣтъ! этого не будетъ!... Провидѣніе, призывая тебя къ новому поприщу, показываетъ какимъ путемъ ты долженъ идти и явно охуждаетъ наши неблагоразумныя намѣренія.... Оно разрываетъ нашъ союзъ, чту его святую волю и возвращаю тебѣ данное слово.

— Такъ! Теперь моя очередь сказать тебѣ: Несчастный, что ты безумствуешь! Развѣ хочешь убить своего сына? Но я тебѣ этого не позволю....

— Іосифъ обѣщалъ, и будетъ мнѣ послушенъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! онъ тебя оставитъ, какъ злаго и несправедливаго отца!... Я буду его отцемъ; въ моемъ домѣ его родное семейство—не въ твоемъ. Іосифъ, ты понимаешь меня.... когда наскучитъ тебѣ эта жестокость, приходи ко мнѣ. Ежели черезъ пятнадцать дней, въ день назначенный уже къ твоему бракосочетанію, этотъ бѣшеный старикъ откажетъ твоимъ просьбамъ и мольбамъ, мы оставимъ его и перейдемъ въ мой домъ. На зло этому упрямцу повѣнчаю васъ и безъ его согласія, или не будь я Шамильяръ.

Отецъ Мишелины, хлопнувъ дверями, вышелъ и поѣхалъ въ Версаль.

Прибывъ туда, новый министръ представленный въ кабинетъ

монарха, не поколебался откровенно сознаться королю, что мало знаетъ поручаемую ему часть, увѣрялъ, что боится, едва-ли онъ можетъ выполнить эту обязанность, и благодарилъ короля за милости, умоляя его, чтобы онъ сначала далъ ему должность не такъ высокую. Скромность Шамильяра еще болѣе утвердила короля въ его волѣ и желаніяхъ.

— Другъ мой,—съ улыбкою сказалъ король,—все, что ты теперь говоришь, доказываетъ только твою скромность и благородство души. Я состарѣлся, управляя государствомъ и буду твоимъ путеводителемъ.

— Ваше Величество! съ моей стороны было бы величайшею неблагодарностію, еслибъ я смѣлъ долѣе сопротивляться вашимъ милостямъ. Принимаю министерство и буду смѣло управлять имъ, если ваше величество удостоите меня своими совѣтами.

— Надѣюсь, что все пойдетъ хорошо. Теперь ты долженъ заняться устройствомъ своего дома: на первый случай дамъ тебѣ 40,000 франковъ, устрой домъ пышно и блистательно. — Для фамиліи найми квартиру въ городѣ.—Говорятъ, что твоя дочь — красавица; я озабочусь ея судьбою.

Шамильяръ уже готовъ былъ сказать, что рука Мишелины торжественно обѣщана; но когда король началъ опять говорить, онъ почтительно замолчалъ.

Это первое представленіе продолжалось довольно долго; по окончаніи, монархъ вышелъ изъ кабинета, дружески облокотившись на плечо министра.

Мишелина съ грустію оставила Парижъ и поселилась въ Версали, давъ себѣ клятву, среди привлекательностей и обольщеній большаго свѣта, остаться вѣрною своимъ мечтамъ и Іосифу.—Печально сѣла она въ экипажъ и лошади быстро помчали ее отъ мѣста, гдѣ разцвѣли ея жизнь и ея мечты. Обширныя, богатоубранныя палаты Мишелины находились противъ королевскаго замка. — Первѣйшія швеи ожидали уже ея распоряженій для приготовленія нужнаго платья изъ драгоцѣнныхъ матерій, ибо вечеромъ при дворѣ былъ назначенъ балъ, на которомъ Шамильяръ обязанъ былъ представить свою жену и дочь королю. Неудивительно, что въ этотъ вечеръ, среди столькихъ хлопотъ, Мишелинѣ не было времени плакать. Печаль сердца оставлена была до другаго дня....

Въ Парижскихъ собраніяхъ, Мишелина, не разъ должна была переносить пахально любопытные взоры женщинъ, желавшихъ выискать недостатки въ ея сложеніи и уборѣ; и потому, на

этотъ разъ, она застѣнчиво и съ трепетомъ переступила порогъ королевскихъ палатъ. Но къ ея удовольствію версальскія дамы, знающія свѣтъ и приличія, не занимались новоприбывшею особою, и дочь министра-финансовъ невольно сдѣлалась смѣлѣе въ обществѣ красоты и блеска.

Обласканная госпожею де-Ментенонъ, Мишелина возвратилась домой около полуночи, съ воображеніемъ наполненнымъ обстоятельствами минувшаго вечера. — Не снимая бальнаго платья, подошла она къ зеркалу и, на карнизѣ камина, увидѣла знакомый букетъ цвѣтовъ. Іосифъ въ Парижѣ ежедневно приносилъ ей свѣжіе цвѣты; бѣдный юноша пріѣхалъ и въ Версаль, чтобы напомнить о себѣ и оставивъ букетъ въ комнатѣ своей нарѣченной, печальный и убитый отчаяніемъ онъ возвратился въ Парижъ.

Человѣкъ — существо, склонное къ порокамъ и повинуется мѣстному вліянію. Желая оторвать его отъ извѣстной точки воображенія, стоитъ только вывезть изъ собственнаго его жилища въ среду чужихъ лицъ. Мишелина уже готова была примѣниться къ новому образу жизни и къ разсѣянію, но цвѣты Іосифа напомнили ей ея дѣвичью комнатку и на минуту развлеченная любовь ея пробудилась снова въ молодомъ сердцѣ.... Мишелина уснула въ эту ночь съ именемъ милаго на устахъ.

На утро дочь Шамильяра проснулась съ рѣшительнымъ намѣреніемъ употребить всѣ средства, всѣ усилія къ вѣчному соединенію съ Іосифомъ.

Она упросила отца употребить обманъ. Шамильяръ отправился въ Парижъ, навѣстилъ своего друга, и разсказалъ ему, что онъ будто-бы отказался отъ министерства и что чрезъ два дни возвратится въ прежнее свое жилище. Справедливые люди, не привыкшіе къ обману, плохо умѣютъ притворяться и потому Шамильяръ безпрестанно сбивался, теряясь и путаясь въ своей лжи.... Это подало поводъ Дрьё подозрѣвать своего друга и онъ рѣшился повѣрить слова его. Истина открылась и письмо, полное упрековъ, было отвѣтомъ его.

Письмо сильно огорчило министра и Мишелина едва успокоила его тѣмъ, что Дрьё болѣе виновенъ, желая расторгнуть союзъ, условленный уже за двадцать лѣтъ.

Слѣдующій за тѣмъ день долженъ былъ рѣшить судьбу Мишелины. Когда Шамильяръ кончилъ докладъ, Людовикъ XIV началъ съ нимъ говорить дружески о его дочери. — Тутъ министръ сознался, что руку ея обѣщалъ сыну одного изъ пре-

зидентовъ парламента. — «Я никогда не нарушалъ моего слова, и готовъ пожертвовать всѣмъ,—прибавилъ онъ. — Мнѣ говорили, что породнившись съ знатнымъ домомъ, упрочу мое счастіе, но развѣ мнѣ не довольно милостей вашего величества? Если-бы я ихъ лишился, горько-бы объ этомъ сожалѣлъ, но что касается до богатства, то я лишился-бы ихъ прехладнокровно.»

— Это прекрасныя чувства, но подумалъ-ли ты, что жертвуешь судьбою дочери?

— Ваше величество, моя дочь любитъ этого молодаго человѣка и уже съ нимъ обручена. А нѣсколько случаевъ и препятствій удостовѣрили меня въ томъ, что Мишелина только съ нимъ можетъ быть счастлива.

— Поступки твои очень похвальны, и я не хочу болѣе говорить противъ твоихъ желаній. Выдай твою дочь замужъ, какъ признаешь за лучшее. Скоро-ли это будетъ?

— Увы! не знаю, ваше величество. Отецъ молодаго человѣка вбилъ себѣ въ голову, что новое мое положеніе повелѣваетъ ему разторгнуть этотъ союзъ, и его упрямство приводитъ насъ всѣхъ въ отчаяніе.

— Мой парламентъ изобилуетъ людьми благороднаго характера,—сказалъ довольный король,— какъ зовутъ этого президента?

— Дрьё — онъ дворянинъ, происходящій изъ фамиліи извѣстной своимъ благородствомъ.

— А сынъ его имѣетъ ли какія достоинства?

— Онъ честный и трудолюбивый человѣкъ, какъ отецъ его; и я надѣюсь, что онъ будетъ отличнымъ судьею.

— И дѣти очень влюблены?

— Почти до безумія, ваше величество!

— Разскажи мнѣ исторію ихъ любви.

Шамильяръ разсказалъ, какъ были обручены Іосифъ и Мишелина, какъ росли они съ увѣренностію, что соединятся, и наконецъ, не забылъ высказать о тѣхъ усиліяхъ, какія предпринималъ онъ, чтобы побѣдить упрямство своего друга.

— Союзы иногда расторгаются, — сказалъ Людовикъ XIV,—но ей-Богу! я не слыхалъ еще, чтобы подобныя препятствія были причиною ихъ разрыва. Я васъ помирю.

На другой день король велѣлъ представить къ себѣ президента Дрьё съ сыномъ, отца онъ сдѣлалъ маркизомъ, а Іосифа осыпалъ милостями. — Воля короля устранила всѣ препятствія. Іосифъ и Мишелина сочетались бракомъ на двадцатомъ году своей жизни.

=

БАЛАГУРЪ.

=

ТОТОЛО И РОССИНИ.

Вѣроятно, немногимъ извѣстно имя Тотоло, написавшаго либретто «Mose in Egitto» и сильно содѣйствовавшаго, какъ увидите, колоссальному успѣху этой оперы. А между-тѣмъ, врядъ-ли кто другой былъ такъ увѣренъ въ своемъ безсмертіи, какъ этотъ забытый всѣми либреттистъ. Что-же послѣ этого знаменитость? что такое слава? vanitas vanitatum et omnia vanitas.

Тотоло былъ человѣкъ чрезвычайно самолюбивый и вполнѣ убѣжденный въ своемъ поэтическомъ талантѣ. Успѣхъ «Моисея» еще болѣе вкружилъ ему голову. Но, увы! нѣтъ розы безъ шиповъ, и побѣдный вѣнокъ часто жестоко язвитъ чело тріумфатора. Такъ было и на этотъ разъ. Первыя представленія «Моисея» были ужасною пыткою для Тотоло и едва не довели его до отчаянія. Всѣмъ извѣстно, что итальянскіе театры не щеголяютъ роскошью постановки и искуснымъ устройствомъ машинъ. Поэтому не мудрено, что и эта опера была поставлена довольно небрежно. Между прочимъ, въ третьемъ актѣ, когда море разступается и даетъ проходъ евреямъ, машинистъ такъ неловко разставилъ мальчишекъ, растягивавшихъ волны морскія по сторонамъ, что они были прекрасно видны изъ верхнихъ ложъ и галлерей. Обычные посѣтители этихъ мѣстъ, разумѣется, замѣтили промахъ машиниста и встрѣтили его громкимъ хохотомъ. Смѣхъ заразителенъ; изъ верхняго яруса веселость перешла въ нижніе, а оттуда въ партеръ. Всѣ хохотали въ продолженіе цѣлаго треть-

яго акта, хохотали до слезъ, такъ что иностранецъ, войдя въ театръ, подумалъ бы, что даютъ не «Моисея», а развѣ «Итальянку въ Алжирѣ.» Тотоло рвалъ на себѣ волосы! Не смотря на увѣщанія друзей, онъ былъ неутѣшенъ и, въ припадкѣ отчаянія, готовъ былъ вызвать на дуэль всѣхъ зрителей.

Разъ, утромъ, опрометью вбѣжалъ онъ въ комнату Россини, который, лежа въ постели, болталъ съ пріятелями. «Маэстро! — вскричалъ Тотоло; — онъ спасенъ! онъ спасенъ!— Браво! кто? отвѣчалъ, потягиваясь, маэстро. — Третій актъ, нашъ третій актъ! наше великое созданіе! — Въ самомъ дѣлѣ? хорошо! но какъ-же ты это устроилъ, пріятель? что ты придумалъ?» — Восторженный Тотоло наклонился надъ кроватью и таинственнымъ, многозначительнымъ тономъ произнесъ: «Я написалъ молитву для Моисея и евреевъ, передъ переходомъ и во время его. — Такъ что же? спросилъ Россини. — Читай, вскричалъ Тотоло, и суди самъ, какъ эти строфы тронутъ, взволнуютъ и вдохновятъ всѣхъ! читай и удивляйся! въ одинъ часъ—я это придумалъ, сочинилъ, написалъ!» — И Россини взялъ листъ изъ рукъ Тотоло и началъ читать, между-тѣмъ, какъ тотъ скоро расхаживалъ по комнатѣ. Вдругъ Россини вскочилъ съ постели и закричалъ удивленнымъ друзьямъ и поэту: «Слушайте! Тотоло придумалъ, сочинилъ и написалъ это въ одинъ часъ, такъ и я же менѣе, чѣмъ въ полчаса, положу стихи его на музыку.» И въ рубашкѣ, какъ былъ въ кровати, усѣлся Россини къ столу, пока другіе еще и не поняли хорошенько, въ чемъ дѣло, въ какія-нибудь десять минутъ, продолжая болтать съ друзьми, кончилъ онъ партитуру и подалъ ее довольному либреттисту, говоря: «Вотъ и готово! но насъ съ тобою опять обсмѣютъ.» Тотоло мигомъ улетѣлъ, а Россини, по прежнему, улегся въ кровать и продолжалъ бесѣдовать съ друзьями.

Когда, въ слѣдующій вечеръ, зрители уже приготовлялись къ новому взрыву веселости, вдругъ выступилъ Моисей и началъ мощное «Dal tuo stellato soglio». Тогда всѣ, пораженные удивленіемъ, въ глубочайшей тишинѣ, внимали вдохновенной пѣсни; когда-же народъ израилевъ упалъ на колѣна, и въ сильныхъ, торжественныхъ аккордахъ священные звуки *молитвы* раздались подъ гигантскими сводами Санъ-Карло, то энтузіазмъ публики вышелъ изъ границъ, и громовыя рукоплесканія заглушили огромный хоръ и оркестръ этого театра. Съ этого дня третій актъ «Моисея» сдѣлался любимымъ публики; многіе только для него и ходили въ Санъ-Карло.

Каждый вечеръ, подъ люстрою этого театра стоялъ человѣкъ, съ торжествомъ поглядывавшій на полные, биткомъ набитые ярусы и на лица, выражавшія нетерпѣливое ожиданіе преждеосмѣяннаго третьяго акта, и этотъ человѣкъ былъ — Тотоло. При всякой встрѣчѣ съ Россини, спрашивалъ онъ съ самодовольствіемъ: «Ну, Россини?» и великій маэстро также лаконически отвѣчалъ ему: «Да, Тотоло!» Это происходило въ Неаполѣ, въ мартѣ, 1827 года.

—

ВОЛШЕБНАЯ ФЛЕЙТА.

Во время Моцарта, жилъ въ Вѣнѣ оригиналъ, по имени Шикенедеръ, антрепренеръ, актеръ, поэтъ въ стихахъ и въ прозѣ, либреттистъ, хореграфъ и слишкомъ часто музыкальный композиторъ своей трагико-комико-лирико балетной труппы; человѣкъ чрезвычайно тороватый на выдумки, дѣлавшій славныя штуки на сценѣ и за кулисами, не слишкомъ совѣстливый въ дѣлахъ, однимъ словомъ, мастеръ на всѣ руки. Этотъ питомецъ всѣхъ музъ, этотъ человѣкъ труппа, тоже пѣлъ, и, по словамъ современныхъ дилеттантовъ, голосъ его занималъ почетную средину между скрипомъ флюгера и визгомъ веретена. Не смотря на такіе рѣдкіе таланты, фортуна поступила съ Шикенедеромъ, какъ онъ позволялъ себѣ иногда поступать съ другими. Слѣпая богиня такъ ловко обманула его, что пустота оказалась въ его кассѣ. Его подчиненные питали непреодолимое отвращеніе къ пустотѣ и ему оставалось закрыть лавку и свести счеты, по которымъ уплатила бы тюрьма. — Вотъ нашъ малый пропалъ.... Успокойтесь! Онъ поэтъ, и такой, которому устроить всѣ приключенія не сценическія также легко, какъ и интригу пьесы. Ему угрожаетъ по-видимому незбѣжная катастрофа, но онъ обратитъ ее въ такую пьесу, которая сдѣлаетъ его, Шикенедера, болѣе могущественнымъ и богатымъ, чѣмъ прежде, и въ придачу — имя его безсмертнымъ. Но для этого ему нужна помощь вѣрнаго и преданнаго друга. Да за этимъ дѣло не станетъ. Шикенедеръ—Пиладъ всѣхъ Орестовъ, у которыхъ есть готовый столъ и бутылка вина. Давно уже онъ находилъ и то и другое у Моцарта. Онъ изучилъ характеръ знаменитаго композитора,

знаетъ его вдоль и поперегъ. Состроивъ маску, какъ бы для роли короля Лира, онъ идетъ къ Моцарту, открываетъ ему съ приличнымъ пафосомъ свое отчаянное положеніе и наконецъ объявляетъ ему, что вся его надежда на него.

— Чѣмъ-же я могу вамъ помочь?—Напишите для моего театра пьесу во вкусѣ вѣнской публики. Заботьтесь, пожалуй объ вашей славѣ и о знатокахъ, но главное, постарайтесь понравиться черни всѣхъ сословій. Я беру на себя текстъ, декораціи, и проч., и проч., все въ нынѣшнемъ вкусѣ.—Хорошо, согласенъ!—Что-же вы хотите за это? — Да у васъ нѣтъ ни гроша! Послушайте, я хочу помочь вамъ, а чтобы мой трудъ не пропалъ совершенно даромъ, вотъ что я вамъ предложу. Я вамъ дамъ партитуру; вы заплатите за нее, что хотите, но съ условіемъ, не переписывать ее. Если опера будетъ имѣть успѣхъ, такъ другіе театры заплатятъ мнѣ за мою партиру.

Можно вообразить, съ какимъ восторгомъ, съ какими увѣреніями въ вѣрномъ выполненіи этихъ великодушныхъ условій, принялъ ихъ нашъ impressario in angustie! Моцартъ принялся за работу, трудился день и ночь, и даже, по волѣ Шикенедера, по нѣскольку разъ передѣлывалъ иные нумера. «Волшебная Флейта» имѣла успѣхъ неслыханный, неимовѣрный, и возбуждала всеобщій энтузіазмъ. Вѣнскіе дилеттанты еще дрались у кассы за билеты, а «Волшебная флейта» уже обогащала всѣ главные германскіе театры. А ни одинъ изъ нихъ и не думалъ обращаться къ Моцарту. Произведеніе, доставившее самому плохому, самому неизвѣстному кописту по-крайней-мѣрѣ новую пару платья и достаточное количество флориновъ на воскресныя попойки, произведеніе, которое столько лѣтъ было рогомъ изобилія для всего, что въ Германіи жило музыкой, это произведеніе, кто повѣритъ? — не принесло ничего композитору. Что-же сдѣлалъ Моцартъ, узнавши продѣлку своего безкорыстнаго Пилада?—Ахъ, негодный! вскричалъ онъ, и на другой-же день Шикенедеръ, по прежнему, занялъ свое обычное мѣсто за столомъ добродушнаго Моцарта.

—

СТРАННОСТИ КЕРУБИНИ.

Не было человѣка столь твердаго и неуступчиваго въ своихъ убѣжденіяхъ, какъ Керубини; въ особенности въ законахъ гармоніи не допускалъ онъ возможности никакого измѣненія или

уклоненія. Онъ часто имѣлъ объ этомъ предметѣ продолжительные споры съ ученымъ профессоромъ Рейхою и съ Шорономъ, и разъ, когда онъ спорилъ съ однимъ горячимъ теоретикомъ, менѣе извѣстнымъ, Керубини, разсерженный ересью своего противника, вскричалъ съ нетерпѣніемъ: «Замолчите, замолчите, говорю я вамъ, или *я выброшусь изъ окошка*».

Керубини часто не щадилъ для остраго словца даже своихъ учениковъ. Одинъ изъ нихъ ставилъ новую оперу. Керубини присутствовалъ на послѣдней репетиціи. Послѣ втораго акта, молодой композиторъ, пожираемый безпокойствомъ, вошелъ въ ложу, ожидая добраго слова или поощренія, такъ отраднаго въ подобную минуту. «Что скажете, дорогой маэстро? спросилъ онъ наконецъ, видя упорное молчаніе Керубини. — Что-жъ я скажу тебѣ? Вотъ уже битыхъ два часа, какъ я слушаю тебя, и ты не сказалъ мнѣ ровно ничего.

Акуратность составляла также замѣчательную черту характера Керубини. Онъ подчинялъ самыя мелочи систематическимъ правиламъ, отъ которыхъ ни за что не отступалъ. Напримѣръ, у него все бѣлье было перенумеровано, и онъ употреблялъ его не иначе, какъ по порядку. Наканунѣ своей смерти, онъ далъ новое доказательство этой странности.

Спросивъ платокъ, онъ развернулъ его, посмотрѣлъ на углы и сказалъ:

— Вы ошиблись, вы мнѣ подали восьмой нумеръ, а у меня еще не было седьмаго.

— Правда, отвѣчала служанка; но на седьмой нумеръ попала капля одеколона, а вы не любите духовъ....

— Ну, такъ что-жъ? Порядокъ прежде всего, вскричалъ съ нетерпѣніемъ Керубини.

Ему подали платокъ подъ седьмымъ нумеромъ, онъ высморкался въ него съ отвращеніемъ и прибавилъ:

— Вотъ теперь вы можете убрать этотъ платокъ; подайте мнѣ осьмой нумеръ.»

—

СТРАННЫЯ ИДЕИ МОНОМАНОВЪ. Вотъ два замѣчательные случая, которые свидѣтельствуютъ до чего праздность мозга можетъ довести человѣка. Привратникъ одного изъ домовъ улицы Barre-du-Bac, въ Парижѣ, не видя нѣсколько дней сряду одного изъ жильцовъ и найдя дверь его запертою изнутри, объявилъ объ этомъ

полицейскому коммиссару. Дверь выломали и нашли несчастнаго повѣсившимся на большомъ, зеркальномъ крюкѣ.

На столѣ его лежало открытое письмо, писанное его рукою, слѣдующаго содержанія:

«Мнѣ сорокъ три года. Родители мои, почтенные торговцы, «оставили мнѣ порядочное состояніе. До-сихъ-поръ я былъ со-«вершенно счастливъ. Я видѣлъ многое на свѣтѣ: я былъ всюду, «гдѣ только можно было найти удовольствіе и развлеченіе. Мнѣ «ничего не оставалось желать: я все испыталъ черезъ край. «Хотѣлось только мирно умереть, скорой смертью. Дней десять «тому мнѣ попался въ руки «Медицинскій словарь». Въ немъ «прочелъ я статью о разнаго рода смертяхъ и замѣчаніе, что «самая скорѣйшая и пріятнѣйшая по ощущеніямъ есть смерть «удавленія: я ее выбралъ....— Все мое имущество завѣщаю бѣд-«нымъ».

Второй безумецъ англичанинъ. Это очень богатый и еще довольно молодой джентльменъ въ Лондонѣ. Онъ былъ въ Остъ-Индіи и Калифорніи, путешествовалъ въ Африканскихъ степяхъ и въ дѣвственныхъ лѣсахъ Новой Голландіи, объѣздилъ всю Европу, всходилъ на Мон-Бланъ, спускался въ Гренельскій колодецъ въ Парижѣ, словомъ испыталъ все, совершилъ всѣ эксцентричности, какія только могутъ войти въ голову англичанина, и наконецъ былъ побѣжденъ своимъ сплиномъ. Недавно его нашли задохшимся въ его кабинетѣ. Онъ сидѣлъ въ креслахъ, передъ письменнымъ столомъ, за нимъ стояла огромная жаровня съ тлѣющими угольями, передъ нимъ лежалъ листъ бумаги, на которомъ онъ написалъ слѣдующее:

«Испытавъ въ жизни все, мнѣ хочется еще узнать, что «чувствуетъ человѣкъ, когда онъ умираетъ отъ угара. Этого не »нашелъ я ни въ одной физіологіи и потому рѣшаюсь открыть «эту важную тайну для науки. Теперь *два часа*. Я разжегъ «уголья. Запахъ начинаетъ распространяться по комнатѣ.... 2 *часа* «33 *минуты*: запахъ становится нестерпимъ, мнѣ онъ проти-«венъ.... 3 *часа*. Я привыкъ къ угару и могу его выносить.... «3 *часа съ четвертью*: голова моя сильно кружится.... Мнѣ пред-«ставляются странныя видѣнія.... *Половина четвертаго*: дыханіе «мое спирается.... грудь поетъ.... чувствую сильный стукъ въ «черепѣ.... въ ушахъ звѣнитъ.... на языкѣ какой-то желѣзистый «вкусъ.... *Четыре часа*. Въ глазахъ зелено и темнѣетъ.... пишу «на угадъ.... рука дрожитъ.... душно.... дурно.... умираю....

—

ОСТРОУМНЫЙ ОТВѢТЪ ДУЭЛИСТУ. Адмиралъ сэръ Томасъ Гарднжъ, извѣстный противникъ Кобдена, бывалъ имъ постоянно поражаемъ въ полемикѣ, которая между-ними завязалась. Выведенный наконецъ изъ терпѣнія послѣднимъ возраженіемъ оратора, который своими логическими доводами сдѣлалъ его смѣшнымъ предъ всею Нижнею Палатою, адмиралъ на дняхъ прислалъ къ нему письмо съ вызовомъ на дуэль. Кобденъ отвѣчалъ ему слѣдующее:

«Еслибъ я въ молодыхъ годахъ не былъ такимъ поклонни-«комъ таланта Шеридана и не видалъ на театрѣ его героя Сэ-«ра Луція О'Тригера, я теперь пришелъ бы въ немалое затруд-«неніе, чтобы понять смыслъ вашего письма. Но теперь, благо-«даря воспоминанію объ этомъ образцовомъ дуэлистѣ, я пони-«маю, что ваше предложеніе клонится къ тому, чтобъ мы поло-«жили перья и сошлись на личное свиданіе, не для того, чтобы «обсудить предметъ нашего спора, даже и не для того, чтобы «переговорить другъ съ другомъ, но за тѣмъ, чтобъ стать одинъ «противъ другаго шагахъ въ двѣнадцати, съ пистолетами въ ру-«кахъ, и попробовать вышибить другъ у друга мозгъ изъ чере-«па. Но я нахожу совершенно лишнимъ подвергать свою голову «подобному эксперименту, потому что очень хорошо знаю, что «унціи свинца, взорванной мѣнѣе чѣмъ четверть унціей пороха, «вполнѣ достаточно, чтобы раздробить черепъ на мельчайшіе «атомы и въ одинъ мигъ потушить въ человѣкѣ всю силу разума, «всякое чувство истины, правоты и религіи. Но какимъ обра-«зомъ подобная продѣлка можетъ убѣдить меня въ томъ, что я «не правъ въ отношеніи къ вамъ, или что ваши мнѣнія вполнѣ «справедливы, этого я, признаться, никакъ понять не могу. Я «полагаю, что вамъ вздумалось пошутить и серьезное дѣло по-«кончить смѣшнымъ, потому я отъ души и похохоталъ и, чтобы «отплатить равнымъ за равное, рѣшился даже пригласить моего «любимца *Пунша** въ секунданты».

Безподобный урокъ для тѣхъ, кто не будучи въ состояніи поддержать своего мнѣнія силою ума, прибѣгаютъ къ силѣ пороха!

---

* *Пунш* извѣстный англійскій саркатическій журналъ, который поражаетъ всѣхъ насмѣшкою и мѣткими каррикатурами.

СТРАННОСТИ ГЕНДЕЛЯ.

Знаменитый композиторъ Гендель, въ молодости, имѣлъ особенную страсть къ дуэлямъ.

Живя въ Парижѣ, онъ почувствовалъ непреодолимое отвращеніе къ какому-то неизвѣстному толстяку, котораго онъ встрѣчалъ нѣсколько разъ въ обществѣ. Хладнокровіе этого господина бѣсило Генделя; оно казалось ему принужденнымъ, онъ на каждомъ шагу видѣлъ въ немъ горькую сатиру на свою горячность.

Онъ счелъ себя обиженнымъ и вотъ однажды, на блестящемъ балу, улучивъ удобную минуту, спросилъ у своего соперника адресъ и объявилъ на ухо, что постарается быть у него на слѣдующее утро, желая имѣть съ нимъ дѣло.

Въ самомъ дѣлѣ, на другой день, съ разсвѣтомъ Гендель является къ своему мнимому противнику, который принимаетъ его очень холодно, но учтиво и предлагаетъ ему чашку шоколата.

Гендель, разумѣется, отвѣчалъ, что онъ пришелъ не для шоколата, а съ тѣмъ, чтобы отправиться вмѣстѣ куда слѣдуетъ.

— Съ удовольствіемъ, милостивый государь; но, знаете, уходя со двора, я всегда пью шоколатъ.... такая ужъ у меня привычка.... Неугодно ли и вамъ позавтракать со мною?

— Отчего-же?... Не откажусь!

И маэстро рѣшился подкрѣпить себя шоколатомъ.

Наконецъ, они отправляются вмѣстѣ. Дорогою, товарищъ Генделя заходитъ въ церковь.

— Послушайте! — кричитъ ему композиторъ. — Куда вы? Не намѣрены-ли вы ужъ простоять всю обѣдню!

— А что-же? — Я аккуратно каждый день хожу въ церковь, и всѣ дѣла начинаю послѣ обѣдни.... Ужъ у меня такая привычка!...

— Пусть такъ! — говоритъ Гендель, скрѣпя сердце и горя нетерпѣніемъ положить предѣлъ привычкамъ этого господина.

По окончаніи обѣдни, они выходятъ изъ церкви, и проходятъ вмѣстѣ по Тюильрійскому саду. Дойдя до воротъ, ведущихъ на набережную, тучный господинъ возвращается назадъ.

— Что вы дѣлаете, — спрашиваетъ разсерженный Гендель,— какая еще фантазія пришла вамъ въ голову?

— Ахъ, извините, послѣ обѣдни, каждое утро я имѣю обыкновеніе прохаживаться по большой аллеѣ....

— Надѣюсь, сегодня вы ужъ отложите свою прогулку....

— Низачто, милостивый государь.

— Какъ, такъ вы отказываетесь драться со мною?...

— Драться?... съ вами?... Вотъ ужъ, клянусь вамъ, не имѣю никакой охоты.... Притомъ-же такой привычки у меня нѣтъ.... Я, сударь, человѣкъ торговый.... Вы мнѣ изволили толковать объ дѣлѣ, — и до-сихъ поръ я все ждалъ, что вы объясните....

Горько было разочарованіе Генделя. Убѣжденный въ невинности своего противника, мокрой курицей побрелъ онъ домой, обѣщаясь въ душѣ, быть впередъ осмотрительнѣе и хладнокровнѣе.

—

Въ то время, какъ Гендель содержалъ въ Лондонѣ оперную труппу, онъ часто дирижировалъ оркестромъ, играя самъ на арфѣ. Разумѣется, игра знаменитаго композитора, иногда такъ увлекала зрителей, что они не обращали вниманія на сцену. Одинъ изъ пѣвцовъ труппы Генделя, глубоко оскорбленный подобнымъ невниманіемъ публики, обѣщалъ при первомъ случаѣ спрыгнуть со сцены прямо на Генделеву арфу. «И прекрасно — сказалъ Гендель;—только пожалуйста назначьте мнѣ заранѣе вечеръ, когда вы намѣрены исполнить ваше обѣщаніе; я извѣщу объ этомъ въ афишахъ, и вѣрно вашъ скачокъ доставитъ мнѣ болѣе сбора, чѣмъ ваше пѣніе.»

—

Однажды Мартиньякъ, въ бытность свою министромъ, пригласилъ многочисленное общество на ужинъ, предупредивъ, что на вечерѣ будетъ Гуэрта, знаменитый испанскій гитаристъ. Гости собрались, явился и Гуэрта, но рѣшительно объявилъ, что, не чувствуя вдохновенія, онъ не будетъ играть. Просьбы, настоянія, убѣжденія все было напрасно, и обманутый въ ожиданіи амфитріонъ, принужденъ былъ приказать подавать на столъ. Но, счастіе! въ то время, какъ ужинъ уже былъ поданъ, когда малѣйшая искра надежды была-бы безумствомъ, Гуэрта встаетъ и беретъ свой инструментъ. Онъ играетъ одну, другую, третью пьесу, вдохновеніе увлекаетъ его, слушатели начинаютъ безпокоиться, зная, что между тѣмъ, какъ артистъ разгорячается, горячій ужинъ остываетъ. Вдохновеніе Гуэрты, такъ долго не являвшееся, еще долѣе не исчезало, и въ продолженіи двухъ часовъ, онъ возбуждалъ нетерпѣніе и ужасъ слушателей не звуками гитары, но мыслью объ остывающемъ ужинѣ.

Ничто еще не возвѣщало утомленія ужаснаго испанца, какъ хозяинъ, искусно пользуясь мгновенной остановкой, подалъ знакъ

громкихъ рукоплесканій. Гуэрта былъ взволнованъ и гости сѣли ужинать.... Но ужинъ былъ уже холоденъ!...

—

Декартъ говорилъ: я признаю на свѣтѣ всего три рѣдкости: оратора — не эгоиста, подъячаго — не корыстолюбца и женщину — не болтунью.

—

Музыкантъ сказалъ разъ своему собрату по музыкѣ, который собирался писать оперу: «Всего болѣе старайтесь быть оригинальнымъ и придумайте что-нибудь новое, напримѣръ, начните вашу оперу слѣдующимъ образомъ: «Увертюра кончилась, занавѣсъ взвился. Разсвѣтъ. Театръ представляетъ сельскій видъ, но на сценѣ нѣтъ никого, на сценѣ все тихо, совершенно тихо, только слышно издали, какъ выколачиваютъ фракъ.»

—

Богатый человѣкъ имѣлъ секретаря, и выведенный изъ терпѣнія его нерадивостію и неловкими промахами, сказалъ однажды, выговаривая ему за неисправность: «Ты, братецъ, дуракъ»!

— «Позвольте замѣтить, милостивый государь,—сказалъ оскорбленный секретарь, — въ нашъ вѣкъ просвѣщенія и учтивости не говорится *ты*, а *вы*-дуракъ»!

—

Однажды за столомъ у Суворова рѣчь зашла о трудности узнавать людей. «Правда сказалъ хозяинъ мои мысли на этотъ счетъ таковы: вывѣска дураковъ — гордость; людей посредственнаго ума—подлость; а человѣка истинныхъ достоинствъ — возвышенность чувствъ, прикрытая скромностію.

=

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 6.

ВСЯКІЙ ШУТЪ

ИВАНЪ ИВАНЫЧЪ!

ШУТКА-ПОГОВОРКА ВЪ ДВУХЪ КАРТИНАХЪ, СЪ КУПЛЕТАМИ,

Ѳедора Кони.

Представлена въ первый разъ, въ С. Петербургѣ, Императорскими придворными актерами, 17 іюля, 1850 года, въ бенефисъ артистки Г-жи Сандуновой.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

ВЪ ПЕРВОЙ КАРТИНѢ:

Иванъ Иванычъ Ивановъ..... *Г. Мартыновъ.*
Ирина Семеновна, жена его..... *Г-жа Сандунова.*
Любушка, ихъ дочь..... *Г-жа Подобѣдова.*
Андрей Карпычъ Рожковъ, лекарь..... *Г. Каратыгинъ 2.*

Сеня, Лёля, Глаша, Липа } Малолѣтнія дѣти Иванова..... *Конлтовскій. Спрато Трескина. Иванова.* } Воспитан. Театральн. Училища.

Дѣйствіе происходитъ въ Торжкѣ, въ домѣ Иванова.

—

ВО ВТОРОЙ КАРТИНѢ:

Иванъ Иванычъ Ивановъ, изъ Торжка..... *Г. Мартыновъ.*
Иванъ Иванычъ Ивановъ, изъ Риги..... *Смирновъ 2.*
Иванъ Иванычъ Ивановъ, изъ Луги..... *Григорьевъ 1.*
Ирина Семеновна Иванова..... *Г-жи: Сандунова.*
Эмилія Богдановна Иванова..... — *Читау.*
Любовь Ивановна Иванова..... — *Подобѣдова.*
Мадамъ Размусъ..... — *Рейнеке.*
Ермилъ Ермилычъ Бородавкинъ, московскій купчикъ — Донъ-Жуанъ..... *Г. Марковецкій.*
Андрей Карпычъ Рожковъ..... *Г. Каратыгинъ 2.*
Извощикъ.....
Дворники и блюстители порядка.

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ, въ Hôtel-garni мадамъ Размусъ.

=

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

ИСТОРІЯ О КЛЮЧАХЪ.

(Комната; одна сторона отгорожена подвижными ширмами, за ними комодъ съ маленькимъ ручнымъ зеркаломъ; спереди письменный столъ съ бумагами.)

ЛЮБУШКА И МАЛОЛѢТНІЯ ДѢТИ ИВАНОВЫ.

Любушка. Ну, хорошо!... Поняли вы, какъ я вамъ растолковала?

Дѣти. Поняли. «*Папаша, голубчикъ, душечка! — дай гостинца, орѣшковъ, пряничка*»....

Любушка. Что вы, что вы! глупые! Развѣ я вамъ такъ говорила?

Дѣти. Такъ, сестрица! — Да, Люба! — А какъ же?

Любушка. Ахъ, вы, безтолочь этакая! — Сперва надо поздравить папашу. поднесть ему грибки, варенье, цвѣты, сказать все, какъ слѣдуетъ, а потомъ ужъ, если вы хорошо все это сдѣлаете, папочка дастъ вамъ гостинца; а не такъ, то ужо мама вамъ березовыхъ пряниковъ приготовила....

Глаша и Леля. Я не хочу березовыхъ, Люба.

Любушка. А не хотите, такъ дѣлайте, какъ я учила. Ну, начинайте. Я вотъ буду папаша. (*Она садится важно въ кресло*). Ну, Глаша, подходи.

Глаша (*подходитъ и очень неловко присѣдая, суетъ ей огромный букетъ*).

Любушка. Что это? развѣ я такъ показывала. (*Она вскакиваетъ, вырываетъ букетъ, дѣлаетъ реверансъ и говоритъ*): «Милый папаша, честь имѣю васъ поздравить — живите всегда такъ съ мамашей для нашей радости.»

Глаша (*передразнивая ее, повторяетъ за нею*). «Милый папочка! живите всегда такъ съ мамашей, — для нашей радости.»

Любушка. Ну, теперь ты, Лёля. Кланяйся, шаркни ножкой, говори.

Леля (*расшаркиваясь неловко.*) «Папочка, голубчикъ, вы очень

милы! Вотъ вамъ грибокъ, скушайте на здоровье.» (*Онъ подноситъ ей банку съ солеными грибами*).

Любушка. Ну, а ты, Сеня?

—

II.

ТѢЖЕ И ИРИНА СЕМЕНОВНА.

Ирина Семеновна (*вбѣгая въ кофтѣ и утреннемъ чепцѣ*). Гдѣ ключи? Что это, опять затащили! Ключи? Люба! ты взяла?

Любушка. Нѣтъ, маменька.....

Ирина Семеновна. Вѣрно изъ васъ, негодные, кто нибудь запропастилъ.

Дѣти (*кричатъ въ одинъ голосъ*). Нѣтъ, мамаша, я не бралъ, я не знаю.....

Ирина Семеновна. Вотъ наказаніе! Никакого порядка завести нельзя..... Положишь на мѣсто, глядь, и нѣтъ.... Ключи!... Вотъ еще яицъ надо достать, кулебяку смазать.... а тутъ бѣгай, пщи.... А ужъ вѣрно кто нибудь изъ васъ... Вотъ я когда-нибудь.... А что, Люба, у тебя все готово?

Любушка. Готово, маменька. Подарки лежатъ вотъ здѣсь, дѣти выучили поздравленія: только одного Сеню прослушать осталось.... Да онъ вѣрно знаетъ свои куплеты: съ нимъ занимается Андрей Карпычъ.

Сеня. Да, маменька, я лихо отхватаю куплетъ.

Ирина Семеновна. А — ну-ка, ну-ка.... какіе тамъ куплеты — послушаемъ. А то вы съ Андрей Карпычемъ наплететѳ такую кутерьму, что Боже упаси.... Вишь онъ все не по нашему дѣлаетъ, все по питерски. Прежде бывало у меня поясница заболитъ — онъ мнѣ магнезіи да въ баню пошлетъ, а какъ съѣздилъ въ Питеръ, все велитъ какую то гимназику принимать.

Любушка. Гимнастику, маменька.

Ирина Семеновна. Ну, тамъ гимназику, гимнастику, не все равно, что-ли?.... Еще, говоритъ, палками выправлять надо спину — словно я ему дура досталась.

Люба. Это новая метода леченія, маменька. Онъ говоритъ, что на театрѣ даже такъ представляютъ.

Ирина Семеновна. Штука: на театрѣ! Что-жъ я ему такъ и подставлю спину.... А ну-ка, Сеня, какіе куплеты?

Сеня (*становясь въ позу, патетически декламируетъ*).

Днесь родитель нашъ почтенный,
Въ день торжественный Гимена,
Я принесъ вамъ даръ безцѣнный,
Что внушила Мельпомена
Съ милой Таліей.... Прими....

(*Во время этой сцены вошелъ Рожковъ и, слыша свои стихи, останавливается въ восторгѣ*).

—

III.

ТѢЖЕ И РОЖКОВЪ,

Ирина Семеновна (*перебивая Сеню*). Стой! Стой.... что это ты.... постой....

Рожковъ. Зачѣмъ? Продолжай, продолжай! — Эхъ, Ирина Семеновна, не перебивайте его.

Ирина Семеновна. Не перебивайте! Да, что ты, батюшка, нѣшто не слышишь, что онъ говоритъ о подаркахъ какой-то Аграфены съ милой тальей....

Рожковъ. Эхъ сударыня! Онъ говоритъ объ Мельпоменѣ и Таліи... это двѣ главныя музы....

Ирина Семеновна. Музы! Что-жъ онѣ пріѣзжія какія, француженки что-ли, съ модными товаромъ?

Рожковъ. Нѣтъ! Это были въ древности миѳологическія богини комическихъ и трагическихъ пѣснопѣній....

Ирина Семеновна. Такъ зачѣмъ-же ты ихъ сюда приплелъ?

Рожковъ. Это ужъ такъ водится. Вотъ и въ Петербургѣ, когда я тамъ прожилъ три мѣсяца, у мадамъ Размусъ на Вознесенской, тоже всегда такъ выражались. Напримѣръ, у насъ бы сказали: я иду молъ въ театръ, а тамъ говорятъ — *въ храмъ Таліи и Мельпомены*; у насъ говорятъ — вотъ дородный парень, а тамъ — *вотъ Аполлонъ Бельведерскій*.... вонъ вы называете столицу просто Питеромъ, а тамъ — это значитъ *Сѣверная Пальмира*. Вотъ и меня напримѣръ.... Я по вашему кто?

Ирина Семеновна. Кто? ну, лекарь.

Рожковъ. То-то и оно! анъ нѣтъ: сынъ Эскулапа.

Ирина Семеновна. Помилуй, батюшка! Да отецъ твой былъ Карпъ Сидорычъ, его весь городъ знаетъ — какой же тутъ Скулапъ?

Рожковъ. Да, это по вашему, а по модному не такъ.

Ирина Семеновна. Ну, хорошо! Пусть по модному тамъ

музы.... а зачѣмъ-же ты написалъ въ день торжественный Семена, когда насъ вѣнчали въ Аграфенинъ день?

Рожковъ. Помилуйте Гимена, а не Семена.... Гименъ или иначе Гименей, древнее греческое божество бракосочетанія, изображается юношей, въ одной рукѣ держитъ цвѣточныя цѣпи брачнаго союза, а другою зажигаетъ факелъ любви, или иначе Амура.

Ирина Семеновна. Ну, да съ тобой не сговоришь.... Ты вѣдь все по ученому, да по-питерски.... Вонъ и моего Ивана Иваныча совсѣмъ съ толку сбилъ своимъ Петербургомъ, да Вознесенской, да какой-то мадамой Разумовой....

Рожковъ. Размусъ, а не Разумова.... иностранка.... дама важная, деликатная: нумера держитъ, разубранные такіе.... въ чепцахъ ходитъ — вотъ какихъ, и кофей варитъ мастерица, а на дворѣ каждый день музыка такъ и гудитъ....

Ирина Семеновна. Однако всѣхъ твоихъ басенъ не переслушаешь.... мнѣ еще дѣла съ три короба.... Гдѣ ключи?... Ахъ вотъ ключей не найду.... (*Суетится, бѣгаетъ, шаритъ вездѣ, все перерываетъ*).

Любушка. Маменька, да вы не положили ли ихъ въ карманъ?

Ирина Семеновна. Вотъ еще ты меня учить вздумала! (*Машинально опускаетъ руку въ карманъ и достаетъ ключи*). Ну вотъ, такъ и есть! Я говорила, что вы куда-нибудь засунули.... Съ вами ужъ порядка не жди. — Побѣгу на погребъ да на кухню.... А ты, Андрей Карпычъ, позадержи моего старика, пока мы изготовимся его встрѣтить торжественно, а какъ онъ будетъ собираться домой, прибѣги сказать.

Рожковъ. Ужъ будьте покойны! Все обдѣлаемъ наилучшимъ манеромъ ко всеобщему удовольствію..... Я вотъ и въ Петербургѣ...

Ирина Семеновна. То то-же смотри! (*Убѣгаетъ*).

Рожковъ. Вотъ вѣдь, Любовь Ивановна, ваша маменька какая странная.... не любитъ, когда ей заговоришь о Петербургѣ, объ важнѣйшемъ городѣ, о Сѣверной Пальмирѣ! А вѣдь это знаетели, не просто, что называется городъ, столица какая-нибудь: это, какъ сказалъ Пушкинъ — окно въ Европу.

Любушка. Окно? — Какъ же это?

Рожковъ. Да такъ-таки окно — и все тутъ. Вышелъ, поглядѣлъ — вся Европа, какъ на ладонькѣ: и море то такъ.... (*дѣлаетъ руками знакъ, что море волнуется*) и пароходы этакъ.... Пшъ! И желѣзныя дороги (*свиститъ*) пуфъ, пуфъ, пуфъ! И пушки разныя тамъ — таратаратамъ! И мостовыя этакія, хоть мазурку откалывай... (*Дѣлаетъ па мазурки*) и на арфахъ съ шар-

манками: (*поетъ*) «Ты не повѣришь, ты не повѣришь!....» Такъ вотъ оно что!

Любушка. Ахъ, это должно быть восхитительно!

Рожковъ. Да ужъ такъ восхитительно, что я вамъ скажу. Сѣлъ—фю-ю! (*свиститъ*) и за тридцать верстъ; сѣлъ — пши!— и за двадцать верстъ. Не то — въ гондолу; то-есть — въ яликъ, знаете, расписной, и по волѣ катай на острова. Ужъ объ шарахъ воздушныхъ я вамъ и не говорю. Однако, пойду, какъ-бы не прозѣвать Ивана Иваныча. Ну, дѣти, ступайте — бѣгайте по огороду, когда нужно будетъ, васъ кликнутъ, а вы, Любовь Ивановна, все подготовьте.... повысокоторжественнѣе, знаете....

Люба. Не безпокойтесь — у меня все будетъ хорошо.

(Рожковъ уходитъ. Дѣти запрягаютъ другъ друга въ лошадки и убѣгаютъ съ гикомъ).

—

IV.

ЛЮБУШКА, одна.

Ахъ, какъ должны быть счастливы петербургскія барышни! Тамъ всего много: и балы, и маскарады, и офицеры въ разныхъ мундирахъ.... и по водѣ, и въ шарахъ, и *пши*, и *пуфъ* — и всячески — все удовольствіе. Только наслаждайся. Когда папенька поѣдетъ навѣстить дѣдушку, какъ онъ говорилъ, я непремѣнно попрошу, чтобы онъ взялъ меня съ собою въ Петербургъ. Тогда разряжусь, локоны пущу вотъ какіе и подойду къ окну, полюбоваться на Европу.... (*Она подходитъ къ окну*). Ахъ, Боже мой! вѣдь это папенька спѣшитъ домой; а у насъ еще ничего не приготовлено для встрѣчи.... (*Бѣжитъ къ двери*). Маменька, маменька!... Папаша идетъ.... Скорѣй!...

—

V.

ЛЮБУШКА и ИРИНА СЕМЕНОВНА.

Ирина Семеновна (*вбѣгая*). Что? Идетъ? гдѣ? А я то еще не приряднлась.... и чепца не надѣла.... Гдѣ ключи? Люба! Ключи, куда ты дѣвала?

Любушка. Я не брала, маменька. У васъ были.

Ирина Семеновна. У меня! Вотъ прошу не сердиться! А я

еще тебѣ вчера отдала ихъ съ рукъ на руки — сахару достать.

Любушка. А давича вы ихъ нашли у себя въ карманѣ....

Ирина Семеновна. Ахъ, да!... Куда-же я ихъ задѣвала?... Поди-ка, поищи! А я пока за ширмой пріодѣнусь; то-то, чай, Ваничка мой удивится, какъ я выплыву къ нему кралей.... Онъ и не ожидаетъ сюрприза, и забылъ, что нынѣче наша серебряная свадьба. Ты смотри же, Люба, не пускай его за ширмы, пока я сама не выду.... А въ спальнѣ приготовь дѣтей, какъ слѣдуетъ; а тамъ ужъ, какъ я ударю въ ладоши, ты и веди ихъ съ поздравленіемъ и подарками. Я, чай, большой-то грибъ бѣлый—страшный эффектъ произведетъ?

Любушка. Разумѣется; папаша такъ любитъ бѣлые грибы.... Будьте покойны, маменька, я все приготовлю.

(*Ирина Семеновна уходитъ за ширмы, Люба въ другую комнату.*)

—

VI.

ИРИНА СЕМЕНОВНА (за ширмою), **ИВАНОВЪ** и **РОЖКОВЪ**.

Рожковъ (*останавливая Иванова въ дверяхъ*). Иванъ Иванычъ! Ну, сдѣлай-же милость — воротись! Воротись, хоть на минутку....

Ивановъ. Да что ты, Андрей Карпычъ, съ ума сошелъ? За чѣмъ воротиться? Я спѣшу объявить женѣ, дочери, дѣтямъ, людямъ, всѣмъ.... что вотъ де-молъ я нынѣче каковъ.... а ты тутъ— воротись!

Рожковъ. Да нужно-же; говорятъ тебѣ, крайне нужно.

Ивановъ. Нужно! Ну, братъ, ужъ это дѣло десятаго рода! Мнѣ понужнѣе.... Эй, жена, Риша, Люба, всѣ сюда.... Слушайте, новости — важныя новости....

Рожковъ. Ну, для меня, Ваня, голубчикъ! Будь другъ! Вернись! Я обѣщалъ твоимъ предувѣдомить, когда ты пойдешь домой.... да и проглядѣлъ; зазѣвался на новую почтовую карету, что ѣдетъ въ Петербургъ.... Такая отличная, англійская, настоящей петербургской работы....

Ивановъ. Объ чемъ это предувѣдомить?

Рожковъ. Да объ томъ, что ты идешь. — Тутъ видишь-ли, секретъ: (*тихо*) сюрпризъ тебѣ готовятъ.

Ивановъ. А! это дѣло десятаго рода.... Такъ я и самъ имъ сюрпризъ задамъ.... Риша, Риша, да гдѣ ты?

Ирина Семеновна (*за ширмами*). Здѣсь, Ваничка!... Сейчасъ, сейчасъ; нѣтъ-ли тамъ ключей?

Ивановъ. Ключей? — Нѣтъ. Да выходи сюда; смотри-ка, что я принесъ.... Такъ и ахнешь, тутъ дѣло десятаго рода....

Ирина Семеновна. Выйду, выйду, погоди маленько.

Ивановъ. Взгляни-ка, Андрей Карпычъ, вотъ сюрпризецъ.... (*Хочетъ показать ему газету*). Да, нѣтъ, — постой! Ты вѣдь знаешь, я пятнадцати лѣтъ поступилъ на службу, еще въ Питерѣ, мальчишкой?

Рожковъ. Знаю.

Ивановъ. Хорошо. А знаешь-ли, что я прослужилъ 35 лѣтъ?

Рожковъ. Ну, знаю.

Ивановъ. Знаешь. А какъ прослужилъ-то, знаешь? «Ни подъ штрафомъ, ни подъ судомъ, — родовыхъ не имѣетъ, за женой — тоже, благопріобрѣтеннаго — ничего.... аттестовался всегда благонадежнымъ и способнымъ....» А, смѣкаешь?

Рожковъ. Что-же тутъ смѣкать?

Ивановъ. А то, что это дѣло десятаго рода выходитъ.

Рожковъ. Какое-же дѣло?

Ивановъ. Сейчасъ увидишь.—Риша, Люба, дѣти.... Да гдѣ они всѣ запропастились? Риша — полно, брось, что у тебя тамъ? — ступай сюда.

Ирина Семеновна. Ахъ, какой нетерпѣливый.... вотъ сейчасъ.... Ключи только.

Ивановъ (*Рожкову*). Я, знаешь, хотѣлъ въ Тверь — тамъ кой какія дѣлишки были ... вчера чемоданчикъ свой къ Пожарской и отправилъ, думаю: не попадется-ли мѣстечко въ дилижансѣ, поспокойнѣе, какъ-то въ каретѣ..., а самъ и зашелъ сегодня въ присутствіе отпроситься дней на семь.... А тамъ, глядь.... дѣло-то десятаго рода.... Всѣ меня поздравляютъ, показываютъ вотъ газету, да въ казначейскую зовутъ.

Рожковъ. Зачѣмъ это?

Ивановъ. А вотъ увидишь. — Риша! Да полно тебѣ прятаться.... говорятъ, нужное дѣло....

Ирина Семеновна. Ахъ, Творецъ мой, не уйдетъ....

Ивановъ. Да что она тамъ въ-самомъ-дѣлѣ.... (*Хочетъ отворить ширмы*).

Ирина Семеновна. Не ходи, не ходи! Нельзя.... оставь!

Ивановъ. Нельзя? Это что за новости?... Пустяки какіе-нибудь.... (*Опять берется за ширмы*).

Рожковъ (*удерживая*). Эхъ, Иванъ! полно тебѣ — когда нельзя — значитъ нельзя.

Ивановъ. А вотъ увидимъ, что за штуки такія.... (*Дергаетъ ширмы, Рожковъ его удерживаетъ, Ирина Семеновна держитъ ихъ изнутри*).

Ирина Семеновна. Иванъ Иванычъ, оставь, не ходи! Слышишь, не ходи!

(*Ивановъ съ силой дергаетъ ширмы, онѣ падаютъ; Ирина Семеновна вскрикиваетъ и въ торопяхъ старается привести въ порядокъ свой туалетъ. Она въ огромномъ чепцѣ, обильно украшенномъ красными лентами, цѣлымъ пукомъ пестрыхъ цвѣтовъ и съ райскою птицей наверху. Старинное шелковое платье надѣто въ одинъ рукавъ, на другую руку она поспѣшно накидываетъ желтую шаль. Одна щека сильно нарумянена, другая нѣтъ.*)

Ивановъ. Ба, ба, ба! Это что?

Ирина Семеновна. Что? одѣться порядкомъ не далъ.... Загорѣлось!

Ивановъ. Да къ чему это ты такъ расфуфонилась?

Ирина Семеновна. Къ чему? слышите, еще спрашиваетъ.... Ахъ, ты.... Да для кого-жъ мнѣ рядится, какъ не для тебя, душка, Ваничка.... Ты вспомнилъ ли, какой у насъ нынѣче день?

Ивановъ. День какой?... Понедѣльникъ.

Рожковъ. А число-то?

Ивановъ. Ну, 17-е.

Ирина Семеновна (*взявъ со стола пакетъ, поспѣшно вынимаетъ изъ него шитые помочи и несетъ ихъ торжественно къ мужу*). Позвольте васъ поздравить, жизненочекъ, Ваничка: желаю много лѣтъ еще прожить такъ счастливо ...

Ивановъ. Что это? Да никакъ нынѣче день нашей свадьбы?

Ирина Семеновна. А ты и забылъ, вѣтренникъ!...

Ивановъ. Ну, это дѣло десятое.... Ужъ она на этотъ счетъ никогда не пропуститъ случая: каждый годъ по парѣ помочей! У меня ихъ теперь накопилось около двухъ дюжинъ....

Ирина Семеновна. Больше, сердце, больше!

Ивановъ. Ой-ли?

Ирина Семеновна. Взгляни на нумеръ.

Ивановъ (*разсматривая помочи*). Что это? № 25-й. Такъ значитъ нынѣче наша серебряная свадьба?

Ирина Семеновна. Затѣмъ-то я и вытащила изъ сундука

матушкино подвѣнечное платье, и чепецъ изъ Вышняго Волочка выписала.... А ты и не догадался?

Ивановъ. Виноватъ, моя старая куропатка, виноватъ!

Ирина Семеновна. Такъ поцѣлуй-же меня, жизненокъ!

Ивановъ. Ухъ, то-есть, вотъ какъ, съ удовольствіемъ. (*Они нѣжно цѣлуются.*)

Ивановъ (*Рожкову*). Ась? Что скажешь, пріятель?... Вѣдь это дѣло десятаго роду — двадцать пять лѣтъ прожили.... и видишь— ничего.... Такъ, все, какъ слѣдуетъ.... Она здоровёхонька, круглёхонька, веселёхонька.... и я тоже, видишь, какъ хорошо сохранился: глаза уцѣлѣли, лобъ — ничего.... А какъ пріятно то, какъ пріятно черезъ двадцать-пять лѣтъ супружества надѣть новыя помочи и воскликнуть: душка! Риша! жена! Приди въ мои объятія. (*Они обнимаются*). Не то, что вашъ братъ холостякъ пустопорожній.

Ирина Семеновна (*съ нѣжностію*). Охъ! это истинное наслажденіе.

Ивановъ. Да, истинное наслажденіе — семейной жизни!

Мы жили съ ней, какъ голубки,
И ссорились за пустяки
Мы раза два, не больше — въ сутки.
Она примѣрная жена....
Себя для мужа не щадила —
И двадцать пять годовъ она —
(*показывая помочи*)
Меня на помочахъ водила.

Погляди, погляди, какъ она меня любитъ.... не могу.... слеза прошибла. Но за то, что ты меня хотѣла порадовать печаянностію, и я приготовилъ тебѣ сюрпризъ. Смотри-ка сюда, это что? (*Показываетъ газету.*)

Ирина Семеновна. Печатная бумага.

Ивановъ. Да что въ ней напечатано — тутъ дѣло десятаго рода. Слушай-ко: (*Читаетъ*) «Такой-то Ивановъ» — знакомый человѣкъ, ась? — «за выслугу лѣтъ производится изъ Титулярныхъ Совѣтниковъ въ Коллежскіе Ассессоры» — ась? — «и по прошенію его увольняется, съ полнымъ окладомъ — ась! — вотъ она штучка-то! (*Показываетъ ей изъ кармана пучекъ ассигнацій*) «съ пенсіею за тридцатипятилѣтнюю, «безпорочную службу» — ась? — «и съ мундиромъ.» Ась — каково?

Рожковъ. Честь имѣю поздравить, добрѣйшій другъ....

Ирина Семеновна. Ахъ, ты мой жизненокъ! Какъ ты меня порадовалъ. Давно говорила, что пора тебѣ на покой.

Ивановъ. Да, оно ничего съ.... Мы теперь только Высокоблагородіе — въ рангѣ маіора — понимаете; съ этакими, знаете, густенькими.... (*помахиваетъ плечами, представляя какъ трясутся эполеты.*) Деревеньки покупать можемъ.... Такъ себѣ, дѣло десятаго роду.... Въ столицу пріѣдемъ — въ газетахъ тиснутъ.... Да-съ, вотъ оно, поди!

Рожковъ. Не могу тебѣ выразить восторга моихъ ощущеній при видѣ всяческой благодати, которою одарилъ тебя самъ Онъ....

Ивановъ. Какой, братецъ, Онъ, губернаторъ выхлопоталъ!— (*показывая изъ кармана бумагу.*) Вотъ мнѣ отпускъ-то и пригодился, сейчасъ ѣду въ Тверь благодарить его Превосходительство.

Ирина Семеновна. Какъ ѣдешь? Сегодня-то? Въ день серебрянной свадьбы!... Нѣтъ, какъ хочешь, не пущу — я и кулебяку приготовила, и сюрпризы, и гостей позвала.... Погоди, по крайности, сюрпризовъ....

Ивановъ. Нельзя, душка! Тутъ дѣло десятаго рода.... Казначей сказывалъ, что губернаторъ завтра вечеромъ ѣдетъ въ Петербургъ — надо захватить. Нельзя минуты терять.... Я ужъ и отпускъ взялъ, вотъ только сдамъ бумаги, а тамъ и—маршъ, маршъ.

Рожковъ. Да, матушка Ирина Семеновна, и Пиѳагоръ сказалъ: «благодарность есть доблесть людей благородныхъ»....

Ивановъ. Высокоблагородныхъ!... Такъ давай-же мнѣ мундиръ, шпагу, шляпу.... да поскорѣй! а я вотъ пока всѣ бумаги соберу....

Ирина Семеновна. Ахъ, Боже мой, какой непріятный случай.... А я-то хлопотала.... сама ватрушки мѣсила.

Ивановъ. Ну, ужъ дѣлать нечего.... Поторопись только.

Рожковъ. А я пока добѣгу къ Пожарской — тамъ карета новая подъѣдетъ.... Поразсмотрю еще хорошенько;—вѣдь петербурской работы.

Ивановъ. Ладно. (*Рожковъ уходитъ.*)

—

VII.

ИВАНОВЪ и его жена.

Ивановъ (*начинаетъ перерывать бумаги и видитъ, что все въ*

безпорядкѣ.) Что это? Риша, опять ты у меня все всбуторажила на столѣ?...

Ирина Семеновна. Ты не сердись, жизненокъ, это я искала....

Ивановъ. Чай опять ключей?... А кстати, дай-ка ключъ, деньги надо спрятать....

Ирина Семеновна. Ключъ! Сейчасъ! (*Начинаетъ суетиться и искать.*) Да онъ у тебя, душка.

Ивановъ. Гдѣ-же у меня, вѣдь я тебѣ отдалъ.

Ирина Семеновна. Такъ я его тутъ и положила.... (*Начинаетъ шарить по столу и роняетъ бумаги, которыя разсыпаются по полу.*)

Ивановъ. Что-жъ это! Ты всѣ бумаги у меня растрепала.... Какъ я ихъ теперь опять подберу — а пыньче сдавать надо; да что-жъ ты меня, въ петлю хочешь, подъ судъ?... чтобъ пенсіи лишили?

Ирина Семеновна. Какія глупости вы говорите, Иванъ Иванычъ!... Важное дѣло ваши бумаги.... Сами-же засунули ключь куда-нибудь, а на меня кричите; что жъ, я виновата, что-ли?... Вонъ, вѣрно за книгами.... (*Роетъ книги и роняетъ чернилицу на бумаги, чернила разливаются.*)

Ивановъ. Караулъ! Стой!

Ирина Семеновна. А кто виноватъ?... Самъ, самъ, самъ! тыбы еще побольше горло далъ.

Ивановъ (*плюетъ*). Тфу! тфу! Вотъ баба!... Просто десятаго рода выходитъ.... Ну, ужъ брось, брось! не размазывай.... Попрошу секретаря какъ-нибудь пособить.... Дай мнѣ хоть мундиръ-то и шляпу....

Ирина Семеновна. Все въ коммодѣ. (*Она опять суетится и вездѣ роется.*)

Ивановъ. Что, опять исторія объ исканіи ключей!

Ирина Семеновна. Обрадовался — наладилъ: исторія, исторія! Ну, какая исторія? — просто ключи ищу.

Ивановъ. Клала бы на мѣсто, такъ и было-бы дѣло десятаго рода.... а то все, тра! какъ-бы поскорѣй.... анъ и выходитъ, что быстрота не есть искусство!

Ирина Семеновна. Ахъ, ужъ не сердите меня, пожалуйста! Я сегодня и такъ разстроена.... Я просто... я кажется.... я сама не знаю, что сдѣлаю.... Я вотъ возьму, да умру съ досады.

Ивановъ. А, это дѣло десятаго рода! — Такъ ты мнѣ прежде мундиръ то, а тамъ ужъ, какъ хочешь.

—

VIII.

ТѢЖЕ, РОЖКОВЪ.

Рожковъ (*въ попыхахъ*). Иванъ Иванычъ, скорѣй, досталъ.... ухъ, запыхался.... Пять минутъ.... кончай.... все готово....

Ивановъ. Да, что такое? что досталъ?

Рожковъ. Мѣсто тебѣ — въ первоначальномъ дилижансѣ.... Сейчасъ ѣдетъ.... кондукторъ сказалъ: пять минутъ.... а тамъ, говоритъ, ждать не буду.

Ивановъ. Вотъ другъ, спасибо!... Риша, Люба.... Что-же, а гдѣ мундиръ?... Слышишь, пять минутъ....

Ирина Семеновна. Да вотъ все ключи проклятые....

Ивановъ. Что-жъ это, въ самомъ дѣлѣ.... ты того.... ты меня подъ сюркупъ.... непремѣнно подъ сюркупъ хочешь.... чтобъ его Превосходительство голову намылилъ.... подъ арестъ, можетъ и того, дѣло десятаго рода....

Ирина Семеновна. Надоѣлъ, отстань.... Такъ не будетъ-же тебѣ мундира, не стану искать ключей.... не хочу!.. На вотъ!

Ивановъ. Да ты съ ума сошла, кажется?

Ирина Семеновна. Самъ ты старый сумазбродъ!... Другой бы жену обожалъ на 26-й годъ брака, а ты только знай лаешься....

Ивановъ. Нѣтъ, терпѣніе мое лопнуло!... Баста! не хочу больше выносить!

Каждый день ключи теряетъ,
Всѣ замки потомъ ломаетъ —
Это хуже всякихъ мукъ,
Это просто вонъ изъ рукъ.
Быть у насъ съ тобой трезвону,
Я смотри, твою персону
За ключи, вотъ дай-ка срокъ,
Самъ упрячу за замокъ!

ИРИНА СЕМЕНОВНА.

Ахъ, какъ страшно! Ну, скажите!
Вотъ пѣтухъ-то, посмотрите!
Постыдился-бы людей!
Просто старый дуралей!

ИВАНОВЪ.

Да пора запѣтушиться,
Надоѣло мнѣ крѣпиться,
Мокрой курицей при васъ
Я не буду въ этотъ разъ.

ИРИНА СЕМЕНОВНА.

Да съ чего ты взялъ горланить?

ИВАНОВЪ.

Просто рѣжетъ и тиранитъ!...
Крикса старая, уймись....

ИРИНА СЕМЕНОВНА (*схвативъ зеркальцо со стола*).

Самъ ты, старый, — посмотрись!

ИВАНОВЪ.

За живое ты задѣла —
Тутъ десятое ужъ дѣло....
Берегись, я поверну....

ИРИНА СЕМЕНОВНА (*подбочинясь*).

Повернешь, а ну-ка, ну!

Ахъ, ты забіяка!... Да что ты, Бонапартъ что-ли, что воевать задумалъ?... и это за двадцатипятилѣтнюю ласку.... Повернешь! меня повернешь?... Ахъ ты, ни рыба, ни мясо! Да скорѣй я весь домъ поверну верхъ дномъ и тебя съ нимъ вмѣстѣ.... Либезиръ этакой! Ты думаешь, я не знаю, все знаю, все знаю!... Другая жена за одно слово только такъ-бы тебя отработала.... Да и я-то дура! смотрю ему въ зубы....

Ивановъ (*пріосамясь*). Молчать! — Тсъ! — Смирно....

Ирина Семеновна. Кому ты это? Кому.... молчать!... ахъ!

Ивановъ. Помни — я глава въ домѣ.

Ирина Семеновна. Какая глава, — ты просто голова безпутная!

Ивановъ (*внѣ себя*). Молчать.... Ни, ни.... Тшъ!

Ирина Семеновна. Нѣтъ, не могу, не въ силу.... Такъ наже вотъ тебѣ, буду говорить, говорю, говорю, говорю....

Ивановъ (*схвативъ ее трагически за руку*). Сударыня....

Ирина Семеновна. Что? А какъ я тебя вотъ какъ.... (*сильно ударяетъ рукою въ руку*).

Ивановъ. А-а-а! Это ужъ дѣло десятаго рода.

—

IX.

ЛЮБУШКА и ДѢТИ съ подарками.

Любушка (*толкая дѣтей*). Знакъ поданъ, ступайте!

Лёля (*поднося Иванову*). Папочка голубчикъ! Вотъ вамъ и грибы, скушайте на здоровье.

Ивановъ. Что? что? — ахъ, ты негодный....

Глаша. Поздравляю папа! Живите всегда такъ съ мамочкой, для нашей радости.

Липа (*съ банкой варенья*). Вотъ тебѣ гостинецъ и отъ мамаши.

Ивановъ (*внѣ себя*). Какъ! и вы туда-же, негодные! Такъ вотъ-же вамъ, вотъ-же вамъ! Надъ отцомъ не смѣйся, не смѣйся.... (*онъ тузитъ дѣвочекъ, а мальчишекъ деретъ за вихоръ, дѣти начинаютъ визжать и плакать; они убѣгаютъ.*)

Ирина Семеновна. Помилуй.... Дѣти то что тебѣ сдѣлали?

Ивановъ. Содомъ! настоящій Содомъ! И это мой домъ! Семейное счастіе десятаго рода! Полно! надоѣло! тошно! Вонъ отсюда! Дальше! Ѣдемъ, Андрей Карпычъ!... Оставайся-же ты!... Ключи потеряла.... некуда деньги спрятать.... Такъ вотъ я-же ихъ растранжирю! Всѣ, до копѣечки профинтю! Не хочу твоей кулебяки.... У Пожарской закажу порцію котлетъ, двѣ, три, десять порцій — на зло тебѣ — съѣмъ. Бутылку пива выпью, вина краснаго, бѣлаго, шампанскаго, рому — всего по бутылкѣ, по хересамъ пройдусь.... а ужъ на своемъ поставлю. А ты себѣ тутъ лайся, да майся! Только помни.... помни....

Ирина Семеновна. Что помнить!

Ивановъ. А то, что.... тутъ дѣло десятаго рода. (*Убѣгаетъ*).

Рожковъ. Вы ничего не бойтесь, Ирина Семеновна.... Я за нимъ, не допущу.... я буду его Ментеромъ, и никакая Калипса не похититъ вашего Телемака. (*Уходитъ.*)

—

X.

Ирина Семеновна. Ну, и этотъ понесъ.... Всѣхъ гончихъ городничаго перебралъ, Калипсу, Телемаку; что-жъ онъ его собаками домой загнать хочетъ? Оба съ ума стряхнули.... Да и ты, Люба, безтолковая! Нашла время напустить на него дѣтей съ поздравленіями, не могла подождать?

Люба. Вы сами, маменька, велѣли....

Ирина Семеновна. Когда, когда я велѣла, что ты!...

Люба. А какъ-же! вы сказали: когда я хлопну въ ладоши, ты и веди дѣтей.

Ирина Семеновна. Такъ глупая ты! въ ладоши, а я не сказала, что когда.... (*дѣтямъ, унимая ихъ.*) — Ну, ну, вы, не хны-

кать!... ватрушекъ дамъ, а не то, знаете, березовыхъ пряниковъ! Вы меня не сердите, я сегодня и такъ разстроена.... (*Дѣти унимаются.*) Эка важность, отецъ потрепалъ.... Это не кто-нибудь сторонній. Свой, родной! Онъ не въ духѣ.... ну, пройдетъ, вамъ-же гостинцевъ купитъ.... Вѣдь отецъ-то у васъ золотой человѣкъ! Добрѣйшей души, а ума тончайшаго.... Ласковый, примѣрный родитель, а мужъ какой!... Дай Богъ тебѣ Люба такого.... Вотъ двадцать-пять лѣтъ съ нимъ прожила: слова дурнаго не слыхала. Вотъ и теперь.... перекипулись такъ, просто, пурселепетанъ, въ шутку. Однако послать ему мундиръ-то;... охъ, ужъ еслибъ узнала, кто у меня эти ключи забельшилъ.... Дай-ка вилку — вилкой можно. (*Люба подаетъ, Ирина Семеновна начинаетъ ковырять замокъ, вилка ломается.*) Нѣтъ-ли ножа? (*Люба даетъ ножъ.*) Ну, и этотъ пополамъ.... Нѣтъ-ли чего другаго. (*Сжсатываетъ зонтикъ Любы.*) Фу, какъ они все дѣлаютъ на живую нитку, только всунула, повернула и кракъ....

Люба (*сквозь слезы*). Ахъ, маменька! Вы мой новый, петербургскій зонтикъ сломали. Что я теперь буду дѣлать?

Ирина Семеновна. Большая важность! и безъ ручки походишь; скажи, что-молъ теперь такая мода. (*Начинаетъ дергать за ручку, которая осталась въ замочной скважинѣ, ящикъ отворяется*). Ахъ, батюшки свѣты! да ящикъ-то не былъ запертъ.... изъ чего-жъ я, хлопотала и такого гаму подняла. Ну, Люба, завязывай скорѣй въ платокъ.... вотъ мундиръ, къ нему — приличное, шляпа, шпага.... Проворнѣй! Ахъ, какая мямля.... Давай, я сама, я сама!... Надо поскорѣй отнесть.... (*Готовится идти съ узелкомъ*).

—

XI.

ТѢЖЕ и РОЖКОВЪ.

Рожковъ (*вбѣгая*). Матушка, Ирина Семеновна! Вы не конфузьтесь.... Оно ничего.... совершенно ничего.... только такъ.... не совсѣмъ ловко.... Вы, пожалуйста, не конфузьтесь....

Ирина Семеновна. Да, что такое?

Рожковъ. Вашъ Иванъ Иванычъ.... только ужъ вы сдѣлайте милость.... я вѣдь тутъ ни причемъ....

Ирина Семеновна. Что-же, Иванъ Иванычъ?

Рожковъ. Да, онъ.... то-есть, какъ вамъ сказать.... онъ уѣхалъ.

Ирина Семеновна. Въ Тверь?

Рожковъ. Какое въ Тверь! Тото и бѣда, что не въ Тверь.

Ирина Семеновна. Куда-же?

Рожковъ. Да.... нѣтъ, ужъ вы лучше сядьте! (*Подставляетъ ей стулъ*).... Онъ уѣхалъ — въ Петербургъ!

Ирина Семеновна и Люба. Что?... Какъ? въ Петербургъ?

Рожковъ. Прямымъ трактомъ.... Только вы не безпокойтесь, онъ въ новой каретѣ, петербургской работы, спокойно, такъ важно, — одно мѣсто только и было, хотѣлъ отговорить, удержать, куда! Такъ и рвется, какъ левъ рыкающій.... «Нѣтъ, говоритъ, въ Тверь не попалъ, такъ ужъ въ Питеръ.... Тамъ, говорятъ, пока ключи отыщутъ, а губернаторъ укатитъ, такъ я, говоритъ, его ужъ въ Петербургѣ поблагодарю.... кстати-же, говоритъ, съ старикомъ-отцемъ повидаюсь, да притомъ, говоритъ, хочу покурить, тряхнуть старинной, молодость вспомнить».... Ну, я и рукой махнулъ.

Ирина Семеновна. Уѣхалъ, бросилъ.... ахъ, дурно.... дурно! (*Падаетъ на стулъ*).

Рожковъ (*не видя обморока Ирины Семеновны*). Нѣтъ, дурно не будетъ: я ему адресъ далъ, мадамъ Размусъ.... тамъ важно!

Люба. Боже мой, маменька! душенька, что съ вами? Помогите, Андрей Карпычъ.... (*убѣгаетъ*).

Рожковъ (*растерявшись*). Да.... помочь.... сейчасъ.... чѣмъ бы?... Водицы, уксусу.... вина очищеннаго.... что это? грибы.... вотъ и славно....

Ирина Семеновна (*Вдругъ вскакивая и расталкивая помогающихъ*). Да нѣтъ, этимъ онъ отъ меня не отдѣлается!... Бросилъ жену, сиротъ безъ призрѣнія.... нѣтъ, я не таковская! Законы не позволяютъ, начальство вступится.... Э, голубчикъ! Ты думаешь кутить, по холостому, такъ я же тебѣ заварю кашу.... Я городничему, губернатору, министру пожалуюсь.... сама съ просьбой въ Питеръ, упаду на колѣна, всѣхъ дѣтей заставлю клаяться.... (*Плача.*) Помогите, мнѣ горемычной, покинутой, безпріютной! Птенцовъ малыхъ ради — отецъ разгульной бросилъ.... По амурамъ въ Петербургѣ ходитъ, а мы все себѣ въ Торжкѣ сидимъ.... О-о-охъ, мы несчастные сироты.... (*Перемѣняя тонъ.*) Прошколю, прошколю молодца! Сѣдая крыса! Туда-же по холостому! — зубы съѣлъ, волосы сносилъ, а въ куры, да курбеты пускаться.... Постой-же! Люба, дѣти.... собираться, укладываться — ѣдемъ, ѣдемъ въ Петербургъ....

Рожковъ. Что вы, Ирина Семеновна, матушка, образумьтесь....

Ирина Семеновна. Ни, ни, и слушать не хочу — ѣдемъ, дѣти сбираться.

(*Дѣти вбѣгаютъ, начинаютъ въ радости плясать и пѣть:* «ѣдемъ, мы ѣдемъ!»)

Рожковъ. Такъ ужъ и я съ вами, прихватите.... Я хоть на облучкѣ.... ничего, я архалукъ надѣну.... А ужъ вотъ чудесъ-то насмотритесь....

Люба. Ахъ, какъ весело! сѣлъ и *пши*.... сѣлъ и *пуфъ*, *пуфъ*, *пуфъ*!

Ирина Семеновна. Пора! пора! Давайте картонки, несите перины, подушки, вяжите узлы: мы ѣдемъ! въ Петербургъ! въ Петербургъ!

(*Всѣ суетятся, занавѣсъ опускается*).

КАРТИНА ВТОРАЯ.

ИСТОРІЯ О РОДСТВѢ.

(Общая зала въ гостинницѣ. Справа отворенная дверь, ведущая въ корридоръ, слѣва дверь съ №№ 5, 6, 7, 8, 9. Въ срединѣ главный входъ. На авансценѣ окно, затворенное и на половину завѣшенное занавѣсками.)

I.

МАДАМЪ РАЗМУСЪ и ЭМИЛІЯ БОГДАНОВНА.

Мадамъ Размусъ. Вамъ скучно; ist es möglich?... не можно быть: здѣсь такъ все богато, такъ прекрасно выглядитъ, такъ много хороша, экипажъ кругомъ ѣздилъ и все аллерлибстъ.... Мейнъ Готъ! здѣсь не можно билъ скучно.

Эмилія. Что дѣлать, милая мадамъ Размусъ! Я одна.... разлучена съ мужемъ.

Мадамъ Размусъ. Разлучна — аберъ, зачомъ?

Эмилія. Дѣла задержали его въ Нарвѣ, и я должна была одна доѣхать до Петербурга.

Мадамъ Размусъ. Шёнъ! Такъ ви надо гуляй, смотрѣлъ

рѣдка штукъ, въ лодка пахъ Крестовска, одеръ на нѣмецка клубъ въ садъ.... тамъ музикъ прекрасна.... Полтинъ антре....

Эмилія. Все это я сдѣлаю, когда пріѣдетъ мужъ. Я жду его очень скоро, а пока надо потерпѣть. Скажите, милая мадамъ Размусъ, вы здѣсь вѣрно многихъ знаете....

Мадамъ Размусъ (*скороговоркой*). О я знай всѣ, и мадамъ Беръ, и мосьё Газе, и мамзель Фуксъ, геръ Мюллеръ, Мейеръ, Бекеръ, Веберъ, геръ Жонсонъ, Адамсонъ, Михельсонъ, Якобсонъ, Іозефсонъ, Абрамсонъ, мадамъ Хохбергъ, Клейнбергъ, Грюнбергъ, Монсбергъ, Вейсштейнъ, Шварцштейнъ, Грундштейнъ, Веленштейнъ и просто Штейнъ.

Эмилія. А Иванова, Ивана Иваныча — знаете?

Мадамъ Размусъ. Геръ Ивановъ....

Эмилія. Да, помѣщикъ изъ Луги.... Не останавливается-ли онъ у васъ?

Мадамъ Размусъ. Изъ Лукка.... мусьё Фицолини знаю, а геръ Ивановъ нѣтъ.

Эмилія. Жаль. Это отецъ моего мужа. Они не видались пятнадцать лѣтъ. Мужъ мой учился въ Дерптѣ, потомъ служилъ въ Ригѣ. Отецъ его между-тѣмъ женился. Мачиха никакъ не хотѣла, чтобы мужъ мой пріѣхалъ къ отцу — и мы не ѣздили. Но недавно мы узнали, что жена его умерла.... и вотъ теперь рѣшились. Мужъ мой предувѣдомилъ старика, что ѣдетъ и остановится у васъ, но ни слова не написалъ ему о томъ, что женатъ на мнѣ.

Мадамъ Размусъ. Ага! Папа нѣтъ знайтъ, что вы женъ на его сынъ.... Это называйсъ енъ сюрпризъ.

Эмилія. Да; только не знаю, удастся ли. Говорятъ, онъ старикъ крутой.... не скоро простятъ сыну, что онъ женился безъ его позволенія. Впрочемъ, если онъ сюда пріѣдетъ, я постараюсь ему понравиться, угодить, и потомъ открою, что я его невѣстка.

Мадамъ Размусъ. Я, я! это карошъ.... Аберъ вашъ мужъ должна аухъ просилъ прощенья.

Эмилія. Вотъ я и пишу ему, чтобы онъ поторопился.... Знаете, молодой женщинѣ, одной, въ чужомъ городѣ, въ гостинницѣ — такъ неловко.... Здѣсь безпрестанно....

Мадамъ Размусъ. Ихъ ферште!... Молодой кавальеръ.... когда онъ видѣлъ прекрасна лицъ, онъ куры махенъ.... Говорилъ: ахъ мадамъ, вы очень корошъ выглядитъ, я вы люблйсъ на умеретъ....

Эмилія. Именно. Особливо здѣсь у васъ есть одинъ, съ усиками и бородкой.... Онъ мнѣ ужасно надоѣлъ.

Мадамъ Размусъ. А! это мусьё Бордгавенъ.... много богата человѣкъ, мадамъ.

Эмилія. Можетъ быть, но только онъ пренеотвязный.

—

II.

ТѢЖЕ и БОРОДАВКИНЪ.

Бородавкинъ (*всторону*). А! Вотъ она — моя сильфида — волшебница! козырнемъ. Авось и поразимъ сердечко.... хозяйка важная будетъ.

Эмилія (*увидавъ его*). Опять онъ! (*Вслухъ.*) Скажите, милая мадамъ Размусъ, какъ мнѣ пройти на почту?

Бородавкинъ. На почту изволите? Касательно почтамта доложу, оно хоша не то, чтобы вразсужденіи разстоянія, — а однимъ — нельзя съ! — Вправо, влѣво, туда-сюда — заплутаете Такъ ли я говорю? Смѣю предложить — я васъ провожу.

Эмилія (*всторону*). Какъ мнѣ отъ него отдѣлаться?

Бородавкинъ. За особенную честь, съ наиглубочайшимъ нашимъ удовольствіемъ-съ — кавалеромъ вашимъ буду. Такъ-ли я говорю?

Эмилія. Да помилуйте, я васъ совсѣмъ не знаю.

Бородавкинъ. По этому поводу — ничего-съ. Я Бородавкинъ, Ермилъ Ермилычъ съ.... Такъ-ли я говорю-съ. Мы тоже люди заѣзжіе.... Да Петербурго-тъ у насъ въ карманѣ, почитай, раза три въ годъ сюда катаемъ.... Вотъ, мадамъ знаетъ.

Эмилія. Все это прекрасно, но я бы желала....

Бородавкинъ. Чтожъ, можно-съ. Не постоимъ. На счетъ капиталовъ, извѣстность по всей Москвѣ имѣемъ — и въ Нижнемъ и здѣсь всякую аттентацію по этому самому случаю находимъ.... Такъ-ли я говорю.

Эмилія. Но ваши вѣжливости и предложенія....

Бородавкинъ. И оптомъ и въ разницу отпускаемъ.... Безоблыжно доложу, все въ отмѣннѣйшемъ видѣ, самаго высокаго сорту.... Такъ-ли я говорю? Вотъ и мадамъ скажетъ.

Эмилія. Я должна вамъ откровенно сказать, что ваши ухаживанія мнѣ вовсе не по сердцу. Я васъ попрошу меня оставить.

Бородавкинъ. Въ силу чего-же евто-съ?... Вамъ однѣмъ-то не приходится по столицѣ шмыгать.... не въ авантажѣ будетъ....

Вы, то есть, такая дамочка... деликатная, такой амурчикъ, знаете.... Такой бон тонъ.... Ну, оно безъ мужскаго-то полу и не въ аккуратѣ — такъ ли я говорю?

Мадамъ Размусъ. Аберъ, любезна господинъ Бордгавенъ.... когда Эмилья Богдановна не кочетъ на ви гуляй....

Бородавкинъ. Вы, мадамъ, въ сторону.... не по вашей части, вы вопъ на счетъ кофеевъ, да бистексу съ картофелемъ.... а эта статья не про васъ писана.... (*Онъ ее поворачиваетъ*).

Мадамъ Размусъ. На, на! нихтъ гробъ — мусье Бодгавенъ.

Бородавкинъ. Ну ладно, да только вы теперь проваливайте....

Мадамъ Размусъ. Какой шалунъ! (*Смотря въ окно*). А вотъ шемоданъ.... вѣрно нохъ одинъ пріѣхала. Адьесъ, мадамъ! Мой надо встрѣчай. (*Она спѣшитъ изъ комнаты.*)

Бородавкинъ. Такъ ужъ будьте благонадежны, сударыня.... Мы вамъ всякія рѣдкости и удовольствія на лицо представимъ.... Намъ что, дѣло бывалое всю столицу почитай, со всѣхъ концовъ перемѣряли.... Такъ-ли я говорю.... Мы вѣдь не какъ-нибудь на аллегоріяхъ — у насъ все по настоящему фундаменту.

Питеръ дивная столица
Я осмѣлюсь доложить:
Распотѣшить мастерица
И карманъ растормошить.

—

Здѣсь, что шагъ, то удивленье!
Всюду марморъ да гранитъ; —
И ужъ точно освѣщенье —
Все на газѣ обстоитъ.
Все такъ чисто и вальяжно...
Всюду этакой бонтонъ...
И устроено такъ важно —
На отличный все фасонъ.

—

Какъ кандитерскія знатно,
Здѣсь разубраны ей, ей!
И у каждой аккуратно
Двое есть зубныхъ врачей!
Надъ сластями, шеколадомъ,
Порти зубы — ни почемъ!
Тутъ вамъ вырвутъ, вставятъ рядомъ —
Все за рубликъ серебромъ!...

—

А ужъ сколько заведеній,
Въ захолустьяхъ даже всѣхъ,
Для душевныхъ развлеченій
И желудочныхъ утѣхъ!
Здѣсь на дачахъ загляденье
И воксалы и кафе,
Рестораны — объѣденье —
Просто — то-есть — *тутъ-а-фе!*

—

Такъ васъ вѣжливо обступятъ,
Требуй, знай себѣ — не брось!
Правда въ три-дорога слупятъ,
Но за то ужъ все — хоть брось.
Порціи поменьше горстки,
Бутерброты подъ стекломъ,
Водку подаютъ въ наперсткѣ, —
Утонченности во всёмъ.

—

Рыба сигъ, лосось и штокфишъ, —
Все расчитано на вкусъ:
Что желудка не испортишь,
Ужъ за это поручусь.

—

А на счетъ скажу Пассажа,
Есть-ли въ мірѣ гдѣ такой?
Преогромный, въ три этажа,
А вѣдь лѣтомъ, — весь пустой.
Хоть торговля тамъ въ изъянѣ,
Плохо сводится итогъ,
Да за то поютъ цыгане:
«Ужъ какъ вьетъ вьетерокъ!»
Все въ размѣрахъ здѣсь гигантскихъ,
Отъ палатъ до фонарей....
И, окромя *«итальянскихъ»*,
Не бываетъ здѣсь ночей.
Чтобъ потѣшить слухъ и взоры
Польки дуютъ на трубахъ,
Огнедышащія горы
Вамъ построятъ на *Водахъ*.

—

Сколько разныхъ есть сокровищъ!
Видишь диво каждый часъ:

Здѣсь — въ Кунсткамерѣ — чудовищъ,
У цыганъ венгерскій плясъ.
А послушать Лизу, Грушу,
Какъ распустятъ голосокъ —
Потрясаютъ просто душу,
Растрясаютъ кошелекъ!

—

Что за дамы! Какъ порхаютъ!
Легче, кажется, пера....
А шары-то какъ спускаютъ...,
Надувать здѣсь мастера!
Да, ужъ надобно сознаться,
Что отыщется не вдругъ
Въ цѣломъ свѣтѣ, можетъ статься, —
Городокъ, какъ Петербургъ!

Такъ вотъ что-съ! Такъ-ли я говорю!

Эмилія. Все это очень мило, только я пока не расположена пользоваться вашими сокровищами.

Бородавкинъ. Почему-же-съ?

Эмилія. Такъ.

Бородавкинъ. Что-же такъ?... Я вамъ всякое удовольствіе доставлю, безъ всякаго начета, все на собственный коштъ; потому что я.... то-есть, вы мнѣ.... какъ-бы доложить просто, съ позволенія сказать — влюбленъ-съ.... Вотъ, глазки-то у васъ такія, и ротикъ.... Не могу ужъ: слабъ человѣкъ есть.... Пылаю, такъ-ли я говорю?

Эмилія. Не знаю, такъ-ли вы говорите, только я вашъ пожаръ залью однимъ словомъ.

Бородавкинъ. Не можно-съ!... Вѣрьте слову, ни какъ нельзя.

Эмилія. А если я вамъ скажу, что я замужемъ.

Бородавкинъ. Замужемъ-съ!... Штуки! Это такъ говорятъ.... знаете, для большей важности.... А въ наличности, примѣромъ, совсѣмъ другое.... Нѣтъ, ужъ мы по этимъ счетамъ проходили.... Птичку по полету узнаемъ. Такъ-ли я говорю?

Эмилія. Такъ вы мнѣ не вѣрите?

Бородавкинъ. Оно вѣрить почему-же, можно-съ.... да только что сумнительство беретъ.

Эмилія. Послѣ этого намъ нечего больше говорить. Прошу уволить меня отъ вашихъ объясненій — и главное: я не нуждаюсь въ провожатомъ. Понимаете?

Бородавкинъ. То-есть, изволите говорить: на лѣво кругомъ, проваливай!... Чтожъ, хоша оно и болѣзненно по сердцу и амбиція страдаетъ — пойдемъ-съ! самимъ послѣ жалко станетъ, что человѣка безвинно обидѣли; Богъ съ вами! жестоки больно къ нашему брату.... что-жъ мы, по вашему, хуже тамъ какихъ-нибудь этакихъ франтовъ... Ничего съ.... такъ-ли я говорю?... Пойду! — Только вы сжалитесь опосля?

Эмилія. Пожалуйста, оставьте меня.

Бородавкинъ. Нѣтъ скажите, сжалитесь?

Эмилія. Нѣтъ.

Бородавкинъ. Нѣтъ!... Ну, и на томъ благодарны.... Однакожъ.... (*Эмилія показываетъ знаки нетерпѣнія.*) Иду, иду! не серчайте.... гнѣваться не для чего! (*встороиу.*) Распѣвай! знаемъ мы.... Пойду, за угломъ ее покараулю. Нѣтъ, сударыня, такъ дешево не отдѣлаешь отъ нашего брата. (*Уходитъ, напѣвая*):

«Я въ пустыню удаляюсь
Изъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ!»

—

III.

Эмилія, одна.

Вотъ наказаніе! Этотъ франтъ, кажется, хочетъ замучить меня до смерти. Хоть-бы мужъ поскорѣй пріѣхалъ.... Перейти изъ этой гостинницы не смѣю, а здѣсь просто оставаться нельзя: онъ преслѣдуетъ меня на каждомъ шагу.

—

IV.

Эмилія, Ивановъ изъ Торжка, мадамъ Размусъ, извощикъ *вноситъ за ними чемоданъ, и кладетъ его у двери.*

Ивановъ (*за кулисами*). Слышу, матушка мадамъ! Не безпокойтесь....

Эмилія. Ахъ! это вѣрно опять пріѣзжій.

Ивановъ (*входя.*) Эхъ, порастрясло старыя кости съ непривычки.... Ну, да это дѣло десятое: теперь на мѣстѣ все какъ рукой сниметъ.... Ай-да Питеръ! не узнать — какъ онъ въ тридцать-то лѣтъ наполнѣлъ и выросъ! (*Увидя Эмилію.*) Ахъ, изви-

ните съ.... мое почтеніе.... не замѣтилъ, право, въ попыхахъ.... (*Извощику.*) Что же ты стоишь?

Извощикъ. А на водочку-то, баринъ.

Ивановъ. Разбойникъ ты этакой.... за два шага взялъ полтинникъ, и еще на водку тебѣ давай.

Извощикъ. Какъ-же, батюшка, сами изволите знать.... Рядили одни, а пріѣхали съ чемоданомъ.... Еще сюда тащилъ.

Ивановъ. А, это дѣло десятаго рода.... на вотъ (*шаритъ въ карманахъ.*) Что это, видно мелочь всю размытарилъ.... Есть у тебя на синенькую сдачи....

Извощикъ. Куда намъ.... съ почину посадилъ вашу милость.

Ивановъ (*кличетъ въ кулису*). Мадамъ, мадамъ! одолжите, нѣтъ-ли у васъ мелочи?

Мадамъ Размусъ (*входя*). Ахъ, Готъ! это большой бумажка, мой не будетъ — такъ много. (*Суетясь, опять уходитъ.*)

Эмилія. Не угодно-ли, я вамъ размѣняю....

Ивановъ. Крайне обяжете, если смѣю безпокоить....

Эмилія. Съ большимъ удовольствіемъ. (*Она вынимаетъ кошелекъ и размѣниваетъ деньги.*)

Ивановъ (*всторону*). Вотъ добрая душа.... (*Посматривия на нее.*) Да какая хорошенькая! Глазки этакія.... право — картинка — просто. (*Вслухъ.*) Премного, много одолжили ... (*Извощику.*) На, тебѣ, убирайся! (*Мадамъ Размусъ опять входитъ.*)

Извощикъ. Маловато, баринъ.

Ивановъ. Какъ мало? Четвертакъ.

Извощикъ. Что-жъ четвертакъ.... Неужто жъ только четвертака стоитъ?

Мадамъ Размусъ. Ахъ, любезна господинъ, это много.... Зачемъ ви.... Пошла, пошла вонъ, глупа человѣкъ...

Извощикъ. Чтожъ, пойду; пожалуй, обидѣть бѣднаго человѣка не долго.... (*Мадамъ Размусъ его выталкиваетъ и за нимъ уходитъ.*)

Ивановъ. Ну, скажите! Что, у васъ всегда такъ извощики? Нѣтъ, ужъ я лучше пѣшкомъ буду.... а то этакъ, пожалуй, въ одну недѣлю дѣло десятаго роду выдетъ. — (*Эмиліи.*) Какъ мнѣ васъ благодарить, право не знаю.

Эмилія. Помилуйте! Стоитъ-ли эта бездѣлица...

Ивановъ. Ну, нѣтъ, это много значитъ.... Я вѣдь здѣсь чужой, круглый сирота, формально одинъ одинешенекъ, то-есть ни жены, ни дѣтей, ниже какого семейства.... — такъ оно чувстви

тельно, когда такая прекрасная особа.... Желалъ бы отслужить самъ.

Эмилія. Вы ужъ слишкомъ обязательны, моя мелочь не стоитъ того....

Ивановъ. Много стоитъ, каждый двугривенный червонца стоитъ.... Сами, вашими ручками изволили достать.... Нате! говорите, отдайте извощику.... Нѣтъ, ужъ этого никогда не забуду.... это такое дѣло, я вамъ скажу.... просто дѣло десятаго рода.

Эмилія. Оригиналъ, а кажется добрякъ.

Мадамъ Размусъ (*входя*). Господинъ.... ваша паспортъ.

Ивановъ. Въ чемоданѣ, матушка! Разложусь, тотчасъ вамъ представлю....

Эмилія. А я на почту пойду. Такъ гдѣ это, мадамъ, разскажите мнѣ. (*Она уходитъ съ мадамъ Размусъ, раскланиваясь съ Ивановымъ. Ивановъ расшаркивается.*)

Ивановъ. Всякой удачи, удовольствія.... успѣховъ, скораго возвращенія.... имѣю честь.

—

V.

ИВАНОВЪ, изъ Торжка, одинъ

Премиленькая штучка, канальство! У насъ такія не водятся. Такъ вотъ оно! За пятьсотъ слишкомъ верстъ катнулъ.... хорошо, что жена подняла гвалтъ, а то-бы, можетъ, до самой смерти не попалъ въ Петербургъ! Конечно, не правъ я, обидѣлъ старуху.... да хорошо вышло. Впередъ не задѣвай за чувствительную струну.... А теперь пожурую! Толи дѣло, какъ нѣтъ обузы на шеѣ.... ни жена не тормошитъ, ни ребята не тревожатъ... Холостъ себѣ, гуляй малина — да и все тутъ! Теперь вспомню молодость, удалую жизнь.... всѣ дѣла десятаго рода, какъ бывало въ Красный Кабачекъ, или на Крестовскій.... ты и такъ, и этакъ, курбеты разныя строишь, въ галантерейство пускаешься.... а тебѣ улыбочки, глазки, ручки.... Ахъ, чортъ возьми! Такъ кровь и заговорила... Такъ-бы вотъ сейчасъ въ матрадуру и пустился.... (*Напѣваетъ матрадуру и танцуетъ.*) Э! Иванъ Иванычъ! Да ты еще молодецъ! Хоть куда.... Можно еще и того.... Вотъ за этой хорошенькой приволокнуться.... Жена далеко, не узнаетъ.... (*Смотрясь въ зеркало*). Только вотъ попзмялся съ дороги.... ничего, здѣсь выправлюсь, выряжусь, помолодѣю. — Ужъ такъ и быть, кутить, такъ кутить: парикъ закажу.... три зуба вставлю, бакенбарды сбрѣю...

вотъ тогда эта хорошенькая передъ нами и не такъ присядетъ. Прежде всего надо отдохнуть, выспаться, пообѣдать поплотнѣе, потомъ отыскать старичка — отца въ Офицерской.... Удивится мой папаша! Но къ нему завтра вечеркомъ, пусть сперва получитъ письмо, что я ему послалъ изъ Новгорода.... А то, какъ не предупредишь, да вдругъ нагрянешь — пожалуй и дѣло десятаго рода выдетъ.

—

VI.

ИВАНОВЪ изъ Торжка, ЭМИЛІЯ и БОРОДАВКИНЪ.

Эмилія (*входя*). Нѣтъ! это невыносимо! Онъ преслѣдуетъ меня даже на улицѣ. Чтобъ отвязаться отъ него, я должна была воротиться назадъ. Но если онъ опять придетъ? Что мнѣ дѣлать.... А, вотъ и давишній пріѣзжій.... Прекрасная мысль! Онъ старикъ, притомъ, кажется, добрякъ, онъ вѣрно согласится мнѣ помочь. (*Вслухъ.*) Какъ, сударь, неужли вы не отдыхаете послѣ вояжа? Впрочемъ, я очень рада, что васъ нашла еще здѣсь.

Ивановъ (*всторону*). Рада!... Закидываетъ удочку — сирена.... Что-жъ, мы не прочь....

Эмилія. У меня есть до васъ просьба....

Ивановъ, Душой радъ служить, если только....

Эмилія. Вы были давича такъ обязательны....

Ивановъ (*всторону*). Вишь-ты, вишь-ты, какъ подъѣзжаетъ.... ай, да мы!

Эмилія (*увидя входящаго Бородавкина, всторону*). А, вотъ и мой надоѣдало!

Бородавкинъ. Пташка-то домой прилетѣла.... Не уйдешь, голубушка, вотъ и мы за тобой.

Эмилія. Времени терять нельзя.... рѣшусь! (*Иванову.*) Ахъ, другъ мой, какъ ты меня одолжилъ! Ты не повѣришь, въ какомъ я восторгѣ, что опять тебя увидѣла. Кажется, на долго-ли мы разставались, а я просто чуть не умерла съ тоски.

Бородавкинъ (*всторону*). Это что за окказія?

Ивановъ (*всторону*). Эге!... Да она не теряетъ времени.... (*Вслухъ.*) Какъ? то-есть.... Я не совсѣмъ вслушался....

Эмилія (*тихо*). Ради Бога! не противорѣчьте мнѣ.... (*Вслухъ.*) Я ждала тебя завтра или послѣзавтра, ты мнѣ просто сдѣлалъ сюрпризъ.

Ивановъ (*всторону*). Да и себѣ, кажется....

Бородавкинъ (*выступая впередъ*). Это, смѣю спросить, ужъ не сожитель-ли вашъ?

Эмилія. Вы угадали; это мой мужъ, Ивановъ. Онъ сейчасъ только пріѣхалъ съ почтою.

Ивановъ (*всторону*). Часъ-отъ-часу не легче: она ужъ и фамилію мою знаетъ.... откуда провѣдала?

Бородавкинъ (*всторону*). Провались онъ сквозь землю! (*Вслухъ*) Крайне пріятно съ, позвольте имѣть честь....

Ивановъ. Мнѣ также чрезвычайно лестно.... (*Тихо Эмиліи.*) Однако, сдѣлайте милость, объясните мнѣ....

Эмилія (*тихо*). Послѣ, послѣ все узнаете....

Ивановъ (*всторону*). Послѣ.... гмъ! Дѣло десятаго рода.... Значитъ и до развязки доходитъ....

Бородавкинъ (*всторону*). Онъ простофиля, кажется.... Надоть къ нему поближе присосѣдиться. (*Вслухъ*) Я, сударь, безъ васъ имѣлъ честь супругѣ вашей кой-какія услуги оказывать.... знаете, чужой городъ, многолюдство такое.... народъ, знаете, этакой, со всячинкой.... нельзя-же.... Такъ-ли я говорю? Вы ужъ сдѣлайте милость.... коли что понадобится, прямо ко мнѣ — я вамъ и рѣдкости всѣ покажу, ~~и кабиловъ арабскихъ,~~ и какъ шары надуваютъ....

Ивановъ. Я, милостивый государь, съ особеннымъ моимъ удовольствіемъ....

Эмилія (*тихо*). Не принимайте.

Ивановъ (*скоро*). Долженъ на-отрѣзъ вамъ отказать.

Бородавкинъ. Помилуйте, почему же?

Ивановъ. При другихъ обстоятельствахъ, я-бы конечно....

Бородавкинъ. Значитъ, вы здѣсь по дѣлу изволите?...

Ивановъ. Я пріѣхалъ собственно, чтобы ничего не дѣлать....

Эмилія (*быстро*). Мужъ мой по особенному порученію.

Ивановъ. Да, да, точно — по особенному порученію.... знаете, дѣло десятаго рода....

Бородавкинъ. Въ такомъ случаѣ, не могу-ли быть полезенъ?

Ивановъ (*тихо*). Можетъ онъ быть полезенъ?

Эмилія (*тихо*). Нисколько!

Ивановъ (*вслухъ*). Нисколько. Въ настоящемъ моемъ положеніи, я нахожусь вынужденнымъ отказаться....

Бородавкинъ. Такъ проснмъ на предки. Мы всегда, то-есть

съ отмѣннымъ удовольствіемъ-съ. *(Встороиу.)* Кажись, тутъ что-то не ладно.... мужъ-то маненько будто не совсѣмъ въ своей тарелкѣ.

—

VII.

ТѢЖЕ, МАДАМЪ РАЗМУСЪ.

Мадамъ Размусъ. Когда ви угодна кушаль: кафе готовъ, и буттербродъ, и фрюштикъ.

Ивановъ. А, пофриштикать. Отлично, мадамъ, придумали, меня давно червячекъ мучитъ. Мы идемъ.... *(Бородавкину.)* А вы съ нами?

Бородавкинъ. Я ужъ перехватилъ и залилъ.

Эмилія. Пойдемъ-же, мой другъ, пока не простыло.

Ивановъ. А — да, да.... пойдемъ.... милая.... душечка, пойдемъ!

(Она беретъ его подъ руку и оба уходятъ въ корридоръ.)

Мадамъ Размусъ. Мой другъ!... мила душъ!... Аберъ васъ истъ дасъ? Скажитъ, мусьё Бордгавенъ, эта господинъ мужъ на молодой дамъ?

Бородавкинъ. Сдается, мадамъ.... а пожалуй, на повѣрку выдетъ и какъ оно! — кто ихъ знаетъ. Долго-ли онъ здѣсь пробудетъ?

Мадамъ Размусъ. Я не знай. Онъ спроситъ комната.

Бородавкинъ. Комнату? А на что она ему, коли у жены есть нумеръ? Нѣшто они не вмѣстѣ будутъ жить?

Мадамъ Размусъ. Я, я! ви правда говоритъ. Я сейчасъ его багажъ на ея компатъ относитъ, какъ вы думайтъ?

(Она беретъ чемоданъ Иванова и уноситъ въ корридоръ.)

Бородавкинъ. Именно, отнесите. Тутъ что-то не чисто.

Мадамъ Размусъ. Зо! Нѣтъ правда, у меня вездѣ шисто.

—

VIII.

БОРОДАВКИНЪ, ПОТОМЪ ИВАНОВЪ ИЗЪ ЛУГИ.

Бородавкинъ. А вотъ мы и допытаемся до настоящаго ка-

зуса.... Можетъ, это она изъ хитрости его въ мужья пожаловала, чтобъ только меня одурачить.... Такъ-ли я говорю? Да вѣдь мы московскіе, не таковскіе, на мякинѣ нашего брата не проведешь.... Вона, еще новое лицо.

Ивановъ изъ Луги (*входя, встороиу*). Гмъ! такъ вотъ гдѣ!... (*Бьетъ себя по груди*). Смирно! ты тамъ! что запрыгало?... Я долженъ встрѣтить его строго.... съ приличной важностью, а не какъ баба, со слезами, да охами.... (*Утирая глаза.*) А просятся, негодныя.... Пятнадцать лѣтъ не видались! Легко сказать! Бѣдный Ванюша! Ни разу не обнялъ его, ласковаго слова не сказалъ.... а все моя покойница, у которой я служилъ подъ командой.... Ну, да и онъ не правъ.... Только-бы выдержать первый огонь свиданія.... А, вотъ молодой человѣкъ.... ужъ не онъ-ли?

Бородавкинъ (*встороиу*). Что это онъ меня ревизуетъ.... али на мнѣ что такое....

Ивановъ изъ Луги. Нѣтъ, должно-быть не онъ.... ни одной черты не узнаю.

Бородавкинъ. Вы, можетъ-статься, на-счетъ покойчика.... такъ можно сейчасъ мадаму кликнуть.

Ивановъ изъ Луги. Не безпокойтесь. А вы здѣшній?

Бородавкинъ. Постояльцы мы, заѣзжіе.... въ Москвѣ собственно коммерцію ведемъ — по сукопной, и на Ильинкѣ.... А вы, значитъ, здѣшній житель?

Ивановъ изъ Луги. Да, я живу по-близости. Отставной поручикъ Ивановъ. Извините, что я вамъ не поклонился, какъ вошелъ. Вы, можетъ, замѣтили, я былъ немножко взволнованъ. Я здѣсь ищу особу, для меня очень дорогую, съ которой былъ долго въ разлукѣ. Знаете, мы народъ военный.... на пушку — ничего, въ свалку — пустякъ, а вотъ какъ дойдетъ до свиданій да хныканья, ну, ужъ тутъ — пасъ. Вы, пожалуйста, не говорите здѣсь, что я приходилъ.... Я пойду еще немножко прогуляюсь, знаете, подкрѣпить силы надо ... Тутъ же, по-сосѣдству, курьезный случай.... вы слышали?

Бородавкинъ. Никакъ нѣтъ съ. Какой случай?...

Ивановъ изъ Луги. Да вотъ не далеко, въ Морской, какой-то пожилой, говорятъ, человѣкъ съ ума сошелъ.... его держали родные сначала дома — да вдругъ, ни съ того, ни съ другаго, началъ драться, мебель ломать, даже знаете, этакъ, кусаться.... Они его и хотѣли отправить въ желтый домъ.... Повезли-было, а онъ на углу Вознесенской выскочилъ изъ кареты, да сюда въ домъ и юркнулъ.... Вотъ теперь вездѣ ищутъ....

Бородавкинъ. Скажите, какой пассажъ.... Сюда въ домъ!

Ивановъ изъ Луги. Узнать-было, чѣмъ дѣло кончилось. Такъ мое почтеніе....

Бородавкинъ. Прощенья просимъ-съ.

(*Ивановъ изъ Луги — уходитъ.*)

Бородавкинъ (*одинъ*). Ивановъ!... Тоже Ивановъ.... ну, коли онъ?... А что ты думаешь — онъ-же говорилъ, что здѣсь есть особа, дорогая сердцу, съ которой онъ былъ въ разлукѣ.... Ужъ не это-ли заправскій мужъ? Стой! Побѣгу за нимъ, будто сумасшедшаго смотрѣть, а пока раскалякаюсь, и подъ рукой, разузнаю обстоятельно.... Нѣтъ, постой, меня не проведешь! (*Хочетъ идти.*)

IX.

МАДАМЪ РАЗМУСЪ и ИВАНОВЪ ИЗЪ РИГИ.

Мадамъ Размусъ. Мусье Бордгавенъ! Я относилъ вещи того господинъ на компатъ Эмиль Богдановна....

Бородавкинъ. Не до васъ, мадамъ! Тутъ дѣло экстерное завязалось. У вашей Эмильи Богдановны отыскался еще мужъ. (*Убѣгаетъ*).

Мадамъ Размусъ. Эстерно дѣло! Еще мужъ.... два мужъ! Шудно шеловѣкъ мусье Бордгавенъ.... а богата, очень богата. (*Видя входящаго Иванова изъ Риги.*) Ещо господинъ.

Ивановъ изъ Риги. Здѣсь комнаты отдаются.... (*Читая на бумажкѣ.*) У мадамъ Размусъ?

Мадамъ Размусъ. Это я самъ. Вы желайтъ одна нумеръ?

Ивановъ изъ Риги. Да. Но прежде скажите, не живетъ-ли у васъ кто-нибудь по фамиліи Иванова?

Мадамъ Размусъ. Ивановъ! Есть, мейнъ геръ. Такой стара человѣкъ.

Ивановъ изъ Риги (*всторону*). Неужли батюшка? Вѣрно онъ! значитъ, онъ получилъ мое письмо и тотчасъ собрался сюда— хорошій знакъ.

Мадамъ Размусъ (*глядя въ корридоръ*). Вотъ самъ мусье Ивановъ сюда ходитъ.

Ивановъ изъ Риги. Идетъ сюда.... Ради Бога! Оставьте насъ на минутку однихъ.... намъ очень нужно переговорить.

Мадамъ Размусъ. Шёнъ! шёнъ! Мой пошла на моя компатъ, когда вамъ нужна, вы кликай, пожалустъ.

—

X.

ИВАНОВЪ ИЗЪ ТОРЖКА, ИВАНОВЪ ИЗЪ РИГИ.

Ивановъ изъ Риги. Не знаю, какъ и подступиться.... Подожду, не узнаетъ-ли онъ меня, не заговоритъ-ли самъ со мною. (*Отходитъ къ сторонѣ*).

Ивановъ изъ Торжка (*не видя другаго Иванова*). Везетъ, рѣшительно везетъ.... даже безъ парика! «Голубчикъ, говоритъ, мой другъ, душа моя.... такой-сякой!» Дѣло чисто десятаго рода.... Только что-то дальше будетъ?... Въ мужья я попалъ, а какимъ манеромъ — и не знаю.... Тамъ за завтракомъ были посторонніе и она мнѣ ничего не объяснила.... Однако, положеніе-то казусное.... выходитъ двоеженецъ.... а какъ явится настоящій мужъ, или моя Рина узнаетъ.... Вѣдь тутъ можетъ такая исторія завязаться, что ой, ой, ой! Скверная штука! А съ другой стороны премиленькій сюжетецъ.... (*Онъ садится.*) Эх-ма! кабы десяточкомъ помоложе....

Ивановъ изъ Риги (*всторону*). Что-то вздыхаетъ! Можетъ обо мнѣ! Боже мой! какъ онъ перемѣнился.... голова лысая, усы сбрилъ.... и совсѣмъ не та поступь, просто, узнать нельзя.

Ивановъ изъ Торжка. А что-жъ другой мужъ! Она сама меня подцапала.... говоритъ, что это ей большое одолженіе, почему-жъ не одолжить.

Ивановъ изъ Риги. Нѣтъ! не могу дальше крѣпиться. (*Кидается передъ нимъ на колѣна*). Батюшка!

Ивановъ изъ Торжка (*вскакивая*). Что-съ?... Вамъ что угодно?

Ивановъ изъ Риги. Какъ! Неужели мое отсутствіе до того измѣнило ваше сердце, что вы совсѣмъ забыли вашего Ваню?

Ивановъ изъ Торжка. Забылъ?—моего Ваню? Ну, это мудрено.

Ивановъ изъ Риги (*съ жаромъ*). О, я узнаю васъ, батюшка! Вы добры, великодушны.... Мнѣ всѣ говорили: поѣзжай къ отцу, старикъ Ивановъ тебя проститъ.... его настроили противъ тебя.

Ивановъ изъ Торжка. Старикъ Ивановъ! (*Всторону.*) Что-жъ это, или въ самомъ дѣлѣ у меня есть такой сынъ? Развѣ у моей новой жены?... да нѣтъ, она слишкомъ молода.

Ивановъ изъ Риги. Когда вы все узнаете, вы вѣрно меня простите. Конечно, я чувствую, я много виноватъ.... и заслуживаю упреки....

Ивановъ изъ Торжка (*всторону*). Малой-то, кажется, шелопай.... дай-ка я ему намылю голову, на всякій случай....

Ивановъ изъ Риги. Откройте жъ мнѣ свои объятія, позвольте прижать васъ къ сердцу....

Ивановъ изъ Торжка (*притворяется сердитымъ и отскакиваетъ*). Стой! молодчикъ! Стой! Больно скоръ. Ты вѣрно думалъ, что я старая тетеря.... слабъ, разнѣжусь.... такъ вотъ и растаю отъ твоихъ словъ.... Нѣтъ, любезный! Знай: здѣсь стоитъ передъ тобою не отецъ, а судья....

Ивановъ изъ Риги (*всторону*). Онъ неумолимъ.

Ивановъ изъ Торжка. Скажи, несчастный! Да ты это какъ?.. да ты что? Не принуждай меня напомнить тебѣ всѣ твои проказы.... Я не въ силахъ этого сдѣлать.... но я знаю все, то есть, все, кромѣ того, чего не знаю.... Ты уѣхалъ изъ дому.... теперь сколько этому лѣтъ?

Ивановъ изъ Риги. Пятнадцать, батюшка.

Ивановъ изъ Торжка. И пятнадцать лѣтъ кряду ты не переставалъ, какъ это.... Ужъ не говорю о другомъ — прочемъ, это дѣло десятаго рода.... но я увѣренъ, что за тобой есть еще такія штуки, которыхъ я и не подозрѣваю....

Ивановъ изъ Риги. Точно, батюшка, не хочу таиться, я долженъ вамъ открыть еще одну тайну.

Ивановъ изъ Торжка. Ну, вотъ оно.... я зналъ напередъ....

Ивановъ изъ Риги. Я давно бы вамъ во всемъ признался, но боялся мачихи, простите меня: я зналъ, что она всегда вамъ на меня наговаривала.

Ивановъ изъ Торжка (*всторону*). Ага! понялъ. Выходитъ моя жена ему мачиха.

Ивановъ изъ Риги. Но какъ только я узналъ, что она умерла, то опять сталъ надѣяться на вашу любовь....

Ивановъ изъ Торжка (*всторону*). Умерла. Конфузія, совершенно конфузія.

Ивановъ изъ Риги. Она лишала васъ покою.... ссорилась съ вами....

Ивановъ изъ Торжка (*забывшись*). Правда, братецъ, правда! и все изъ-за ключей.... а вѣдь какъ въ послѣдній-то разъ перемѣтнулись. Тутъ дѣлать нечего, это общая участь всѣхъ мужей.

Ивановъ изъ Риги (*всторону*). Рѣшительно не понимаю батюшку. (*Вслухъ*). Такъ вы возстаете противъ супружества?

Ивановъ изъ Торжка. Не то, что возстаю.... а только оно того.... лучше подальше....

Ивановъ изъ Риги (*всторону*). Какъ-же я ему признаюсь послѣ этого!

Ивановъ изъ Торжка. Однако, какую ты мнѣ тайну хотѣлъ открыть?

Ивановъ изъ Риги. Вы все узнаете. Но какъ тутъ замѣшана еще одна особа, такъ позвольте васъ сперва съ нею познакомить.

Ивановъ изъ Торжка. Еще особа! (*Всторону.*) Кого это онъ еще сюда притащитъ?

Ивановъ изъ Риги (*всторону*). Пойду, отыщу жену, и оба бросимся къ его ногамъ. (*Вслухъ.*) Но неужли вы меня такъ отпустите? Неужли не прижмете къ груди вашего сына?

Ивановъ изъ Торжка. Слушай — по настоящему ты не стоишь, — но ужъ такъ и быть — буду великодушенъ: приди на грудь мою (*всторону*) и провались ты сквозь землю.

Ивановъ изъ Риги (*бросаясь обнимаетъ его*). О, батюшка! Милый, добрый батюшка!

Ивановъ изъ Торжка (*одинъ*). Вотъ тебѣ и холостая жизнь! молодея жена, взрослый сынъ и еще какая-то особа! Семейка ростетъ не по днямъ, а по часамъ.... этакъ, пожалуй, скоро и въ дѣдушки пожалуютъ!.... Нѣтъ! слуга покорный! Услужить всякому готовъ — но ужъ тутъ дѣло десятаго рода.... Видно здѣсь Ивановы изъ земли лезутъ.... этакъ и своихъ не узнаешь! Съ самаго пріѣзда милая роденька не дала мнѣ ни поѣсть хорошенько, ни всхрапнуть.... даже и комнату свою въ глаза не видалъ.... О Риша! Риша! за твои ключи — того и гляди меня упрячутъ подъ замокъ.... Если явится настоящій отецъ семейства — мнѣ не сдобровать.... Лучше по добру, по здорову.... да вотъ отецъ-старикъ — идти же съ нимъ повидаться.

—

X.

ИВАНОВЪ ИЗЪ ТОРЖКА, ЭМИЛІЯ, МАДАМЪ РАЗМУСЪ.

Эмилія (*съ досадою*). Помилуйте! Кто вамъ велѣлъ!.... хоть бы вы спросили.

Мадамъ Размусъ. Мой думалъ мужъ и жонъ надъ булъ мвѣстѣ.

Ивановъ, Что такое? Ужъ не огорчилъ-ли васъ кто-нибудь, сударыня.

Эмилія (*тихо*). Будьте осторожны.... вы мнѣ говорите — *сударыня.*

Ивановъ. Аха, да.... Что съ тобою, мой дружочикъ, моя лапочка?

Эмилія. Вообрази, мадамъ, перенесла твой чемоданъ въ мою комнату.

Ивановъ. Какъ! Это что значитъ, мадамъ?.... Да что вы это вздумали.... (*Встороиу.*) Вотъ какъ явится настоящій мужъ — просто зарѣзала.

Мадамъ Размусъ. Извинитъ, пожалустъ. Я сейчасъ всѣ вещи мадамъ переноситъ на вашъ компатъ.

Ивановъ. Изъ огня да въ полымя.... вотъ придумала.... пи, пи! не могите!.. (*Встороиу.*) Окрутятъ совершенно, послѣ и концовъ не сыщешь....

Эмилія (*тихо*). Но, послушайте, сударь, придумайте что-нибудь, ~~чтобы намъ выдти изъ этого затруднительнаго положенія.~~

Ивановъ. Придумать.... Да, сейчасъ.... Мадамъ.... Знаете... вы того.... вотъ что.... можно бы.... Отнесите мой чемоданъ въ особенную комнату.... (*Тихо.*) Хоть убейте, ничего больше не умѣю выдумать.

Мадамъ Размусъ. Сейчасъ, мейнъ геръ.

Ивановъ. Нѣтъ! Стойте! я самъ перенесу.... (*Встороиу.*) Это вѣрнѣе.... улизну отъ нее.

Эмилія. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!... Ты устанешь, мой другъ!.... лучше позвать кого нибудь.... Или, постой, я пойду вмѣстѣ съ тобою....

Ивановъ. Со мною! (*Встороиу.*) Вотъ взрѣзалась — не отстаетъ. (*Тихо.*) Пойдемте! Только, какъ хотите, вы мнѣ наконецъ откройте, отчего я это вамъ мужемъ довожусь?.... а то вѣдь я похожъ на шараду въ лицахъ, которую я ни за что не разгадаю.

Эмилія. Вы правы.... я вамъ все открою. (*Уходитъ.*)

Мадамъ Размусъ (*качая головою.*) Гмъ! гмъ! Тутъ nicht richtig!... это не совсѣмъ, какъ слѣдовайтъ.... мужъ, женъ — разна комнатъ, двойна деньга.... курьозъ! Мусье Бордгавенъ правда гаваритъ — у Эмиль Богдановна есть два мужъ.

—

XI.

МАДАМЪ РАЗМУСЪ, ИВАНОВЪ ИЗЪ ЛУГИ.

Ивановъ изъ Луги. Чудеса въ рѣшетѣ намололъ мнѣ этотъ купчикъ краснобай. Просто, толку не найду.... и про сына, и про жену, и про особу, милую сердцу.... ералашъ да и только!.... Нѣтъ, придется самому пораспросить хорошенько.... А, да вотъ какая то старуха. Послушай-ка, матушка....

Мадамъ Размусъ. Что вы желайтъ?

Ивановъ изъ Луги. Не живетъ-ли здѣсь нѣкто Ивановъ?

Мадамъ Размусъ. Та. Она здѣсь. № 5 — съ своя женъ.

Ивановъ изъ Луги. Съ женой! (*Встороиу.*) Какъ онъ женился, безъ моего позволенія! Ахъ, негодный!

Мадамъ Размусъ. Эта мусье.... кажисъ.... очень сердита.

Ивановъ изъ Луги. Скажи ему, что отецъ его пріѣхалъ и хочетъ его видѣть сейчасъ же.... Проворно!

Мадамъ Размусъ. Wаѕ? Вы отца на мусье Ивановъ?

Ивановъ изъ Луги. Что-жъ тутъ глаза пучить? Разумѣется отецъ.

Мадамъ Размусъ. Nicht möglich! Мой думалъ.... (*Встороиу.*) Аберъ я галовъ теряй: одна женъ съ два мужъ, одна мужъ, котора на другой компатъ пашолъ, и одна отца, котора больше молодъ на свой стара сынъ. Эта фамиль можно покажитъ на театръ и деньга бралъ.

Ивановъ изъ Луги. Ну, старый барабанъ! что-жъ стала?... Слышала: позвать ко мнѣ сына — поворачивайся.... (*Встороиу.*) Я такъ золъ, что кажется-бы....

Мадамъ Размусъ. Мой пашолъ, мой пашолъ.... нихтъ такъ кричитъ, мусье.... (*Уходитъ*).

—

XII.

ИВАНОВЪ ИЗЪ ЛУГИ, потомъ ИВАНОВЪ ИЗЪ ТОРЖКА.

Ивановъ изъ Луги. Негодный мальчишка! Субординацію забылъ!... Женился.... и слова не сказалъ.... Оно конечно: въ его года всякая ералашъ въ голову лезетъ.... и я съ молоду былъ тоже непромахъ.... Но все равно!... Спуску не дамъ.... чортъ возьми! Я такъ взбѣшонъ, что глядѣть на него не могу.

Ивановъ изъ Торжка (*вбѣгаетъ, бросается на Иванова изъ*

Луги, и душитъ его въ объятіяхъ). Батюшка! голубчикъ! Добрый милый.... неоцѣненный....

Ивановъ изъ Луги. Прочь отъ меня, преступное дѣтище, я тебя.... (*Взглянувъ на него*). Что это!... Неужто ты?... да нѣтъ, быть не можетъ.... Безъ волосъ, безъ зубовъ....

Ивановъ изъ Торжка (*разсматриваетъ его со всѣхъ сторонъ*). Позвольте! Ай, да родитель! Я думалъ вы въ шутку пишете, что молъ помолодѣлъ, поздоровѣлъ.... а на повѣрку выходитъ.... Да вы помоложе меня, папаша! Ха! ха! ха! И усы какіе....

Ивановъ изъ Луги. Оставьте мои усы.... Глупая шутка!... Какой вы мнѣ сынъ!... Развѣ не видите, тутъ ошибка должна быть. Васъ какъ зовутъ?

Ивановъ изъ Торжка. Ивановъ. Иванъ Иванычъ.

Ивановъ изъ Луги. Ну, такъ и есть: я тоже Ивановъ, Иванъ Иванычъ.

Ивановъ изъ Торжка. Еще Ивановъ!... Да имъ конца нѣтъ. И у моей жены мужъ тоже Иванъ Иванычъ Ивановъ.... А-а а а! Понимаю! Вы вѣрно Ивановъ отецъ.

Ивановъ изъ Луги. Разумѣется отецъ, коли ищу сына....

Ивановъ изъ Торжка. То-есть, отецъ того, другаго Ивана Ивавыча.

Ивановъ изъ Луги. Какого другаго?

Ивановъ изъ Торжка. Теперь ясно, все ясно!... Дѣло вышло десятаго рода.... Жена мнѣ все разсказала.... то есть, жена.... вы не подумайте.... это я такъ говорю, по привычкѣ.

Ивановъ изъ Луги. Чортъ васъ поймета, что вы говорите.

Ивановъ изъ Торжка. Видите.... этотъ купецъ-подлипало.... онъ куры вздумалъ строить.... ну, она, чтобъ какъ-нибудь отъ него отдѣлаться и придумала.... Я, конечно, ни за что бы.... да вѣдь дама, нельзя-же.... Купецъ этотъ коршунъ неистовый.... она, голубушка, испугалась.... я и согласился;—да вотъ съ этой исторіей еще до-сихъ-поръ ни побриться, ни умыться не успѣлъ.... и въ головѣ, знаете, такой кавардакъ....

Ивановъ изъ Луги (*всторону*). Дѣйствительно у него страшный кавардакъ въ головѣ.

Ивановъ изъ Торжка. Ха! ха! ха! А вѣдь умора, какъ подумаешь, что я въ одинъ часъ какой-нибудь.... былъ вашъ сынъ, мужъ вашей жены и отецъ вашихъ дѣтей.... Это хоть въ водевиль!

Ивановъ изъ Луги. Э! да онъ сумасшедшій.

Ивановъ изъ Торжка. А ужъ какъ это все уладилось,

устроилось, разстроилось и развязалось — просто дѣло десятаго роду.

Ивановъ изъ Луги (*всторону*). Ужъ это не тотъ-ли....

Ивановъ изъ Торжка. Но по крайности я не даромъ заварилъ всю кашу.... Хочу помочь расхлебать ее.... Хочу васъ тронуть, прослезить, умилостивить.... Да, великодушный.... Какъ вашъ чинъ?

Ивановъ изъ Луги. Поручикъ въ отставкѣ.

Ивановъ изъ Торжка. Да, великодушный поручикъ въ отставкѣ, да благороднѣйшій Иванъ Иванычъ.... ты смягчишься, ты почувствуешь всю силу любви и раскаянія, ты не отвергнешь просьбъ старика... который тоже имѣетъ дѣтей.... (*Идетъ на него.*)

Ивановъ изъ Луги (*отступая*). Оставьте меня.... не подходите, милостивый государь.... (*Всторону.*) Нѣтъ сомнѣнія, это тотъ безумный.

Ивановъ изъ Торжка. Нѣтъ — ужъ это дѣло десятое — я отъ васъ не отстану, не пущу васъ до-тѣхъ-поръ, пока....

Ивановъ изъ Луги. Да отстанете-ли вы!... Что это! Разбой просто....

Ивановъ изъ Торжка.. Какъ хотите, пусть разбой.... а отъ меня такъ не отдѣлаетесь....

—

XIII.

ТѢЖЕ И БОРОДАВКИНЪ.

Бородавкинъ. Вона! знать до объясненій дошло.... кстати я завернулъ.

Иванъ изъ Торжка. Я васъ за ставлю, прикажу.... (*задѣваетъ и роняетъ стулъ.*).

Ивановъ изъ Луги (*всторону*). Мебель началъ ломать.... пашло, пашло.... Прочь, прочь! Караулъ, караулъ!

Бородавкинъ. Позвольте! За что это ? Не годится такъ конфузить.... стыдно-съ — такъ-ли я говорю ?

Ивановъ изъ Торжка (*оставя Иванова, кидается на Бородавкина*). А! это вы, почтеннѣйшій.... васъ-то намъ и надо.... Пожалуйте-ка, пожалуйте.... (*онъ тянетъ его за руку на авансцену*).

Ивановъ изъ Луги (*тянетъ Бородавкина за другую руку*). Не ходите, молодой человѣкъ.... Остерегитесь.... Вѣдь это, знаете, тотъ сумасшедшій, что вырвался изъ кареты.

Бородавкинъ. Что вы! (*Струся.*) Какъ-же, позвольте, пустите руку....

Ивановъ изъ Луги (*тихо*). Я сейчасъ позову дворниковъ и дамъ знать въ будку.... а вы пока его покараульте.

Бородавкинъ. Не приходится.... постойте, постойте, я пойду съ вами.... (*Ивановъ изъ Торжка заступаетъ ему дорогу.*)

Ивановъ изъ Торжка. Нѣтъ, стой, молодчикъ! Намъ еще потолковать нужно....

Бородавкинъ. Извините, мнѣ недосужно.... (*Всторону.*) Вотъ дуракъ! оставилъ меня одного съ сумасшедшимъ....

Ивановъ изъ Торжка. Вы виноваты во всемъ, что со мною случилось....

Бородавкинъ. Какъ это? Полноте-съ.... Вы сами какъ-нибудь....

Ивановъ изъ Торжка. Я вамъ говорю, что виноваты вы, одни вы.... и прошу не противорѣчить.... Знаю всѣ ваши продѣлки....

Бородавкинъ (*всторону*). Пока онъ станетъ дичь городить.... я пожалуй, смолчу....

Ивановъ изъ Торжка. Но я вамъ прощаю всѣ эти глупости, потому что вы человѣкъ неблаговоспитанной....

Бородавкинъ. Какъ вы изволите?... (*Всторону*).... Я безмозглое животное! Вотъ что значитъ сумасшедшій! Еслибъ не страшно, такъ-бы ему въ лицо и фыркнулъ.

Ивановъ изъ Торжка. А знаете ли вы, что отъ меня зависитъ вывести васъ на свѣжую воду.... Стоитъ слово сказать — такъ попляшетесь.... Теперь настоящій мужъ Эмиліи Богдановны пріѣхалъ, и если онъ узнаетъ всѣ ваши штуки....

Бородавкинъ. Того.... вы подальше.... подальше, говорятъ.... сумасбродъ.

Ивановъ изъ Торжка (*разгорячась идетъ на него*). Что? Что? Сумазбродъ....

Богодавкинъ. Что? Ничего.

Ивановъ изъ Торжка. Ты сказалъ сумазбродъ.... Да знаешь-ли ты, я тебя....

Бородавкинъ. Ахъ, ты Господи! Кабы пришелъ кто.... Онъ меня задушитъ. Я не говорилъ сумазбродъ.... я сказалъ бутербродъ.... я бутерброду требовалъ.... помилуйте! ай, ай, ай!

—

XIV.

ТѢЖЕ, ЭМИЛІЯ, потомъ ИВАНОВЪ изъ РИГИ.

Эмилія (*вбѣгая*). Боже мой! Что здѣсь за крикъ?

Бородавкинъ. Заставьте Бога молить.... спасите меня.... онъ хочетъ меня уничтожить....

Эмилія. Этого быть не можетъ.

Ивановъ изъ Риги (*входя*). Какой шумъ.... (*Увидя Эмилію*). А, да вотъ она.... Эмилія.... жена, другъ мой! а я тебя искалъ.

Эмилія. Ваня, голубчикъ! вотъ сюпризъ! (*Они обнимаются.*)

Бородавкинъ. Еще мужъ! Это ужъ выходитъ № 3.

Ивановъ изъ Риги (*увидавъ Иванова*). Боже мой! батюшка!

Эмилія. Это твой отецъ? (*Оба кидаются къ его ногамъ*).

Бородавкинъ. Отецъ! Что-жъ это? я просто сбился въ происшествіяхъ.

Ивановъ изъ Торжка (*всторону*). Нѣтъ! ужъ отъ семейства Ивановыхъ я видно добромъ не отдѣлаюсь, просто, опутали по ногамъ и по рукамъ.

Ивановъ изъ Риги. Вотъ, батюшка, тайна, которую я хотѣлъ вамъ открыть, — вотъ она сама на лицо.

Ивановъ изъ Торжка. Отстаньте отъ меня съ вашими тайнами.... ужъ онѣ у меня вотъ гдѣ сидятъ (*показываетъ на затылокъ*).

Ивановъ изъ Риги. Но батюшка....

Ивановъ изъ Торжка. Какой я вамъ батюшка! Отвяжитесь, пожалуйста.

Ивановъ изъ Риги. Такъ кто же вы?

Бородавкинъ. Сумасшедшій.... онъ выскочилъ изъ кареты, когда его везли въ желтый домъ.... Вы подальше, онъ того.... (*дѣлаетъ зубами знакъ, что кусается.*)

Ивановъ изъ Риги и Эмилія (*отступая*). Сумасшедшій!

Бородавкинъ. Онъ-же выдаетъ себя за мужа вашей сожительницы!

Ивановъ изъ Риги (*хватая Иванова за воротъ*). Что? Ты осмѣлился....

Ивановъ изъ Торжка. Провалитесь вы всѣ въ тартарары!... Надоѣли, вотъ какъ надоѣли — (*поводитъ по горлу*) пуще петли.... Кончено! Теперь я ничего не разбираю, кто только ко мнѣ подойдетъ, я.... я.... Я вотъ просто за пятерню примусь.

—

XV.

ТѢ ЖЕ, МАДАМЪ РАЗМУСЪ.

Мадамъ Размусъ. Ахъ, какой ужасно случай.... Мой квартиръ кругомъ люди, солдатъ.... Здѣсь кошель взялъ одна.... какъ это называйсъ.... сумашедша.

Бородавкинъ. Я вамъ докладывалъ.... Вотъ онъ.

Мадамъ Размусъ. А!... я это тоже думалъ....

Ивановъ изъ Торжка. Что-жъ это, я въ самомъ дѣлѣ не свихнулъ-ли съ ума?...

Мадамъ Размусъ. Это нишево.... они его на цѣпочка.... У нихъ есть большой такой веровка. Вотъ пришолъ.

Ивановъ изъ Торжка. Меня что схватить! Коллежскаго-то Ассессора! Ахъ, провалъ ихъ побери!... Я ужъ не ошибся-ли адресомъ, вмѣсто гостинницы, не попалъ-ли въ домъ безумныхъ?... Вонъ! Поскорѣй, во что-бы ни стало; тутъ дѣло десятаго рода.... Да куда?... У дверей народъ.... А, окошко.... (*Бѣжитъ къ окошку*). Третій этажъ.... высоко....

Эмилія. Боже! что онъ хочетъ дѣлать!

Ивановъ изъ Торжка. Риша! жена, дѣти, простите! не поминайте лихомъ. (*Онъ выпрыгиваетъ.*)

Эмилія (*въ ужасѣ*). Ахъ!

Мадамъ Размусъ. Нишаво! мадамъ! нишаво! Тутъ деревянна на галлери; можно пригалъ.

—

XVI.

ТѢЖЕ, ИВАНОВЪ ИЗЪ ЛУГИ, БЛЮСТИТЕЛЬ ПОРЯДКА И ДВОРНИКИ.

Ивановъ изъ Луги. Ступайте впередъ.... Онъ здѣсь.... и въ страшномъ припадкѣ.... хватайте смѣлѣе, разомъ.... (*оглядываясь*) Да, гдѣ-же онъ?

Бородавкинъ. Въ окошко махнулъ-съ — такой право стракулистникъ!

Ивановъ изъ Луги. Такъ бѣгите туда.... надо непремѣнно поймать его, а то онъ, того гляди, еще перепятнаетъ кого нибудь.

Мадамъ Размусъ. Вотъ здѣсь ходитъ, вотъ здѣсь.... (*Она уводитъ толпу въ боковую дверь.*) На галлери.

Ивановъ изъ Луги (*увидавъ Бородавкина*). А, любезнѣйшій, что это ты мнѣ давича за галиматью нагородилъ про мою жену.... когда у меня жены нѣтъ, да про особу сердца какую-то....

Бородавкинъ. Какъ-съ? вы не изволите развѣ состоять въ законномъ супружествѣ.... Значитъ онѣ вотъ — вамъ не сродни приходятся?

Ивановъ изъ Луги. Я ихъ не имѣю чести знать.

Бородавкинъ. Да вы-же сами говорили, что ищите особу....

Ивановъ изъ Луги. Я искалъ сына.

Бородавкинъ. Сынка съ.... Женатаго вѣрно?

Ивановъ изъ Луги. Да, повѣсу, негодяя, который, не сказавшись мнѣ въ Лугѣ, взялъ да и женился въ Ригѣ.

Ивановъ изъ Риги. Что я слышу?... Батюшка! Вы ли это?

Ивановъ изъ Луги. А вы кто?

Ивановъ изъ Риги. Вашъ виновный сынъ — Ваня.... а это моя невинная жена.

Ивановъ изъ Луги (*про себя*). Вотъ и озадачили.... срѣзали совершенно: сердиться и не могу!... Опять заговорило.... Ваня, да какой ты сталъ хватъ, право.... Поди сюда, негодный.... Я хочу тебя порядкомъ.... прижать къ сердцу. (*Они обнимаются.*) Ну, невѣстушка.. Ужъ и тебя позволь (*расправляя усы*).... Небойсь, не уколятъ.... (*цѣлуетъ ее*) вотъ такъ-то.... (*поглядывая ей въ лицо*). Ты мерзавецъ, Ванька, тебя бы слѣдовало... да со вкусомъ, разбойникъ — такъ ужъ на тебѣ мое прощеніе — но только подъ арестъ, ко мнѣ въ деревню, обоихъ — на цѣлый мѣсяцъ.

—

XVII.

ТѢ ЖЕ. ИВАНОВЪ изъ Торжка, его ведутъ дворники.

Ивановъ изъ Торжка (*порываясь отъ нихъ*). Варвары! пустите! Разбойники, убійцы!... Зарѣжте меня, убейте, лишите жизни, только оставьте въ покоѣ.

Ивановъ изъ Луги. Какой у него свирѣпый видъ.... Вотъ то-то не бѣгать бы изъ кареты....

Ивановъ изъ Торжка. Сами вы изъ кареты.... Я не знаю, какой дуралей сочинилъ здѣсь, что я сумасшедшій... Я только что пріѣхалъ изъ Торжка, не успѣлъ еще побриться, умыться....

Ивановъ изъ Луги. Да, сумасшедшіе всегда такъ говорятъ, что пріѣхалъ, молъ, оттуда-то; а спроси доказательствъ и выдетъ — изъ желтаго дома. (*Слышенъ шумъ*).

—

XVIII.

МАДАМЪ РАЗМУСЪ, ИРИНА СЕМЕНОВНА, ЛЮБА, РОЖКОВЪ (Всѣ нагружены картонками, узлами. Рожковъ несетъ погребецъ, на которомъ стоитъ самоварчикъ. У Ирины Семеновны подъ одной мышкой узелъ, подъ другой пара подушекъ).

Ирина Семеновна. Гдѣ-жъ онъ, матушка мадамъ, гдѣ?

Ивановъ изъ Торжка. Что я слышу.... голосъ Риши.... Вотъ вамъ и доказательство на лицо.... это моя жена изъ Торжка. (*Вырывается*).

Ирина Семеновна (*увидя такъ много народу и сконфузясь*). Извините, что я въ неглижеѣ. Я къ мужу; онъ, представьте, меня старуху и съ малолѣтными дѣтьми....

Ивановъ изъ Торжка. Тсъ! Риша, тсъ! — Да-съ, я ее старушку, мою добрую, милую, вотъ и съ малолѣтными дѣтьми — выписалъ въ Петербургъ, повеселить, всѣ диковинки показать.... Мы съ ней, знаете, 25 лѣтъ прожили.... въ полномъ блаженствѣ; то есть, ни разу небыло этакихъ, какъ вамъ сказать.... то-есть, дѣлъ десятаго рода.... Правда, Риша?

Ирина Семеновна. Да.... но только....

Ивановъ изъ Торжка. Обними же меня, Ирина Семеновна, покрѣпче.... Я вѣдь здѣсь безъ тебя встосковался, чуть съ ума не сошелъ.... Ей Богу!

Ирина Семеновна. Ахъ, ты мой Ваничка, душка, а я то было съ дуру напроказила.

Рожковъ. А холостую жизнь вспомнилъ, Иванъ Иванычъ?

Ивановъ изъ Торжка (*утирая потъ*). Сокомъ вышла.... пропадай она! Хотѣлъ попрыгать, чуть ноги не сломалъ.... хотѣлъ полюбезничать чуть, въ сумасшедшихъ домъ не упрятали....

Ивановъ изъ Риги. Въ этомъ мы должны просить у васъ прощенія.

Эмилія. Я была всему причиною....

Ивановъ изъ Луги. Ну, да кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ. Мы поправимъ ошибку.... Поѣзжайте-ка съ нами въ Лугу, въ нѣдра нашего семейства, погостить.....

Ивановъ изъ Торжка. Нѣтъ, слуга покорный!... Въ нѣдра семейства Ивановыхъ, Ивановъ Иванычей.... калачемъ не заманите! А ужъ лучше прихватите вотъ молодца-то московскаго.... онъ такой, знаете, ферлакурщикъ.... такой мастеръ на дѣла десятаго рода.

Бородавкинъ. Много благодарны! По столичнымъ оборотамъ намъ въ деревню не приходится.... А вотъ, коли вы рѣдкости по-

казывать хотите почтенному семейству, такъ я къ вашимъ услугамъ.

Ивановъ изъ Торжка. Нѣтъ, ужъ уволь, любезный.

Ивановъ изъ Луги. Ну, дѣти.... Маршъ! Пора и на лѣтнія квартиры.... Прощайте! Очень радъ, что познакомился.

Ивановъ изъ Торжка. Мое почтеніе....

Ивановъ изъ Риги. Вы вѣрно не сердитесь и простите намъ, какъ другъ.

Ивановъ изъ Торжка. Прощаюсь.

Эмилія. А я васъ никогда не забуду....

Ивановъ изъ Торжка. И я васъ такъ-же, и я такъ-же.... (*Ивановы и Эмилія уходятъ.*)

Ирина Семеновна. Это что у тебя за шуры-муры съ смазливенькой то?

Ивановъ изъ Торжка. Ничего.... это такъ.... я отыскалъ ей ключъ семейнаго блаженства, она тоже было растерялась.

Ирина Семеновна. Вотъ! а ты все на меня одну кричишь.

Ивановъ изъ Торжка. Не буду, матушка! Всѣ замки велю выломать, чтобъ у насъ ключей вовсе и не водилось. Я узналъ по опыту, что лучше растерять всѣ ключи, чѣмъ отыскать новое семейство.

Рожковъ. Вотъ мы теперь насладимся питерскими удовольствіями....

Люба. Ахъ, какъ я рада, какъ я рада!

Ивановъ. Погоди радоваться.... Отдохнемъ, дѣда навѣстимъ, да и домой....

Ирина Семеновна. Какъ, ты опять назадъ, такъ скоро?...

Ивановъ. Какъ можно скорѣе! съ экстра-почтой! а нѣтъ почты, съ дилижансомъ, дилижанса нѣтъ — на почтовыхъ; нѣтъ почтовыхъ — на перекладныхъ; а ихъ нѣтъ — такъ пѣшкомъ.

Рожковъ. Какъ, развѣ тебѣ не нравится Петербургъ?

Ивановъ. Хорошъ твой Петербургъ, да только.... здѣсь....

Рожковъ. Что здѣсь?

Ивановъ. Всякій шутъ Иванъ Иванычъ!

Мадамъ Размусъ (*входя*). Мадамъ.... ваша компатъ готовъ.

Ирина Семеновна. Хорошо, матушка, мы сейчасъ.

Мадамъ Размусъ. А вашъ фамиль — надо на полицей записалъ.

Ивановъ. Эта моя жена, мадамъ, такъ и запишите.

Мадамъ Размусъ. Вашъ жонъ! — Aber, mein Gott! какъ много

жонъ у эта каспадинъ! Wahrhaftig это турецка паша. А ваша шемоданъ!

Ивановъ. На этотъ разъ, къ ней въ нумеръ.

(*Къ публикѣ.*)

Мы съ женой на старость лѣтъ,
Накутили, было, бѣдъ,
Но, по счастію, оно
Все окончилось смѣшно.
А вѣдь мало-ль есть семей,
Гдѣ отъ женъ, иль отъ мужей,
Какъ нарвется кавардакъ —
То *расходятся* не такъ!
Мы-же съ Ришею вдвоемъ
Залихватски зажцвемъ.
Отправляяся въ Торжокъ,
Можетъ быть, на долгій срокъ —
Намъ осталось попросить
За грѣшки насъ не судить,
И за слабости простить.

=

Ленинградская Театральная
БИБЛИОТЕКА
имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО